

Дипак Чопра

Почему Вселенная не может существовать без Бога?

«Чопра, Дипак. Почему Вселенная не может существовать без Бога? Мой ответ воинствующему атеизму, лженауке и заблуждениям Ричарда Докинза»: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-089358-4

Аннотация

Существует ли Бог? Согласны ли вы с Ричардом Докинзом, который считает, что Бог – это просто иллюзия? И возможно, пора уже забыть о Боге? Ведь понятие Бога противоречит здравому смыслу, открытиям современной науки в области биологии, эволюции, физике, астрономии...

Нет! Именно сегодня на фоне достижений науки, когда человечество получает все больше знаний о микромире, исследует дальний космос, проводит операции на генах, понятия «вера», «Бог» актуальны как никогда. Мир намного сложнее, чем на стерильной картинке Докинза. И в этом мире есть место Богу!

Давайте узнаем, почему это именно так.

Дипак Чопра, дипломированный врач, философ, всемирно известный писатель, всесторонне исследует идею, феномен и саму суть понятия Бога, не навязывая при этом собственного мнения, но оставляя простор для размышлений и раздумий.

Философские положения обильно проиллюстрированы чудесными и необычными случаями из жизни незаурядных людей, таких как Мать Тереза, Патер Пио, Альберт Эйнштейн, великомученик Максимилиан Кольбе и др. В книге столько же религии, сколько и науки, поэтому ее с полным правом можно назвать научным исследованием теории существования Бога.

Дипак Чопра

**Почему Вселенная не может существовать без Бога? Мой
ответ воинствующему атеизму, лженауке и заблуждениям
Ричарда Докинза**

Отзывы о книге Дипака Чопры

Как ядерный физик, занимающийся теорией квантового поля, я не могу не признать, что мои взгляды на мир полностью совпадают со взглядами Дипака Чопры. Всеобъемлющее единое квантовое поле – это шаг вперед по сравнению с классической редукционистской интерпретацией детерминированной «реальности». Оно предлагает нам динамичный, живой космос, или «Wirklichkeit». Книга Дипака Чопры будет у всех на устах еще очень и очень долгое время.

Ганс Петер Дуэрт, научный сотрудник Института физики и астрофизики имени Макса Планка

Эта книга – яркий образчик потребности современного человечества в реальности, творимой сознанием. Она разделяет выводы квантовой физики, доказавшей важность ума, и дает достойный отпор воинствующим атеистам, чья наука базируется на обветшалых взглядах, которые, как известно, неверны и устарели почти век назад.

Менас Кафатос, профессор вычислительной физики в Чапманском университете, соавтор книги «Нелокальная Вселенная: новая физика и материя сознания»

Превосходное и мастерски представленное доказательство того, почему великую мистерию жизни на Земле нельзя объяснить одними лишь случайностями. Эту чудесную, всем доступную книгу обязательно должны прочитать все, кто, подобно Эйнштейну и другим пионерам в области новой физики, испытывает чувство крайнего смирения, созерцая величие космоса.

Мурали Дорайсвами, профессор психиатрии, сотрудник Дьюкского института мозга

В эпоху, когда революция, происходящая в области физической науки, полностью меняет наше понимание человеческого сознания, данная книга – та самая, которая должна быть написана и которую никто, кроме Дипака Чопры, не написал бы лучше. В своих блестящих анализах Чопра показывает, как Бог эволюционирует вместе с сознанием и как рьяные защитники и религии, и атеизма по-прежнему чтят все того же устаревшего Бога. Это книга – сокровищница глубоких откровений, которые не только трогают ваше сердце, но и ведут вас к пониманию того, что Бог – Бог, с которого сорваны покровы иллюзий, – необходимое условие вашего физического благоденствия.

Лотар Шефер, заслуженный профессор физической химии (в отставке) университета Арканзаса, автор книги «Бесконечный потенциал»

Книга, без которой не обойтись! Чопра убедительно демонстрирует ограничения, тщеславие и интеллектуальную слепоту «новых атеистов». Он признает, что неверие тоже играет свою роль в современном мире, но при этом показывает, как подняться над узким догматизмом атеистов и достичь более богатого опыта понимания реальности.

Руперт Шелдрейк, доктор философии, автор книги «Наука – освободительница»

Умелый и быстрый укол в ответ на торжествующий воинствующий атеизм, который без стеснения похвастается своими воображаемыми победами над традиционной религией. Доктор Чопра показывает, что это давно всем наскучившее движение, основанное на скверной философии, скверной науке и скверной психологии, увязло в полном хаосе и неразберихе относительно того, что такое подлинная духовность. Он показывает, что воинствующий атеизм одним мановением руки ловко подменяет одну слепую веру другой, по ходу дела одурачивая и себя. Доктор Чопра описывает путь приближения к Богу, совпадающий с современным научным мировоззрением, и одновременно воздает должное

внутренней связи человека с Богом.

Лари Досси, доктор медицинских наук, автор книги «Один ум: почему наш индивидуальный ум – часть великого сознания и почему это важно»

Вечная борьба, которую ведут между собой два мировоззрения, одно религиозное, другое научное, приводит в немалое смущение умы людей Запада. В этой книге визионер Дипак Чопра берет на себя роль «поводыря в путаном лабиринте» и справляется с ней блестяще, так, как может только он. Эта книга важна по двум причинам. Первая – и это настоящее чудо – та, что Дипак проделал удивительную работу по разоблачению так называемых «обличителей», то есть людей типа Ричарда Докинза, который, как это очевидно, не в состоянии даже отличить публичный аспект религии от эзотерического. Последний касается непосредственно духовности, которая получила новую мощную поддержку со стороны квантовой физики и других эпохальных открытий в области науки. Вторая причина, делающая эту книгу столь важной, – та, что она действительно служит надежным гидом в лабиринте бесконечных «как» и «почему» и четко отвечает на вопрос, как и почему следует искать Бога даже в наше бестолковое время.

Амит Госвами, квантовый физик, автор книг «Вселенная, сознающая саму себя», «Квантовый доктор» и «Как квантовая активность может спасти цивилизацию»

Дипак Чопра удачно совместил древнюю философию Веданты со своим уникальным видением перспектив современной науки и предложил широкому кругу читателей ряд решений, которые в состоянии удовлетворить многочисленные потребности нынешней эпохи. Он принадлежит к числу наиболее влиятельных ученых, писателей и мыслителей, отыскивающих истину в философии веков и показывающих людям путь, как применять эту истину в повседневной жизни.

Хьюстон Смит, автор книги «Почему так важна религия: судьба человеческого духа в эпоху безверия»

В своей книге Дипак виртуозно анатомирует постулат воинствующих атеистов о том, что в жизни нет ни смысла, ни цели, а потому в случайно возникшей Вселенной отсутствует необходимость в вере. Он умело ведет полемику, противопоставляя веру безверью, и приводит разумные доводы в пользу того, почему должно и нужно перерасти все эти упрощенные догмы, вокруг которых до сих пор ведутся давно уже бесполезные и никому не нужные споры.

Дин Редин, доктор философии, автор книг «Сознательная Вселенная» и «Паранормальное»

Самые эпохальные, преобразующие открытия начинаются с заблуждения, стимулируются озарением, движутся верой, опробуются наукой и кульминируют в истине. Дипак Чопра прекрасно делает свое дело, доказывая, что Вселенная, лишенная Бога и сознания, – величайшая иллюзия в мире.

Руди Танзи, соавтор бестселлера «Сверхмозг»

Материализм Докинза, – объясняет Чопра, – это чистая иллюзия, а не Бог. Восточные спиритуалисты, западные конструктивисты и квантовые физики согласны между собой: именно сознание оформляет, если не творит, мир. Материализм – это мираж более глубокой квантовой реальности, то, что проступает на поверхности в виде живых систем, направляющего сознания и эволюции. Короче говоря, слеп не «часовщик» – слеп Докинз.

Стюарт Хамерофф, доктор медицинских наук, профессор анестезиологии и психологии, директор Центра по изучению сознания в университете Аризоны

Пролог

Вера претерпевает трудные времена. На протяжении нескольких тысячелетий религия внушала нам веру в любящего, всеведущего и всемогущего Бога, обладающего всеобъемлющей властью. В результате история пошла длинным и подчас весьма извилистым путем. Бывали моменты великой радости, чередовавшиеся с моментами невыразимого ужаса, и все это – во имя религии. Но сегодня, по крайней мере на Западе, религиозная эпоха стремительно движется к концу. Религия для большинства людей – это нечто само собой разумеющееся. Исчезла живая связь с Богом. А неверие тем временем растет и ширится. Да и как может быть иначе?

Как только намечается непреодолимая пропасть между нами и Богом, тут же всплывает на поверхность глубочайшее разочарование. Мы прошли через очень большое количество катастроф, чтобы верить в милостивого, любящего Бога. Кто, вспоминая Холокост или 11 сентября 2001 года, поверит, что Бог – это любовь? Стоит вспомнить об одной беде, как тут же приходят на память сотни других. Если вы попытаетесь прозондировать религиозную почву и узнать, что на деле происходит, когда люди думают о Боге, то окажется, что эта почва оскудела неимоверно. Людьюми владеет свербящее чувство сомнения и неуверенности.

Долгое время бремя веры нес на себе несовершенный верующий. Если Бог не вмешивается, не облегчает страдания и не наводит мир и порядок, значит, в этом виноваты мы. В этой книге я заново пересматриваю многие вещи и возлагаю бремя опять на Бога. Пора начать задавать резкие и прямые вопросы: «Почему Бог допускает столько страданий в мире? Игра ли все это, или то, что любящий Бог существует, всего лишь пустое обещание?»

Эти вопросы настолько неудобны и обременительны, что мы стараемся их не задавать, а для миллионов людей они и вовсе несущественны. Нас больше привлекает новая технология, обещающая значительно улучшить нашу жизнь. А Бог, особенно в XXI веке, – это нечто, давно вышедшее из моды.

Насколько я понимаю, настоящий кризис веры никак не связан с падением посещаемости церкви, тенденцией, которая наметилась в Западной Европе и Соединенных Штатах в 1950-е годы и продолжается сегодня. Нет, настоящий кризис веры связан именно с невозможностью отыскать такого Бога, который бы хоть чего-то стоил и которому можно было бы доверять. Вера сегодня напоминает развилку на дороге, к которой все мы подошли и у которой стоим. Одна дорога ведет в реальность, которую творит живой Бог, а другая – в реальность, где Бог не просто отсутствует, но является фикцией. Именно во имя этой фикции люди сражались и умирали, пытали язычников, устраивали кровавые крестовые походы и творили всякий прочий немислимый ужас.

В Новом Завете нет более циничной и раздирающей сердце сцены, чем сцена распятия Христа, когда проходящие, понукаемые первосвященниками Иерусалима, злословят и осыпают насмешками Сына Божьего, медленно и мучительно умирающего на кресте:

«Других спасал, – говорили они, – а Себя Самого не может спасти! если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него. Уповал на Бога, пусть теперь (Бог) избавит Его, если Он угоден Ему» (*Матф. 27:42–43*).

Сарказм этих слов со временем не стал меньше, но здесь есть некий неявный смысл, о котором стоит поговорить подробнее. Иисус учил людей доверять Богу целиком и полностью: мол, вера горы движет. Он учил, что не нужно заботиться о дне сегодняшнем, ибо он сам о себе позаботится, имея в виду, что Провидение даст все необходимое. Если не брать в расчет мистический смысл Распятия, то спрашивается: должна ли быть у вас и у меня такая вера?

Если бы люди только знали, что они подходят к развилке и стоят у нее много раз на дню! Я пишу это не как христианин – я вообще не придерживаюсь в личной жизни никакой организованной религии, – а лишь выражаю собственное мнение; но я хочу сказать, что Иисус не имел в виду, что Провидение снабдит вас деньгами, пищей, кровом и многими другими благами, если только вы будете достаточно долго ждать. Он имел в виду пищу на утро и кров на ночь. «Просите, и дано вам будет; стучите, и да откроют вам» – эти слова

говорят о выборе, который мы делаем в настоящий момент. И это резко повышает ставки, ибо если Бог разочарован все то время, когда Он не может до нас достучаться, то мы разочарованы все то время, когда идем дорогой неверия, то есть буквально каждый день и каждый час.

Зерно неверия посеяно во всех нас. Именно оно тайно внушает нам множество причин, почему следует отменить веру. Как человек, не чуждый сострадания, я надеюсь, что, если бы мне довелось увидеть зрелище распятия, я бы почувствовал жалость. Но в личной жизни я хожу на работу, откладываю деньги на черный день и, оказавшись ночью на незнакомой улице, иду, оглядываясь через плечо. То есть веры в себя во мне гораздо больше, чем веры во внешнего Бога. Я называю это нулевой точкой, надиром веры. В нулевой точке Бог и в самом деле ничего не значит; ничего не значит Он и в суетных делах жизни. Если смотреть из нулевой точки, то окажется, что Бог или бессмыслен, или немошен. Возможно, Он взирает на наши страдания, и они его трогают, или, что вероятнее всего, Он просто пожимает плечами и отворачивается.

Для того чтобы у Бога было будущее, мы должны выбраться из этой нулевой точки и найти новый способ жить духовной жизнью. Нам не нужны новые религии, новые писания или более вдохновляющее свидетельство величия Бога. Те, что у нас есть, вполне хороши (и вполне плохи). Бог, достойный веры, должен быть деятельным Богом, но стать таковым, на мой взгляд, Он сможет только тогда, когда начнет действовать, а не расстраиваться.

Подобные радикальные перемены влекут за собой и нечто столь же радикальное – полный пересмотр реальности. Чего люди никак не могут понять, так это того, что когда вы сомневаетесь в Боге, вы сомневаетесь в самой реальности. Если бы реальность представляла собой то, что лежит на поверхности, то не было бы и веры, ибо во что тогда верить? Мы можем быть привязаны к 24-часовому недельному циклу новостей и делать все от нас зависящее, чтобы с этим справиться. Но если реальность – это нечто, что объемлет высшие измерения, то ситуация меняется. Нельзя перестроить Бога, который никогда не существовал, но можно восстановить разорванную связь.

Я решил написать книгу о том, как восстановить связь с Богом, так чтобы Он стал столь же реален, как буханка хлеба, и столь же надежен, как восход солнца, – или можете выбрать что-то другое, во что вы действительно верите и реальность чего не подвергаете сомнению. Если Бог существует, нет причин разочаровываться ни в Нем, ни в самих себе. Да и скачка от неверия к вере тоже не требуется. Тем не менее, нужно сделать что-то глубокое, нужно осуществить пересмотр того, что возможно. Это подразумевает внутреннюю трансформацию. Если кто-то говорит вам: «Царство Небесное внутри вас», – не нужно думать с острым чувством вины: *«Ну уж нет, во мне его точно нет»*. Нужно спросить, что нужно сделать или принять для того, чтобы это утверждение оказалось верным. Духовный путь начинается с простого любопытства: неужели что-то такое немыслимое, как Бог, что-то, во что трудно поверить, действительно существует?

Миллионы людей уже слышаны об «иллюзии Бога» – тезисе, придуманном сворой воинствующих атеистов, открыто признающих себя врагами религии. Это взбудоражившее всю общественность движение, возникшее вокруг идей Докинза, облекает свои нападки в понятия науки и разума. Даже если люди не применяют к самим себе термин *атеист*, многие из них живут так, как будто Бог и в самом деле ничего не значит, и это влияет на их выбор, который они делают в повседневной жизни. Там, где это происходит, неверие празднует полную победу.

Веру, чтобы не допустить ее вырождения, можно спасти и восстановить только более глубоким исследованием тайны бытия.

Я не хочу клеймить атеизм, особенно если он лишен воинственности, или говорить о нем что-то грубое или резкое. В свое время Томас Джефферсон написал: «Я не нахожу в христианстве ни одного спасительного свойства», но он же при этом всячески содействовал тому, чтобы общество было построено на основах терпимости. Докинз и компания нетерпимы к религии и гордятся этим. Атеизм может быть забавен сам по себе, как может

быть забавным и христианство, о котором Бернард Шоу остроумно выразился: «Христианство могло бы быть хорошей вещью, если бы кто-то когда-нибудь его на себя примерил». Каждая мысль имеет свою противоположность, и когда дело касается Бога, неверие предстает как вполне закономерная противоположность веры.

Неправильно считать однако что атеизм всегда и во всем противоположен Богу. Согласно данным опроса, проведенного Исследовательским центром Пью в 2008 году, 21 % американцев, называющих себя атеистами, верят в Бога или во Всемирный Дух, 12 % верят в рай, а 10 % молятся хотя бы раз в неделю. Так что атеисты не утратили полностью веры, ибо сама вера превыше критики: ее-то критиковать, собственно говоря, не за что. Но Докинз, с улыбкой и тоном уверения, открыто исповедует духовный нигилизм. И я понимаю, что мне волей-неволей приходится выступать против этого, хотя, уверяю вас, никакой личной неприязни я к нему не питаю.

Веру необходимо спасти ради самих людей. На почве веры возрастает страсть к вечному, и эта страсть сильнее любви. Многие из нас или утратили эту страсть, или никогда ее не испытывали. Приводя доводы в пользу Бога, я так хочу вложить в них те экспрессию и настойчивость, что звучат вот в этих поэтических строках индийской принцессы Мирабаи, которая прославилась во всем мире как поэт-мистик:

*Любовь, что связывает меня с Тобой, о Господи,
неразрывна,
Как алмаз, при ударе о который
плющится молот;
Как лотос, поднимающийся из воды,
жизнь моя поднимается из Тебя;
Как ночная птица, замороженная
плывущей в небе луной,
И я заморожена, пребывая в Тебе.
О мой возлюбленный, вернись!*

В любую эпоху вера – это крик сердца. Если вы твердо убеждены, что Бога не существует, нет ни малейшего шанса на то, что эти страницы убедят вас в обратном. Тропа однако открыта всегда, и открыта для всех. Если веру можно спасти, результатом будет крепнущая надежда. Сама по себе вера не предлагает Бога, но она дает нечто более своевременное: она делает возможным существование Бога.

Почему у Бога есть будущее

Когда заходит речь о Боге, почти все мы, и верующие и неверующие, страдаем некоей близорукостью. Мы видим – а стало быть, и верим – только то, что находится прямо перед нами. Для верующего Бог – Отец, он видит в Нем благосклонного родителя, который с высоты Своего положения судит наши поступки, даруя милосердие и справедливость. Другие же считают, что Бог далеко, что Он имперсонален и безучастен. И все же Он может оказаться гораздо ближе и зримей, чем мы думаем, ближе, чем даже дыхание.

В каждый данный момент в мире находится кто-то, кто, к своему изумлению, открывает, что опыт ощущения и познания Бога вполне реален. В нем вдруг пробуждается уверенность и ожидание чуда. Я храню на всякий случай под рукой отрывок из книги Торо «Уолден», где он говорит об одном «работнике с фермы, живущем в одиночестве на краю мира в полном согласии с Богом и природой и словно заново родившемся». Как и мы, Торо удивляется тому, что чье-то свидетельство о возможности получения «неповторимого религиозного опыта» оказывается действенным. В поисках ответа он обращается к истории и прозревает сквозь века:

” Зороастр тысячи лет назад странствовал по этой же дороге и имел тот же опыт; и, будучи мудрым, он познал, что этот опыт универсален.

Если вы вдруг окажетесь вместилищем некоего опыта или откровения, не поддающегося объяснению, говорит Торо, будьте уверены, что вы не одиноки. Ваше пробуждение вплетено в канву великой традиции.

” В смирении соединившись с Зороастром и, посредством освобождающего влияния добродетелей, с Самим Христом, остается ли нам что-то другое, как предоставить «нашу церковь» самой себе?

Говоря современным языком, Торо советует нам довериться глубоко заложенной внутри нас вере в то, что опыт духовных откровений вполне реален. Скептики, разумеется, распорядятся этим советом по-своему и поставят все с ног на голову. Сам факт того, что люди на протяжении веков неоднократно постигали Бога, скажут они, лишь свидетельствует о том, что религия – пережиток примитивного прошлого, психический реликт, который наш мозг должен отторгнуть, и мы должны всячески упражнять его в этом. Для скептиков Бог остался в прошлом – вместе со жрецами и священниками, которые обладали силой навязывать свою веру и пресекали всяческие поползновения в сторону у своих последователей. Но все попытки прояснить дело – то есть сказать раз и навсегда, что Бог абсолютно реален или, напротив, абсолютно нереален, – продолжают терпеть неудачу. Неразбериха продолжается, и все мы тоже теряемся в сомнениях и догадках.

Где вы сейчас?

Давайте же от абстрактного перейдем к личному. Когда вы всматриваетесь в себя и спрашиваете, какую позицию вы занимаете по отношению к Богу, то почти наверняка оказываетесь в одной из следующих ситуаций.

Неверие. Вы не приемлете того факта, что Бог реален, и выражаете свою веру в жизни, живя так, как будто Бог ничего для вас не значит.

Вера. Вы надеетесь, что Бог реален, и выражаете свою надежду в виде веры.

Знание. Вы не сомневаетесь в том, что Бог реален, и потому живете так, будто Бог всегда рядом.

Когда индивидуум становится духовно ищущим человеком, им движет желание сменить неверие на знание. С этого времени путь для него ясен.

Когда утром вы встаете с постели, что духовного вы должны сделать? Должны ли вы, например, стараться жить настоящим моментом, что считается очень духовным? Что ж, спокойствие пребывает и в настоящем моменте, если уж оно пребывает повсюду. И все же Иисус подчеркивает, насколько радикально такое решение: «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться... Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (*Матф. 6:25, 33–34*).

По версии Иисуса, жизнь в настоящем подразумевает полное доверие Богу и веру в то, что Он даст вам всё. Его собственное доверие Богу безгранично. Что ни пожелает Иисус, Ему дается. Но как быть с бедными иудейскими тружениками, которые внимали Его речам, которые боролись с трудностями жизни, чтобы заработать себе на хлеб насущный, которые безрадостно жили под пятой римских завоевателей? Они могли лишь надеяться на то, что Провидение позаботится о них, и у них, вероятно, было достаточно веры, чтобы жить с этим. И все же отдаться вере безраздельно, целиком и полностью, без борьбы невозможно. Только Иисус был способен на это, ибо пребывал в том состоянии сознания, которое было нерасторжимо связано с Провидением; ибо Он видел Бога повсюду.

Во всех нас есть семена неверия, ибо мы родились в просвещенном веке, которому свойственно сомневаться по поводу всего мистического. Лучше сомневаться, но быть свободным, чем быть повязанным мифами, суеверием и догмами. Когда вы касаетесь живущего внутри вас скептика, неверие предстает как вполне разумное состояние. Но для большинства людей это также и состояние несчастья. Они чувствуют себя не в своей тарелке в этом светском мире, где почитают не Бога, а что ни попадя: то героев спорта, то комиксы, то идеальное тело. Наука тоже не дает нам уверенности в том, что жизнь имеет смысл, ибо описывает Вселенную как холодный космос, где всем заправляет случай.

Отсюда – настоятельность веры. Мы хотим, чтобы Вселенная стала нашим домом. Мы хотим чувствовать свою связь с творением. И более того, мы не хотим свободы, если она означает постоянную докучливую тревогу и неуверенность, такой свободы, которая во имя смысла жизни сорвала бы нас с якоря и насиженных мест. Поэтому, как бы мы это ни называли – приверженностью вере или привязанностью к традициям праотцев, – религиозная вера существует повсюду. Для миллионов людей нет другой, более приемлемой альтернативы.

Ну, а как насчет третьей стадии – определенного знания о Боге, очень редкого и очень непостоянного? Чтобы быть уверенным в существовании Бога, человеку нужно пройти через некий очень сильный трансформирующий опыт или чудесным образом вновь вернуть себе невинную душу ребенка. Но в жизни большинства людей эти факторы не бывают решающими. Людей, испытавших околосмертные переживания, не так уж много, – не говоря уже о том, что и сами эти переживания очень редки, – а потому они не обладают вескими доказательствами наличия «света в конце тоннеля», способными убедить скептиков. То, что изменило их жизнь, является чем-то сугубо личным, внутренним и субъективным. А что касается невинности ребенка, у нас есть все основания не принимать это в расчет. По мере того как мы взрослеем, каждый из нас под воздействием опыта и воспоминаний создает свое собственное «Я». По сути дела, нас поглощает только одна цель – расти, развиваться и двигаться вперед. Детская радость – наивное, несформированное состояние, и, как бы мы ни были счастливы в детстве, мы все равно жаждем постичь широкий мир достижений и прогресса. Творческих высот в истории человечества достигают лишь по-настоящему взрослые люди, а не инфантильные переростки.

Надеюсь, вы уже соотнесли себя с одним из этих трех состояний: неверием, верой и знанием. Впрочем, не будет ничего страшного и в том, если они в вашей жизни перемешаны в беспорядке и вы прошли через каждое из них. Согласно статистической кривой, напоминающей форму колокола, большинство из нас как раз обретается в ее средней, выпуклой части, то есть мы принадлежим к тому огромному большинству, которое верит в Бога. На концах же этой кривой обретается малочисленное меньшинство: слева – убежденные атеисты, а справа – глубоко верующие люди, которые считают Бога своим призванием и делом всей своей жизни. Но справедливости ради следует сказать, что большинству людей, утверждающих, что они верят в Бога, не ведомы ни чудо, ни уверенность. Обычно мы посвящаем наши дни всему, чему угодно, но только не Богу: заботам о семье, поискам любви, стремлению к успеху и достижению материального благосостояния на бесконечном конвейере потребления.

Текущая неразбериха не приносит ничего хорошего. Неверие сопряжено с внутренним страданием и ужасом перед бессмысленностью жизни. (Я не беру в расчет тех атеистов, которые утверждают, что они живут радостно в мире, подверженном случайностям, ибо просто им не верю. Они не просыпаются каждое утро со словами: «Как замечательно! Наступил еще один день, где все бессмысленно».) Состояние веры – тоже весьма шаткое прибежище: на протяжении веков, как свидетельствует история человечества, оно приводило лишь к косности, фанатизму и немислимому насилию во имя Бога. Что же касается знания, то это вотчина святых, а они встречаются крайне редко.

И все же Бог, как тень, таится повсюду, во всех трех состояниях, либо как отрицательное божество (то, от которого вы спасаетесь, когда бросаете к чертям собачьим

организованную религию), либо как положительное (высшая реальность, к которой вы стремитесь). Но таиться неизвестно где и быть размытым и невидимым – не то же самое, что быть действительно значимым, а уж тем более играть главенствующую роль в жизни. Если есть возможность вновь сделать Бога реальным, то, как мне кажется, никто не откажется попытаться сделать это.

Эта книга предлагает вам перейти от неверия к вере, а от нее к истинному знанию. Каждое из этих состояний – некая эволюционная стадия, и, исследуя одну, вы обнаружите, что следующая тоже доступна. Эволюция – это добровольное дело, когда оно касается внутреннего мира. Здесь вам предоставлена полная свобода выбора. Когда вы познаете во всех подробностях, что такое неверие, вы можете остаться на месте или двигаться навстречу вере. Когда вы познаете веру, вы можете сделать то же самое: или принять ее как свой духовный дом, или устремиться выше. В конце же пути вас ждет знание о Боге, которое не менее жизненно – и гораздо более реально, – чем первые две стадии. Постигание Бога – не мистическое знание; во всяком случае, не более мистическое, чем знание о том, что Земля вращается вокруг Солнца. В обоих случаях факт считается установленным, а как только факт установлен, все прежние сомнения и ошибочные убеждения естественным образом отпадают.

Бог – глагол, а не существительное

Заставить кого-то, особенно себя, насильно верить в Бога практически невозможно. Вера слабеет на наших глазах, а привычный образ Бога разрушается. Вместо того чтобы пытаться складывать осколки, необходимо осуществить коренный перелом. Разумность, личный опыт и мудрость, присущие многим культурам, уже сливаются воедино. Этот новый синтез подобен Богу 2.0, где человеческая эволюция совершает скачок в материях духа.

Бог 1.0 отражал человеческие потребности, многочисленные и разнообразные, и эти потребности вылились в персонификацию Бога. Потребности всегда стоят на первом месте. Поскольку такие потребности как защита и безопасность являются первоочередными, мы и спроецировали себе Бога в качестве небесного покровителя. А поскольку жизнь должна быть упорядочена, мы назначили Бога верховным законодателем. Переворачивая Книгу Бытия то так, то эдак, мы создали Бога по нашему образу. Он делал то, что хотели мы. Ниже приводятся семь стадий, которые мы учредили для такого Бога.

Бог 1.0 Создан по нашему образу.

Бог становится Отцом или Матерью. Он контролирует силы природы, принося удачу или неудачу. Люди живут, как дети, под защитой Бога. Его мысли неисповедимы; Он действует, подчиняясь капризам: то любит, то наказывает. Природа устроена логично и разумно, но при этом таит опасности.

Именно таким предстает ваш Бог, если вы молитесь во спасение, если воспринимаете божество как символ власти, если верите в грех и искупление, если требуете чудес и видите руку Бога во всех, якобы случайных, несчастных случаях или напастях.

Бог становится законодателем. Он устанавливает правила и следует им. Благодаря этому будущее становится заранее известным: Бог вознаградит тех, кто законопослушен, и накажет тех, кто не слушается. На этом фундаменте люди могут построить благополучную жизнь и достичь материального успеха. Секрет такого успеха и благополучия – неустанный труд, угодный Богу, и законопослушное общество, отражающее законы природы. Хаос преодолен, преступность взнуздана. Природа существует не для того, чтобы ее бояться, а чтобы ее приручать.

Именно таким предстает ваш Бог, если вы верите, что Он разумен, если Он хочет, чтобы вы добивались успеха, если вознаграждает усердный труд, если отделяет праведных от неправедных и если создал Вселенную, действующую в соответствии с законами и

принципами.

Бог становится любовью, присутствующей в сердце каждого. Богомолец обращает свой взгляд внутрь себя. Связь и объединение с другими людьми перерастают в потребность, выходящую за рамки совместного выживания. Человечество – это община людей, объединенных верой. Бог хочет, чтобы мы построили «город на холме», идеальное общество. Природа существует для того, чтобы содействовать человеческому счастью.

Именно таким предстает ваш Бог, если вы идеалист, если верите в человеческую природу и обычное человеческое общество и если не сомневаетесь в том, что Бог всепрощения любит вас. Прощение – это не то, что дает священник, а то, что ощущается внутри.

Бог перестает быть судьей. Знать все – значит все прощать. Изъян в человеческой природе, который заставляет человека отделять хорошее от плохого, начинает сглаживаться. Растет терпимость. Мы начинаем сострадать грешникам, обидчикам, преступникам, ибо и Сам Бог сострадает нам. Потребность в немедленном воздаянии и наказании уже не так настоятельна. Хорошее и плохое в жизни имеет множество оттенков, и у всего есть причины. Природа существует для того, чтобы демонстрировать нам всю полноту жизни в ее наиболее созидательной и наиболее разрушительной форме.

Именно таким предстает ваш Бог, если Он не судит, а понимает, если вы с симпатией относитесь к себе, поскольку так же поступает и Бог, если вы воспринимаете добро и зло как неизбежные аспекты творения, если Бог возвещает вам, что вас понимают.

Бог становится источником творчества. Любопытство – тот дар, которым Он одарил нас с рождения. Он по-прежнему остается непостижимым, но зато открывает перед нами одну тайну творения вслед за другой. Неведомое на другом краю Вселенной манит своей неизвестностью; оно – источник чудес. Бог не хочет, чтобы мы Ему поклонялись, Он хочет, чтобы мы развивались и эволюционировали. Наша роль – открывать и исследовать. Природа существует для того, чтобы ставить перед нами бесконечные загадки, которые только окрыляют ум, ибо открытиям несть числа.

Именно таким предстает ваш Бог, если ваша жизнь – сплошь исследование и творчество, если вы счастливы, сталкиваясь с чем-то неизведанным, если вы безоговорочно верите в то, что тайны природы, включая и человеческую природу, можно разгадать – нужно лишь неустанно задавать вопросы и не держаться за неизменную, заранее установленную истину.

Бог становится чистым чудом. После того как разум подошел к границам понимания, тайна не исчезает. Она постигаема, но постигли ее только мудрецы, святые и боговдохновенные люди. Они ощутили присутствие Бога, которое возвышает и одухотворяет обыденную жизнь. Материализм – иллюзия. Есть два пласта творения – видимый и невидимый. Чудеса становятся реальностью, когда все вокруг предстает как чудо. Чтобы достичь Бога, необходимо утвердиться в реальности невидимого. Природа – это маска Бога.

Именно таким предстает ваш Бог, если вы взыскуете духовности. Вы хотите знать, что скрывается за маской материализма, хотите найти целебный источник, хотите чувствовать умиротворение и находиться в прямом контакте с божественной вездесущностью.

Бог становится Единым Неделимым. Это конечные преосуществление и завершение, ибо ваши поиски достигли цели. Везде и всюду вы ощущаете присутствие Бога. Последняя тень разобщения исчезла. Вам больше не нужно отделять святого от грешника, ибо Бог заполняет Собой всё. В этом состоянии вы не знаете истину – вы становитесь ею. Вселенная и все события, происходящие в ней, отражают единое сущностное Бытие, выступающее как чистое осознание, чистый разум и чистое творчество. Природа – это внешняя форма, в

которую облекается сознание, когда оно разворачивается во времени и пространстве.

Именно таким предстает ваш Бог, если вы чувствуете себя неразрывно связанным со своей душой и своим истоком. Ваше сознание расширилось настолько, что оно теперь объемлет космическую перспективу. Вы видите, что всё происходит в уме Бога. Священный экстаз великих мистиков, которые казались людьми избранными и одаренными свыше, теперь доступен и вам, ибо вы созрели духовно.

Бог, доводящий план до конца, Бог как Единое Целое отличен от других. Он – не проекция. Он знаменует Собой состояние абсолютной определенности и чуда, так что если вы достигнете этого состояния, то вам больше уже не надо ничего проецировать. Все потребности удовлетворены; путь завершен – в самой реальности.

Возможно, просматривая все эти этапы, вы не сумеете соотнести себя ни с одним из них. Это понятно: такое происходит, когда у вас в голове сплошная неразбериха, а не Бог. В этом случае ни одному Богу не под силу завоевать вашу преданность. Причина неразберихи – в вашем мозге, в том, как он осуществляет выбор. Когда вы сидите в ресторане и решаете, заказать салат или смачный чизбургер, то в этот момент ваш выбор организуют разные отдельные группы нейронов в коре головного мозга. Одна группа ратует за то, чтобы заказать салат, другая – за то, чтобы заказать чизбургер. Улаживаете этот конфликт вы.

И в то же самое время каждая группа нейронов шлет химический сигнал, приказывающий подавить деятельность другой группы. Это явление, известное в науке как «кросс-ингибирование» (*cross-inhibition*), или «перекрестное торможение», активно изучают ученые, исследующие деятельность мозга. Исходная идея всем знакома: во время спортивных соревнований болельщики рьяно поддерживают одну команду и освистывают другую. В любом вооруженном конфликте солдатам говорят, что Бог на их стороне, а не на стороне противника. «Мы и они» – этот тип мышления, вероятно, глубоко укоренен в человеческом мозге. Он же ярко прослеживается и в сфере духовных сомнений: идея любящего Отца перекрещивается с идеей карающего Отца и противостоит ей. У каждой есть логическое обоснование, и каждая уничтожает другую. Любящий отец должен равно любить всех своих детей, тем не менее, каждый богоизбранный народ страдает без видимой причины. Поступки Бога столь же сумасбродны, как и наши собственные, так что любой довод в пользу того, чтобы поклоняться одному Богу, наталкивается на конкурирующую версию – фактически на семь версий, сообразно семи стадиям.

Если Бог 1.0 – проекция, значит ли это, что Бог вообще не существует? Не вбиваем ли мы еще один гвоздь в гроб Господень? Не обязательно. Тот факт, что Докинз и компания отвергают Бога, еще не означает, что их взгляды бесспорны и верны. Попросите подростка, чтобы он описал своих родителей, и вы получите весьма недостоверное описание. В подростковом возрасте у человека очень размытое представление о том, каковы его родители. Здесь мешается детская потребность в любви, безопасности и защите со взрослыми потребностями, такими как независимость, уверенность в себе и индивидуальное самоутверждение. Когда эти две стороны сталкиваются, они взаимно тормозят или подавляют одна другую. Никто ведь серьезно не воспринимает критику, коей подросток подвергает своих родителей, и уж тем более на этом основании никто не собирается отменять институт семьи. Точно так же обстоит дело и с нашими путанными представлениями о Боге: мы слишком ненадежные свидетели, чтобы по нашим показаниям можно было бы судить о Его истинной природе, и наши сомнения вовсе не означают, что Богу следует отказать в праве на существование.

Новая версия: Бог 2.0

Каждая эпоха выдвигает своего бога, который оказывается полезен только какое-то ограниченное время (хотя это ограниченное время может растянуться на века). Наша эпоха в этом смысле весьма непритязательна, ибо мы выдвигаем самые минимальные требования к духу: мы хотим такого бога, которого мы могли бы запросто игнорировать.

Так как же нам возродить Бога? Понятное дело, я говорю о Боге на Западе. Другие разновидности Бога еще не готовы к возрождению или обновлению. Традиционный ислам ведет арьергардные бои, стремясь отчаянно защитить и сохранить Бога 1.0, настаивая на самой примитивной Его версии – на Боге, который защищает праведных от гибели; такой Бог не может быть никем иным, как только подателем жизни и смерти. Не говорю я и о Боге на Востоке: там бытует давняя традиция воспринимать Бога как Единое Целое. Это Бог 1.0 на седьмой стадии, заполняющий Своим присутствием все творение. У такого Бога нет места обитания: Он пребывает у самых истоков нашего сознания, которые можно отыскать, проделав долгий внутренний путь – путь к себе. Бог как Высшее «Я» есть высшее откровение. Огромное количество людей в Азии воспитано с верой в Высшее «Я» (в Индии его называют Атман), но они при этом не совершают никакого внутреннего путешествия. Как и на Западе, большинство людей на Востоке живут так, словно Бог – нечто необязательное, некий незыблемый каркас их культурного наследия, который имеет мало или совсем не имеет отношения к тому, как строится их практическая жизнь.

Чтобы иметь будущее, Бог должен исполнять обещания, данные от Его имени за всю историю человечества. Бог 2.0 – не проекция, а нечто противоположное ей: это сама реальность, из которой прорастает бытие. По мере преодоления внутреннего пути – пути к себе – повседневная жизнь расцветается божественными качествами, такими как любовь, прощение и сострадание. Они познаются внутри как реальность. Бог 2.0 делает нечто гораздо большее: Он служит связью между вами и бесконечным сознанием. Сегодня положение дел таково, что ощущение вездесущности Бога – явление редкое, едва намечаемое, ибо мы всецело фокусируемся на внешнем мире и материальных целях. Когда вы начнете процесс поиска Бога, внутренний мир раскроется сам. Ощущение присутствия Бога начнет становиться нормой, и не в форме зрелища, подобно желанному чуду, а в гораздо более глубокой форме трансформации.

Бог 2.0 Налаживает связь

Вы сцентрированы. Ум успокаивается, его самоосознание возрастает. Вами все реже овладевает чувство беспокойства и неудовлетворенности. Вас все чаще посещают моменты блаженства и внутреннего умиротворения. В жизни вы встречаете все меньше сопротивления. Вы чувствуете, что включены в широкую схему жизни и играете в ней определенную роль. Повседневная жизнь становится легче и проще. Стрессы, борьба, давление ощущаются гораздо меньше.

Высшее сознание становится реальностью. Вы цените радости простого бытия. Ваши желания исполняются, причем вы прилагаете для этого гораздо меньше усилий, чем прежде. В моменты духовного прозрения вы понимаете, зачем живете и какова ваша цель. Внешние отвлекающие факторы уже не так довлеют над вами. Вы чувствуете себя эмоционально связанным с теми, кого любите. Тревога и напряжение значительно ослабевают. Ваша жизнь наполняется ощущением правомерности и справедливости.

Вы сливаетесь со своим истоком. Бог раскрывается как чистое сознание, как ваша суть. Со временем эта суть будет излучаться на все творение. Внутри себя вы открываете свет жизни. Все прощены, все любимы. Ваше индивидуальное эго расширится настолько, что станет космическим Эго. По мере того как просветление будет нарастать и углубляться, вы испытаете второе рождение. Отныне ваша эволюция станет путешествием в запредельность.

Раз уж мы говорим об истоке бытия, то в реальности вы уже неразрывно связаны с Богом. Но существуют различные состояния сознания, и в каждом из них реальность меняется. Если ваше осознание направлено вовне, сфокусировано на материальном мире со всеми его непредсказуемыми взлетами и падениями, вы не ощутите Бога. Внешний мир будет самодостаточным сам по себе. Но если вы будете устремлять свой взор за границы внешней видимости вещей, фокусируясь на высших ценностях, таких как любовь и понимание, ваша вера в Бога будет нести вам безопасность и утешение. Но Бог только тогда сделается понятным, реальным и полезным, когда вы трансформируете свое собственное

осознание. До этого момента Бог будет пребывать в теневой реальности и будет практически бесполезен. И скептики правы, когда сомневаются в таком Боге. Их ошибка заключается лишь в том, что они не видят более лучшего Бога.

Короче говоря, Бог 2.0 – это процесс; это глагол, а не существительное. Как только вы начнете этот процесс, он затем будет формироваться сам. Но вы будете знать, что находитесь на верном пути, ибо каждый шаг будет сопровождаться пониманием, ясностью и расширенным опытом – они будут удостоверять, что высшее сознание есть реальность.

Когда количество сознания перейдет в качество, явится Бог. Вы узнаете об этом так же верно, как знаете о том, что у вас есть мысли, чувства и сильные ощущения. «*Это Бог*» овладеет вашим умом столь же легко, как «*Это роза*». Присутствие Бога станет ощутимым, как сердцебиение.

Три стадии осознания

Вот что вас ждет впереди. Мы должны уделить равную долю внимания всем трем стадиям, на которых прямо сейчас пребывают люди, поскольку неверие, вера и знание все служат некоей цели. Это опорные камни, служащие для перехода от состояния «Бога нет» через «Возможно, Бог есть» к состоянию «Бог во мне».

Неверие .

На этой стадии человек руководствуется рассудком и сомнениями. Позиция «Бога нет» воспринимается им как разумная. Она рождается из сомнений, ибо он сомневается и в Боге со всеми Его несуразностями, и в мифах, которыми окружает себя религия. Наука тоже вносит свою лепту, не доказывая и не опровергая существование Бога, но зато показывая, как следует выражать скепсис и задавать соответствующие вопросы. Неверие не есть отрицание; в нем наличествует также и позитивный атеизм, то есть атеизм такого рода, который приемлет Бога как потенциальную возможность, но при этом отвергает традицию, догму и веру без доказательств. Это неверие ведет к ментальной ясности. Оно побуждает нас расти и поступать как взрослые, говоря духовным языком, то есть не поддаваться той инерции, под влиянием которой мы столь легко и бездумно приемлем Бога в том виде, как Его нам подают на уроках слова Божьего в воскресной школе.

Представьте, что у вашего мозга есть нервные извилины, посвященные неверию. Эти извилины обрабатывают информацию о внешнем мире, которая поступает к вам от пяти органов чувств. Мозг верит в реальность объектов, которые он видит и осязает. И не верит ничему мистическому. Камни твердые, ножи острые, они осязаемы, но Бог-то неосязаем. С этой областью мозга, которая распространяет свою деятельность на различные участки тела, вас многое связывает. Такие примитивные инстинкты как голод, страх, гнев, половое влечение и самозащита бросают вас в объятия физического мира – здесь и сейчас. Жизнь требует удовлетворения желаний – здесь и сейчас, а не откладывания их на потом, после того как вы попадете в рай. В то же время неверие обостряет такие высшие функции мозга как рассудок и различение и заведует всем проектом (который не имеет определенного местоположения в мозге) развития сильного эго, того «я», которое невозможно надолго удовлетворить. Все эти нейтральные процессы работают против реальности Бога. И на что-то лучшее здесь претендовать не приходится. Жизнь – неумолимый, требовательный надсмотрщик, и Богу не удастся сделать ее какой-то другой.

Вера .

Хотя современная жизнь, как эрозия, подтачивает всякую организованную религию, люди по-прежнему привержены вере. Согласно данным социологического опроса, 75 % американцев идентифицируют себя с организованной религией, какие бы сомнения ими при этом ни владели. Скептикам приверженность религии кажется слабостью, чем-то детским и несерьезным. В худшем случае это воспринимается как примитивная защита, с помощью

которой человек, неспособный совладать с действительностью, как щитом, ограждает себя от нее. Но для процесса возрождения Бога вера незаменима. Она дает цель и мечту. Она показывает, куда вы направляетесь, еще задолго до вашего туда прибытия. (В этом смысле мне особенно по душе метафора, которую я когда-то услышал: «Вера – это как ощущение близости моря задолго до того, как вы его увидите».)

Вера может быть негативной. Нам всем известна опасность, которую представляют для общества верующие фанатики. От веры в обещание райского блаженства к тому, чтобы стать террористом-самоубийцей, всего один шаг. Но и от обычных верующих, не только фанатиков, вера требует уплаты соответствующей цены. «Хорошие» католики и «хорошие» иудеи гордятся тем, что отрекаются от себя. Вера питает глубокие консервативные импульсы, и если мы будем честны перед собой, то окажется, что все мы жаждем безопасности и надежного прибежища, которые, по традиции, обретают все верующие.

В функционирующем мозге вера заведует своими неврологическими схемами. Большая часть деятельности приходится на лимбическую систему, обиталище эмоций. Вера неотделима от любви к семье и привязанности к родителям, когда вы еще дети. Память пробуждает ностальгию по лучшим временам и местам, и вера нашептывает вам, что вы туда однажды попадете. Но и высшие функции мозга тоже не остаются без дела. Верующие, как свидетельствует история религии, постоянно подвергались гонениям. Чтобы подставить левую щеку, когда тебя ударили по правой, вместо того чтобы ударить в ответ, – такое невозможно без деятельности высших функций мозга, таких как сострадание, прощение и беспристрастность. Все мы знаем, каково это, когда внутри нас борются между собой желание простить и жажда отмщения; это классический пример кросс-ингибирования в нашем мозге.

Знание .

Единственный способ уладить этот внутренний конфликт – достичь состояния уверенности и определенности. Этот путь ведет от стадии «Я верю, что Бог существует» к стадии «Я знаю, что Бог существует». Вы можете вбивать скептицизм в головы детей с самого раннего возраста (есть даже сайт, посвященный тому, как «отвадить» детей от Бога); вы можете дурачить верующих и заставлять их поклоняться лжемессии. Но когда знание приходит изнутри, оно истинно. Вы знаете, что существуете; вы знаете, что разумны. Богу 2.0 не нужны никакие фонды и организации. Расширение сознания само по себе ведет к истинному духовному знанию.

Бог – это не комета Галлея: не нужно ждать, что Он появится на небе. Да и путь к Богу нельзя рассчитать заранее. К счастью, это и не нужно. Стоит только начать искать Бога, и этот поиск затем вершится сам собой. Бог – это вам не динозавр. Останков одного динозавра вполне достаточно, чтобы решить вопрос о том, бродили ли когда-то динозавры по поверхности Земли. Постижение же Бога требует немалого количества переживаний и откровений на протяжении жизни, замедленного богоявления, так сказать. Разумеется, вы будете испытывать временный подъем, вас будут осенять поразительные откровения и моменты, когда истина кажется удивительно ясной. И только немногие избранные бывают ослеплены пламенем Бога по дороге в Дамаск. Для них Бог является во вспышках пламени.

Но мозг нашептывает свое. Наша жизнь зависит от надежно действующих нервных схем, которые работают бесперебойно. Если вы сами научились играть на пианино или бить по мячу, ваше умение оказывается зависимым от целого ряда факторов, ибо вы задействовали специфические нервные схемы. Каждый опыт, каждое познание либо добавляет вам умения, либо убавляет его. Хотя вы этого и не сознаете, ваш мозг постоянно торит новые пути или создает одни схемы и отключает или разрушает другие. Поэтому на микроскопическом уровне, там, где нейрон сталкивается с нейроном, Богу необходимы Его собственные пути и схемы.

При замедленном богоявлении вы приучаете свой мозг понемногу адаптироваться к духовным переживаниям. Как гласит популярная присказка, каждый из нас может достичь

небывалых высот мастерства в любом искусстве, будь то игра на скрипке, показ фокусов, развитие феноменальной памяти или любая другая цель, если мы посвятим ему десять тысяч часов жизни. Эта теория в основе своей достоверна, ибо уход с одних путей и строительство новых требует времени и повторов. Бог 2.0 – это нечто большее, чем процесс перестройки мозга, но, с другой стороны, пока ваш мозг не перестроится, познание Бога будет невозможно. Индийская пословица, заимствованная еще из ведической традиции, гласит: «Знание – не то, что вы усваиваете. Знание – то, чем вы становитесь». И если рассматривать это на уровне мозга, то это совершенно верно.

В процесс познания Бога вовлечена вся личность. Я призываю вас не верить тому, что вы слышали о Боге ранее, и одновременно призываю сохранять веру. Если Бог Един, вы ничего не должны упускать, включая и крайний скептицизм. Реальность – далеко не хрупкая субстанция. Если вы сомневаетесь в том, что роза – это роза, она от этого не завянет и не умрет. Поэтому единственная предпосылка на пути к Богу – принять возможность того, что Бог 2.0 может быть реальностью.

Какой-то человек однажды спросил знаменитого гуру: «Как мне стать вашим учеником? Должен ли я поклоняться вам? Должен ли принимать каждое ваше слово как истину?» Гуру ответил: «Ни то, ни другое. Просто открой свой ум и настрой его на возможность того, что все, что я говорю, может быть истинным».

Подавление любого внутреннего потенциала, включая и потенциал отыскания Бога, убивает сам потенциал. Семя оказывается мертвым еще до того, как прорастает. Обладать открытым умом – все равно что открыть затворенное окно. Свет будет вливаться в него сам собой.

Полагаю, вы понимаете, что мы говорим в данном случае не о моменте прихода к Христу.

Преобразование себя – нечто большее, чем развитие ребенка. Когда вам было четыре года и вы играли бумажными куклами и смотрели «Улицу Сезам», ваш мозг еще развивался; но со временем вы забросили кукол и начали читать книги. У вас в жизни не было ни одного момента, когда бы дорога разветвлялась и вам приходилось бы выбирать между четырьмя или пятью, между шестью или семью, и т. д. Вы были просто самими собой, пока эволюция на невидимом уровне напрягала все свои силы.

Процесс преобразования или трансформации себя действует точно так же. Вы остаетесь собой, пока глубоко внутри вас происходят невидимые изменения. Каждый человек – как растянувшаяся армия. Какие-то аспекты вашей личности рыщут впереди, а обозники тащатся сзади. Духовный путь – что-то вроде этого: сегодня вы буквально летите вперед, а завтра еле тащитесь или вовсе сбиваетесь в сторону. Неверие, вера и знание – у всех них свое слово и свой авторитет.

Но в конце концов, если вы не утратите самоосознания и не выбьетесь из русла этого процесса, вы добьетесь настоящего прогресса. Дней, когда вы будете чувствовать себя защищенными и в безопасности, будет все больше, а дней, когда вы будете чувствовать себя одинокими и потерянными, все меньше. Все чаще вас будут посещать мгновения блаженства и благодати. Внутреннее чувство безопасности станет основным чувством вашей души. «Я» подобно голограмме, где любая часть представляет целое. Процесс наработки опыта познания Бога мало-помалу стирает старую и создает новую голограмму. Когда этот процесс завершится, вы узрите новое целое. И это целое суть Бог.

Путь к Богу. Стадия I: Неверие

Докинз и его иллюзии

Неверие не является врожденным врагом веры. В наши времена неверие фактически служит разумной отправной точкой. И жалкой – конечной.

Самые злобные выпады против Бога могут быть использованы для очистки ума от ложных убеждений, верований и для прокладки пути к сильной вере. Именно поэтому Ричард Докинз, общепризнанный враг и противник Бога, становится Его молчаливым союзником.

Когда в 2006 году вышла книга Докинза «Бог как иллюзия», мгновенно ставшая бестселлером, воинствующий атеизм сразу же приобрел в ее лице основательную почву для полемики. Докинз не только отрицает Бога, он одновременно высказывает и презрение к духовности.

Он смеется над нашими стремлениями войти в контакт с высшей реальностью, беря за основу своих аргументов простейшее обоснование: мол, физический мир – это все, что есть. Он изображает религию как упадочную стадию, не имеющую никакой опоры в реальности.

Докинз сначала снискал себе известность как автор книг по генетике, а уже потом как автор резко обличающей религию книги «Бог как иллюзия». Нельзя отрицать силу этого сочинения, которое обвиняет религию в фанатизме в самых крайних его формах. В какой-то момент Докинз даже обращается к душевной песне Джона Леннона «Представь себе» («Imagine») и использует ее в своих целях.

”Представьте – вместе с Джоном Ленноном – мир без религии. Представьте, что нет террористов-смертников, нет 9 сентября, нет 7 июля; нет крестовых походов, охоты на ведьм, «Порохового заговора», истребления индейцев, израильско-палестинских войн, сербо-хорватско-мусульманской резни, гонения на евреев как «убийц Христа», «волнений» в Северной Ирландии, «убийств во имя чести», изысканно одетых, с пышными шевелюрами телевизионных евангелистов, вымогающих у доверчивых людей их деньги («Бог хочет, чтобы вы давали, пока не оскудеет рука ваша»).

По мере того как ужасные примеры множатся, самоуверенность Докинза растет. Он не оставляет надежды и не высказывает симпатии, он изливает свое презрение.

”Представьте, что нет талибов, разбивающих античные статуи, нет публичных казней еретиков, которым отрубают головы, нет наказания женщин розгами за то, что они посмели обнажить частичку своего тела.

Вы, наверное, думаете, что после всех этих литаний и длинного перечня ужасов толпа читателей тут же обратилась в атеизм, но это не так. Этот процесс как шел, так и идет. Упадок религии в Америке, так же как и в Западной Европе, начался в 1950-е годы и все еще продолжается. В век науки и повального скепсиса, под влиянием необузданных катастроф XX века, церковные скамьи продолжают стабильно пустовать. Но еще не было в истории такого массового признания неверия в стиле Докинза, неверия, которое не только не приемлет Бога, но и подвергает нападкам всякого, кто в Него верит. Почему же люди покинули религию, не покинув Бога? Этот наиважнейший вопрос Докинз оставляет без ответа.

То, что Докинз наносит религии сокрушительный удар, обстреливая ее из всех бортовых орудий, является знаменем времени. Возможно, это самый удачный «крестовый» поход против религии начиная с 1966 года, когда журнал «Тайм» опубликовал статью, в названии которой красовался вопрос: «Умер ли Бог?» Брешь была проделана: люди осмелились задать вопрос, прежде немыслимый, и в течение последующих четырех десятилетий эта брешь становилась только шире. Теперь Докинз бросил туда бомбу. (За что журнал «Тайм» в 2007 году поместил на обложке его портрет.) Он назвал Бога Ветхого Завета «отталкивающим ролевым образом» и охарактеризовал Его в самых непривлекательных терминах: Иегова – «самый отталкивающий персонаж в этом вымысле: ревнивый, горделивый, жалкий, несправедливый, чуждый прощению и все контролирующий урод, мстительный, жаждущий крови, проводящий этнические зачистки ублюдок,

женоненавистник, отвратительный, страдающий манией величия садомазохист, капризный, злобный, недоброжелательный хвостун». Мир без Бога, возглашает Докинз, был бы лучше во всех отношениях.

Это послание рассчитано на то, чтобы вызвать шок. Переходя от Бога к Новому Завету, Докинз пишет: «Исторических доказательств того, что Иисус заявлял права на какой-либо божественный статус, практически нет». А если бы такое доказательство когда-нибудь появилось, оно свидетельствовало бы только о том, что Иисус сумасшедший; в лучшем случае Его «приняли не за того и еще удостоили почестей». Единственный правдоподобный довод, который можно привести в пользу религии, говорит далее Докинз, – это то, что наши предки слушали сказки и, как «доверчивые дети», верили, что это правда. Подобное одурачивание, мол, годится для мозгов примитивного человека, но мы-то должны уже стать взрослыми. Если уж Докинз способен раз и навсегда убедить нас в том, что Бог – недостойный пережиток, который мы тянем за собой из веков суеверия, то у Библии нет абсолютно никаких шансов на успех.

Докинз гордится тем, что он махровый атеист, способный выкинуть фортель вроде того, что он выкинул во время визита Папы Бенедикта XVI в Великобританию осенью 2010 года. Это был первый официальный визит понтифика в эту страну, и в связи с ним велись бесконечные дискуссии по поводу многих спорных вопросов, таких, например, как позиция церкви относительно применения противозачаточных средств и неутихающий скандал по поводу сексуальных непотребств верховных священников. Участие Докинза в митинге протеста против Папы было более чем экстремистским. Никакое обвинение не произвело бы столь воспламеняющий эффект. Еще до этого он выступил с заявлением, что Папе необходимо предъявить ордер на арест и посадить его за решетку «за преступления против человечества». На митинге Докинз произнес зажигательную речь, где сравнил организацию Бенедикта с «Гитлер-югенд» 1930-х годов, не упомянув, впрочем, одного факта: несмотря на то что эта организация в те годы была широко востребована у немецкой молодежи, отец Бенедикта на деле выступал против Гитлера. Докинз обвинял церковь в том, что она поддерживала нацизм, называл Гитлера католиком (тот действительно родился в католической семье, но в юности перестал исповедовать какую-либо веру) и то и дело возвращался к обвинению, что Папа – «враг человечества».

Антикатолицизм в столь враждебной форме (редактор известной католической газеты назвал эти нападки «сумасшествием») никогда не был приемлем в цивилизованном обществе. Он лишь раздувает неприязнь, разногласия и предубеждение против религии. Но Докинз с момента выхода своей книги стал «всемирной» знаменитостью, и его престиж академика служил маскировкой для его позиции, которую сочли бы позорной для обычного гражданина и которая действительно опозорила, но не кого-нибудь, а самого Докинза. Он незаслуженно получил звание профессора-биолога Оксфордского университета. Да, в своей области Докинз, возможно, отличился: его работы по эволюции и генетике снискали ему славу умного толкователя науки его поколения, но его официальный оксфордский титул никак не связан с конкретными разработками в специфической сфере научной экспертизы и не имеет ничего общего с научными изысканиями; он просто преподаватель, точнее – лектор, объясняющий сложные научные положения доступным языком.

Книга «Бог как иллюзия», говорит автор, рассчитана на специфическую целевую аудиторию: она предназначена всем сомневающимся, кто сохраняет приверженность религии родителей, но больше не верит в нее, и кого больше волнует то зло, которое вершилось и вершится во имя Божье. Массы людей хотят освободиться от ига религии, пишет он, но они «не понимают, что уход из религии – это их выбор». В сущности, девиз книги: «Я не знал, что могу». Докинз убежден, что он содействует прогрессу человеческого духа; самого себя он называет «борцом за свободу». Вот что он провозглашает на первой странице книги: «Если ты атеист, нечего за это извиняться. Напротив, этим надо гордиться, ибо ты стоишь на ногах прямо и зришь далекий горизонт».

Книга получила несколько весьма нелестных и резких отзывов за свою экстремистскую

тактику; перечисление зверств, учиненных во имя религии, – лишь единичный пример. Религия – это нечто большее, чем акты террора, учиняемые фанатиками, но для Докинза это не аргумент: он открыто заявляет, что современную религию нужно предать анафеме наравне с фундаментализмом, отличающемся своей нетерпимостью (одна из глав книги носит название «Как “умеренность” в вере возвращает фанатизм»). Воинствующий атеизм уравнивает абсолютизм с уверенностью. Заклейменная как «само зло», вера в Бога делает святого таким же виновным и опасным, как Усама бен Ладен.

Толпы сомневающих только того и ждут, чтобы послание «Бог – иллюзия, коей не существует» их наконец освободило. Но это все иллюзии самого Докинза. Факт остается фактом: людям совсем не по душе, когда на них наклеивают ярлык атеистов. Даже несмотря на то что посещение церквей остается рекордно низким, американцы прочно идентифицируют себя с церковью или религией того же сорта. Опрос американцев, проведенный в 2012 году Исследовательским центром Пью, выявил, что примерно 20 % из них считают себя атеистами или агностиками. Именно эта цифра пестрела в заголовках газет, что указывает на значительный рост этой категории по сравнению с таким же опросом пятилетней давности, который показал, что только 15 % американцев считали себя атеистами и агностиками.

Тактика убеждения

Есть веская причина не доверять Докинзу и не брать его в качестве надежного поводыря, ведущего к «далекому горизонту» лучшего мира. Тот, кто слеп и глух к духовной стороне человеческих существ, не может сказать ничего путного и о духовных ценностях. Тактика, используемая Докинзом в его книге, проста: чтобы сбить с толку оппозицию, выноси на обсуждение всякого рода фокусы-покусы. Основная цель подобных дебатов – не доискаться истины, а победить во что бы то ни стало. Но «скверна» Докинза не одурачила критиков. Даже те из них, кто отдал ему должное за искренность и непоколебимость его атеизма, спрашивали его, почему он столь резок и груб в приводимых аргументах. Базовую стратегию самой книги легко подытожить.

1. Придерживайся знакомых стереотипов.

Бог, с нападками на которого выступает Докинз, – это самое опрошенное из всех божеств. Он взят из наглядных пособий, украшающих стены воскресной школы: старик с белой бородой, сидящий на троне поверх облаков.

Почему это эффективно. Докинз делает ставку на простейший стереотип – не говоря уже о том, что это самый первый образ Бога, который усвоило большинство людей и к которому привязано их сознание. И это так, что правда, то правда. Ибо большинство людей придерживается тех моральных принципов, которые им привили в детстве. Поэтому, нападая на эти принципы, Докинз получает прекрасную возможность вызвать у людей чувство неуверенности и сомнения.

Контраргумент. Этот стереотип плох тем, что все его аспекты указывают на противоречивость и ошибочность в изображении Бога. Если Он бессмертен, то не может быть старым. Если Он наполняет Собой все творение, у Него не может быть никакого конкретного места во времени и пространстве, тем более трона. Рассматривать Бога как существо мужского пола противоречит многим религиям, в которых божества – женского пола. В других вероисповеданиях Бог понимается абстрактно; в исламе, например, запрещены изображения Бога. В буддизме изначально ничто не принимается на веру как истинное; Бог здесь познается индивидуально только в процессе духовного паломничества.

2. Обращайся с Богом как с человеком.

Докинз настаивает на том, что Бог – фикция, выдумка, но при этом возводит всяческие обвинения на этот вымышленный персонаж, как будто Бог – реальный человек. Он

подвергает нападкам и критике такие чисто человеческие черты, как гнев, мстительность, ревность, предательство и т. д.

Почему это эффективно . Подход к Богу как к человеку – это то, что уже давно делает религия. Атеизм в этом смысле не нов; он, так сказать, заимствует эту идею из арсенала врага. После чего остается лишь приписать Богу все плохие качества человеческой природы (одновременно заявляя, что в Нем нет ничего хорошего).

Контраргумент . Есть веская причина создавать Бога по образу человека, поскольку мы прежде всего стремимся к выявлению того, что делает нас человеком. Персональный Бог существует во всех культурах; впрочем, там также существует и имперсональный Бог, которого Докинз полностью игнорирует. Бог не нуждается в том, чтобы Его сводили лишь до свойств или характеристик, которые мы видим у самих себя; Он может обладать ими, но при этом вмещает в Себя гораздо-гораздо больше. Бесконечную сущность нельзя определять какими-то конечными качествами.

3. Умалаяй религию: пусть она выглядит примитивной.

Как я уже говорил выше, Докинз углубляется в историю и прослеживает происхождение Бога вплоть до самых примитивных истоков – так же, как это сделал его кумир, Чарльз Дарвин, проследивший происхождения видов от самих истоков. Согласно Докинзу, появление Бога восходит к тем временам, когда люди были как «доверчивые дети» – фраза, заимствованная из письма Дарвина. Теперь же, когда мы достаточно развиты, нам уже не нужно цепляться за свое суеверное прошлое.

Почему это эффективно . Дарвин! Это слово решает все. Теперь, когда эволюция ниспровергла Библию и стала всеопределяющим научным методом для понимания устройства и происхождения жизни, использование того же аргумента для дополнения идей вызывает доверие. Духовность можно изобразить как пережиток, подобный тому отделу нашего мозга, который мы унаследовали от древних пресмыкающихся и который заведует нашими самыми примитивными влечениями, вроде влечений к сексу или насилию, или, более того, подобный хвосту и жабрам, которые появляются у зародыша в материнском лоне и потом исчезают, замещаясь человеческим телом.

Контраргумент . Я уже говорил, что теорию эволюции можно использовать и для доказательства фактов, противоположных тем, которые приводит Докинз. Духовность сосредоточена в высшем отделе мозга в той же степени, что и рассудок. Мы достаточно развиты, чтобы суметь постичь Бога. Теология представляет собой прогрессивную форму мышления, а не примитивный атавизм. В сравнении с мышлением наших предков, современная религиозная мысль более сложна и последовательна. Неокортекс – сравнительно недавно образовавшаяся в процессе эволюции часть коры головного мозга – являетсяместищем способности различения, любви, сострадания, прозрения и умственных способностей. Все эти качества задействованы в наших нынешних поисках Бога. И эти поиски вызывают к нашей самой развитой природе.

4. Наделяй всякую религию наихудшими крайностями.

Докинз приводит в пример самые крайние проявления фанатизма и заявляет, что они-то и составляют основной стержень религиозной веры. Современный мир буквально стонет от фундаментализма и наносимого им вреда. Для нашего благополучия сегодня это главная опасность; если смотреть глубже, то расцвет разума и науки зависит от того, сумеем ли мы избавиться от фундаментализма, с которым соотносят и в котором обвиняют религию.

Почему это эффективно . Страх. Политика терроризма и войн, ведомых во имя Божье, вызывает у людей ощущение угрозы. Не будь этой угрозы, большинству людей и в голову бы не приходило утверждать, что религия привносит в человеческую природу худшие качества или, как заявляет сам Докинз, *только наихудшие* . Страх сам по себе – тоже здравый аргумент, который в более спокойные моменты жизни можно спокойно отменить так же, как заявление Докинза о том, что ответственность за фанатизм несет вся современная религия.

Контраргумент . Победите этот страх, и окажется, что не все верующие – фундаменталисты, и что нет оснований обвинять современную религию в фанатизме. Докинз ловко играет на нашей эмоциональной струнке, ибо мы живем в тревожные времена, и такая хитрая тактика себя полностью оправдывает. Пусть возьмут себе это на заметку те из вас, кто исследует проблему царящего повсюду страха в своих целях.

И еще несколько слов в заключение этого раздела. То, что я уделяю столько места и времени тактике Докинза, обусловлено, вероятно, тем, что в свое время, когда я учился в медицинской школе, я был страстным спорщиком, а потому хорошо знаю то искушение, которое владеет многими спорщиками: во что бы то ни стало положить на лопатки своего оппонента, прибегая с этой целью к разного рода хитростям и уловкам. В спорах побеждают психологически. И победитель обретает чувство силы и власти. Он добивается успеха у слушателей и убеждает их – или манипулирует ими, – постоянно вызывая к их эмоциональной стороне и завоевывая их эмоционально, хотя главная его цель – завоевать их умы.

Бог без трюков

В спорах легко побеждать только на страницах книги, поскольку противная сторона здесь не имеет права голоса. Поэтому самыми полемичными обычно оказываются книги, не вызывающие никакого доверия. Вместо того чтобы честно представлять мнение противной стороны, полемист игнорирует, умаляет и неверно истолковывает ее слова. Докинз, возводя каркас своих доказательств, беззастенчиво пользуется теми же методами, не уделяя ни малейшего внимания тому обстоятельству, что духовный опыт – опыт универсальный. Он является атрибутом каждой эпохи, включая и нашу. Но Докинз, вместо того чтобы честно признать этот факт, призывает нас поверить, что такой сложный живой организм, как *гомо сапиенс*, каким-то образом инволюционировал назад, к своим истокам, как если бы кошка перестала рожать котят и начала вместо этого плодить амёб.

Что касается Бога, то современное мышление не настолько архаично, как та примитивная стадия, которую Докинз изображает в карикатурном виде. Современный иудаизм, например, не предписывает понимать Ветхий Завет буквально. На протяжении столетий ученые-талмудисты путем бесчисленных комментариев, бесконечных дискуссий с верующими и исследования всех возможностей, какие только можно извлечь из древнееврейской Библии, сумели облагородить иудейскую веру. Мистический иудаизм и «чудо-равви» наконец слились воедино. Вся эта закваска привела к тому, что иудаизм значительно эволюционировал по сравнению со своими начальными истоками.

Факт того, что каждая вера проходит свой путь эволюции, вполне очевиден. Два тысячелетия назад какой-нибудь неграмотный крестьянин, живший в Индии, был духовно закабален. Он вынужден был приспособливаться к жесткой системе податей и платил местным жрецам-браминам за то, что те совершали ритуалы, смысла которых он не понимал и которых сам не мог совершить. Религия была сродни частной собственности, которой владела высшая каста. Если крестьянин желал собрать хороший урожай, если он хотел здорового ребенка или примерную жену, у него не было другого выбора, как приноравливаться к этой жесткой системе. Что касается вопросов и сомнений, которые у него могли возникнуть, то о них вообще не было речи.

Сегодня ситуация изменилась настолько, что точка зрения на эволюцию, которую отстаивает Докинз, кажется попросту смешной. Религия – это не западня, в которую заманивают древние суеверия. В западню ее превратили сами верующие, не смеющие сомневаться в догмах или непогрешимости священнослужителей. К сожалению, реакционные силы немало подгадили современному христианству: не нужно Докинза со всей его полемикой – и так понятно, что фундаментализм хочет вернуть нас в те времена, когда ортодоксальное послушание и «традиционные ценности», вероятно, делали жизнь намного проще. Но ведь великое множество верующих чуждается реакционных тенденций и к ним не примыкает. Но и они тоже задают вопросы и сомневаются.

Священники, которые ими руководят и их направляют, ни в коей мере не представляют собой монолитную силу. Английский викарий – не аятолла. Современных священников часто одолевают те же сомнения, что и прихожан, и они озвучивают эти сомнения с кафедр. За пределами лагеря фундаменталистов непредубежденные богоискатели из числа верующих, по всей видимости, составляют огромное большинство; к их числу, в частности, относятся те, кто верит в Бога, но не посещает богослужения. (В статистике они известны как «невоцерковленные».) Причина, ведущая к стабильному упадку организованной религии на Западе, состоит в том, что очень многие богоискатели просто отошли от догм, священников, обрядов, ограниченной теологии и той доктрины, что Бога нужно принимать без всяких вопросов и сомнений и никакое вольномыслие здесь недопустимо. Книга «Бог как иллюзия» если и не умаляет современную веру, то игнорирует ее. Опять же это вопрос тактики. Пока Докинз может одной и той же кистью мазать дегтем всех верующих, его трюки ему удаются. Религиозное сознание должно быть виновно во всех грехах, чтобы нерелигиозное сознание могло наслаждаться всеми добродетелями.

На протяжении четверти века я встречал и продолжаю встречать богоискателей, которые хотят найти Бога прежде всего для самих себя, а это и есть истинная эволюция. Дарвиновская модель никогда не стоит в жизни на первом месте. Если только вы не запутались в метафорах, то должны знать, что борьба за пищу и брачные привилегии – а именно они в схеме Дарвина служат двумя основными инстинктами, отвечающими за выживание, – никоим образом не развивает ум. Млекопитающие как господствующая форма жизни появились после того, как вымерли динозавры. Религии не вытесняют друг друга подобным образом (и не вытеснят, как бы ни старались). Они сосуществуют между собой. Применять к религиям закон «Выживает сильнейший и наиболее приспособленный» не имеет никакого смысла. Разве молитва «Отче наш» более сильна и более приспособлена, чем еврейская пасхальная молитва? И даже в символической схеме этот закон тоже лишен смысла. Разве не абсурдно звучало бы заявление (а некоторые так и заявляют!) о том, что буддизм на лестнице эволюции на шаг впереди по сравнению с индуизмом? Каждая вера – и это неизбежно – стремится представить свою схему в наиболее выгодном свете – как наилучшую, а своего Бога – как единственного. Но даже на арене, где фундаменталисты разжигают в себе страсть – фанатическую приверженность своему Богу, – эта тенденция более столетия оставалась экуменической. Вероисповедания и сами понимают, что им лучше держаться и идти вместе. Объединение вер – совсем не пустой идеал. Духовный опыт – тот общий корень, из которого произрастают все религиозные ответвления.

Любую из этих трещин, ошибок и ловких тактик нетрудно отследить. Но многие читатели, как мне кажется, не обратили на них внимания и дали книге «зеленый свет». Ведь она, как возвещает автор, защищает рационализм перед иррационализмом и поет дифирамбы светскому обществу, утверждая, что оно по всем показателям превосходит религиозное общество. Но я подозреваю, что главная причина здесь – психологического характера. Докинз убеждает обеспокоенных сомневающихся, что у них нет причин чувствовать себя виноватыми, сбитыми с толку, потерянными или одинокими. Они стоят на пороге нового мира, который и светлее, и лучше, чем тот, что может предложить духовность. Он, Докинз, предлагает атеизм – как утешение и благодать, каковой он, наверное, может стать, но лишь для очень немногих.

Но если возможность постижения Бога – тенденция отсталая и настолько себя изжившая, что любой рациональный ум должен априори ее отринуть, то почему, спрашивается, Эйнштейн посвятил так много времени тому, чтобы найти для Бога место в той новой Вселенной, пионером которой он является? Этот вопрос заслуживает всестороннего изучения, ибо резкий контраст между разумом и неразумием вопиет буквально с каждой страницы книги. Если уж этот величайший ум XX столетия не счел науку врагом религии, то он, вероятно, смотрел и видел гораздо глубже, чем Докинз. Так какому поводырю, указывающему путь в будущее, мы доверимся, в конце концов?

Духовность Эйнштейна

Эйнштейн не был обычным верующим, но в нем было столько сострадания к верующим, что он понимал: потеря веры может оказаться для них невосполнимой и опустошительной утратой, тем более если Бог был центром всей их жизни. Поначалу факты его биографии могли бы порадовать многих скептиков, которыми так изобилует XX век. Еще в юности Эйнштейн по логическим соображениям отринул иудаизм и вообще всю религию, не в силах принять за непогрешимую истину те события, о которых рассказывается в Ветхом Завете. Сотворение мира за семь дней, Бог, разговаривающий с Моисеем из горящего куста, Иаков, борющийся с ангелом, – многие евреи на рубеже веков не могли рассудочно принять мир древнего Иерусалима (позднее Эйнштейн скажет: «Идея личного Бога мне чужда и кажется наивной»). Выдержав кратковременную борьбу с иудаизмом и выйдя из нее победителем, Эйнштейн поднялся выше всякой ортодоксальной веры. Он мог бы двигаться по легкой траектории, намеченной Докинзом, используя науку в качестве оружия в борьбе с пережитками веры. В книге «Бог как иллюзия» есть небольшой раздел, посвященный Эйнштейну, где тот подается как «ученый-атеист». Разумеется, Эйнштейн не был мистиком. Но Докинз не принимает в расчет личный путь и персональное паломничество, а ведь они-то как раз и указывают, куда или в каком направлении стремится сегодня духовность.

Эйнштейна интересовала суть религии, ибо эта суть, по его мысли, была неподдельной и абсолютно подлинной. В недавно увидевшей свет биографии Эйнштейна, написанной Уолтером Айзексоном, приведен такой случай. В 1929 году на обеде в Берлине, где присутствовал Эйнштейн, разговор зашел об астрологии, которую все гости решительно осудили как пережиток прошлого и полный абсурд. Когда кто-то сказал, что Бог тоже подпадает под ту же категорию, хозяин попытался урезонить гостя, заметив, что даже Эйнштейн верит в Бога. «Это невозможно!» – воскликнул гость. В ответ Эйнштейн привел одну из самых тонких и основательных причин для веры:

”Попытайтесь постичь нашими ограниченными средствами тайны природы, и вы обнаружите, что за всеми видимыми законами и взаимосвязями остается что-то неуловимое, неосязаемое и необъяснимое. Благоговение перед этой силой, находящейся выше всего, что мы в состоянии понять, и есть моя религия. В этой мере я действительно религиозен.

Этот комментарий предлагает множество возможностей. Он поддерживает ту идею, что современный человек в своих поисках Бога не должен цепляться за старый образ седого патриарха, сидящего над облаками на троне. Эйнштейн, естественно, за этим Богом не гнался. Он искал Бога, скрывающегося за завесой всех материальных явлений. И ключом в этих поисках был термин *субтильность*. Как и все ученые, Эйнштейн исследовал материальный мир, но, в отличие от них, он заприметил некий неуловимый, очень субтильный регион бытия. Заметьте: он не заявлял, что его религиозные убеждения зиждутся на вере. Нет, здесь было задействовано чувственное восприятие, а открытием ведал ум.

Эйнштейн сделал смелый шаг: он попытался понять, охватывает ли единая реальность обе движущие силы – веру в высшую реальность и стремление объяснить природу посредством законов и процессов, которые действуют независимо от духа. Время, пространство и гравитация не нуждаются в Боге, и все же без Бога Вселенная кажется беспорядочной и лишенной смысла. Эйнштейн объяснил эту дихотомию изречением, ставшим знаменитым: «Наука без религии хрома. Религия без науки слепа».

Еще одно из его знаменитых изречений касается сознания: «Религиозная склонность таится в живущем в человеке смутном сознании того, что вся природа, включая и самих людей, – это не игра случайностей, а работа законов, что у всего бытия есть некая фундаментальная причина». Здесь главная мысль – об упорядоченности природы. Эйнштейн не мог поверить, что окружающая нас замысловатая красота возникла случайно. Он всю

свою жизнь боролся против случайной Вселенной, объясняемой с позиции квантовой механики. Однако, даже не понимая того, что он имел в виду, общественность все же встала на его сторону, когда он сказал: «Как бы то ни было, я убежден, что Бог не играет в кости со Вселенной».

Что мне по душе в процитированном высказывании, так это проходящая фраза: «...вся природа, включая и самих людей». Отдельные ученые, в том числе и такие именитые скептики, как Докинз, делают ошибку, полагая, что люди стоят вне природы и смотрят на ее творения со стороны, как это делают дети, прижав свои носы к стеклянной витрине кондитерской. Они считают доказанной объективностью того рода, что квантовая физика была упразднена почти столетие назад. Наблюдатель играет активную роль в том, что он наблюдает. Мы живем во Вселенной, которая является нашим соучастником.

За покровами чисто научной аргументации Эйнштейн прозрел двусмысленность ситуации, в которой находится человек. Наше «смутное сознание» чего-то, находящегося за пределами видимой Вселенной, ставит нас в странное положение. Чему мы должны верить – сознанию или объективным фактам? Сама наука родилась в «смутном сознании», если уж на то пошло. Вместо того чтобы принимать мир, состоящий из зримых и осязаемых предметов, сотканный из звуков, вкусов и запахов, научный ум проникает за видимость вещей. «Вероятно, там действуют невидимые законы, – думает он. – Возможно, и Божье творение подчиняется этим законам. Возможно, Он даже хочет, чтобы Его дети открыли эти законы как признание своего благоговения перед Творением».

Мы не должны забывать, что Коперник, Кеплер и Галилей вынуждены были в одиночку бороться с верой в эпоху, когда вера значила всё; они были людьми этой эпохи и одновременно пионерами новой. Религия определяла участие и место каждого человека во Вселенной. Первое правило гласило: над видимым миром один Бог. Требовалась внутренняя борьба, чтобы переключиться и сказать: над видимым миром одна математика, поскольку, когда вы совершенствуете математику, вы совершенствуете законы природы, которые действуют согласно математике. Это скользкий склон. Внезапно вам в голову начинают приходить странные мысли, которые раньше вам и не снились. Вероятно, Бог тоже подвластен этим законам, раз Он не может одолеть гравитацию. Или это все игра, и Бог только прикидывается беспомощным? Решив, что Вселенная будет управляться механически с заранее рассчитанной математической точностью, Он смог бы опрокинуть всю эту машину, если бы захотел.

Поиски, которые предпринял Эйнштейн, велись в большинстве своем в том же самом мире. Он не смог объяснить, что лежит за пределами времени и пространства, – математику времени и пространства он двинул так далеко, что дальше некуда, – но он не сделал грубой ошибки и не отверг свое «смутное сознание» высшей реальности как атавистическое суеверие. В то время эта двусмысленность доводила до отчаяния многих людей. Докинз прав, когда заявляет в своей книге, что и верующим и атеистам нравится и так, и эдак склонять противоречивые высказывания Эйнштейна о Боге. Все, чего они хотят, – чтобы этот величайший мыслитель человечества дал им определенные ответы.

Один известный раввин послал Эйнштейну сердитую телеграмму: «Вы верите в Бога? Остановитесь. Ответ оплачен. Пятьдесят слов». Эйнштейн ответил: «Я верю в Бога Спинозы, который открылся в законопослушной гармонии всего сущего, но не в Бога, который заботится о судьбе и делах человечества». Находясь под влиянием свободомыслящего голландского философа Спинозы, он пленился той возможностью, что материя и сознание образуют одну реальность и что Бог, этот Высший Разум, наполняет эту реальность. Он высоко ценил Спинозу как «первого философа, который рассматривал душу и тело как одну, а не две различных ипостаси».

В зрелые годы Эйнштейн отринул персонального Бога, поднявшись выше ограничений иудео-христианской традиции. Но не полностью. Когда ему было пятьдесят, один журналист, бравший у него интервью, спросил ученого, повлияло ли на него христианство, на что тот ответил: «Я еврей, но я восхищаюсь светлым образом Назарянина». Немало

удивленный, журналист спросил Эйнштейна, верит ли он, что Христос действительно существовал. «Несомненно. Невозможно читать Евангелия, не ощущая реального присутствия Иисуса. Его личность лучится в каждом слове. Ни один миф не наполнен такой жизнью».

При этом сам Эйнштейн шел к духовности гораздо более светского характера, чем это предполагает данный комментарий. Не говоря этого вслух, он живо откликнулся на ту печальную статистику, согласно которой миллионы людей оказались жертвами Первой мировой войны и Великой депрессии – величайших бедствий, в которые вселюбящий Бог и не собирался вмешиваться. Взгляд Эйнштейна на Бога со временем менялся от более материального к более возвышенному: это был незримый Бог, имперсональная сущность, скрывавшаяся за маской материи. Что касается Вселенной, наделенной разумом, недоступным человеческому, то Эйнштейн весьма осторожно высказался в том роде, что подобная Вселенная «великолепно устроена и подчиняется определенным законам», которые люди пока что понимают весьма смутно. Он заявил, что не верит ни в бессмертие («Для меня достаточно и одной жизни»), ни в свободную волю, ибо законы, управляющие человеческой судьбой, так же жестки и неумолимы, как и законы физические.

Он так и не нашел того, что искал, – обоснованной нерелигиозной духовности. Во многих отношениях она и сегодня остается для нас только надеждой. Подобная духовность глядит на бытие без предубеждений, позволяя Богу и разуму сосуществовать мирно, без борьбы. Как? Эта связь на уровне ума. Высшая цель, по признанию самого Эйнштейна, заключалась в том, чтобы понять Божий ум. Но для этого нужно сначала объяснить ум человеческий. В конце концов, наш ум – это фильтр, через который мы воспринимаем реальность, и если этот фильтр поврежден или неверно понят, у нас нет никакой возможности постичь ум Бога. Или мы мыслим, как Он, или Он мыслит, как мы. Если неверно ни то, ни другое, связи между нами быть не может.

Как поводирь в стране религии и науки Эйнштейн превзошел Докинза во всех отношениях. Без тени высокомерия Эйнштейн писал: «Что отличает меня от большинства так называемых атеистов, так это чувство невероятного восхищения непостижимыми тайнами гармонии космоса». (В своей книге «Бог как иллюзия» Докинз ничего не говорит о духовном пути, пройденном Эйнштейном, вероятно, чтобы не нарушить правило довольно свободного и прихотливого подхода к истине.) Для меня наиболее привлекательной чертой Эйнштейна служит его восхищение тем уровнем творения, которое для нас недостижимо. Это то незримое место, где начинается чудо. В его символе веры от 1930 года «Во что я верю» мы находим такое высказывание: «Чувствовать, что за пределами того, что может быть познано, существует нечто, чего наш ум не в состоянии постичь и чьи красота и одухотворенность касаются нас лишь опосредованно, – это и есть религиозность». Высказывания, подобные этому, открывают путь широкому, непредвзятому взгляду на духовный поиск. В этом смысле Эйнштейн стоит гораздо выше упрямых научных скептиков, которые просто отбрасывают за ненадобностью персонального Бога, оставляя на Его месте стерильную пустоту.

Ответ воинствующему атеизму

Ричард Докинз, поддерживающий идею атеизма как прогресса, в своих усилиях не одинок: ему вторят и другие известные голоса. Речь в данном случае идет о трех писателях, авторах бестселлеров: это философ Дэниел Деннет, полемист Кристофер Хитченс и «молниеотвод» антихристианства Сэм Харрис, бывший нейрохирург, человек, достаточно долго изучавший буддизм. Книги, которые они пишут, – это очевидные и намеренные провокации, и я поражаюсь тому, насколько мелки и поверхностны доводы, выдвигаемые ими против Бога. Они радостно извращают христианство и даже не испытывают угрызений совести за то, что используют нечестную тактику. Хитченс, например, отбрасывает духовные

свидетельства как никуда не годные, даже не удосужившись, так сказать, предоставить им слово.

”Любая достойная научная дискуссия, по моему мнению, должна начинаться с исключения людей, заявляющих, что они знают больше того, что знают. Начните со слов: «Конечно же, начинать с этого не совсем правильно. Ну, а теперь не продолжить ли нам?», – и теизм будет уложен наповал в первом же раунде. Он будет сброшен со счетов, выброшен со сцены.

Лично я не могу представить лучшую формулу интеллектуальной нечестности. Глашатаи воинствующего атеизма не желают признавать своего узкоограниченного видения; вместо этого они веселятся и бражничают. Так поступают все идеологи. Это ведет к тому, что они начинают бросаться безрассудными, ложными заявлениями. Вот лишь несколько примеров таких заявлений, заимствованных мною из записей их бесед.

Харрис: *«Каждый верующий человек встречает со стороны людей с иным вероисповеданием такую же критику, какую высказываем мы, атеисты. Они не принимают псевдочудес... и видят, что люди иной веры просто их оболванивают, играя на доверии».*

Хитченс: *Религиозным людям «по душе та идея, что [Бога] невозможно показать, ибо тогда было бы не во что верить. Если бы каждый видел вознесение и мы все знали бы, что спасемся через это, тогда бы мы жили с неменяющейся системой убеждений – и она должна была бы контролироваться».*

Вновь Харрис: *«Если бы не магия Библии, христианство бы исчезло. Если бы не магия Корана, ислам бы исчез. Но если вы посмотрите на эти книги, то... есть ли там хоть одно предложение, которое не мог бы сказать любой человек, для которого тачка – образец новейшей технологии?»*

Неприкрытое предубеждение сквозит буквально повсюду; и тем не менее даже в наш скептический век воинствующий атеизм снискал изрядную долю уважения в среде интеллектуалов. Деннет, который утверждает, что все мы «зомби», механически подчиняющиеся диктату нашего мозга, удостоился всеобщего признания за то, что развенчал такие «затасканные» понятия, как душа и личное «я». Провокационная книга Хитченса «господь не велик» (использование строчного «г» в названии и по всему тексту – выбор самого автора) была в числе книг-финалистов, выдвинутых на соискание Национальной книжной премии. В 2011 году, в последние дни жизни, уже умирая от рака пищевода – печальный результат пагубных страстей, пьянства и курения, которым он предавался всю свою жизнь, – Хитченс написал открытое письмо участникам ежегодного съезда американских атеистов.

Вот несколько отрывков из этого послания, резкого в своем отрицании всяких утешительных бесед на ложе смерти:

”Все ближе узнавая своего врага [смерть], я обнаружил, что все разговоры и увещания о спасении, искуплении и сверхъестественном освобождении кажутся теперь даже более пустыми и несерьезными... нежели они казались раньше.

Я нашел куда более лучшее помещение для своей веры, которую я вложил в две вещи, а именно: в мастерство и принципы прогрессивной медицинской науки и в товарищеское содружество многочисленных друзей и членов семьи, которые все поголовно невосприимчивы к ложным утешениям религии.

Именно эти две силы, среди прочих других, ускорят приход того дня, когда человечество освободится от выкованных разумом оков религиозного раболепия и суеверия.

«Суеверие», «ложное утешение», «выкованные разумом оковы религиозного

раболепия», «выставляемая на посмешище псевдонаука» и «льстивые речи» организованной религии – эти ключевые термины, используемые Хитченсом в его письме, осуждающем старое, дискредитировавшее себя мировоззрение, весьма характерны для риторики воинствующего атеизма. Против этих враждебных сил он собирает под свои знамена импульсы добра (которое всегда на его стороне), облекая их в такие термины как приличие, скептицизм, «наша внутренняя солидарность», смелость, «искреннее неприятие всякой коварной чепухи» и т. д.

Риторика – это всего лишь риторика, хотя нашлись и такие (их, правда, немного), кто серьезно поверил в то, что атеисты – образцы благопристойности и нравственности, а все верующие подобострастны и суеверны. Человеческую природу не так-то просто поделить на части и навесить бирки. Но глубочайшая ошибка – даже не теория, а практика, цель которой – поставить разум по одну сторону, а веру в Бога – по другую. Проблема не в том, кто с одной стороны покушается на Бога, а с другой – на разумное человеческое существо. (Это заведомо ложная логика, вроде той, что содержится в известном изречении: «Одни люди вегетарианцы, а другие думают, что коровы бурые».) Разум и вера – не враги. Одни ученые посещают церковь (по некоторым оценкам, даже чаще, чем обычная паства), а другие нет. Исаак Ньютон был убежденный христианин, как в наши дни Фрэнсис Колхаун, физик и генетик, возглавлявший проект по исследованию генома человека до того, как он занял нынешний пост главы Объединенных национальных институтов здравоохранения.

На эмоциональном уровне меня больше всего беспокоит безобразное поведение некоторых, скажем так, ученых, стремящихся растоптать эти нежные ростки персональной духовности. Я по опыту знаю, что люди, покинувшие надежный кров традиционной веры, обычно чувствуют себя неуверенно. Их духовные стремления зыбки и не сформированы. Они безоружны против аргументации воинствующих атеистов. Докинз, Хитченс, Харрис и Деннет – профессиональные писатели и мыслители, в совершенстве владеющие искусством убеждения. Они без стыда манипулируют бесчисленными доводами только ради того, чтобы победить или продемонстрировать свое презрительное отношение к оппонентам. Короче говоря, Докинз и его когорта ставят без разбору на всех, кто произносит слово «Бог», клеймо грубого религиозного фанатизма. Но и у атеизма немало оттенков. Еще раз повторю то, с чего начал: согласно данным опроса, проведенного Исследовательским центром Пью в 2008 году, 21 % американцев, считающих себя атеистами, верят в Бога или в Универсальный Разум. Согласно тем же данным, 12 % атеистов верят в рай, а 10 % молятся хотя бы раз в неделю.

Ну, а как быть с заявлением, что мы в большей мере наслаждались бы жизнью, если бы отказались от абсурдной идеи, что Бог существует? Американский писатель ирландского происхождения Т.К. Бойль в интервью газете «Нью-Йорк таймс» сделал такое меланхоличное замечание по этому поводу (во время разговора всплыла тема смерти – романы Бойля всячески муссируют эту тему – и его многоговорящий ответ затрагивает самую суть того, как ощущается утрата иллюзий и разочарование):

”У предыдущих поколений была цель, вы должны были умереть, но был Бог, и литература и культура оставались. Теперь, разумеется, Бога нет, наш вид в ближайшее время обречен на вымирание, поэтому нет и цели. Мы взрослеем, обзаводимся семьями, открываем банковские счета, ремонтируем зубы и все такое прочее. Но в действительности у нас нет конечной цели, кроме как оставаться в живых.

Для многих эта утрата иллюзий ощущается весьма реально, никто не назовет ее радостным состоянием сознания. Если уж на то пошло, отбросьте это затасканное слово «Бог» со всеми его коннотациями и замените ее синонимом, тем, что ищет богоискатель, будь то внутренний мир, духовное свершение, душа, высшее сознание, запредельность. Стереть их с лица земли – это не даст нам ключ к счастливому существованию. Скорее, это будет похоже на прелюдию ада на земле. Счастье, которое вы обретете (если обретете),

когда откажетесь от своих духовных устремлений, будет пустым и бесплодным.

Все это нетрудно увидеть. Но с этим трудно считаться, ибо воинствующий атеизм, какой он ни есть, все-таки ставит правильный диагноз, хотя и предлагает не то лекарство. Нужное лекарство – это духовное возрождение. Мы по сути своей духовные существа. Наша роль в творении не в том, чтобы быть разумными, хотя мы и гордимся этим, а в том, чтобы стремиться к достижению высшего. Воинствующий атеизм стремится стереть и затоптать это драгоценное свойство. Он стремится трагедию несостоявшегося Бога заменить трагедией отсутствия души. Наука и данные, которая она собирает, не содержат в себе ни чуда, ни благоговейного трепета, ни тайны. Радость бытия не имеет реальности кроме той, которая внутри нас, – мы можем добавить к ней чудо или можем отбросить его прочь.

Мир, перевернутый с ног на голову

За век до того, как вышла в свет книга «Бог как иллюзия» (2006), ситуация в мире была совершенно иной: можно сказать, она являла зеркальную противоположность нынешней. Вера не подвергалась видимым нападкам со стороны, если не считать немногих интеллектуальных кружков (таких, как революционеры-марксисты, читатели Дарвина и последователи Фрейда). В 1906 году исполнилось пять лет, как умерла королева Виктория, но викторианская поэзия все еще была жива. И где бы ни царил мир (а он тогда царил почти на всей земле), за это благодарили Бога. Благодаря христианской цивилизации на огромных просторах земли утвердились благосостояние и благополучие, а вера в любящего, милостивого Бога, по образу Коего мы были созданы, превалировала повсеместно. Выступая от имени идеализма своего века, Рабиндранат Тагор вдохновенно писал: «Любовь – единственная реальность, а не просто чувство. Это конечная истина, лежащая в сердце творения».

Крах разразился с удручающей быстротой. И вовсе не наука стала виновницей падения Бога. Еще за десятилетия до этого дарвиновская теория эволюции затмила историю творения, как ее излагает Книга Бытия, и утвердилась повсеместно как единственное научное объяснение возникновения жизни на Земле. (По иронии судьбы еще один творец теории эволюции, Альфред Рассел Уоллес, который, как известно открыл ее одновременно с Дарвином, был спиритуалистом.) Но чтобы уничтожить веру, цивилизация должна была сойти с ума. Сэр Эдвард Грей, ныне забытый британский государственный деятель, в 1914 году, когда разразилась «война, которая положит конец всем войнам», изрек одно из самых страшных пророчеств века: «Светильники гаснут по всей Европе. Мы больше не увидим их зажженными в наше время».

Это пророческое высказывание, как оказалось, стало прозрачным предвидением будущего. Начавшийся с ужасов окопной войны в Первую мировую и достигший кульминации во время железного правления Мао, во время которого были убиты 70 миллионов китайцев, XX век довел массовое уничтожение людей до масштабов, невиданных и неслыханных ранее. По самым скромным подсчетам, в кровавых беспорядках прошлого века погибли 100 миллионов людей, если брать в расчет многочисленные жертвы в Китае (почти все они были крестьянами, умершими голодной смертью во времена страшного голода, который охватил Китай в первые годы правления коммунистов) и устрашающее число погибших в двух мировых войнах, плюс Холокост и революционные чистки, приведшие к массовым расстрелам людей в России, Китае, Камбодже и Боснии.

Если Бог допустил это массовое истребление, если Он равнодушен к страданиям и смерти миллионов верующих людей, то заслуживает ли Он того, чтобы Ему поклонялись? Мне вспоминается притча «Те, кто уходит из Омеласа», написанная известной американской писательницей-фантастом Урсулой Ле Гуин. Городок Омелас – это утопия, скрывающая тайну. Жители этого городка купили счастье и уют ценой жизни одного ребенка, грязного и униженного, которого они прячут во тьме.

Все об этом знают, ибо тайна сообщается каждому, когда он достигает

соответствующего возраста. Большинство людей чувствуют себя неуютно, но со временем они свыкаются с этой мыслью, с тем, что их благополучие покупается ценой пытки невинного создания. Только немногие уходят из города, молча и не оглядываясь назад. Никто не знает, куда они идут, и читатель тоже остается в неведении; сказано лишь, что где-то есть место, еще более утопическое, чем Омелас. Эта притча – о совести, о том, что она значит в жизни человека.

Эту притчу мы можем с легкостью применить и к жизни. Взять какого-нибудь тренера, чья команда с триумфом побеждает каждый сезон и которого все обожают, но который втайне от всех растлевает малых детей. Менее шокирующая, но более распространенная ситуация – заботливый муж, который обеспечивает семью всем необходимым, но время от времени избивает свою жену. Докинз предъявляет религии те же моральные претензии. Ибо в моральном отношении он считает себя стоящим гораздо выше, чем набожный человек, который закрывает глаза на недостатки Бога. Но с точки зрения Докинза, если такой человек по-прежнему продолжает ходить в церковь, делая вид, будто Бог и в самом деле всемогущественный и вселюбящий, то ему нет извинения.

Неприятие несовершенного Бога морально оправдано. Но перед лицом массовых ужасов необходимо возродить любящего Бога. И для этого вовсе не нужно находить оправдания или закрывать глаза. Все, что требуется, – это пройти своим путем. Отыскание правды – нелегкий путь, уж будьте уверены, но он ведет к чистой совести. Америка как общество бросает за решетку столько преступников, сколько считает необходимым, вместо того чтобы заниматься их реабилитацией. Реабилитация Бога – дело куда более трудное; в сущности, здесь налицо явное противоречие. Если Богу известно все, то Он все время должен знать, что делает. Если же то, что Он делает, есть зло, то Он не может быть Богом, который есть квинтэссенция доброты. Что и говорить, перед нами стоит прямо-таки непосильная задача.

Кристофер Хитчинс умер от рака в 2011 году, за десять дней до Рождества. Ему было шестьдесят два года. То жизненное мужество, которое он продемонстрировал в «том долгом споре, который я веду с призраком смерти», заслуживает добрых слов и трогает душу. Таких же добрых слов заслуживает и духовно ищущий человек, так что и тот, и другой сходятся в одной точке. Духовность тоже экзистенциальна. Вопросы, которые она перед нами ставит, – это: кто мы такие, почему мы здесь и каковы величайшие ценности, по которым человек должен сверять свою жизнь.

Ошибка, которую совершают атеисты, состоит в том, что все моральные добродетели они присваивают только себе, заявляя, что лишь неверующие владеют истиной. Истина открывается в процессе поиска, и каждого, кто презирает этот процесс, нужно разбудить еще до того, как он примется заявлять, что все другие, кроме него, крепко спят. Отвечая на вопросы анкеты в ходе статистического опроса, люди почти единодушно выражают веру в Бога. Но семя неверия все еще сидит в их душах. Чтобы начать процесс «перезагрузки» Бога, каждый из нас должен увидеть себя в зеркале собственного неверия. Казалось бы, перспектива пугающая и даже расхолаживающая? Но это не так. Когда вы избавитесь от всех иллюзий, в которые верите, останется только истина, а конечная истина – это Бог.

Как доказать, существует ли утконос

Существование Бога трудно доказать, но так же трудно доказать и существование такого фантастического существа, как утконос. Если бы он не существовал в жизни, никто бы не смог поверить в реальность этого неправдоподобного существа. У него перепончатые ноги, а клюв как у утки. Самец задними лапами может наносить болезненный удар. Самка не рождает живых детенышей, как прочие млекопитающие, а откладывает яйца, как это делают пресмыкающиеся или птицы. Давайте предположим, что вы обратились к математику с просьбой рассчитать, какова вероятность того, что подобное создание существует. С учетом

достаточно надежных и опробованных переменных величин, он бы выдал вам статистическую вероятность реальности такого существа, и она оказалась бы очень низкой. Это подобно птице, ящерообразное млекопитающее не укладывается ни в какие рамки. Но погодите! Стоит только уткуносу выбраться из норы, расположенной где-нибудь на берегу водного потока в австралийской глубинке, – и все рамки летят к чертям собачьим! (Уткунос – ночное существо, к тому же очень робкое.)

Будьте поосторожнее с аргументацией, основанной на вероятности. В молодости Эйнштейн работал служащим в швейцарском патентном бюро. Каковы шансы на то, что современный служащий, работающий в том же бюро, окажется вторым Эйнштейном? Предполагать подобное, с точки зрения здравого смысла, – полный абсурд (как и абсурд предполагать, что глухой человек станет вторым Бетховеном). И даже если взять вполне разумное в данном случае соотношение (десять миллионов к одному), вам не просчитать вероятность появления второго Эйнштейна. Точно так же, если вы захотите сесть на первый попавшийся автобус, вы не сможете вычислить вероятность того, что он доставит вас именно туда, куда вам нужно. Для этого необходимо взять расписание и найти нужный маршрут. Чем больше неправильных вопросов, тем больше неправильных ответов.

В своей книге «Бог как иллюзия» невероятность существования Бога Докинз делает главной опорой своего отрицания Бога. Это классический пример того, как правильно задавать неправильный вопрос. Приводимые им аргументы можно найти в главе «Почему почти наверняка Бога нет», которая претендует на объективность. На шкале от 1 до 7, где 1 означает уверенность в том, что Бог существует, а 7 – уверенность в том, что Он не существует, Докинз выбирает цифру 6. «Я не знаю наверняка, – пишет он, – но думаю, что существование Бога относится к категории невероятия, поэтому я живу своей жизнью, исходя из того предположения, что Он не существует».

Почему шансы на существование Бога должны просчитываться, как просчитываются шансы на победу рысака на лошадиных бегах? Если вы обнаружили уткуноса, вам не нужно обращаться к статистику с просьбой просчитать вероятность его существования, и то же самое верно и в применении к Богу. На протяжении более чем трехтысячелетней истории люди напрямую постигали Бога через откровения и высшие духовные переживания. Апостол Павел принадлежал к поколению верующих, переживших распятие Христа, и он писал в своем послании, что более пяти сотен обращенных видели вознесенного Христа. Мухаммед поднялся в пещеру над Меккой, чтобы найти там покой и умиротворение, но узрел архангела Гавриила, который повелел: «Говори!» И Мухаммед тут же начал декламировать стихи из Корана. История религии полна прозрений, откровений, видений, чудес и мистерий. Раз такое явление как духовность универсально, то прямой опыт постижения Бога что-то да значит. Ну, а скептики могут опираться на более веские, общеизвестные факторы, такие, например, как опрос общественного мнения. То обстоятельство, что от 80 до 90 % американцев верят в Бога, – само по себе слабое доказательство, если только вы сами не опрашиваете каждого респондента, спрашивая его, почему он верит.

Может быть, Бог (как и уткунос) невидим, но ведь невидима и музыка. Мы верим своему опыту восприятия музыки, а что, если вдруг явится скептик, который глух на оба уха? Как вы докажете ему, что музыка существует? Вы можете взять его с собой на концерт и привести в концертный зал, где собрались сотни людей, чтобы послушать музыку. Если это его не убедит, у вас есть много других возможностей для убеждения: консерватории, фабрики по производству музыкальных инструментов и т. д. В определенный момент, даже если глухой скептик совершенно неспособен установить, реальна музыка или нет, убедительным доводом может стать обширный опыт других людей – если только скептик его решительно не отметет.

Докинз именно так и поступает: он решительно отменяет знание о существовании Бога; поэтому непосредственный духовный опыт других людей не имеет для него никакого значения. Все обмануты и одурачены. В конце книги приводится подробный перечень имен, где указаны и те, которых не встретишь в самой книге: Будда, Лао-Цзы, Зороастр, Сократ,

Платон, Франциск Ассизский и евангелисты Матфей, Марк, Лука и Иоанн. Докинз одним движением руки отбрасывает прочь весь духовный опыт прошлого. Он не упоминает даже Конфуция, и единственная ссылка на конфуцианство дается в паре с буддизмом, ибо, с точки зрения Докинза, ни то, ни другое течение не является духовным по своей природе:

”Другие религии, такие как буддизм и конфуцианство, меня не волнуют вовсе. В самом деле в них есть нечто, что позволяет трактовать их не как религиозные, а как этические системы или философии жизни.

Для многих поколений буддийских священников и тибетских лам такое заявление окажется настоящей неожиданностью. Но Докинзу этого мало. Он из тех писателей, которые хотят убедить читателя в том, что иудаизм был «изначально племенным культом жестокого, отталкивающего Бога, не в меру одержимого сексуальными ограничениями, наслаждающегося запахом обугленной плоти» и т. д. Он даже не принимает в расчет то обстоятельство, что эти утрированные измышления подрывают доверие к нему как объективному ученому.

В наши дни проводится множество научных исследований, чья цель – подтвердить достоверность духовного опыта и сверхъестественных явлений. Но Докинз уделяет мало внимания беспристрастным научным исследованиям и их результатам и совсем не уделяет внимания взвешиванию всех «за» и «против», приводимых участниками дебатов по таким вопросам, как реинкарнация, околосмертные переживания и эффективность молитвы. Начиная с 1960-х годов, например, психиатр Иен Стивенсон на базе психологического факультета университета Вирджинии долгое время занимался изучением детей, помнивших свои прошлые воплощения. Обычно это случается в возрасте от двух до семи лет, а потом память о прошлом быстро стирается. За более чем четыре десятилетия были собраны и обследованы более двух тысяч пятисот случаев. Дети делились своими воспоминаниями о том, где они жили, о своих друзьях и родных, о подробностях своей смерти. Многие, особенно дети из Японии и Соединенных Штатов, вспоминали о том, что пали в сражениях Второй мировой войны. Один маленький мальчик пришел в сильное возбуждение при виде кадров кинохроники, запечатлевших сражение истребителей над Тихим океаном, и когда один из них был сбит и резко пошел вниз, он вскочил и, указывая на экран, закричал: «Это был я!» Родители отыскиали летчиков, оставшихся в живых после того сражения, и они подробно описали пилота, которым, по мнению мальчика, он тогда был. Он правильно указал все подробности того боя и даже назвал несколько имен своих товарищей.

Будучи родом из Индии, я хорошо знаю такие случаи; они широко известны и вполне достоверны. Детей проверяли, привозя в те деревни, где, по их словам, они раньше жили, и в большинстве случаев их воспоминания (они называли улицы, дома и имена разных людей) оказывались верными. Стивенсон занимался как раз исследованием подобных необычных историй, и команда ученых-исследователей, продолжающих его работу, к настоящему моменту собрала сотни достоверных случаев подобного рода со всех концов света. Самые поразительные примеры – это, вероятно, те, когда ребенок рождается с родимыми пятнами на местах, где у него на теле были раны (например, родинка на груди в том месте, где вошла пуля); они позволяют точно установить, как именно произошла смерть в прошлом воплощении.

Независимые исследователи, работая с данными, собранными Стивенсоном, пришли к выводу, что «в отношении случаев реинкарнации он кропотливо и не вдаваясь в эмоции собрал целый ряд детально описанных доказательных случаев... которые трудно объяснить любыми другими причинами». Этот столь необычный предмет исследования до сих пор держится под тщательным научным наблюдением маститых ученых. То же самое справедливо и в отношении всех других феноменов, которые скептики типа Докинза не исследуют, а предпочитают подвергать осмеянию. Любые явления, которые вы не понимаете, заслуживают, по меньшей мере, хотя бы того, чтобы их изучили с научной точки

зрения особенно если вы называете себя ученым. Докинз по определению рассматривает такие исследования, как фикцию, поэтому единственное, что ему остается, – это сослаться на единичные (и противоположные) исследования, дабы не утруждать себя рассмотрением множества объективных данных.

Докинз посвятил несколько страниц ученым, верившим в Бога. Он быстро расправляется с Коперником, Кеплером, Галилеем и Ньютоном, ибо их престиж не придает особого веса «заведомо плохим аргументам». Но перед Дарвином, его домашним божком и идолом, он замирает надолго. В юности Дарвин был обычным верующим. В своей автобиографии он пишет: «Находясь на борту “Бигла”, я был совершенным ортодоксом, и, помню, несколько офицеров (сами ортодоксы) потешались надо мной от всего сердца, когда я цитировал им Библию как неоспоримый авторитет в вопросах морали». Сомнение в нем посеял все тот же пресловутый вопрос, который задавали себе многие другие викторианцы: «Как единый Бог может одобрять существование многих других богов, таких как Шива и Вишну? Он что, индусам и христианам шлет различные послания?» У Дарвина было немало причин усомниться в истинности Евангелий, и после долгих размышлений он сообщает: «Я наконец разуверился в христианстве как божественном откровении».

Но вовсе не под влиянием эволюции Дарвин отверг библейскую религию, которая и в самом деле создает большой дискомфорт, если вы опираетесь на эволюцию и рассматриваете ее как главный оплот вашей атеистической позиции. Дарвин не касался проблемы персонального Бога вплоть до последних лет жизни; именно тогда он воспользовался теорией естественного отбора, чтобы опровергнуть доводы в пользу всемилостивого и вселюбящего Создателя. Удивительно, насколько это уже другой человек, когда он пишет о своем неверии. Он сравнивает себя с человеком, который не различает красный цвет в мире, где все видят красный. Таким образом, он не скрывает того, что понимает, что «самый обычный довод в пользу существования разумного Бога проистекает из глубокого внутреннего убеждения и чувств, пережитых большинством людей». В молодости и ему были свойственны те же чувства: в своем дневнике, который он вел во время путешествия на «Бигле», Дарвин вспоминает, что был настолько ошеломлен видом бразильских джунглей, что тотчас проникся убеждением: только существованием Бога можно объяснить этот феномен. Но в конце жизни эти чувства казались ему не заслуживающими доверия: «Я не вижу, как подобные внутренние убеждения и чувства могут иметь какой-то вес в качестве доказательства того, что реально существует».

Дарвин, без сомнения, заложил солидное научное основание для современного ученого, стоя на котором он может полагаться только на объективные доказательства. Но Дарвин вовсе не был ниспровергателем Бога. Рассмотрев со всех сторон возможность бессмертия и другие характерные признаки Бога, он говорит: «Я не претендую на то, чтобы пролить последний свет на столь трудные для понимания проблемы. Тайна начала всех вещей остается для нас неразрешимой, и я раз и навсегда должен удовлетвориться тем, что остаюсь агностиком». Единственный способ уклониться от этого неудобного факта, оставшийся в распоряжении Докинза, – это заявить, что в XIX веке давление со стороны веры было столь сильным, что неверующие с неохотой говорили о своих убеждениях. Он цитирует Бертрана Рассела, известного философа-атеиста, который, мол, подтверждает, что это давление по-прежнему тяготит и над учеными XX века: «Они скрывают этот факт на публике, поскольку боятся потерять свои доходы».

На это предположение, кажущееся слабым даже самому Докинзу, существует веский контраргумент, который он почему-то побоялся привести и который сводится к тому, что ученый верит в Бога потому, что, как говорит генетик Фрэнсис Коллинз, наука годится лишь для того, чтобы комментировать естественный, а не сверхъестественный мир. Для Коллинза как верующего христианина «оба мира абсолютно реальны и абсолютно важны. Их изучение ведется по разным направлениям. Они сосуществуют друг с другом и озаряют друг друга».

Но даже если великие ученые и верят в Бога, имеет ли это хоть какое-то значение? Ни Коперник, ни Ньютон, ни другие не ставили опыты, имевшие целью доказать существование

Бога. И не полагались они также на личный духовный опыт (хотя, как следует из их биографий, у них был кое-какой опыт, присущий почти всем людям). Опрос великих ученых по поводу их мнения об искусстве тоже не имеет значения; эти две области полностью отделены друг от друга.

Если «Происхождение видов» нанесло сокрушительный удар и по Библии, и по христианской вере в целом, почему тогда Дарвин избегал атеизма? Один юный поклонник написал Дарвину письмо, в котором спрашивал ученого о его религиозных убеждениях, и получил от него тщательно обдуманый ответ. Этот ответ – благородный образчик выжидательной позиции и умения соблюдать нейтралитет. Дарвин написал:

”На ваш вопрос невозможно ответить кратко, и я не уверен, что смог бы сделать это, даже если бы написал длинное письмо. Но я могу сказать, что невозможность понять, что эта грандиозная и удивительная Вселенная, вместе с нашими разумными «я», возникла по воле случая, кажется мне главным доводом в пользу существования Бога; но представляет ли этот довод реальную ценность, я решить не в состоянии.

Этот ответ возвращает нас к шансам и вероятности. В эпоху веры люди наблюдали сложные закономерности в природе и сразу же видели в этом руку Создателя. По мере развития науки они утратили это интуитивное восприятие. Каждый аспект природы требовал определенных данных. Математика по всем статьям превзошла «естественную религию», как ее называли. Поэтому давайте посмотрим, какой стороне выгодна эта вероятность. Что более вероятно: что Бог существует, или Он не существует?

Что такое Бог, или «Уловка 747»

Самый известный в научных кругах ответ на этот вопрос дал в 1982 году известный британский астрофизик Фред Хойл. Выступая с лекцией по радио, он как бы мимоходом сказал: «Один мой коллега открыл, что дрожжевая клетка и 747-я модель “Боинга” имеют одно и то же число деталей, тот же уровень сложности». Современная наука, отвечая на вопрос, каким образом столь гармонично совместились все сложнейшие детали дрожжевой клетки, объясняет: это произошло случайно. Хойл попробовал подсчитать, какова вероятность того, что слепой случай смог «собрать» целую живую клетку. Шансы были неправдоподобно низкими. Со временем все прочее забылось; не забылось лишь вот это поразительное сравнение (причем дело даже не в названных цифрах, которые с годами менялись, поскольку и сама модель самолета постоянно менялась и модифицировалась):

”Возможность того, что высшие формы жизни могли появиться подобным образом [то есть случайно] сравнима с возможностью того, что торнадо, обрушившийся на свалку металлолома, смог бы собрать «Боинг-747» из находившихся там материалов.

Аналогия во всех отношениях оказалась блестящей, ибо легко воспринималась и легко запоминалась. У «Боинга-747» примерно 6 миллионов деталей, и требуются ум, дизайн и планирование, чтобы состыковать их все в единый организм. Хойл не был креационистом и не верил в Бога. Его целью было показать, что возникновение очень сложных структур невозможно объяснить простой случайностью.

Аналогию с «Боингом-747» и свалкой металлолома легко усложнить – фактически в тысячи раз. Как известно, ДНК человека состоит из шести миллиардов (не миллионов) нанизанных друг на друга генетических букв, которые размещены очень тонко и умело. Если хотя бы два гена поменяются местами, это может повлечь за собой серьезные нарушения, такие как врожденные дефекты и генетические искажения. Это подразумевает наличие разумного замысла, хотя слова «разумный замысел» для креационизма слишком «умные»

словечки. Креационизм упивается пристальным вниманием к себе со стороны общественности, с тех пор как христиане-фундаменталисты обрядили библейское сказание о сотворении мира в одежды шаткой науки. Тем самым концепции разума в природе был нанесен основательный ущерб, который оказался долгим и трудно устранимым.

Докинз вносит еще большую путаницу в весь этот хаос, швыряя главу за главой в головы религиозных фундаменталистов. Если вы полагаете, что природа логично задумана и разумно устроена, делает он выпад, то вы оказываетесь в одной дырявой лодке с теми, кто верит, что Книга Бытия абсолютно достоверна. Докинз принимает активное участие в дебатах с теологами и выходит из них невредимым (по его расчету), поскольку его оппоненты, одурманенные и оглушенные интеллектуальным артиллерийским огнем, вынуждены отступить, прикрываясь заплесневелыми аргументами о том, что у Бога, мол, есть специальное место в лоне природы, которое недоступно науке. В сущности, говорит Докинз, они помещают Бога в безопасную зону, делая Его недостижимым для научных выкладок и наблюдений. Если бы Его надежно не упрятали в эту зону, Он не смог бы пережить того тщательного изучения, которому мы подвергаем амёб, электроны и кости динозавров.

Да, аналогия с «Боингом-747» и свалкой металлолома столь убедительна, что ее трудно проигнорировать, в чем Докинз убеждается непосредственно. «Самый важный аргумент, – пишет он, – это довод из арсенала неверия». Поэтому в защиту креационизма он, кроме того, потрясает религиозным памфлетом, изданным библейским обществом «Сторожевая башня», издательским придатком Свидетелей Иеговы. В памфлете приведены примеры сложных форм жизни, в творении которых ясно видна рука Создателя. Одна из таких форм – это морская глубоководная губка (*Euplectella*), более известная в народе как «цветочная корзина Венеры». (В Азии этот обитатель морей часто преподносится в дар – как символ романтической любви, ибо внутри каждой губки, надежно защищенные ее «лепестками», живут креветки мужского и женского пола. Когда они спариваются, их потомство выбрасывается в толщу океана и ищет себе пристанище в другой губке.) Скелет губки сформирован из миллионов стеклянных волокон, столь причудливо переплетенных между собой, что их дизайном уже давно интересуются производители волокнистой оптики; губка превращает кремниевую кислоту, содержащуюся в морской воде, в кремнезем, химическую основу стекла. В памфлете говорится, что наука не может объяснить, как возник такой сложный организм. Из чего делается вывод: «Но одно мы знаем точно: вряд ли творцом этого организма был случай».

Докинз, видимо нарочно, удивляет читателя, соглашаясь с этим постулатом. Случайностью действительно трудно объяснить стеклянный скелет «Венериной корзины», говорит он. Никто не поверит, что такая изысканная утонченность возникла случайно. Это и в самом деле неожиданный (а потому удивительный) трюк со стороны Докинза, который в жизни полагается только на случайность и вероятность, причем основательно. Но он, повторно прибегая к аналогии с «Боингом-747» и свалкой, опровергает ее. Проблема в том, говорит он, что Фред Бойл, несмотря на то что это блестящий ученый, совершенно не понимает эволюцию. Секрет естественного отбора, который является изюминкой этой блестящей теории, в том, что он не нуждается в случайности. Живые существа – эгоисты по природе, и они эгоистически конкурируют между собой. Все их действия предопределены. Растениям нужны свет и вода. Животным – пища и брачный партнер. Как только лиана достигает нужного размера и оказывается способной оплести верхушку дерева в тропическом лесу, она получает необходимый ей свет. Гепард, у которого сильно развиты свободные, действующие как на шарнирах, плечевые соединения, удлиняющие и убыстряющие его шаг, стремится за счет этого обогнать других кошачьих при охоте на газелей. Каждое живое существо шаг за шагом делает все для того, чтобы оказаться более дееспособным в борьбе за выживание; и эти шаги далеко не случайны.

Так почему же, спрашивает он, наше сознание продолжает цепляться за Бога как за разработчика и творца этого физического мира? Да потому, что мы ошибочно полагаем:

некоторые существа столь прекрасны и сложны, что просто не могут не быть созданы; наличие замысла здесь невозможно отрицать – вспомните сложнейшие спирали раковины наутилуса или такие же спиральные завитки лепестков розы, вспомните двойные волокна ДНК и расположение семян в подсолнухе. Глаза говорят нам, что над всеми этими творениями природы явно потрудился художник или конструктор, ибо только он мог изобрести всю эту красоту и сложность.

Это и так, и не так, говорит Докинз. Для нас вполне естественно связывать сделанный человеком механизм, вроде ручных часов, с творцом или мастером. Часы не собираются сами. Но в природе все по-другому. Галактики, планеты, ДНК и человеческий мозг собрались или возникли сами. Как? Дарвин показывает нам путь возникновения жизни на Земле. Сложность возникает из простых, еле заметных, но последовательных шагов. Вы можете стоять в изумлении перед римской мозаичной стеной, но если вы подойдете ближе, то увидите, что она сделана из крошечных осколков цветных камней. А камень уже не вызывает изумления. Крошечные шаги эволюции, объясняет дарвинизм, вовсе не кажутся чем-то невероятным; они – те строительные кирпичики, из которых состоит все сложное в мире природы. Выбор между Богом и случаем – неверен, пишет Дарвин. Истинный выбор – это выбор между Богом и естественным отбором.

Если вы действительно хотите увидеть что-то невероятное – невероятное до такой степени, что не сможете не рассмеяться, – тогда взгляните на Бога. Докинз называет Бога «уловкой а-ля “Боинг-747”». Бог, создавший все формы жизни одним мановением руки, как утверждает Книга Бытия, должен быть гораздо сложнее, чем все то, что Он создал: более сложным, чем ДНК, кварки, миллиарды галактик и все остальное, что возникло из небытия за 13,7 миллиарда лет, прошедших со времени Большого взрыва.

Совершенно невероятно, чтобы подобное Существо скрывалось за занавесом природы. Взгляните на хронику развития ископаемого и попытайтесь примерить этот медленный, неумолимый процесс эволюции к себе. Хойл просто вырастил красную сельдь¹, когда бросил на кон случайность. А правильный ответ таков, что конструктор (Он же художник-дизайнер) Бог не укладывается ни в какие заданные рамки. Докинз цитирует своего коллегую-атеиста Даниеля Деннета из Тафтского университета, который как философ изображает из себя глубокого мыслителя в этих вопросах. В интервью, которое он дал немецкому журналисту в 2005 году, Деннет высказал мысль, что «для того чтобы создать малое, нужно нечто фантастически большое и умное». Если вы достаточно наивны, то интуитивно воспримете такую концепцию как правильную, говорит Деннет. «Вы никогда не увидите, чтобы копьё создавало копьеметателя. И никогда не увидите, чтобы подкова создавала кузнеца. И никогда не увидите, чтобы горшок создавал горшечника».

Деннет называет это «распределительной теорией творения», которая медленно просачивается от немногих в умы большинства. Бог – это кузнец, отливающий подковы в космическом масштабе. Деннет, которого Докинз представляет как «философа, обладающего научной смекалкой и здравым смыслом», придает некое правдоподобие этому доводу о невероятности. Но при этом оба согласны с тем, что космический кузнец или часовщик – это слишком сложно и запутанно, чтобы быть правдоподобным. Наука, когда она стоит перед выбором, все-таки предпочитает простейшие объяснения, если они ее удовлетворяют. Случайный выбор – довод, притянутый за уши, поэтому он никуда не годен. Бог, Который беспредельно сложен, – тоже. Остается одна лишь эволюция. Все, дело закрыто!

«Возможно» или «возможно, нет»

¹ Вырастить красную сельдь (*to bring up a red herring*) – идиоматический оборот, означающий «отвлечь внимание пустяковым фактом от чего-то более важного», «навязать неправильный ответ вместо правильного». – *Прим. перев.*

В реальной жизни только очень немногие люди по-настоящему верят в Бога, поскольку они запутались в сорной траве теории вероятности. Скоро я вернусь к реальной жизни. А пока давайте еще немного остановимся на этой узловых проблеме. Верите ли вы в аналогию с «Боингом-747»? Я верю. По сути, книга «Бог как иллюзия» представляет собой примитивную карикатуру на Бога. Бессмысленно спрашивать, создал ли Иегова ДНК или нет. Мы должны выбросить за ненадобностью это соломенное чучело – персонального Бога Докинза, сконструировавшего Вселенную. Это лишь еще один вариант подхода к Богу как человеку, только немного умнее. Многие люди, с которыми мне пришлось беседовать на эту тему, мыслят Бога только в человеческом образе. И когда кто-то отходит от организованной религии и предлагает своего Бога, то этого Бога они отвергают.

Почти на четырех сотнях страниц Докинз только и делает что опровергает существование Бога, даже и близко не принимая в расчет то обстоятельство, что образ Отца Небесного – это единственный способ мыслить о божественном. Как только вы отвечаете: «Это не тот Бог, которого я имел в виду», соломенное чучело Бога Отца тут же падает и оказывается неуместным. Организованную религию загнали в угол, отказав ей в поисках правдоподобной альтернативы Бога Отца, хотя такие альтернативы существуют. Святой Августин еще в V веке отверг буквальное прочтение Библии. Современная вера ушла от такого прочтения Библии намного дальше, но Докинзу от этого не легче: это никак не помогает ему узреть Бога хотя бы мельком.

Есть еще одна возможность предположить, согласно которой Бог суть Творение. (Эйнштейн предположил нечто подобное в своей знаменитой фразе о желании постичь ум Бога, хотя и не сказал определенно, что Бог наличествует внутри законов, управляющих временем и пространством.) Другими словами, Бог – не персона и не сущность, а вся природа в ее совокупности. Как источник бытия Он – отправная точка и вашего, и моего существования. Бог – не наш Отец, но и не часовщик, собирающий часы из разрозненных деталей (образ, специально придуманный в XVIII веке, чтобы объяснить, как один разумный Творец собирает воедино все разрозненные части космоса). У Него нет ни чувств, ни желаний. Он – само бытие. Все происходило именно потому, что вначале существовал Он. Такому Богу нет надобности быть сложным.

Представление о том, что Бог должен быть более сложным, чем вся Вселенная, – не более чем уловка. На эту тему – что Бог должен быть сложнее Своего творения – спорили еще средневековые теологи. Поэтому Докинзу и Деннету лучше бы переместиться в лекционный зал Парижского университета образца 1300 года и спорить там. В XVIII веке сравнение Бога с часовщиком стало расхожим только потому, что такое движение, как деизм (его сторонником, в частности, был Томас Джефферсон), хотело примирить веру и разум. Деисты признавали, что Бог не присутствует в этом мире, а разум подсказывал им, что и чудес не существует, ибо они не укладываются в законы природы. Что же это за Бог, если Он не всесущ и не творит чудеса? И надо ли поклоняться такому Богу? Рациональный Бог, создавший Вселенную, привел ее в движение и затем «слинял». Бог деистов как раз и подобен часовщику, который создал свой механизм, завел его и оставил работать как он есть.

«Перегиб» Докинза состоит в том, что он требует, чтобы часовых дел мастер по имени Бог был сложнее, чем Вселенная. К счастью, это требование не их тех, которые должен принять на веру каждый. Когда вы протягиваете руку, чтобы включить лампу, вы просто осуществляете простое намерение. Тот факт, что ваш мозг состоит из сотен миллиардов нейронов и, возможно, из квадрильона синаптических связей, к делу не относится. Никому не нужно рассматривать все эти нейроны и связи, чтобы вычислить вероятность того, что они привели в движение вашу руку. Рукой движет ваше намерение; сложное устройство мозга служит для совершения простого действия. Сложность – это не препятствие для мыслей, слов и действий, которые и обуславливают человеческое состояние. Мозг слишком сложен, чтобы его понять, однако это не мешает нам ежедневно пользоваться им.

В сущности, Бог с таким же успехом мог бы быть и таким простым, что дальше некуда. Он – единство. Из этого единства проистекает разнообразие, и это разнообразие –

расширяющаяся Вселенная, миллиарды галактик, человеческая ДНК – невероятно сложно по своей структуре. Но источник всего этого разнообразия не обязательно должен быть таковым же. Пикассо создал десять тысяч произведений искусства, однако это не значит, что он замыслил их все разом в своем уме. Можно предположить, что Бог соизволил создавать природный мир шаг за шагом, как это и присуще естественному отбору, если только вы не настаиваете на том (как это делает Докинз), что буквальное восприятие Книги Бытия – единственная история сотворения мира, в которую верят религиозные люди. Предложенная мной альтернатива – что Бог суть Творение, – тоже имеет долгую традицию.

Следующий аргумент, который выдвигает Докинз, прямо-таки валит с ног: сложный дизайн не требует дизайнера. Исключает ли это дизайнера, который прячется в ткани творения? Нет. В предложении, являющемся образцом торжественного апофеоза, Докинз объясняет, почему естественный отбор – единственная успешная теория возникновения мира:

”Как только жизненный ингредиент – своего рода генетическая молекула – встал на свое место, за ним естественным образом последовал истинно дарвиновский естественный отбор, и, как конечное следствие, стали возникать сложные формы жизни.

Большинство неученых не увидят здесь никакой ловкости рук. То, что произошло после того, как возникла жизнь, не может отменить аналогию с «Боингом-747» и свалкой металлолома. Ну, а как быть с тем, что вначале сформировалась ДНК? ДНК по своей природе химическая система, но чтобы объяснить ее структуру, необходимо привлечь физику. С точки зрения физики, последовательность событий, приведших от Большого взрыва к ДНК, представляет собой одну цепочку. То есть здесь должны были действовать те же законы природы; к тому же в цепочке не может быть никаких обрывов, иначе ДНК не возникнет.

Миллиарды лет назад достаточно было бы нескольких пропущенных стежков – например, если бы из сочетания кислорода и водорода не возникла вода, – и все бы это производство пошло прахом. Как и сегодня, космос на ранней стадии своего развития был заполнен летучим водородом и кислородом. ДНК не может существовать без воды, а воды на протяжении сотен миллионов лет должно было быть в избытке. Хотя 99,9999 % кислорода и водорода во Вселенной – можете добавить к этой цифре сколько угодно девяток – не превратились в воду, сам факт того, что вода появилась на поверхности Земли, не является следствием ничтожных вероятностных шажков. Как раз наоборот: доводы в пользу уникальности жизни на Земле по-прежнему обладают огромной силой убедительности, и в поисках аргументов вовсе не обязательно обращаться к библейскому Богу.

Докинз понимает это очень даже хорошо. Когда он заявляет, что биология решила проблему возникновения жизни, предложив теорию постепенной или поэтапной эволюции за счет небольших вероятностных шажков, он при этом полностью уходит от вопроса, как возникла ДНК, которая, в общем-то, не такой уж небольшой шагжок. При этом он признает, что физика еще не нашла ответа, объясняющего сложность космоса. Но он обещает, что однажды это непременно произойдет. К сожалению для него, пока этот день не наступил, все его объяснения с позиции биологии не имеют под собой основания. Это все равно что объяснять, что Микеланджело написал свою «Сикстинскую мадонну», просто нанося мазок за мазком и не принимая в расчет того, откуда взялась сама живопись. Нет живописи – нет и картины. Нет ДНК – нет и эволюции. Тот факт, что Докинз полностью полагается на Дарвина, ведет его в неверном направлении, если уж ни он сам и никакой другой генетик не может объяснить, как возникла ДНК. (Наверняка известно только одно: ДНК не играет никакой роли в той борьбе, где выживает сильнейший.)

Ссылаясь на гены, Докинз, очевидно, допускает главную ошибку в дарвиновской теории. Он настолько одержим идеей убедить нас в том, что естественный отбор не случаен

(каждый, кому известен «первый пункт», и сам знает об этом), что он отбрасывает краеугольный камень стандартной генетической теории: мутация генов происходит случайно. Если вы возьмете фруктовых мушек и проследите за тем, как видоизменяются их гены, то конечные данные будут в точности соответствовать случайному распределению. Если бы фруктовые мушки рождались с искаженными мутациями – с преобладанием особей мужского, а не женского пола; с глазами, которые раз от разу становились бы все больше; с восемью лапками, которые увеличивались бы от генерации к генерации, – тогда можно было бы говорить о том, что налицо некие цель и направление. Но цель и направление преданы анафеме в системе Дарвина и Докинза. В их теорию вписываются только случайные мутации.

Для статистика случайные образцы генетических изменений – это практически идеал. В ДНК каждого человека генетический наследственный материал, известный как митохондриальная ДНК, не меняется от поколения к поколению; она передается детям от матери, не смешиваясь с генами отца. Уникальная особенность митохондриальной ДНК натолкнула генетиков на мысль использовать ее для вычисления и составления расписания мутаций, вызванных внешними факторами, такими как рентгеновские и космические излучения, и добавить их к явлениям случайных мутаций в митохондриальных ДНК. В результате были созданы «биологические часы» – наиболее точный способ определения, насколько быстро homo sapiens сотни тысяч лет назад расселился по земле из своей изначальной генетической вотчины в Африке. Эту вотчину часто называют «митохондриальной Евой».

Случайные мутации генов являются первичным движителем эволюции, и в качестве таковых они признаются всеми. Жираф не сможет дотянуться до листьев, расположенных на дереве еще выше, пока под действием генетических мутаций его шея не станет еще длиннее. Рыба не сможет выползть из моря на берег, пока под действием случайных мутаций не разовьет дыхательную систему, обеспечивающую дыхание вне воды. Разумеется, если вы убежденный дарвинист, то для вас случайность – это все; поэтому более чем странно, что такой ярый защитник истинного дарвинизма, как Докинз, отвергает ее здесь.

Я знаю, что такой человек, как я, далекий от биологии, рискует навлечь на себя насмешки за то, что вдается в чисто технические проблемы, но загадка существования Бога слишком важное дело, чтобы оставлять его техникам. Мы пользуемся словом «Бог», когда хотим подтвердить, что у бытия есть цель и смысл, поэтому если вы не в состоянии отказаться от Вселенной, подверженной случайностям, то у вас вряд ли будет пространство для защиты Бога. Бог, идущий на поводу беспорядка и случайности, ничем не лучше и не умнее того, кто вытягивает из барабана шары с номерами во время розыгрыша лотереи. К счастью, пока мы остаемся верными науке, у нас есть пути выхода из ловушки случайностей, и ниже мы обсудим эти пути достаточно подробно.

Докинз хвастается тем, что доказательства, приводимые им против Бога, остаются «без ответа», но на это легко возразить. Дело в том, что в своей книге он нападает на некоторых ученых – так же, как это делают и креационисты. Но они при этом указывают, не скрывая своего неприязненного отношения, что наука основывается на фактах, а таких фактов Докинз как раз и не приводит. Он не проводил научных экспериментов и не делал каких-либо вычислений в поддержку своих атеистических идей. Самый серьезный научный упрек, который можно ему предъявить, – что в книге не представлено ни единой гипотезы, которую можно было бы проверить. Автор просто прибегает к преднамеренным выводам и заключениям, не давая себе ни труда, ни времени приводить какие-либо аргументы, кроме тех, которые ведут его в том направлении, какое ему желательно.

Такой ведущий биолог, как Х. Аллен Опп, цитирует заявление Докинза, что «мы должны обвинять в первую очередь саму религию, а не религиозный экстремизм, как будто именно он самое страшное извращение ныне сущей упадочнической религии». (Экстремизм, разумеется, именно таков и есть.) Опп сухо комментирует это заявление: «Как вы, возможно, заметили, когда Докинз обсуждает религию, он, в сущности, является слепым орудием, кому

трудно отличить унитариев от тех, кто подложил бомбу в родильный дом». Докинз пытается встряхнуть начинку из библейского Бога, и, чтобы убедиться, что он сможет пнуть Господа, когда Тот упадет, он прибегает к наипростейшей версии библейского Бога.

Об утконосе, и не только

Я обещал, что вернусь к реальной жизни, и сейчас самое время сделать это. Если Бог существует, то это должно бы существенным образом отразиться в реальной жизни, отразиться на том, как исполняются ваши мечты, стремления и желания. Ни одна малая цель не заслуживала бы того, чтобы стремиться к ее достижению. Ибо Бог отменил бы страдание и оставил бы одну радость. Он восславил бы человека и сделал щедрыми условия его жизни, а не оставлял бы его во власти страданий и сомнений. Докинз открыто выступает как враг всех религиозных путей, ведущих к лучшей жизни. Поэтому давайте предположим, что вы уже подошли к развилке дорог и видите, что на одном указателе написано: «К лучшей жизни через науку», а на другом: «К лучшей жизни через Бога».

Каждый путь очень долог, но вы видите только малый отрезок пути. Куда же какой ведет? Если вы оглянетесь назад, то увидите, что ваше прошлое теряется в дебрях ужасающих ошибок. Испанская инквизиция была ужасной и нечеловечной, но инквизиторы убили ничтожно малое число людей по сравнению с теми, кто погиб в Хиросиме и Нагасаки. В обвинения можно играть вечно, но вряд ли от этого будет кому-нибудь польза. Земная реальность сама подскажет, какую дорогу выбрать, раз уж вы не можете увидеть, где и чем заканчивается каждая из них.

При выборе важно понимать, что воинствующие атеисты, эти чемпионы науки, не такие уж и великие мыслители, как они себя подают. Оппортунист замечает по этому поводу: «Одна причина, почему в книге Докинза отсутствуют веские аргументы, по крайней мере, очевидна: Докинз как автор для этого никуда не годится». Действительно, Докинз не понимает, что его дзюдоистские телодвижения, обращающие аналогию с «Боингом-747» против нее самой, причиняют боль только ему. Мы же обязаны прибегнуть к лучшей логике. Самое важное – найти правильный вопрос о Боге. Если задавать неправильные вопросы, то это приведет к неверным умозаключениям. Но если вы хотите спросить о Боге, то неправильные вопросы порой содержат в себе и вполне обычные.

Слышит ли Бог?

Этот вопрос подразумевает, что Бог, как и человек, имеет уши и Его внимание периодически переключается. Но если Бог – это Бог, то, по определению, Он постоянно слышит все.

Как известно всякому, этот вопрос влечет за собой большую долю сомнения и вины, поскольку он подразумевает, что Бог должен отвечать на молитвы только тех людей, которые заслуживают ответа. Все прочие, кто не получает того, чего хочет, суть грешники или люди в той или иной мере ущербные. Возможно, они не молятся так усердно, как надлежало бы, или в их молитвах не чувствуется большой веры. Но Он не может оставить без внимания ни одну молитву, иначе бы Он не был Богом. А раз оставляет, то это ставит под сомнение ответ на первый вопрос: а слышит ли Он?

Чего хочет Бог?

Вопрос предполагает, что у Бога есть неутоленные потребности, что Он одержим желаниями точно так же, как и мы. Но если Бог – это Бог, то Он уже объемлет Собой все сущее или все, что может быть явлено к существованию. У Него нет места для желаний. Но самым насущным вопросом для большинства людей был и остается этот: «Чего Бог хочет от меня?» Он предполагает, что ограниченный человек способен дать Богу что-то такое, чего Тот не может получить.

Сюда можно добавить и множество других подобных вопросов: «Действительно ли Бог обо мне заботится? Любит ли христианский Бог нехристиан? Какому Богу я должен молиться?» и т. д., – но всем им присуще одно общее свойство: они не о Боге, а о человеческой природе, проецируемой на Бога. Разумно ли спрашивать, слышит ли вас Бог и заботится ли о вас? И достойно ли спрашивать, почему Он игнорирует одни молитвы и отвечает на другие? Когда вы задаете подобные вопросы, вы не к Богу обращаетесь, а к человеку, и спрашиваете его, как бы он поступил, будь он Богом. В хорошем настроении он бы слышал все молитвы, а в плохом отвечал бы только на те, на какие счел бы нужным ответить.

Но есть и другие, правильные вопросы о Боге, которые могли бы дать весьма плодотворные результаты. Вот лишь некоторые из них:

- Существует ли Бог?
- Вездесущ ли Бог?
- Стоит ли Бог у истоков ума и сознания?
- Исходит ли любовь из Бога?

Что делает эти вопросы правильными? Как и у неправильных, у них есть нечто общее. Они выглядят как трансцендентные. Они исследуют возможность высшей реальности. Пытаться понять, почему мы существуем и в чем смысл нашей жизни, – вполне законно, справедливо и не содержит в себе ничего предвзятого. Ответ на вопрос: «Откуда я происхожу?» – ведет нас в то место, откуда берутся любовь, ум и все прочее. Люди не могут процветать, когда их одолевают сомнения. Даже если мы утратим веру в себя, жизнь не потеряет для нас своего значения. Мы наполняем ее разумностью, целью, творчеством, любовью и смыслом. Каким смыслом? Каждый человек вправе отвечать на этот вопрос по-своему, что все мы, в сущности, и делаем. Мы тратим жизнь на то, чтобы удовлетворять свои желания и наполняться чувством любви, которая то приходит, то уходит, как прилив и отлив, стараясь при этом понять друг друга и встречаясь с новыми испытаниями.

Докинз не является общепризнанным врагом смысла, но он совершает ошибку, полагая, что только наука может дать этот смысл. Такая точка зрения называется научной, и она утверждает, что ни одна истина не может считаться достоверной, если эта истина ненаучна; это то же самое, что сказать: наука может объяснить все, а если не может, то не беда. Те явления, которые наука объяснить не может, не стоит даже принимать в расчет или брать к рассмотрению. Именно здесь правильные вопросы достигают тупиковой точки. Если вы изучаете Вселенную, добывая данные и сведения о ней всюду, где только можно, большая часть того, что делает жизнь богатой и прекрасной, вылетает в окно. Бог – это не фикция, не странный, сверхъестественный вымысел, как полагает Докинз. Он – первоисточник нашего внутреннего мира, то место, где рождаются искусство, музыка, воображение, визионерские идеалы и концепции, любовь, альтруизм, философия, нравственность и человеческие привязанности. У этого мира свои истины. И мы можем постичь их, только идя путем познания. Только инопланетянин будет пытаться доказать существование любви, взвешивая вероятность такой возможности. Только тот, кто никогда не видел утконоса, будет полагаться на статистические факты, доказывая, что такой твари не существует. Но именно таков метод постижения Бога, взятый на вооружение Ричардом Докинзом.

Психология уверенности

Воинствующие атеисты – это прочная стена. Стоя рядом, плечом к плечу, они охраняют нулевую точку веры, согласно которой Бог никогда не существовал ни в какой из форм. Поэтому Он не заслуживает ни почитания, ни уважения, ни любви. Что ж, психология уверенности – состояние, где сомнение рассматривается как форма слабости, – явно на их стороне; да иначе и не может быть во времена, когда религиозная вера сильно пошатнулась, а сомнение – та среда обитания, в которой пребывает большинство людей. Вот почему

религиозный фундаментализм – это зеркальный образ Докинза и компании, образующий прочную стену по ту сторону веры.

Уверенность – надежный страховочный якорь. Однако большинство людей, даже когда чувствуют, что их куда-то сносит, не могут его бросить и встать на прикол. Воспитанные в вере в Бога, они пытаются избегать религиозных диспутов. Но та уверенность, которую излучают Докинз со товарищи, несомненно, как-то влияет на их сомнения, касающиеся Бога. Она прокладывает путь в их умы – тихо, но неумолимо, подобно термитам, обосновавшимся в подвале дома и прокладывающим путь наверх. С каждым днем поддерживать веру становится все труднее. (Здесь важно помнить, что регулярное посещение церкви в Англии держится на крайне низкой отметке, составляя около 10 %.) Вот, например, исповедь Фрэнсиса Спурффорда, преподавателя письменного английского из Лондона:

”Моей дочери только что исполнилось шесть лет. Примерно через год или около того она непременно обнаружит, что ее родители – чокнутые. Мы действительно чокнутые – потому, что ходим в церковь. Это значит, что, по мере того как она будет взрослеть, некие услужливые голоса, которые всегда нашептывают ребенку, что все это значит, будут звучать все громче и громче, пока – к тому времени, когда она станет подростком, – не будут кричать ей об этом прямо в ухо. Это значит, что мы верим в некий абсурд, восходящий по меньшей мере к бронзовому веку; что мы боль и страдание превращаем в фетиш; что мы защищаем некую невыразимую красоту, которая никому не нужна; что мы слишком глупы, чтобы понимать иррациональность наших убеждений, – короче, что мы дико несуразные люди.

В своих сочинениях Докинз старается дать почувствовать читателям, что они идут против истории, что они не на той стороне. Вера уже сама по себе делает вас чокнутыми в глазах большинства, а скоро вы вдобавок ко всему станете изгоями общества.

Атеизм за коктейлями

Докинз в пылу полемики выдает на гора один неубедительный довод за другим, но при этом, надо отдать ему должное, никогда не теряет нить психологического обоснования своей силы. Он и его группа – это классический пример следования принципу: «Раз мы заодно – значит, мы правы». Когда они собираются вместе, то практически никогда не говорят о том, как бы привлечь массы новообращенных на свою сторону. Нет, они говорят о том, какие они выдающиеся мыслители. Достаточно посмотреть на выложенное на YouTube видео «Четыре всадника», спонсированное Докинзом, чтобы убедиться в этом. В нем Докинз, выступающий в качестве модератора, на протяжении двух часов только тем и занимается, что, отбросив все приличия, честит Бога в хвост и в гриву. (Столь интригующее название для группы – «Четыре всадника» – придумал Кристофер Хитченс; полностью группа называется «Четыре всадника контр-апокалипсиса», но в обиходной речи оно сократилось до двух слов.)

Это видео воспроизводит уже знакомые нам аргументы, заимствованные из книги «Бог как иллюзия», но при этом дает глубже почувствовать атмосферу, создаваемую этими выдающимися светочами воинствующего атеизма, среди которых два британца – Докинз и Хитченс, и два американца – Дэниел Деннет (он самый старший в группе, с белой бородой и в очках) и Сэм Харрис (он выдает себя за новообращенного, пришедшего в ряды атеистов после долгих духовных поисков, рассеявших все его иллюзии). В синих джинсах и черной рубашке Харрис выглядит стройным, подтянутым и довольно молодым (ему около сорока лет). Хитченс (ему за пятьдесят) – типичный образчик взъерошенного и потасканного жизнью манипулятора общественным мнением, который давно уже пребывает в состоянии раздраженного цинизма. Докинз в фильме похож на сову; он очень напоминает преподавателя английского колледжа, который обучает учащихся методу Сократа; взгляд у него просветленный и проникновенный. Он ставит вопросы и страстно хочет услышать на

них ответы. Все четыре «всадника» крайне самонадеянны, даже дерзки и нахальны, особенно когда пытаются перещеголять друг друга по части анекдотов о религиозной иррациональности. Зритель не подготовлен к такой крайне путаной, полной предубеждений дискуссии, которая разворачивается прямо на его глазах.

Еще несколько деталей. Действие происходит в залитой солнечным светом гостиной или библиотеке. На заднем плане – белый камин. Вокруг стола, уставленного бутылками с водой и коктейлями, аккуратно стоят выдвинутые стулья. Хитченс добавляет ко всему этому зловещую нотку, выкуривая сигарету за сигаретой; видео сделано в 2007 году, за три года до того, как ему поставили смертельный диагноз – рак пищевода.

Докинз открывает дискуссию, говоря, мол, всех нас обвиняют в том, что мы резки, тщеславны, саркастичны и назойливы. Что вы думаете по этому поводу?

«Это меня забавляет, – говорит Деннет. – Да, в своей книге я несколько отошел от выбранного маршрута, пытаясь достучаться до разумных верующих, и даже наскоро опробовал это на группе студентов, считавших себя глубоко религиозными людьми». Но это, по словам Деннета, «причинило им такую боль», что ему пришлось срочно внести коррективы. Хорошего в этом мало, поскольку его «до сих пор клеймят и прибивают к позорному столбу за то, что он якобы груб и агрессивен». Однако эта негативная реакция так и не натолкнула его на мысль задаться вопросом: а не за дело ли его клеймят и прибивают к позорному столбу? Нет, вместо этого под градом обвинений он счел уместным оправдываться, чтобы снять с себя бремя вины. «Религия, – говорит он, – довела дело до того, что просто невозможно спорить с ними, приводя вполне критические аргументы, и при этом не быть грубым». Докинз сразу же соглашается.

Тон и манера Деннета довольно сдержанные, но он упрямо и монотонно настаивает на своем – как преступник, обвиняющий свою жертву. «Это они заставили меня пойти на это» – вот разумное обоснование, которого придерживаются оба. Верующие «при каждой раздаче карт играют в обиженные чувства», – продолжает Деннет (игнорируя тот факт, что и сам он, возможно, кого-то обидел, задев их чувства), поэтому что еще ему остается, какой такой выбор? «Что же мне делать: или продолжать быть грубым... или пришить губы кнопкой?» Это не выбор между «или-или», но воинствующему атеизму на это наплевать, ему важно поддержать свое реноме сильной оппозиции. Иначе ему не оправдать свою безапелляционную уверенность. Иначе не останется сумрачных зон, дающих почву для зрелой дискуссии.

Слово берет Сэм Харрис: «Вот что значит нарушить табу. Думаю, мы все стоим ныне перед тем фактом, что религия сброшена со стола рациональной критики». Воистину, чтобы сделать подобное заявление, нужно потерять всякую связь с действительностью. Век Просвещения, лихо прошедшийся метлой по старушке Европе в XVIII веке и оказавший глубокое влияние на отцов-основателей Америки, был не чем иным, как рациональной критикой религии. И наука после Дарвина тоже была не чем иным, как рациональной критикой религии, ныне опирающейся на такие очевидные доказательства, как окаменелые ископаемые, генетика и квантовая физика. Что ярко прослеживается в самом видео – так это красочно выраженная психология уверенности: риторика подменяет реальность.

Харрис только подливает масла в огонь, прибегая к еще более агрессивным наветам, поскольку он убежден, что «наши братья» (а братья – это сторонники светского образования и атеисты) виновны в том, что ослабили свое рвение. Они недостаточно резки в своих нападках на религию. Они «оставляют людей во власти суеверий, даже несмотря на то, что это низко и наносит вред обществу». Но и Харрис бьет мимо цели. Вопрос вовсе не в том, что у сторонников светского образования и атеистов не хватает рвения. Просто поголовное их большинство не желает заталкивать свои взгляды и убеждения кому бы то ни было в горло, как кляп.

Соблюдая порядок движения по часовой стрелке, следующим слово берет Хитченс, более других снискавший себе славу по части публичных выступлений. Перед объективом камеры он прямо-таки распускает хвост и превращается в эдакого задиристого политика

(иногда страдающего витиеватым красноречием, как это было в ту пору, когда он выступал откровенным защитником войны в Ираке). «Без всякой жалости к себе, – замечает он, – мы должны сказать, что нас тоже можно оскорбить и обидеть и даже сделать нам больно».

Докинз тут же выдвигает в поддержку сказанного замысловатую идею: если обе стороны, верующие и атеисты, чувствуют себя обиженными, то должен же кто-нибудь измерить точное количество обиды, нанесенной каждой из сторон. Что обиднее: когда вы нападаете на религию другого человека из-за расхождений во вкусах на искусство или во взглядах на политику? – спрашивает он. Ученые должны «протестировать людей с помощью специальных формулировок, касающихся их любимой команды или любимой музыкальной пьесы, и посмотреть, как далеко можно зайти, прежде чем они перейдут в нападение». Исключая лицо и внешность типа «Ну и морда у тебя! Чистый урод!», размышляет Докинз, есть ли другой столь волнующий предмет, нежели религия? «Да, – в тон ему добавляет Хитченс, – вопрос о том, насколько некрасива ваша жена или подруга, может задеть так же, как и вопрос о религии».

Никто из сидящих за столом серьезно не верит в то, что такое бессмысленное исследование будет когда-либо проведено, но Харрис хватается за эту возможность, чтобы вынести на обсуждение тему научной объективности: «Физики не обижаются, когда их взгляд на физику опровергается или подвергается сомнению. Рациональный ум не оперирует подобным образом, когда пытается постичь, что есть истинного в мире».

Первая часть высказывания абсурдна. Физики не только не обижаются, но приходят в ярость или чувствуют себя подавленными и сломленными, когда их взгляды опровергаются или подвергаются критике. Профессиональная ревность и личный страх напрочь изгоняют из сферы науки непопулярные идеи, как это было, например, с двумя современными теориями, касающимися происхождения космоса, которые когда-то были в опале, а теперь модны и популярны; я имею в виду теорию множественных Вселенных и теорию струн. (Я однажды спросил ведущего невролога, почему он до сих пор не получил Нобелевскую премию в области медицины, и он ответил, что понадобятся годы на то, чтобы убедить собратьев-ученых или хотя бы даже привить им мысль о том, что ваш труд заслуживает премии. Он слишком любил исследования, чтобы заниматься подобной политикой в среде своих собратьев. Тогда бы у него не оставалось времени на науку, сказал он.) К сожалению, интриги, клевета и политические махинации за кулисами науки столь же распространены, как и в любой другой сфере человеческой деятельности.

Харрис однако допускает возможность, к немалому удивлению всей группы, что не весь опыт рационален: «Я считаю, что есть опыт такого рода, который не только редко встречается, но который подчас невозможно выразить ни в словах, ни в проповеди, ни в религиозном трактате, при этом оставаясь уверенным в своей правоте... Несомненно, что людям порой приходится испытывать весьма необычные, экстраординарные переживания, будь то под влиянием ЛСД, или потому, что они целый год провели в одиночестве в пещере, или потому, что их нервная система столь неустойчива, что допускает подобный опыт».

Говорить, что религия – это единственная сфера, которая признает подобного рода опыт и переживания, было бы большой ошибкой. Харрис, судя по всему, никогда не слышал термина «пиковые переживания», который изобрел и ввел в обиход в 1964 году известный американский психолог Абрахам Маслоу; им он описывает невыразимое экстатическое состояние. (Поиск этого термина в системе Google дал 358000 результатов.) Маслоу начал с того, что не стал отмахиваться от историй, которые рассказывали ему люди. А они рассказывали о случаях, когда ими неожиданно овладевали эйфория и чувство гармонии с окружающим миром, словно перед ними раскрывалась высшая реальность. Маслоу поступил умно: он не стал убеждать людей в том, что их переживания фиктивны и недействительны, а просто принял к сведению, что с ними в самом деле могло случиться что-то незаурядное и имеющее реальную ценность. Чувство беспредельной ясности, которое люди называют мистическим, духовным или религиозным переживанием, не такое уж редкое явление и часто нисходит на людей.

Воинствующий атеист, которому ненавистен сам этот термин, всячески стремится дискредитировать этот опыт. Поэтому Харрис извинился перед тремя другими участниками «круглого стола» за то, что не отвергает, как они, возможность таких экстраординарных переживаний, и даже относится к ним с известной степенью доверия. Правда, он тут же быстро добавляет, что этот феномен «граничит с суеверием». В сущности, Маслоу открыл шлюз для потока исследований с целью лучшего понимания пиковых переживаний. Он стал пионером позитивной психологии. Бесчисленное количество людей сегодня понимают, что спектр персональной реальности выбивается за рамки повседневной жизни и вливается в поле новых возможностей. Это, в частности, подтверждает Колин Уилсон, перу которого принадлежит немало сочинений и о науке, и о мистицизме: «Пиковые переживания побуждают к признанию того, что ваши собственные силы гораздо могущественней, чем вы привыкли думать».

Впрочем, Харрис быстро реабилитировался перед коллегами за то, что отнесся с симпатией к духовному опыту. Уже в следующей реплике он честит верующих за то, что «когда их идеи подвергают сомнению, они реагируют на это, как стадо – крайне раздражительно и опасно». Когда ту же жалобу он оформляет письменно, то перебарщивает еще больше, ибо «раздражительная реакция» превращается в преступную. «Правда в том, что многие из тех, кто заявляет, что их преобразила любовь Христа, на самом деле глубоко и даже преступно нетерпимы к критике», – пишет Харрис в предисловии к своей диатрибе, озаглавленной «Письмо к христианской нации» и направленной против религиозного правого крыла. Упрекая христиан в религиозной праведности, Харрис говорит: «Что, как не этот страшно иррациональный мир, вы и ваши братья христиане столь неутомимо дерзаете сотворить?!»

Истинно рациональный ум способен видеть ограниченность разума. Иррациональность обогащает жизнь на всех уровнях: от иррациональной любви ваших детей до творческого вдохновения, духовной мудрости и способности ума к озарению и интуиции. Ни один осознающий себя человек не станет отрицать это.

В недавнем интервью с китайским чудо-пианистом Лан Ланом, который стал всемирно знаменит после выступления на церемонии открытия и закрытия Олимпийских игр 2008 года в Пекине, ведущий Чарли Роуз спросил, где и как он рассчитывает продолжать свою карьеру. Пианист ответил, что хотя карьера – дело важное, но сейчас, когда ему исполнилось тридцать, его в большей степени волнует не карьера, а то, что музыкальное образование в мире постепенно сходит на нет.

– Почему же это происходит? – спросил ведущий.

– Это связано с тем, – поделился своими сомнениями пианист, – что людьми ныне движет желание сделать образование как можно более практичным. А что может быть более непрактичным, чем музыка?

– Потому что она возвышает душу? – спросил Чарли Роуз.

Лан Лан кивнул:

– Да, она делает наш ум во много раз более творческим, а наши сердца более миролюбивыми.

«Разрушая чары»

В ходе беседы львиную долю времени «всадники» уделили своим многочисленным критикам, врагам, недоброжелателям и интеллектуальным оппонентам. По словам Деннета, самые злобные отклики на его сочинения пишут люди неверующие, люди, которые вообще далеки от религиозности. И он знает, почему они это делают. Потому, что они «очень, очень боятся» задеть чувства своих верующих друзей. Что тут скажешь? Взгляд, не соответствующий реальности, и весьма недалековидный. В своей книге «Разрушая чары», вышедшей в свет в 2006 году, Деннет делает неверие главным предметом своего исследования. В своей рецензии на книгу выдающийся физик Фримен Дайсон проводит

такое различие между атеистами: «Есть два вида атеистов: обычные, которые не верят в Бога, и страстные, которые считают Бога своим личным врагом». И приходит к такому выводу о методе автора: Деннет стремится уничтожить врага, но при этом использует не метод нападения, а нечто совершенное противоположное.

«Деннет играет в игру под названием “Разрушение религиозных чар”, – пишет Дайсон, – выставляя религию в глупом свете». Большую часть своей книги он посвящает нападкам на американские мега-церкви и на людей, как правило, малообразованных и принадлежащих к низшему сословию, которых дурачат евангелические проповедники. Особенно активно Деннет высмеивает одну мега-церковь, отцы которой на специальном заседании отказались от слова «святилище» как слишком религиозного, зато все свое внимание уделили проблеме парковочного места, которое, по их мнению, слишком уж большое.

В качестве главного аргумента в своей книге Деннет опирается на эволюционную теорию, проводя все те же неуклюжие параллели. Например, извечный вопрос: «Почему мы поклоняемся Богу?» – он рассматривает с точки зрения инбридинга собак. Ведь люди разводят собак ради получения особых характеристик, и одна из них – послушание и верность хозяину. Древняя собака часто погибала, защищая своего хозяина от опасностей, и современные собаки унаследовали ту же черту. Переходя к верующим, Деннет спрашивает: «Разве мы подсознательно не перенесли эту модель преданности хозяину на Бога, столь же преданно служа теперь Ему?»

Чтобы не быть слишком уж категоричным, Деннет отвечает: «Вероятно». Но эта позиция объективности слишком искусственна, а потому сомнительна. Сравнение между собаками, рабски преданными своему хозяину, и верующими, рабски преданными своему повелителю – Богу, пахнет диффамацией. (В другом месте Деннет приводит не менее отталкивающее сравнение между «червем-паразитом, внедрившимся в мозг муравья, и идеей, внедрившейся в человеческий мозг».) Средняя часть книги Деннета, где подробно рассматривается тема эволюции религии, посвящена животному царству – примитивному, импульсивному, управляемому генами и инстинктивным поведением, – которое берется в качестве незаменимой модели для изучения вопроса, почему люди пришли к вере в Бога.

На определенном этапе эволюции, заявляет Деннет, люди просто не верили в сверхъестественные объяснения естественных событий. Но, создав в своем невежественном воображении такую фикцию, как Бог, верующие вступили в новую эволюционную стадию: они начали навязывать свою религию. Выросла «мощная общественная сила», которая исподволь внушала людям: «Лучше вам поверить в это». Так к невежеству добавился страх. Деннет называет этот новый настрой умов «верой в веру», и этот настрой, по его словам, все еще не исчерпал своих возможностей. В сущности, говорит он, большое число верующих не верит в учения церкви, но они хотят защитить общественный порядок, часть которого – религия, так же как человек защищает демократию со всеми ее несовершенствами. Вместо того чтобы верить в Бога, что довольно трудно, вам нужно лишь хотеть верить; и этого вполне достаточно, чтобы симитировать веру.

Термин «вера в веру» вовсе не так уж пуст по своему содержанию. Как утверждают психологи, в группах и сообществах давление и принуждение к подчинению используется повсеместно. Это же характерно и для поведения молодых людей. (Кто, учась в средней школе, не испытал это чувство и муки отторжения, когда вас почему-либо исключили из общей стаи соучеников?) Нередко подчинение используется во зло – например, в таких преступных организациях, как мафия, или в таких темных течениях, как нацизм. Но Деннет при этом не видит, что давление группы не всегда пагубно. Ведь именно оно заставляет солдат идти в сражение за правое дело, например за освобождение рабов. А те, кто работает в офисах, чувствуют порой неодолимое влечение (под негласным давлением коллег и сослуживцев) к оказанию благотворительности. Но вместо того чтобы рассматривать социальное давление как общую закономерность общества, Деннет втискивает его в свою эволюционную схему. Поскольку «вера в веру» по сути проста, намного проще, чем вера во

Всемогущего Господа, она способна быстро привиться, и следующее поколение унаследует ее, даже не подозревая, что происходит. Поэтому религия только добавляет мощи к своей нестигаемой способности к выживанию. Деннет надеется, что в будущем исследователи изучат «веру в веру». Однако изучат не с тем, чтобы добыть научное знание, а с другой целью. Ибо как только выяснится, что вы оказались внушаемы к «вере в веру» и восприняли эту идею, то вы сможете ее отвергнуть – еще один шаг, ведущий к разрушению чар.

Деннет в таких словах формулирует свою позицию: «Я задаю эти вопросы лишь во имя науки. И не претендую на то, чтобы получить ответы». В действительности его предубеждение против религии выпирает буквально отовсюду. Дайсон тоже говорит о том, что многие его друзья-ученые не чужды тех же предубеждений. Один его коллега, известный ученый, к которому Дайсон питает глубокое уважение, как-то сказал, что «религия – это детская болезнь, от которой мы понемногу оправляемся». А вот еще один пример: известный венгерский математик, страстный атеист, всегда, когда говорил о Боге, называл Его не иначе, как «ГФ» – аббревиатура, означающая «главный фашист».

«Он называл Бога “ГФ”, – пишет Дайсон, – поскольку в его воображении Бог представлял фашистским диктатором вроде Муссолини, могущественным, жестоким, но тугодумом». Чтобы перехитрить диктаторов Италии, Германии и Венгрии, математик был вынужден постоянно переезжать из страны в страну. Их он перехитрил, а потом перехитрил и ГФа, ибо оказался интеллектуально более гибким и одаренным. Решая сложнейшие задачи из области высшей математики, он, по собственным словам, стал умнее Бога. Деннет и другие «всадники» тоже всячески упражняют свой гибкий ум, но затем сводят все свои усилия на нет неприкрытой личной враждебностью и нетерпимостью. (В видеофильме Деннет решительно заявляет: «В науке нет места тайнам».)

Дайсон делает такой ключевой вывод о несбалансированном подходе к религии, который присущ Деннету: «Нет ничего плохого в таких предубеждениях, если исходить из того, что они общепризнанны». Прозрение начинается с того момента, когда вы видите, что ваши чувства противоречат вашим мыслям и искажают их. Давайте на минуту оставим Бога в покое и поразмышляем. Мы все в процессе жизни создаем себе врагов, людей, не умеющих рассмотреть то хорошее, что заложено в нас, и фокусирующихся только на плохом. Ваш враг воображает, что вы обидели его или сделали что-то непростительное, хотя вы всего лишь отстаиваете идеи, религиозные или политические, которых он не приемлет. Ненависть сводит все в одну точку. Возможно, вы поступили в Гарвардскую богословскую школу, посвящаете всю свою жизнь богослужению и отдаете половину дохода на благотворительные цели. Но кого это волнует, раз вы врезались в мою машину и оставили в ней вмятину! Через фокусный окуляр своего видения, сводящий все в точку, враг видит только крошечную часть вас самих.

Но здесь – здесь разыгрывается генеральная стратегия. «Четыре всадника» маскируют свою нетерпимость, противопоставляя свои просветленные «я» всей массе обманутых верующих. В один из моментов Деннет декларативно заявляет, что верующие не должны сбрасывать со счета те ошибки, которые они, возможно, совершают, «как это делаем мы в нашей собственной жизни». (Протягивая руку за напитком, с зажатой в пальцах сигаретой, Хитченс при этих словах даже не смущается.) Мы быстро забываем об объективности, когда приходит время заставить людей усомниться в непогрешимости своей морали. Позволю себе привести пример. В своей книге «Разрушая чары» Деннет предает анафеме современных мусульман за то, что они не выступают против экстремистов в рамках своей веры. Это, несомненно, серьезная проблема. Он приводит в доказательство провокационное высказывание писателя и врача Стивена Вейнберга: «Хорошие люди будут совершать добрые дела, а плохие люди – недобрые. Но хорошие люди, совершающие недобрые дела, – это и есть цена религии».

Скорее уж цена науки, а не религии! Какое число нормальных миролюбивых ученых выступает против огромного ядерного арсенала Америки (или России, если ученые работают там) или против смертельных токсинов, содержащихся в воздухе и почве, когда миллиарды

тратятся на разработку и создание химического и биологического оружия и технологию механизированной смерти, которая движет современными армиями? Получается двоякая мораль. Вернее, мораль ущемляется и с той, и с другой стороны. Дайсон, рассматривающий религию изнутри, то есть как сугубо личное переживание, заключает, что она сделала неизмеримо больше добра, чем зла. И добавляет вескости сказанному зрелым суждением: «Я пока не вижу способа свести дебет с кредитом или уравновесить чашу весов между злом и добром, между тем хорошими и тем плохим, что сделала религия, и с помощью какого-то непредвзятого процесса решить, чего больше». Воинствующий атеизм давно бы сошел на нет, если бы принял эту беспристрастную оценку.

Деннет относится к религии как к природному явлению; для него это некая форма биологического поведения, ничем не отличающаяся от борьбы неандертальца за самку или от собачьей преданности хозяину. Чтобы понять, как она действует, ее нужно подвергнуть объективному исследованию – вроде того, какому врач подвергает депрессию, изучая механизмы ее воздействия на человека, или туберкулез легких, изучая механизм его распространения в этих органах. Как только мы поставим диагноз, что именно движет религиозными людьми, мы сможем решить, что делать с их поведением и их странной привязанностью к Богу.

У Деннета, без сомнения, есть свои мотивы и причины заигрывать с обеими сторонами, то есть относиться к религии с неприкрытым любопытством и в то же время лично высмеивать все, с ней связанное. Он как биолог в поле, который раскапывает термитники, чтобы добыть нужные сведения, и в то же время испытывает отвращение к этим насекомым. Но эта стратегия слишком далека от человеческой природы. («Читая это, – прокомментировал один рецензент, – я чувствовал себя, словно я инопланетянин, представитель чуждого Земле вида».) Никакой научной загадки тут нет, и помещать под микроскоп тоже нечего. Духовность возникала во всех культурах во все времена по чисто человеческим соображениям, которые нам всем понятны, ибо стремление познать Бога, душу, внутренний мир, обрести исцеление и трансцендентную любовь в человеке всегда неистребимо. Дайсон приводит слова своей матери, которая относилась к категории сомневающихся или скептически настроенных христиан: «Можно выбросить религию за дверь, но тогда она влезет обратно через окно».

Дайсон иллюстрирует истинность слов своей матери с помощью забавного и даже трогательного случая из российской действительности после падения коммунизма. Будучи в Москве, Дайсон с женой поехали на север, чтобы осмотреть художественные богатства, древние реликвии и росписи Сергиево-Посадского монастыря, который традиционно считается центром русской православной веры. При советской власти религия находилась под запретом почти семьдесят лет. К удивлению Дайсона, «молоденькая девушка-экскурсовод, которая показывала нам места и окрестности, почти ничего не сказала о древности зданий и художественных шедеврах, которыми мы должны были бы восхищаться. Вместо этого она битый час рассказывала о своей собственной вере и тех таинственных влияниях, которые якобы исходили от останков древних святых, погребенных в гробницах внутри церкви». Дайсона взволновало увиденное и услышанное. «После официального запрета на религию, длившегося в течение трех поколений, когда у власти стояло безбожное правительство, – сказал он, – из старых корней вновь стали пробиваться новые ростки веры».

Упрямец может перевернуть эволюционные доводы с ног на голову. Религия – лучший пример выживания сильнейшего и наиболее приспособленного, и Бог столь же неодолим и незыблем, как сама жизнь.

Реальность «внутри»

Мои инстинкты то и дело заставляют меня вернуться к реальной жизни. Ибо без проверки реальностью вы будете склонны взирать на Бога через увеличительное стекло. Когда дело касается Бога, никто из нас не сможет стать снаружи, чтобы взирать на Него

оттуда. Либо мы часть духовности, либо нет. Мы делаем выбор только «внутри», ибо только здесь мы встречаемся с божественным, если вообще встречаемся.

Воинствующие атеисты заявляют, что внутренний мир – это царство иллюзий, фантазии, суеверия и прочего в том же духе. Возможно, это и так. Но ведь и все, связанное с реальностью, тоже таится и обитает во внутреннем мире. Помнится, однажды мне довелось разговаривать с одним атеистом, который напрочь отрицал сверхъестественные явления как заведомую чепуху.

«Как вы можете нападать на сверхъестественное, – спросил его я, – когда вы даже не в состоянии объяснить естественное? Наука о мозге до сих пор не дала даже мало-мальски приемлемого объяснения того, каким образом, например, вы видите меня перед собой прямо сейчас, или почему роза так сладко пахнет, или что заставляет небо на закате вспыхивать такими красками».

Я говорил правду, причем буквальную. Нейронаука следует по стопам практического опыта, ибо ученые сканируют деятельность мозга в пик его активности. Но ни магнитно-резонансная, ни компьютерная аксиальная томография не в состоянии передать блеск заходящего солнца, или аромат розы, или нежный голос любимого вами человека. Образы и звуки мира создаются в уме. Это очень глубокий предмет, но истина при этом проста и безыскусна. Не будь ума, знакомый мир исчез бы. Известный британский невролог Джон Экклз сказал по этому поводу: «Я хочу, чтобы вы поняли: в природном мире не существует ни цвета, ни звука – ничего такого; как не существует ни структуры ткани, ни образов, ни красоты, ни аромата».

Химические реакции не имеют к способностям ума никакого отношения. Глюкоза – это просто сахар, который можно легко изготовить в лабораторных условиях. Это всего лишь пища для мозга, и ничто другое. Как ведет себя молекула сахара в пробирке? Да никак, она находится там, и все. Но как только она минует кровяной барьер мозга, глюкоза в вашем мозге начинает мыслить, чувствовать, вспоминать, желать, бояться и мечтать... Во всяком случае, именно так заявляют материалисты вроде наших четырех «всадников». Но нейронаука до сих пор не выявила стадию, на которой сахар становится мыслящей и сознающей субстанцией, да и никогда не выявит. Нельзя, рассматривая нейрон в микроскоп, восклицать: «Подумать только! Я только что видел, как молекула глюкозы приобрела красный цвет», ибо такое просто невозможно. Ни одно из химических веществ в вашем мозге не обладает мыслями, не испытывает эмоций и не видит цвета. Но вы обладаете, испытываете и видите. Как ваш ум превращает фотоны в картину заката? Как он обращает вибрирующие молекулы воздуха в музыку? Никто не знает. Когда Деннет заявляет, что в науке нет места тайне, он просто демонстрирует полное невежество.

У вас нет никакого права гнать от себя святого, видевшего Бога, раз вы сами не в состоянии объяснить, как вы видите самые обычные предметы вроде тостера или баскетбольной бутсы. Вы не можете развенчивать таинство духовности, когда все вокруг вас – тайна. Четыре «всадника» ничем не отличаются от нас: они так же, как и мы, творят чудо превращения сырых, необработанных данных в мир, полный света, звуков, структуры и запахов. Единственная разница: они настолько слепы к тому, как вершится это чудо, что отрицают его существование.

«Четыре всадника» вызывают к аудитории, которую давно уже грызут сомнения по поводу существования Бога. Сомнение – некомфортное состояние. Самоуверенно разыгрывая из себя сведущих исследователей, и не просто исследователей, а ученых, «всадники» выставляют на публичный суд и обозрение абсурдное содержимое внутреннего мира – богов, демонов, святых духов, непорочные зачатия. Свяжи со всем этим Бога – и сверхъестественное лопнет, как мыльный пузырь. Высокомерие и надменность – вот что проглядывает сквозь эту позицию.

Но психология – дело тонкое. В жизни мы должны лучше осознавать самих себя, чтобы противостоять тем, кто манипулирует нами, используя психологию уверенности. Видео «Четыре всадника» – это именно манипуляция и заигрывание с ничего не подозревающими

людьми. С другой, позитивной, стороны, оно пробуждает в нас вопросы, которые мы должны бы задавать себе, когда глядимся в зеркало: «Поглощен ли мой ум моим собственным эго? Автоматически ли я верю всему, что говорю? Окрашивают ли мои эмоции мои суждения? Допускаю ли я в свой внутренний мир точку зрения других людей?»

Но Докинз и компания – полные бездари в области самоосознания. Их убеждения столь же удушающи, как и догмы любого религиозного культа. Они еще даже не приступили к исследованию, ибо до сих пор не нашли верный путь. Заглядывать и погружаться внутрь себя – об этом и речи быть не может! Они как марсиане, которые хотят изучить правила игры в футбол и с этой целью прикладывают стетоскоп с внешней стороны стадиона.

И в завершение – свежий анекдот на тему атеизма.

«Стук в дверь.

– Кто там?

– Я, Бог.

– Кто?

– Бог!

– Кто?

– Бог!!!

– А-а, должно быть, ветер...»

Призрачная угроза

В войне аргументаций побеждает тот, кто контролирует аргументы. Воинствующие атеисты весьма искусны по этой части. Они насаждают на Бога как ликующие воины. Как только они сталкиваются с тем, что расценивают у набожных верующих как лицемерие, они радуются и ликуют, как агенты ФБР, поймавшие коррумпированного конгрессмена на жульнической махинации или на взятке. Они поднимают шумиху, учиняют травлю религиозных правых и громоздят в кучу злодеяния экстремистов-фанатиков, приводя их как доказательство порочности религии. Но вся эта угроза со стороны религии по большей части призрачна. История религии всегда строилась на жутком несоответствии идеалов человеческого духа и изъянов человеческой природы. И я не погрешу против фактов, если скажу, что на протяжении веков этот нестабильный баланс между тем и другим сохраняется. Роли святых и грешников перемешиваются, ибо и те и другие участвуют в одном и том же танце. Каждый век был свидетелем вдохновляющих открытий или достижений и бессердечной жестокости.

Воинствующий атеизм пишет лишь одну сторону картины – негативную. Но стоит ли оно того – расписывать религию в таких негативных красках, чтобы она даже не могла вернуть себе доброе имя? Уютно сидя перед экранами компьютеров и стреляя наугад в телевизионных евангелистов, Докинз и компания выставляют себя этакой передовой частью интеллигенции, стоящей во главе масштабных культурных перемен, за которыми все призваны внимательно следить и имя которым – конец веры. Именно так называется первая книга Сэма Харриса, получившая широкое признание и удостоившаяся известной литературной премии. Но если Докинз позволяет себе чваниться, стреляя в веру из бойниц башни из слоновой кости, где он сидит, то Харрис не прибегает ни к каким изыскам: он прямо и непримиримо враждебен к религии, ужасные последствия влияния которой он видит повсюду.

Бывают дни, когда почти все утренние газеты пестрят заголовками о том, во сколько обходится обществу религиозная вера, а ближе к вечеру, когда выходят в эфир вечерние новости, создается впечатление, что они каким-то чудесным образом транслируются прямо из XIV века.

Никому не позволено быть добрым в атмосфере всеобщего зла:

«Возможно ли верить в то, во что вас заставляют верить, – в хорошего мусульманина...

и при этом не представлять бессознательную угрозу для гражданских обществ других (стран)? Полагаю, что ответ на этот вопрос – нет».

А вот священный гимн, сопровождающий праведный марш дьявольских легионов:

«Мы поступим здраво, если как следует поразмыслим над тем доводом в защиту Холокоста, который выдвинул Ганди: он считал, что евреи, должно быть, совершали массовое самоубийство».

Как бы от имени благого дела – привести мир к более лучшему, более справедливому устройству – Харрис стремится к впечатляющей концовке, которая бы оправдывала затраченные средства. Его главная вера сводится к простенькому силлогизму:

А) Если мир страдает от безрассудных экстремистов

и

Б) если некоторые из этих экстремистов люди религиозные,
то

В) Бог есть зло и все религии должны быть упразднены.

Создавая этот «шедевр» кондовой логики, Харрис сделал ошибочный вывод, которого не разглядел. Но это еще не так страшно, как то, что он уравнивает между собой «гражданское общество» и «общество, которое поносит Бога».

Книга вызвала бурную полемику и породила буквально шквал враждебных отзывов со стороны верующих; причем многие из них, насколько можно судить, были фундаменталистами. В самом «гнусном и непримиримом» из всех полученных писем Харрис обвинялся в «убийственной нетерпимости к критицизму», что и побудило его сочинить короткое и еще более мерзкое «Письмо к христианской нации». В обеих книгах он, как на тамтаме, отбивает один и тот же ритм, привязанный к основной теме: религия несет глобальную угрозу всему человечеству, поражая все слои американского общества.

Давайте взглянем беспристрастно на центральную тему Харриса. Действительно ли угроза со стороны догматической религии такова, что может выплеснуться через край и затопить (или поразить, как выражается Харрис) все уровни американской жизни? Автор приводит ряд неопровержимых доказательств опасности религии – например, экстремисты джихада в исламе. Он не скрывает своего презрения к незыблемым убеждениям христианских фундаменталистов, которые, по его мнению, чрезвычайно вредны для большинства людей, включая и современных христиан. Но, раздувая на этой почве враждебность и страх, Харрис демонстрирует лишь одно качество: его собственное чувство морали серьезно подпорчено и ущербно.

Давайте примем на веру высказанную Фрименом Дайсоном точку зрения, что у человечества нет объективного метода для измерения всего того хорошего и плохого, что дала религия. Наука может определить количество воздуха, которым мы дышим, подсчитав в нем количество кислорода, несущего жизнь, и ядовитых загрязнений. Так же и Бог: для одних людей Он как кислород, то есть дарует и всегда даровал жизнь, а для других – как ядовитые загрязнения, кои эту жизнь отнимают (в прошлом численность последних была намного ниже). Эти две позиции чисто субъективны; в конце концов, они лишь отражают нашу собственную двойственную природу. Плохой Бог и хороший Бог – оба сотворены человеком.

Если мы сойдем с той непримиримой позиции, которую занимает воинствующий атеизм, то все, что нам остается, – воззвать к совести. «Четыре всадника» хотят одного – чтобы общество предприняло последнее, решительное усилие и истребило Бога ради общего блага. Но общее благо – вопрос личной совести каждого. Действительно, религия замешана в ужасных злодеяниях. И этот аргумент, к которому прибегают все атеисты, не так уж бессодержателен. Я не могу не согласиться с Харрисом, когда он пишет: «Для каждого, имеющего глаза, чтобы видеть, не может быть сомнений в том, что религиозная вера была и остается вечным источником человеческих конфликтов». Эти слова меня трогают так же, как

трогают призывы ко всеобщему ядерному разоружению или массовые протесты против несанкционированного вторжения в Ирак. Движение за гражданские права, достигшее кульминации в шестидесятые годы XX века, возникло, когда люди, придерживающиеся умеренных взглядов, пробудились к осознанию той простой максимы, что «зло процветает тогда, когда хорошие люди ничего не делают». Но можно ли на этом основании оправдать воинствующий атеизм? Харрис приводит данные статистического опроса, показывающие, сколь невелики у него шансы на выигрыш: более 50 % американцев имеют «негативное» или «крайне негативное» мнение о людях, не верящих в Бога. Но даже при таком раскладе, говорит он, некоторые случаи стоят того, чтобы за них побороться, пусть даже эти усилия не увенчаются успехом.

Что касается Бога, то огульное осуждение все равно что безрассудное осуждение. Идеологам всегда свойственно думать, что они единственные, кто видит, тогда как остальные, то есть мы, – слепы. Реклама на обложке «Письма к христианской нации» всячески расхваливает Харриса, говоря, что он «отважен», «дальновиден» и «бесстрашен», тогда как, по сути дела, нападки на протестантский фундаментализм Библейского пояса и исламский джихад вообще не требуют ни мужества, ни отваги в нынешней атмосфере страха. Вот если бы Харрис попробовал честно и искренне заглянуть в умственный мир одного из бойцов джихада, тогда бы ему действительно потребовалось мужество, и немалое. Человеческая природа заслуживает столько же похвал, сколько и порицаний, ибо все мы люди.

Бог как политика

Выход из этой неразумной и запутанной ситуации лежит в понимании того, что все мы барахтаемся в ней. Давайте начнем с самого запутанного уровня, с того, где религия сталкивается с разумом, – с политики. «Письмо к христианской нации» вышло в 2006 году, тогда же, когда и книга «Бог как иллюзия». Политическая сила религиозного правого крыла христиан достигла пика. Библейский пояс сформировал мощный реакционный избирательный блок. Религия – и это одно из самых сильных обвинений со стороны Харриса – проникла в ряды правительства, и теперь, по его словам, вся правительственная политика сверху донизу заражена ею. Вновь избранный президент, с оглядкой на свои корни, публично высказался за введение в школах дополнительных предметов, таких как креационизм. Но что еще более важно, администрация Буша, исходя из чисто религиозных обоснований, блокировала федеральное финансирование исследований стволовых клеток и перенаправила все деньги, в том числе и полученные от других стран в качестве помощи проекту, на религиозные инициативы (такие, как обращение жителей Африки в христианство с помощью экономического давления на правительства и борьба со СПИДом, которая свелась лишь к чисто умозрительным превентивным мерам вроде агитации за половое воздержание).

Ударить в набат представлялось в данной ситуации наиболее уместным, и атеисты ударили, тем самым отвоевав себе пятачок для ведения дальнейшей борьбы. Религиозное правое крыло, по их мнению, несет угрозу не только светскому обществу, но и науке, сильно ее подрывая. Во всяком случае, это был очень удобный момент для того, чтобы напасть на креационизм. В качестве доказательства того, что «неразумие сегодня набрало силу как никогда и господствует повсеместно», Харрис приводит такой факт: «Только 28 % американцев верят в эволюцию, тогда как в ангелов верят 72 %». Поскольку идея об искоренении религии была крайне непопулярной, то нападение на отдельный оазис в виде креационизма представлялось вполне уместным, что и дало четверем «всадникам» ту точку опоры, с помощью которой они рассчитывали перетянуть на свою сторону общественное мнение.

При обычных обстоятельствах ведение фронтального наступления на креационизм можно было бы уподобить мощному огню тяжелой артиллерии, направленному против

общества «Плоская Земля», члены которого до сих пор отрицают тот научный факт, что Земля круглая. Ведь креационизм и близко не назовешь бомбой времени, призванной взорвать наше будущее. Но для Харриса это был скорее подарок судьбы, подписанный, проштампованный и доставленный фундаменталистами. В эпоху Буша мы стали свидетелями того, что религиозные правые придумали такую дисциплину как разумный дизайн – настоящую псевдонауку, которая пытается оправдать библейское сказание о сотворении мира, отыскивая незаполненные щели и трещины в теории эволюции. Несомненно, такие щели и трещины там имеются, раз уж эволюционная теория не представляет собой нечто застывшее, а до сих пор продолжает развиваться. (Это очень интересный вопрос, к которому мы вернемся немного позже.) Но несовершенствами общепризнанной теории нельзя оправдать никакую абсурдную теорию.

Креационизм доставлял беспокойство большому кругу людей, веривших только в реальность, основанную на фактах. А такие люди, в частности, состояли членами правлений многих локальных школ и даже числились в управлении государственным образованием. Между 2003 и 2009 годами, во время доминирования в политике религиозного правого крыла, пристальное внимание скептиков привлек к себе штат Техас, издавна гордившийся тем, что являет собой некую отдельную реальность, независимую от реальности прочей Америки, и привлек тем, что выступил с инициативой пересмотра всех государственных учебников. Инициатором этого почина стал зубной врач по имени Дон МакЛерой, считавший себя истинным техасцем. МакЛерой, по образованию инженер-электрик, свято верил в «относительно недавнее сотворение мира». Будучи республиканцем, он легко победил соперника от демократов и был избран в отдел народного образования штата, где занимал пост председателя правления вплоть до 2009 года. В Техасе насчитывается 4,7 млн учащихся; это один из немногих штатов, где в школах используются учебники, одобренные на государственном уровне, а не выбираемые на свое усмотрение учителями частных школ. Поэтому отдел народного образования штата оказывает огромное влияние на всю сферу образования, начиная с финансов. Любой школьный округ, если отказывается от использования рекомендованных учебников, должен сам оплатить полную стоимость других книг, выбранных им для учеников местных школ.

МакЛерой, самый влиятельный из членов общества христианских фундаменталистов, заставлял издателей включать в учебники разделы, в которых анализировались слабости и недостатки теории эволюции. Это вызвало всеобщую нервозность за пределами штата, ибо многие боялись, что издатели, выпускающие учебные пособия в общенациональном масштабе, под влиянием предпочтений одного из самых крупных своих заказчиков, могут также внести изменения и в книги, покупаемые другими штатами.

Оказывая всяческое давление и понуждая издателей к тому, чтобы они переписали учебники по биологии, сделав их орудием в борьбе против эволюции, а заодно пересмотрели учебники по гигиене и санитарии в пользу рекомендаций по использованию противозачаточных средств, МакЛерой стал символом новых перемен и позиций в обществе, которые были совершенно чужды высшему образованию, но зато до боли знакомы миллионам американцев. Как писала «Нью-Йорк таймс» в 2008 году, «доктор МакЛерой убежден, что Земля в том виде, как она выглядит сегодня, стала таковой совсем недавно – тысячи, а никак не 4,5 миллиарда лет тому назад, то есть это сравнительно недавнее геологическое событие. “Я верю в кучу невероятных вещей, – сказал он. – И самая невероятная из них – история христианства: что младенец, рожденный в яслях, был Богом, сотворившим всю Вселенную”».

Читая такие вещи (включая и высказывание МакЛероя, что он оценивает учебники по истории Америки по двум критериям: первый – как они трактуют христианство, а второй – как они подают Рональда Рейгана), многие люди поневоле идут на попятную. В конце концов его кампания в поддержку разумного дизайна не удалась. А сенат штата большинством в один голос сместил МакЛероя с поста председателя отдела народного образования.

Стычки между разумом и догматической религией, против которой так активно выступают воинствующие атеисты, редко заканчиваются хорошо для последней. Когда дошло до суда (я имею в виду прецедент в Пенсильвании, где правление местной школы захотело использовать в учебном процессе учебники с откровенно религиозным содержанием), федеральный судья, выступавший против них, высказался в том роде, что разумный дизайн «не может быть отделен от своего креационистского, а стало быть, и религиозного прошлого». Десятилетия судебных тяжб и разбирательств, в ходе которых была сделана попытка восстановить в школах молитвенные собрания и отменить закон об абортах, ни к чему не привели. И это сводит на нет сделанное Харрисом предостережение о том, что рост неразумия достиг кризисного уровня.

Как противовес поднятой им тревоги у нас есть надежда, и эту надежду дает нам прошлое, ибо то, о чем так мощно возвещают Докинз и компания – сила эволюции, – имеет социальный эквивалент, который можно охарактеризовать так: развитие неуклонно ведет нас от неразумия к разумности. Сваливание в кучу примеров человеческой безрассудности и злобы – а это любимая полемическая тактика Харриса – ни к чему не приведет, ибо таким образом точной истории не создашь. (Китайская культура – нечто большее, чем монгольские орды и их зверства.) Надежду невозможно добыть, старательно отмывая злодеяния или ошибки, сделанные в прошлом. Надежда всегда обретается в пути, ведущем вперед.

Что касается полемики и разбирательств с креационизмом, то попытка навязать общеобразовательным школам библейскую веру приводит на память постыдное «Дело Скоупса» (прозванное «Обезьяньим делом»), имевшее место в 1925 году. Такое впечатление, что часы с того времени как будто и не шли. Суть дела вот в чем. За десять лет до этого штат Теннесси принял закон, запрещающий преподавание теории эволюции в школах, получающих субсидию от государства. И вот некто Джон Скоупс, учитель средней школы из маленького городка Дейтон, штат Теннесси, был привлечен к суду за нарушение этого закона. Правда, к тому времени этот статут не был законодательно закреплен, поэтому судилище, по сути дела, вылилось в публичный фарс. Некий именитый гражданин городка, управляющий местной угольной и сталелитейной компании, встретился в аптекарском магазине с директором окружной школы и убедил его, что для блага жителей Дейтона было бы хорошо привлечь к себе внимание американской общественности, с заведомым умыслом используя законодательную силу штата. Если бы им удалось найти учителя, преподающего школьникам теорию эволюции, уж они бы хорошенько раскрутили это дельце!

Попытка оказалась на удивление успешной. К делу действительно было приковано внимание всей нации, особенно когда начались прения между двумя наиболее значимыми фигурами – Уильямом Дженнингсом Брайеном и Кларенсом Дарроу. Старейший Брайен в то время возглавлял избирательную кампанию президента, делавшего ставку на глубоко религиозного сельского избирателя. А Дарроу был одним из самых известных юристов страны, ратовавшим за дело прогресса во всех областях жизни.

Американское общество того времени находилось в своеобразной точке перевеса: 1920-й был первым годом, когда более половины населения страны жили в городах, а не в сельских общинах. Если подходить к этому делу с разумных позиций, то Скоупс должен бы быть полностью оправдан, поскольку даже власти штата прекрасно знали, что учебник, рекомендованный для уроков естествознания в средних школах штата Теннесси, содержал полное описание теории эволюции. Мотивы поведения Скоупса тоже понятны: им двигало желание добиться отмены этого реакционного и довольно обременительного для преподавателей пункта законодательства. (Последующие сорок лет содержание учебников регламентировал закон, известный как Акт Батлера. Он был отменен только в 1967 году, то есть за год до того, как Верховный суд признал все подобные законы неконституционными.)

Суд был не только публичным спектаклем, но и битвой за образ жизни. Через какое-то, весьма непродолжительное, время победа снова вернула нацию к традиции, вере, буквальному прочтению Библии и антиинтеллектуализму. Скоупс проиграл. Это не значит, что проиграла теория эволюции, каковая точка зрения долгое время преобладала у публики.

Судья умело руководил судом присяжных, давая понять, что свидетельские показания с обеих сторон – и со стороны науки, и со стороны религии – здесь совершенно неуместны. Он призвал присяжных вынести решение, основываясь исключительно на том, преподавал Скоупс теорию эволюции или нет. А поскольку тот сам открыто признал, что преподавал, то присяжным понадобилось всего девять минут, чтобы посоветоваться и вынести вердикт: «Виновен». Скоупса присудили к штрафу в 100 долларов, зато штат Теннесси выставил себя на всеобщее посмешище за то, что предпочел Адама и Еву Дарвину.

В конце концов эволюция победила... Или еще нет? Современные американцы как население куда более образованны по сравнению с 1925 годом, а Библия по-прежнему остается незыблемой и сохраняет свои позиции. По данным Института Гэллапа за 2012 год, «46%американцев придерживаются креационистских взглядов на сотворение мира и верят, что Бог создал людей в их нынешнем виде... в течение последних 10000 лет». Эта горестная статистика – не какая-то там случайность, а вполне очевидная закономерность: эти цифры, как сообщает Институт Гэллапа, не изменились за последние тридцать лет – с тех пор, как Институт начал вести опрос по этой теме. К ужасу всего научного сообщества, может оказаться так, что библейское сказание о сотворении мира, как оно преподается в воскресных школах, закрепится пожизненно.

С политической точки зрения было бы вполне оправданно выбирать в попечительский совет школы людей, желающих украсить школьное расписание уроками слова Божьего. Это можно было бы рассматривать как гражданский долг, даже как защиту конституции, которая законодательно закрепила отделение церкви от государства. (Ведь именно на этом основании законы вроде того, по которому был осужден Скоупс, были признаны неконституционными.) Религиозные правые используют эту тактику, мало-помалу сводя на нет это отделение. После выборов 2000 года, когда к власти пришла администрация, с симпатией относившаяся к идеям креационистов и всячески поощрявшая их, они вдруг почувствовали себя невероятно храбрыми. Воинствующие атеисты вдруг оказались по правую сторону этого яростного, неутихающего спора, и не были выставлены за дверь.

Президент Буш основательно расшевелил это осиное гнездо, когда летом 2005 года принял в Белом доме группу журналистов из техасских газет. Как бывший губернатор штата Техас, Буш прочно ассоциировался у них с религиозным правом крылом и кампанией за переделку расписания уроков естествознания в средней школе. «Я чувствовал, что обеим сторонам не мешало бы как следует подучиться, причем подучиться основательно», – заявил он журналистам. Один из них спросил, по-прежнему ли он придерживается этих убеждений, и Буш ответил, что да, по-прежнему, «хотя бы для того, чтобы люди могли понять, что такое дебаты».

Хотя подобная позиция кажется вполне толерантной, в действительности фраза «про обе стороны, которым не мешало бы подучиться», была им заимствована из сборника креационистских пьес. Разумный дизайн ни в коей мере не равен дарвиновской теории. Президент Буш считал, что он тщательно вычислил и рассчитал все свои ремарки. Но, вынужденный сказать со всей определенностью, действительно ли он верит в то, что разумный дизайн является альтернативой теории эволюции, он спасовал, в то же время продолжая утверждать, что держится позиции беспристрастности. «Я считаю, что роль образования заключается в том, чтобы знакомить людей с различными школами мысли, – добавил он. – Вот вы спрашиваете, должны ли люди быть ознакомлены с различными идеями или не должны, и ответ на это: да, должны».

Политики привыкли потворствовать религиозным группам, и нынешний климат всячески способствует этому. Как с негодованием заметил Харрис в книге: «Конец веры»: «70 % [американцев] считают, что кандидатам в президенты совсем не обязательно быть “глубоко религиозными людьми”». (К слову сказать, этот аспект американской политики европейцы расценивают как очень сложный и чуждый гражданскому обществу.) Религиозные правые хотя и не привили благочестие и набожность членам правительства, зато привлекли к ним вполне законный интерес у избирателей. Они призывают избирателей

отдавать свои голоса исходя из того, какой кандидат, по их мнению, Богу милее. Предположение о том, что Бог принимает чью-либо сторону при решении, кто станет заместителем губернатора штата Канзас или кто займет место в Овальном кабинете, для сторонников отделения школы от церкви неприемлемо.

Хотя Харрис не так уж и часто упоминает креационизм в своей книге, зато креационизм идеально вписывается в его довод, что «все самое худшее в нас (полная иллюзия)» улаживает святого покровителя. Но в следующей фразе он же заявляет, что «все самое лучшее в нас (разум и интеллектуальная честность)» вынуждено «оставаться скрытым из страха быть оскорбленным». Однако поток гневных писем, носящих его книгу, не вызвал у него особого страха. Да и, собственно говоря, почему должен вызвать? Ведь инквизитор не вторгся в его жилище, призывая громы и молнии на голову Харриса. Прошлое учит нас смотреть на себя в перспективе. Суд на Скоупсом, который выглядит скорее как кампания в поддержку креационизма, проводившаяся в эпоху Буша, так и не привел, по прошествии семидесяти пяти лет, к медленному загниванию сферы образования, массовому появлению в правительственных рядах религиозных фанатиков или каким-то другим бедам, спровоцированным христианским фундаментализмом.

Вместо этого со времен появления так называемого «форда-жестянки» («модели Т»), отдельных школ и «великой депрессии» (а они были совсем недавно) общество достигло огромного прогресса. Ни один разумный человек не станет доказывать, будто религия привела страну к катастрофе. Я не защищаю политику невмешательства в отношении религии и ее пагубного влияния, когда фанатики пытаются насадить свои убеждения там, где им не место. Однако, если уж ставить правильный диагноз всему происходящему, то я сказал бы, что это просто слабая лихорадка, а не вызывающая тревогу повальная эпидемия.

Запутанная реальность

Как предсказателя опасности, Харриса постигла неудача. В 2004 году, когда вышел в свет «Конец веры», он, основываясь на трагических событиях 11 сентября в Америке, предсказал различные беды, которые якобы ждут нас в будущем от рук террористов. Эти террористические акты, случись они в действительности, прекрасно вписались бы в его модель религии, якобы создающей растущую угрозу обществу. Но террор не пролиферировал в этой стране, и если оглянуться назад, то окажется, что голоса, которые исподволь внушали страх, были более чем нелепыми в общем хоре угроз, которые уже стали явью. Когда исламские экстремисты были обращены в бегство, а «арабская весна» явила миру обратное движение, которое привело к принятию внутренних реформ, а не распространению джихада, оказалось, что «Аль-Каида» не является монолитным представителем арабского мира. И, что еще более важно, экстремизм – это не лицо ислама, как пытается представить его нам Харрис.

«Арабская весна», беспокойная и тревожная по своим последствиям, принесла надежду туда, где нормой жизни для бесчисленных поколений были гнет и подавление. В любом месте арабского мира молодежь жаждет влиться в современный мир. Сегодня iPad стал конкурентом муллы, и между ними, как между светскими силами, впервые в жизни идет своего рода состязание, кто первый верно предскажет будущее, не повязанное религиозными традициями. (Говорят, что во время катастрофической иракской войны число сотовых телефонов в этой стране возросло в 244 раза. До начала конфликта их число оценивалось на уровне 80 тысяч, а к 2009 году их стало 19,5 миллиона.)

Вот и предостережения Харриса по поводу угрозы, которую якобы несет обществу религия, столь же необоснованны и ненадежны. В Соединенных Штатах религиозное правое крыло сильно сдало – и по численности, и по влиянию. Среди молодежи упадок веры может объясняться инерцией или резким неприятием ценностей поколения родителей. Статистический бюллетень, опубликованный в 2006 году газетой «Нью-Йорк таймс», глубоко встревожил евангелистов, поскольку показал, что только 4 % американских

подростков вполне уверены, что, став взрослыми, они будут называть себя «верующими христианами». Молодежь, как и взрослых, тоже оттолкнула позиция религиозно-правого крыла, ратующего за аборты и гомосексуальные браки.

Политика эпохи Буша, основанная на вере, была пересмотрена в 2008 году, когда президентская власть сменилась. Харрис так и остался на своей пожарной каланче, но теперь он мог немного ослабить бдительность. Бюллетень, опубликованный в 2012 году Исследовательским центром Пью, показал резкий спад религиозных убеждений среди молодых американцев, так называемого «поколения второго тысячелетия»: всего за пять лет число людей до тридцати лет, заявивших, что они никогда не сомневались в существовании Бога, упало до 15 %. Среди фундаменталистов так вообще царит повальное разочарование, ибо их дети все более склоняются к тому, что быть верующими христианами – это не для них. В связи с этим многие мега-церкви поменяли свою идеологию: вместо адского пламени и вечных мук они теперь проповедуют позитивное мышление.

Все это доказывает ту истину, которой Харрис не видит, ибо слеп: общество может успешно развиваться, даже несмотря на то что питающие его потоки религиозного невежества все еще сильны. Это же справедливо и для отдельных индивидуумов. Молодые «верующие» христиане начали мало-помалу игнорировать незыблемые ценности своего воспитания в духе фундаментализма, уделяя больше внимания, например, филантропической работе, нежели проигранным судебным процессам вроде того, где речь шла о преподавании креационизма в школах.

Вряд ли альтернативой невежеству в духе Харриса может стать этакое ленивое «живи сам и дай жить другим». Нет, нужно что-то делать, нужно что-то предпринимать, чтобы исправить те серьезные огрехи, которые были совершены во имя религии. Первый шаг на этом пути – отказаться от мышления «они против нас». Подобного рода мышление типично для Харриса, поскольку суть всех его доводов сводится к тому, что разум ведет войну против неразумия. И точно так же мыслят религиозные фанатики, на которых он нападает. В истории человечества не впервые, когда явные враги оказываются тайными союзниками. Вот почему фанатики так нужны атеистам, хотя они и ненавидят друг друга. Что касается противопоставления науки и религии, то ведь это противопоставление по большому счету недействительно. Ибо реальная ревизия человеческого мозга показывает, что он являет собой полную противоположность тому полю битвы, где разыгрывается сражение между силами света и тьмы. По сути дела, величайшая способность человеческого мозга – сплавлять воедино все аспекты человеческого существования – остается тайной нашей эволюции как вида.

Наш мозг развивался на протяжении нескольких миллионов лет, начиная от первых человекообразных, живших в Африке. Часть мозга, унаследованная нами от пресмыкающихся (она расположена в задней части головы и переходит в спинной мозг), до сих пор наша неоспоримая принадлежность. Она символизирует тотальное неразумие в его полной бессмысленности. Пресмыкающиеся едят, сражаются, выводят потомство. У них черные зрачки, и в них не отражается ни малейшего намека на мысль, связывающую их с другими животными или с их собственным видом. Когда вы реагируете на провокацию бессмысленным страхом или гневом или когда вы сражаетесь с конкурентом или соперником за любовь всей вашей жизни, со дна сознания вами движут примитивные инстинкты. Однако человеческий мозг – не пешка, которой управляют атавистические импульсы. Он – и в этом тайна нашей эволюции – хранит все этапы истории человечества, в том числе и самые примитивные. Вместо того чтобы отторгнуть неразумие, мы сделали его частью себя.

Первый эволюционный скачок, сделавший нас людьми, можно проследить на уровне лимбической системы, которая размещается чуть выше «ящериного» мозга и перед ней. Этот участок мозга, известный как эмоциональный мозг, свободен от примитивных инстинктов, ибо они на этом уровне уже преодолены. Эмоции бросают нас то назад, то вперед, но они открыли перед нами огромное пространство для более высоких чувств, таких как любовь.

Мир становится значительно шире, если на него глядеть влюбленными глазами. Возникают привязанность и сопереживание. Агрессия умеряется нежностью. «Я хочу тебя» у пресмыкающихся выражает грубое вожделение, а в устах человека влюбленного это означает: я хочу твоей красоты, твоего изящества, всего того, что я так люблю в тебе. Половой инстинкт в нас не угас, он просто стал одним из волокон в гобелене эмоций. Но в этом переплетении волокон, образующем узор, есть узелки. Любовь, например, порождает уязвимость, а это ведет к возникновению проблемных конфликтов.

Каждый, кто любил, знает, сколь мучительно это состояние. Экстаз обретается ценой романтической любви. Два самца – две ящерицы с гребнем на голове на раскаленном солнцем камне ведут между собой непримиримую войну. Но война, ведущаяся в любви, – это война внутренняя, утонченная, невыразимая. Это знаменует эволюционный скачок, ибо, как только эмоции заставляют нас обратиться внутрь самих себя, у нас появляется возможность выстроить свое «я». «Я» ведаёт моими эмоциями и тем месторождением, откуда они мной овладевают. Персональный выбор – это позитивный итог эмоционального конфликта.

Результатом относительно недавнего эволюционного развития является рациональный мозг, представленный корой, которая заведует высшими функциями, такими как разум. Кора головного мозга (по-латыни *cortex*) самым своим названием указывает, что это внешний слой мозга, напоминающий испещренную глубокими бороздками кожуру или кору дерева, закрывающую все остальное. Опять же, наличие коры не означает, что мы искоренили или отторгли все предшествующие стадии мозга. Мы не превратились в «компьютеры, сделанные из мяса» и не пользуемся описанием, созданным искусственным разумом. Но мы и не рациональные существа, эволюционирующие в сторону еще большей рациональности, – идеальное будущее, как его себе представляет воинствующий атеизм. Вместо этого мы продолжаем наращивать все аспекты человеческих возможностей.

У Харриса та же проблема, что и у Докинза: его теория о том, что религия представляет собой примитивный импульс, пуста и ничем научно не подтверждена. Мозг обрабатывает религию на самых различных уровнях: низменные импульсы (такие, как агрессия по отношению к тем, кто верит в Бога-конкурента) смешиваются с более тонкими эмоциями (такими, как любовь к Богу и привязанность к Отцу Небесному) и контролируются высшей рассудочностью (это когда рассудок верующих сомневается в той вере, в которой их воспитали). Что и говорить, узор очень сложный, запутанный и постоянно ставит нейронауку в тупик, когда та пытается его распутать. Все, кто по-настоящему религиозен, интегрировали свою веру в гораздо более масштабный проект строительства «я». Уравнивать религиозную веру с примитивными инстинктами – это худшая из наук, ибо такая наука ни на что не годна. Опыты с буддийскими монахами, которые десятилетиями медитируют на сострадание, показывают, что у них очень повышенная мозговая деятельность, и эта деятельность сосредоточена в префронтальных отделах (в лобной гранулярной коре) головного мозга, а не в низшем его отделе. Эволюция духовности идет полным ходом, что очевидно каждому, кто питает к ней хотя бы немного симпатии.

Надежна только внутренняя истина

Харрис нигде не упоминает о своем раннем опыте приобщения к духовности. Будучи еще молодым человеком, он много времени пробыл в Индии и хорошо знаком с индийскими гуру и буддийскими доктринами. Это оставило в его памяти неизгладимые впечатления, даже теперь, когда он всячески отмежевывается от всех гуру, а свое увлечение буддизмом держит глубоко при себе; но в недавнем интервью, данном журналу «Атлантик», он признался, что занимался медитацией три десятка лет. Это были особые виды медитации, такие как буддийская практика «метта» («любовь-доброта»), и они наполнили его таким состраданием, что их воздействие можно сравнить, пожалуй, только с воздействием экстази, клубного наркотика. (Что и говорить, трогательное признание со стороны такого драчливого

бойца словесного фронта!) Последняя глава книги «Конец веры» посвящена экспериментам с сознанием (она так и называется «Эксперименты с сознанием»); в ней автор пытается представить этот предмет с чисто научной точки зрения. Харрис настолько не доверяет внутреннему опыту, что жаждет проверить и перепроверить его с помощью контрольных исследований, в результате чего начинает флиртовать с научно-фантастическими измышлениями, в которых машины берут верх над святыми и бодхисатвами: «Возможно, мы еще доживем до тех времен, когда увидим технологическое совершенство всех визионерских лучей медитационного мистицизма». Если передать это более простым языком, то он говорит: «Мистицизм – это рациональное предприятие».

Здесь уже, по меньшей мере, в раковине воинствующего атеизма наметилась трещина. Все, что происходит вокруг Бога, признает Харрис, происходит в уме. При этом однако он пытается примирить две непримиримые возможности, ибо они исходят из двух противоположных миров. Своей буддийской стороной он понимает, что чем больше погружаешься в свое собственное осознание, тем больше индивидуальное «я» тяготеет к исчезновению. В буддизме «я», которым человек определяет сам себя, не существует. Это чисто умственное творение, маскирующее то, что является доподлинно реальным, – уровень сознания, которое открыто, ничем не связано и свободно от страданий. Как только оказывается очевидной иллюзия «я», остается только сознание само по себе, то есть пребывающее в состоянии, которое в буддизме обозначается как «пустота». Вторя буддизму, Харрис наконец находит духовную причину отрицать – или не принимать, не имея в том нужды, – персонального Бога. Такой Бог существует только как поддержка иллюзии личного «я».

Своей другой стороной, ультрарационалистической, Харрис с подозрением относится ко всему, что выходит за рамки его представлений, вроде чистого сознания Будды. Он убежден, что жизнь – это то, что происходит прямо сейчас, по мере разворачивания событий. Нет, да и не может быть таких реалий, как вечный или трансцендентный ум. Что касается великих духовных подвижников, постигших трансцендентное, то Харрис едко потешается над ними: «А почему, собственно, мы должны им верить?» (Он совершенно глух к очевидному возражению: мы должны им верить хотя бы потому, что они это постигли.) При этом он уверяет нас, что хочет быть честным. Если чему и следует верить, то лишь донесениям нашего «я». Когда кто-то говорит: «Мне грустно», то это свидетельство происходящего есть «золотой стандарт». То же самое относится ко множеству вещей, в которые мы хотим поверить: «Донесения “я” остаются нашим единственным поводырем», ведущим нас в реальность существования «депрессии, гнева, радости, зрительных и слуховых галлюцинаций, снов и даже боли». Тогда почему же Харрис не приемлет я-донесения всех святых, мудрецов и визионеров, сколько их ни есть в истории человечества?

Разница, как он ее видит, состоит в том, что если реальность очевидна, ибо ее можно измерить с помощью томографии и сканирования мозга, то явления, которые кажутся реальными, неочевидны, ибо это личные переживания человека. Они реальны только для человека, их испытавшего. Поэтому, хотя волновая дельта-активность в коре головного мозга буддийского монаха действительно нарастает, когда он медитирует на сострадание, мы можем полагаться только на слова самого монаха, что он испытывает это сострадание. Есть ли в этом хоть какой-нибудь смысл? То есть, приемля медитацию одной рукой, другой Харрис ее отбрасывает, когда говорит: «А почему, собственно, мы должны верить медитирующим, когда они говорят нам, что такое медитация?»

Если подходить к этому с его собственными мерками, то различие между «реальным» и тем, что «кажется мне реальным», исчезает полностью. Я-донесения – это сама реальность в том виде, как она действует постоянно. На надежность этих сведений не влияют ни депрессия, ни радость, ни боль, ни различные состояния галлюцинации. После хирургической операции на сердце, например, у многих пациентов наблюдаются зрительные галлюцинации и иллюзорные мысли. Они могут видеть, например, как по их ногам бегут маленькие зеленые человечки (их видел, в частности, один уважаемый судья Верхового суда

из Калифорнии; об этом мне рассказал его хирург). Но когда обычный человек в обычной жизни говорит: «Я вижу зеленую траву» или «Небо голубое», это признание или свидетельство его «я» считается «золотым стандартом». В коре головного мозга, отвечающей за визуальное восприятие, нет маленьких зеленых человечков, но нет там и зеленой травы. Внутри мозга нет ни цвета, ни красок, и если кто-то говорит, что он видит зеленое, мы верим ему по одной причине – потому что он это говорит. Но тот же стандарт, согласно которому мы верим утверждению, что небо голубое, может быть легко отброшен, когда мы выходим из привычного круга тем и понятий и говорим: «Я ощущаю присутствие Бога». Только полное предубеждение может отнести духовный опыт к другому стандарту.

Сканирование мозга, сделанное во время духовных переживаний, показывает усиленный приток крови к определенным участкам мозга, и ничего больше. Измерять реальность, полагаясь на сканирование, – такое исследование сопряжено с большими ограничениями, ибо если кто-то говорит, что он видит маленьких зеленых человечков, то скан не может этого подтвердить, как не может подтвердить и того, что человек их не видит. Все, что можно сказать, исходя из показаний прибора: визуальный отдел коры головного мозга пребывает в состоянии активности. Если применить этот стандарт к слепым, то окажется, что и они могут видеть, ибо ментальный глаз (или «око ума») тоже стимулирует визуальный отдел коры головного мозга. Слепые не живут в полной темноте. Некоторые из них наделены даром внутренних визуализаций. Один австралиец, ослепший в результате несчастного случая на производстве (ему в глаза попала кислота) начертил и сконструировал сложную коробку передач, замысловатые функции которой он увидел ментальным зрением. Сканированием мозга нельзя определить, сочиняет ли кто-то великую поэму или варганит плохонькие стишки. Сканированием нельзя измерить «бесчисленные» (словечко из арсенала Харриса) переживания, которые можно затем перевести в данные. В конце концов, игра или инсценировка битвы на поле сражения между видением Бога и видением зеленой травы завершится вничью.

Поэтому попытка разоблачения субъективности, которую предпринимают Докинз и компания, не заслуживает доверия. Они не принимают во внимание целую область ума, которой мы доверяем ежедневно. Мир «внутри» иницирует все познания мира «снаружи». Это и есть наш настоящий дом как мыслящих существ. Но скептицизм тоже сослужил нам добрую службу на духовном пути. Мы нашли лучший или более приемлемый способ размышления и обдумывания всех относящихся к делу вопросов, касающихся не только Бога, но и науки и разума, равно как видимости и реальности. Сталкиваясь с враждебными выпадами со стороны воинствующего атеизма, мы становим только сильнее и еще упорнее ищем Бога.

Следующая стадия – исследование веры; ее можно охарактеризовать как доверие к внутреннему доминиону. Подобное доверие начинается с гораздо более простых и повседневных реалий, нежели Бог. Но если посмотреть глубже, то вера в Бога столь же надежна и так же заслуживает доверия, как и ваша убежденность в том, что после того как вы ляжете в постель и заснете этой ночью, на следующее утро вы проснетесь.

Путь к Богу. Стадия II: Вера

За нулевой точкой

«Я – Смерть, разрушитель миров». Даже те, кто никогда не читал Бхагавадгиту, с дрожью вспоминают эту ставшую знаменитой фразу. Ее произнес Роберт Оппенгеймер, руководитель Манхэттенского проекта, сразу после первого испытания атомной бомбы в пустыне Нью-Мексико. С таким же успехом он мог бы сказать: «Я – человек, ниспровергатель Бога». Дата 16 июля 1945 года ознаменовала нулевую точку веры. Перед

безумной, ничем не сдерживаемой яростью атомного разрушения вселюбящий Бог-покровитель утратил все свое правдоподобие. Лишь очень немногие люди, за исключением разве что самых пылких верующих, считали, что Бог еще может что-то сделать, чтобы остановить наше скатывание в бездну самоуничтожения. Чтобы выйти из этой нулевой точки, из этого надира веры, нужны фокусировка и усилия. Веру необходимо отстроить заново, так сказать, от основания. По инерции она может легко улетучиться, и тогда одна из самых мощных сил человеческого бытия будет предана забвению. Что делает веру столь замечательной, так это то, что она действует вопреки нашему знанию об эволюции, в основе которой, как известно, принцип выживания. Выжить – эта неистребимая потребность движет всеми живыми существами. И только у людей эта потребность приобрела столь многочисленные формы, что они смешиваются в какую-то темную, спутанную массу. В одних случаях мы сражаемся за пищу, кров и семью. А в других, когда эти вещи у нас уже есть, мы не уделяем им ни единой мысли. Вера – совершенно незаурядное явление, и делает ее таковой то, что мы порой живем ради призрачных, непостижимых реалий, которые невозможно даже облечь в слова. (Можете ли вы определить разницу между «Он выражает много сердечности» и «Он выражает много душевности?»)

И все же дела религиозные подчас могут возобладать в жизни над всеми прочими нашими инстинктами, даже над инстинктом выживания. В том же году, когда была взорвана атомная бомба, – событие, которое навсегда изменило мир, – союзные войска заняли концентрационные лагеря и освободили томившихся там узников. Миру предстали не только сцены невыразимого ужаса и страдания, но и сцены высшего проявления человечности – таковыми были истории о пленных, добровольно пошедших на смерть вместо других.

Одной из самых трогательных историй такого рода был случай с польским францисканским монахом, отцом Максимилианом Кольбе, который погиб в Освенциме в 1941 году. Гестапо арестовало его за то, что он укрывал евреев в стенах основанного им монастыря Непокалянув (Непорочной Девы), который был центром издания и распространения религиозной католической литературы на польском языке. На фотографиях это волевой, решительный человек в очках с черными дужками и с коротко стриженными волосами. Один из самых страстных прозелитов веры, он одно время был даже миссионером в Японии, где основал католическую миссию на склоне горы, неподалеку от Нагасаки; удивительно то, что, когда на Нагасаки была сброшена атомная бомба, которая разрушила практически весь город, миссия уцелела и осталась нетронутой. Приверженцы Кольбе потом утверждали, что основать миссию на склоне горы, противоположном тому, где располагался город, – что, собственно, и защитило ее от смертоносного ядерного вихря, – видимо, надоумило Кольбе само Божественное Провидение.

Вскоре после того, как в мае 1941 года он попал в Освенцим, несколько заключенных устроили побег, который оказался успешным. Комендант лагеря решил для острастки как следует наказать оставшихся. Охранники отобрали десять человек, чтобы заточить их в подземные камеры и там заморить голодом. Когда один из отобранных в страхе закричал, Кольбе выступил вперед и предложил себя вместо него. Он провел в подземелье две недели, молясь, читая проповеди и оказывая моральную поддержку другим осужденным; своих палачей он неизменно встречал смело и мужественно, глядя им прямо в глаза. Остальные девять человек умерли, а Кольбе все еще оставался в живых. В конце концов его казнили, сделав ему инъекцию карболовой кислоты, а тело сожгли в одной из печей Освенцима, который ныне служит мемориалом, напоминающим о страшных преступлениях против человечества.

Рассказ о смерти отца Кольбе всегда трогает мое сердце, ибо она, на мой взгляд, является частью сложной судьбы современной веры и тех католических мучеников, которые приняли смерть во имя Божье. Он быстро был приобщен к рангу святых. К 1950 году были зарегистрированы два случая чудесного исцеления, которые приписывались ему. В 1971 году он был причислен к лику блаженных, а в 1982 году канонизирован указом папы Иоанна Павла II, который тоже был поляком и немало пострадал от рук нацистов. Мне довелось

читать выдержки из религиозных отчетов, в которых говорилось, что святой Максимилиан (так он теперь называется) излучал свет, когда молился, а евреи в Освенциме, перед тем как идти на смерть, оставляли под досками пола в своих бараках маленькие записки, свидетельствовавшие о его сверхъестественной вере.

Этот рассказ о незаурядном человеке полон парадоксов, связанных с верой. И один из них в самом деле не поддается логике. Ибо того, кто выказывал самую сильную и негибкую веру, Бог не защитил, а довел до смерти. Не жизнь, но смерть стала той величайшей благодарностью, которую Кольбе принес в дар Богу. Так должны ли мы верить в такое божество? Детям внушают, что почитать Бога естественно, однако истории о чудесах превращают неколебимую веру во что-то сверхъестественное. Огромная брешь между рациональным и магическим кажется здесь непреодолимой. Именно чудотворный аспект святых – как противопоставление их праведному поведению – вот что больше всего привлекает верующих, а у скептиков вызывает презрение.

История отца Кольбе свидетельствует о том, что во всех нас присутствуют зерна веры и неверия. Я встречал на своем пути людей, чья вера делала Бога мощной крепостью, как это было в случае с Мартином Лютером, и людей, которые понимали, сколь нежной и хрупкой может быть вера – то, что выразил Тагор в своей поэтической метафоре: «Вера – это птица, которая предчувствует свет и поет, когда заря еще не пробудилась». Если эти слова тронули ваше сердце, значит, вы приблизились к одной из самых сокровенных духовных тайн: что нежно и хрупко, то бессмертно. Пока живет сердце, будет жить и религия.

Случается, что человек утрачивает веру, а случается – обретает ее. Для меня вера – это срединная стадия возрождения Бога. Именно срединная, а не конечная, поскольку вера есть убеждение, а убеждению не хватает знания. Но в некоторых ситуациях эта срединная стадия не нужна вовсе. Так, например, когда вы заказываете в ресторане шоколадный мусс, вам нет нужды испытывать вашу веру на предмет того, подадут его или нет. Но все мы можем ощутить ту надежду, с которой жертвы концлагерей ждали, что Бог спасет и освободит их, и тот ужас, который они испытывали, когда этого не случилось. Вера ослабевает, когда Бог не поступает согласно нашим ожиданиям; но она ослабевает фатально, когда Бог полностью нас игнорирует и не обращает на нас никакого внимания.

Но какой бы путь вы ни избрали, когда подходите к нулевой точке, вас неизменно постигает одно и то же – разочарование.

Нулевая точка веры

Каким образом Бог подвел вас?

- Проигнорировал ваши молитвы.
- Подверг вас опасности и не защитил.
- Вы перестали чувствовать Божественную любовь.
- К вам не проявили милосердия.
- Вы заболели и никак не можете выздороветь.
- Вы видите, как процветают плохие люди, а хорошие остаются незнагражденными.
- Вам пришлось испытать в жизни грубое обращение и насилие, и никто не положил этому конец.
- Умер невинный ребенок.
- Несчастные случаи и травмы случаются с вами без всякой видимой причины.
- Вы прошли через горе, тревоги, депрессию, вы психически много пострадали, и Бог не дал вам утешения.

В жизни каждого были подобные ситуации – у одних несколько, у других больше. История – это кладбище оставшихся без ответа молитв миллионов людей, бессмысленно отстрадавших и умерших. Правда, теология выступает с различными оправданиями

подобного положения вещей: то это Deus otiosus («праздный Бог»), чья роль якобы завершилась после творения, то это Deus absconditus («незримый Бог»), который в одно и то же время здесь и не здесь, – но даже она бессильна и не способна утешить, когда мы находимся в отчаянной ситуации, а Бог нам не отвечает. Большинство людей верят – и это понятно, – что Бог выражает любовь, милость и покровительство, когда дела совсем уж из рук вон плохи, ну, а с менее серьезными кризисами мы можем и сами справиться.

Скептицизм как альтернатива

Если уж вы оказались в нулевой точке веры, то имеет ли смысл уходить из нее? Если Бог не существует, то это самое подходящее для вас место. Я не хочу заново перепахивать поле атеизма, но принимать мир таким, каким он себя являет, кажется мне наиболее разумным. Такова, во всяком случае, позиция религиозных скептиков. Бог – это нечто далекое, какое-то другое, незнакомое явление вроде северного полярного сияния или холодной плавки: покажите мне Его – и я поверю. Сомнение требует видимого доказательства; поэтому сомнение всегда противоположно вере. Верующему не нужен Бог, стучащийся в парадную дверь и держащий в руках удостоверение личности, выданное правительственными органами.

В наше время скептицизм не мыслит себя без науки: прежде чем твердолобые скептики поверят во что-то, они хотят иметь на руках данные измерений или опытов, результаты которых можно перепроверить, и непредвзятое свидетельство со стороны – короче, целый аппарат, ассоциируемый с научным методом. Если таковые отсутствуют, то вера, с их точки зрения, недостойна доверия, а то и вовсе пагубна. Скептицизм воспринимает себя как реалистичное и трезвое опровержение всякого рода суеверий, легковёрности и фантазий, которые паутиной опутали весь мир.

Майкл Шермер, главный редактор журнала «Скептик», с явным одобрением приводит слова своего собрата, тоже скептика, который полагает, что «все вопросы о Боге, кто бы их ни задавал: атеисты, агностики, теисты и прочие», – это вопросы неправильные. Что делает их неправильными? «Боги, которые живут только в головах людей, гораздо более могущественны, чем те, что живут где-то “там”, по той простой причине, что, во-первых, последние не отличаются большим разнообразием и, во-вторых, те, что в наших головах, действительно влияют на нашу жизнь».

В списке разочарований, под действием которых люди отворачиваются от Бога, каждый путь для скептика жизнеутверждающий: это своего рода сигнал к пробуждению, призывающий принимать жизнь такой, как она есть, а не такой, какой мы хотим ее видеть.

Скептические ответы для скептиков

Бог проигнорировал ваши молитвы?

Ответ. Он вообще не отвечает на молитвы. То Нечто, что, как вам кажется, сидит в вашей голове, никак не влияет на внешние события.

Бог подверг вас опасности и не защитил?

Ответ. За риск, которому вы себя подвергаете, несете ответственность только вы. Обвинять высшую силу – это свидетельство неуверенности в собственных силах, если не детской слабости. Если человек зрел и самостоятелен, ему не нужен сверхъестественный родитель на небесах.

Вы не чувствуете Божественную любовь?

Ответ. Любовь – продукт химических реакций, происходящих в мозге. Она не существует вне своего физического проявления. Наука по этому поводу говорит, что

романтическая любовь может быть такой же фантазией, как и любовь Божественная.

Господь не выказывает к вам милосердия?

Ответ. Милосердие подобно исполнению желаний; оно рождается из тщетной надежды, что вам удастся избежать законов природы. У каждой причины есть следствие. Это чисто механическая система. Детерминизм не дает к ней свободного доступа.

Вы заболели и никак не можете выздороветь?

Ответ. Болезнь – это сложный процесс, который медицина постоянно стремится познать все глубже и глубже. Однажды, если только исследования будут продолжаться, мы будем точно знать, почему определенные болезни достаются в удел определенным людям. Новые лекарства, которые мы создадим на основе этого знания, полностью решат проблему выздоровления.

Вы видите, что плохие люди процветают, а хорошие остаются незнагражденными?

Ответ. То, что мы называем хорошим и плохим, – это свойства, развитые нами в процессе эволюции с целью выживания. Как только мы поймем принцип естественного отбора во всей его полноте, нам откроется и то оптимальное поведение, которое цементирует общество.

Эти примеры показывают, как нулевая точка веры воспринимается в свете скептицизма. На каждую жалобу, поданную на Бога, может быть дан научный ответ. Если в данный момент наука такой ответ дать не в силах, она даст его в будущем, и это будет гораздо более лучший ответ, нежели тот, который возможен сегодня. С годами я обнаружил, что критерии, выдвигаемые скептиками, куда солиднее и основательнее, чем аргументы атеистов. Скептики чувствуют, что занимают более высокий и важный рубеж, нежели атеисты, ибо скепсис необходим для прогресса науки. Не окажись под рукой искусного скептика, мы бы до сих верили в то, что громы и молнии в нас мечет Зевс.

Точка зрения, выражаемая скептиками, на мой взгляд, привлекает к себе внимание самой широкой общественности и охотно принимается всеми, особенно если ее цели – легкие мишени. Журнал «Скептик» посвящает десятки страниц разоблачению шарлатанов, невежественных знахарей и псевдоученых. Но при этом практически не уделяет никакого внимания серьезным статьям и теоретическим размышлениям о Боге, душе, сознании и природе реальности. Он обносит высоким забором обычные, материалистические объяснения (которые считаются правильными и достоверными), а что по ту сторону забора – это уже неважно, ибо там непроглядная тьма обманутого иллюзиями ума. Выведение на чистую воду знахарей и шарлатанов, несомненно, служит добрым целям. Но в целом разоблачение жульничества имеет весьма незначительную ценность, хотя обычно именно жертвы поднимают тревогу, а не ученые скептики. Но когда скептики в ходе развязанного ими крестового похода посягают на по-настоящему честных, глубоких и прозорливых мыслителей, это наносит делу серьезный вред. Например, все те, кто в свое время продвигал медицину, рассматривающую ум и тело в неразрывном единстве, тоже подвергались осмеянию и поношению как шарлатаны. Помню, как в 1980-х годах члены совета факультета Медицинской школы в Бостоне буквально кипели от еле сдерживаемого раздражения, когда я или любой другой доктор медицины высказывал предположение, что взаимосвязь между умом и телом вполне реальна. Спонтанная ремиссия раковых заболеваний практически совершенно не бралась во внимание. (Один известный онколог как-то сказал мне, что для него и его коллег рак был своеобразной игрой в большие числа: их совершенно не интересовали те редкие случаи, когда опухоль исчезала бесследно без медицинского вмешательства.) Если брать в целом, то скептицизм и сомнение все же наносят вред человечеству, подавляя любопытство и прикрывая свою нетерпимость оправданиями, что,

мол, при изучении неизвестного достоверными могут считаться только официальные научные выкладки. Это можно назвать, пожалуй, институциональным любопытством.

С Богом все гораздо сложнее. С точки зрения скептиков, вера разрушает вероятность того, что человек может выступать в роли разумного мыслителя. И, как только вы употребляете роковое слово «сверхъестественный», это сразу же дает повод для высокомерного отклонения любой идеи. Фрэнсис Коллинз, как я уже говорил, не только известный генетик и директор Объединения национальных институтов здравоохранения, но и еще весьма активный верующий христианин. В силу своего уникального положения он может служить прекрасным образчиком вполне разумного отношения к религии.

Вот как описывает Коллинз в своей книге «Язык Бога» то духовное переживание, которое радикально изменило всю его жизнь.

”Однажды в прекрасный осенний день, когда я бродил по Каскадным горам, величие и красота Божьего творения сокрушили меня и сломили мое сопротивление. Повернув за угол и неожиданно увидев удивительный по красоте замерзший водопад высотой в сотни футов, я вдруг понял, что мои поиски завершились. На следующее утро, на рассвете, в час, когда вставало солнце, я опустился на колени в росистую траву и предал себя Иисусу Христу.

В этом описании пикового переживания, когда повседневный мир привычных форм и явлений вдруг резко меняется, нет ничего такого, в чем можно было бы усомниться. Для самого Коллинза это пиковое переживание претворилось в религиозный смысл, как оно, наверное, претворяется почти для всех ищущих. Но ум у каждого человека свой, и у одних он действует так, а у других иначе. Известный ландшафтный фотограф Ансель Адамс тоже пережил нечто похожее во время своих скитаний по горам Сьерра-Невады, но его интерпретация случившегося вылилось в художественное прозрение. Как видите, оба пережили чудо и оба испытали священный трепет перед величием природы. Коллинз посвятил свою жизнь Христу, а Адамс – фотографии. На их примере видно, что пиковое переживание окрашено неким общим или сходным для всех событием: в момент внезапного расширения сознания маска, за которой скрывается материальный мир, спадает, и обнажается некий скрытый смысл.

Сэм Харрис сравнивает Коллинза (чьи подлинно научные заслуги на порядок выше мнимых заслуг Харриса) с хирургом, который «пытается оперировать пальцами своей ноги. Его промахи предсказуемы, очевидны и отвратительны». Но давайте не будем касаться враждебности, от кого бы она ни исходила, а попытаемся выяснить, что именно подвергает остракизму Харрис, да и прочие сходно мыслящие с ним скептики. А подвергают они остракизму не что иное, как тот настрой ума или сознания, благодаря которому человек отыскивает в природе скрытые послания и зашифрованные обращения, начертанные в виде красот и живописных очертаний гор, закатов, небесных радуг и т. д. С презрением относясь к самому факту, что бесчисленное количество людей узрело руку Бога в творениях природы, Харрис саркастически комментирует духовный опыт Коллинза:

” Если этот отчет о полевых исследованиях покажется вам немного скудным и немногословным, не волнуйтесь: недавно опубликованный в журнале «Тайм» очерк Коллинза с его собственными рисунками послужит для вас источником дополнительных сведений. Здесь же из всего сказанного мы можем понять только одно: замерзший водопад состоял из трех потоков, что и навело почтенного доктора на мысль о Троице.

В этой связи Харрис замечает: «Точно так же любого читателя, страстно верящего в возможность объединения людей в неделимое братство, могут посетить мысли о самоубийстве». Я однако так не думаю. Большинство читателей с уважением относятся к

пиковому переживанию как к достоверному опыту, и многие, я думаю, сами не прочь пережить нечто подобное – к счастью, я никогда не слышал, чтобы кто-то хотя бы отдаленно отреагировал на этот опыт «мыслями о самоубийстве», – и здравый смысл подсказывает им, что религиозное обращение Коллинза не требует научного доказательства. По этому поводу видный математик и физик Юджин Вигнер заметил: «Ну, а где же в равенстве Шредингера радость от полноты бытия?» В самом деле, если я говорю, что люблю самую красивую женщину на свете, то каким образом скептик может что-то доказать, если он указывает на невозможность найти среди трех миллиардов представительниц слабого пола одну, самую красивую?

Человеческое существование было бы ничемным и гибельным, не будь в нем моментов подлинного вдохновения. В обмен на эти краткие, но незабываемые моменты высшего прозрения, когда любовь, красота и возможность приобщения к высшей реальности оказываются по-настоящему жизненны и достижимы, мы многие годы миримся со скукой, рутинной, приевшейся работой и страданием. Но скептицизм порождает внутреннее просветление или пытается отместить его как своего рода аномалию мозга. В одной из статей, напечатанных в журнале «Скептик» за 2007 год, освещались дебаты между Докинзом и Коллинзом, инспирированные журналом «Тайм». Коллинз отстаивал идею Бога, строя свою защиту на вере, которую наука не в состоянии опровергнуть: «Бог не может полностью заполнять природу». Эта позиция, на взгляд скептика, слишком уж скользкая. Она не только вызывает вопрос: а существует ли вообще Бог? – но и обходит стороной необходимость предъявления доказательств.

Но и позиция скептиков тоже равно повязана своими собственными критериями. Вот как выглядит Бог, Тот, Кто вне времени, с точки зрения автора статьи в журнале «Скептик».

”Если нет времени, нет и перемен. Если нет перемен, нет и действия. Если нет действия, нет и творения. Если бы Бог существовал вне времени, Он был бы беспомощен вообще что-либо создать!

Этот довод подразумевает, что безвременье – место, которое можно упоминать точно так же, как мы упоминаем Питтсбург или Нью-Дели. Мысль о чем-то, что находится вне времени, настолько неподъемна, если вообще возможна, что ставит в тупик даже самых прогрессивных физиков в мире. А в итоге – логика трещит по швам, и точно так же трещит по швам весь линейный мир причин и следствий. Вера Коллинза в трансцендентного Бога пронизывает все духовные традиции – и по весьма основательной причине, ибо первоисток самой природы невозможно найти, находясь среди природы и оглядываясь по сторонам.

И все же, сколько бы изъянов ни было у скептицизма, вера от этого идеальной тоже не станет. В своей книге Коллинз предполагает, что, быть может, «из всех возможных мировоззрений атеизм наименее разумен». Это добавляет весомости именитому ученому, но Коллинз идет еще дальше, и его обращение к другим фундаменталистам-христианам звучит как призыв против рационализма в том виде, как большинство людей понимают этот термин: «Как верующие, вы вправе твердо придерживаться идеи Бога как Творца; и вправе твердо придерживаться библейских истин; и вправе твердо придерживаться того умозаключения, что наука не дает ответов на самые насущные, самые настоятельные вопросы человеческого существования». Исаак Ньютон, убежденный христианин, согласился бы с каждым словом. Два великих физика могли бы все так же оставаться религиозными сумасбродами, но для них, вероятно, это было не столь важно. Скептицизм всех научил быть осторожными.

Вопрос не в том, чтобы, основательно перетряхнув всю науку, заставить ее признать Библию и согласиться с ней. Нет, Коллинз ищет гармонии, причем гармонии предельно рациональной, и ищет он ее на стыке науки и религии.

Бог, не ограниченный пространством и временем, сотворил Вселенную и учредил законы природы, которые ею управляют. А в стремлении населить эту пока еще пустую Вселенную живыми существами Он выбрал изящный механизм эволюции, с помощью

которого и были созданы всевозможные виды микробов, растений и животных.

Держите свой ум открытым – вот все, о чем Он нас просит. Вера, как она сложилась в век науки, затрагивает возможности, а не догму. Если ваш ум действительно открыт, то вам нетрудно будет принять ту возможность, что Нечто, пребывающее вне пространства и времени, стало источником рождения Вселенной. Истинный вопрос – а именно здесь и начинается полемика – звучит так: возникло ли творение из «ничего», то есть из нефизического источника, или нет? Есть ли в этом «ничто» пространство для более высокой организации – иначе говоря, некий ум, в совершенстве приспособленный ко всем законам природы в их совокупности, причем приспособленный и сонастроенный настолько тонко, что малейшее изменение могло сказаться на судьбе всей предшествующей Вселенной? В конце концов, малейшее, хотя бы в одну миллиардную долю, изменение закона гравитации, например, могло заставить рождающуюся Вселенную после «большого взрыва» захлопнуться на себе самой, а изменение в обратном направлении могло заставить ее разлететься в стороны неконтролируемыми потоками протогаза, в результате чего ни атомы, ни молекулы так и не сформировались бы.

Тончайшая настройка Вселенной – это самоочевидный и бесспорный факт, и все мы в равной степени пользуемся этим благом. Каким-то образом родившееся из пустоты творение предстало в такой совершенной гармонии, что спустя 13 миллиардов лет на сцену вышла человеческая ДНК. Поскольку Коллинз вкладывает в эту проблему религиозное содержание и придает ей религиозный смысл, то наши знакомые архискептики просто-напросто выбросили его из сферы своего сознания. Харрис вообще не воздаст ему должное даже за то, что он придерживается рациональной позиции. Ум у этих скептиков закрыт наглухо, и благодать сомнения они не уступят никому, особенно тем, кто мыслит иначе, чем они. Но это не только вопрос честной игры. Любое новое достижение, включая и научные открытия, требует веры. И список явлений в нашей жизни, где мы прибегаем к вере или к ее помощи, поистине впечатляющ.

Вера нужна для того, чтобы...

- Верить в себя.
- Верить в прогресс.
- Признавать, что проблемы решаются с помощью разума и здравого смысла.
- Доверять своим эмоциям.
- Достигать состояния, когда на вас нисходит озарение.
- Прозревать суть вещей и доверять увиденному.
- Позволить телу заботиться о себе.
- Чувствовать свою связь с другим человеком.

Все эти вещи настолько жизненно насущны и очевидны, что мы воспринимаем их как само собой разумеющиеся, как будто вера в Бога сюда не относится, как будто это что-то совершенно другое, особенное, сверхъестественное и иррациональное. Но первый научный эксперимент в истории требовал, чтобы все эти повседневные деяния находились непременно на своих местах. В этом свете тем более странно, что скептики высмеивают каждого, кто занимается исследованием сверхъестественных явлений, поскольку один из перечисленных выше пунктов – прозревать суть вещей (то есть стараться проникнуть за внешнюю поверхность форм) и доверять увиденному – основной критерий науки. Охотники за привидениями, по сути дела, делают то же самое, что и физики, охотящиеся за кварками.

Верить в то, что человек, находящийся рядом с вами, мыслит так же, как и вы, – вот квантовый скачок веры. Замечательный американский психолог Уильям Джеймс говорил о «бреши между одним умом и другим», которую невозможно преодолеть. Шансы на то, что два брата, выросшие в одном доме у одних и те же родителей, будут мыслить совершенно

одинаково, практически равны нулю. Один может любить охоту и рыбалку, тогда как другой – читать Марселя Пруста. Мы принимаем на веру, что наши сознания связаны. Но давайте предположим, что вы незаметно подкрались сзади к какому-то человеку, громко захлопали в ладоши, чтобы его испугать, и – с его стороны не последовало никакой реакции. Он что, глухой или просто вас игнорирует? Его мысли заняты чем-то другим, или он сердит на вас? Молчание одного сразу же показывает, сколь на деле различны между собой два сознания. Мужчины любят жаловаться на то, что женщины, мол, постоянно хотят, чтобы они читали их мысли (Он: «Почему же ты мне не сказала, что не хочешь видеть мою старую подругу?» Она: «Ты бы и сам мог об этом догадаться»). В сущности, мы только то и делаем в жизни, что по мере своих сил и способностей проникаем в сознание других людей и читаем чужие мысли.

Теперь давайте посмотрим, что случится, если вы утратили веру. Мы вкладываем в веру только свое сердце, которое, если брать среднюю продолжительность жизни, делает без передышки 40 миллионов ударов в год, или 2,8 миллиарда ударов за 70 лет. Механизм, поддерживающий сердцебиение, настолько сложен, что современная медицина только-только начала его постигать. (С точки зрения обычного человека, эта механика, будучи микроскопически малой, столь же невидима и таинственна, как и Бог.) Но вот сердце начинает выказывать признаки утомления, сказывающиеся в виде болей в груди, известных как *angina pectoris* (грудная жаба), – и вера разлетается вдребезги. И в результате, как это известно почти каждому сердечнику, – высокое давление, беспокойство и тревожное состояние. Мы вдруг осознаем, что трепещущая мышечная ткань размером с кулак – наше сердце – стоит между жизнью и смертью.

Сводить все аспекты жизни к фактам и неумолимым данным – это, согласитесь, нелепо и абсурдно. (Мы от души посмеемся над каждым, кто скажет: «Я не верю, что вы любите своих детей. Покажите-ка мне рентгенограмму мозга».) Требования, предъявляемые скептиками, обращены в большей мере не к обычным людям, а к кадровому составу профессиональных ученых, которые при проведении исследований обязаны в точности придерживаться определенных директив и установок. Они должны скептически относиться к новым результатам до тех пор, пока не будут получены надежные доказательства их достоверности. Эйнштейн вынужден был долго ждать, пока научные наблюдения не подтвердят его теорию относительности, а это случилось только в 1919 году, во время наблюдений за солнечным затмением; измерения, сделанные астрономом Артуром Эддингтоном, подтвердили предсказанный теорией факт, что свет, излучаемый далекими звездами, выгибается или описывает кривую под действием гравитационного поля. Этот эксперимент, как и вообще все эксперименты, лишний раз подтвердил, что наука – это не реальная жизнь. Ее ограничения всегда искусственны и специализированы.

Знаменитый английский философ Бертран Рассел был убежденным атеистом; его эссе «Почему я не христианин», увидевшее свет в 1927 году, вызвало целую сенсацию в научном мире. Однажды Рассела спросили: вот если бы он умер, вознесся на небо и увидел своего Создателя, то что бы он сказал Богу в защиту своего неверия? И Рассел ответил: «Доказательств явно недостаточно, Господи, явно недостаточно!» Скептики любят ссылаться на эту историю, хотя она, на мой взгляд, совершенно бессмысленна. Все доказательства и правила, которые эти доказательства регламентируют, применимы лишь к материальным предметам и явлениям, но никак не к Богу. Он не может провалить испытание, которого не затевал. Позвольте мне объяснить, что я имею в виду.

Представьте, что машина, ехавшая по шоссе, вылетела на обочину, и в результате этого ДТП погиб водитель. Дорожная полиция, прибывшая к месту происшествия, опросила нескольких свидетелей. Когда их спросили, что же, по их мнению, случилось и что стало причиной аварии, один сказал: «Видите этот след, который оставили покрышки во время торможения? Я физик и могу точно сказать, что авария произошла из-за того, что инерция движения машины оказалась сильнее силы трения». Второй свидетель покачал головой: «Посмотрите, в каком положении находится руль. Водитель резко повернул, машина

вильнула в сторону и угодила в канаву. Я летчик и могу сказать точно: авария произошла из-за того, что водитель сбил с курса». Третий свидетель, врач, найдя в теле погибшего следы алкоголя, заявил, что авария произошла из-за того, что водитель был пьян.

Каждый свидетель высказал свою точку зрения на происшествие, отличающуюся от других, и привел доказательства в ее пользу. Но заметьте: различия между ними научным путем установить невозможно. Получаемый вами ответ зависит от задаваемого вами вопроса. Реальность обусловлена восприятием. А теперь представьте, что, когда машина вылетает на обочину, из нее выскакивает обезумевшая от страха женщина и кричит: «Фред! Ты не раз говорил, что убьешь себя, но я никогда не думала, что ты и в самом деле решишься на такое!» Ее объяснение единственно правильное, ибо только она понимает смысл случившегося. Причина аварии – неуравновешенное эмоциональное состояние водителя. Мораль, вытекающая отсюда, проста: описания никогда не соответствуют смыслу. Скептики, даже такие выдающиеся, как Бертран Рассел, выдвигают ложные обоснования. Какими бы внешними данными вы ни руководствовались при умозаключении, будь то следы от покрышек, повернутый руль или алкоголь в крови, вы не сможете установить смысл поступков человека – или мотивы, приведшие его к самоубийству.

Мартин Лютер Кинг высказал разумную мысль о том, как можно стать выше скептицизма. «Вера, – сказал он, – помогает подняться на первую ступеньку, даже когда вы не видите всей лестницы». Памятуя о религиозном обращении Коллинза, я составил несколько принципов веры, которые идеально увязываются с рационализмом и при этом не попадают под тяжелую руку скептицизма:

- Вера – дело сугубо личное. Ее не нужно ни перед кем оправдывать.
- Веру не нужно оценивать со стороны, в ней нужно пребывать.
- Вера – путь исследования реальности, который не нужно подвергать проверке с помощью научных методов.
- Вера – это суть, никак не связанная с физической внешностью или видимостью.
- Вера касается смысла.

Приведу один забавный случай, связанный со скептицизмом. Однажды я выступал перед английской аудиторией, делясь с ней своими знаниями о духовных материях. Среди публики оказался один заядлый критикан, который постоянно прерывал меня неуместными замечаниями, пока в конце концов не вскочил и не завопил:

– Да что вы слушаете этот бред! Это же чушь собачья!

Несколько ошеломленный подобной эскападой, я спросил:

– А кто вы, собственно, такой?

Он выпрямился и с достоинством произнес:

– Я глава общества британских скептиков.

– Я вам не верю, – сказал я.

В публике раздался смех, и, задетый за живое, скептик выскочил из зала.

В поисках лучшего определения

Когда Бог подводит лично вас, это всегда цепляет за живое. Знаменитый бестселлер 1980-х годов превосходно подытоживает утрату веры своим столь же превосходным названием: «Когда с хорошими людьми случаются плохие вещи». Где бы ни случилось это плохое, у нас ли дома, или в Боснии, или в Руанде, первичная вера, которая связывает нас с Богом, – обещание, что добро восторжествует над злом, – ветшает и затем рвется. В данном случае приходится признать, что не только чаша терпения, но и чаша веры тоже может переполниться.

Я бы однако не торопился с выводом о том, что ошибка или промах Бога свидетельствует о том, что Он не существует. Бог не может добиться успеха, если Он для нас – всего лишь прикрытие; с этим божеством мы уже встречались выше: это Бог 1.0.

Представьте, что вы страстно молитесь о том, чтобы близкий вам человек, страдающий раком легких, выздоровел, а он, тем не менее, умирает. Тем самым Бог как верховный врач, чье лекарство оказалось бессильно, подвел вас и отринул ваши молитвы. Он не дал вам того, чего вы хотели. И вы не понимаете, почему. Но давайте предположим, что больной человек был страстным курильщиком, всю жизнь не изменявшим своей пагубной привычке. В таком случае Бог, вероятно, поступил весьма разумно, позволив законам природы, действующим на уровне человеческого тела, вершиться заведенным порядком.

Или, возможно, Бог предпочел милосердию справедливость. Ведь если тот, кто игнорирует все предостережения об опасности курения, чудесным образом не спасается и умирает от рака легких, то это кажется только справедливым, не правда ли? Чудо никогда не было актом милосердия. Ну, а как быть с теми, кто был внимателен к предостережениям, но, тем не менее, все равно оказался поражен раковой опухолью? Должен ли всеблагодатный пастырь спасать только неразумных овец? В данной ситуации мы можем быть вполне уверены в том, что сей непостоянный Бог, замысливший и создавший столь несовершенную человеческую природу, не реален, ибо только такого Бога мы постоянно осуждаем и обвиняем. Да и как Он может быть реален, когда мы соотносим себя не с Богом даже, а с проекцией самих себя на нечто высшее и внешнее, называемое Богом!

Реальность Бога скрывается за вымыслом о Боге. Будду не раз просили дать его последователям убедительное доказательство того, что Бог действительно существует, ибо кому лучше знать ответ на этот вопрос, как не Просветленному. Но он предпочел отмалчиваться и мучиться, чем связывать себя подобным заявлением, ибо знал, что единственный достоверный ответ добывается в ходе духовного странствия, которое каждый человек должен проделать сам. Нелегко миновать воображаемые идеи духовности, но мы должны это сделать. Попробуйте ради интереса войти в поисковую программу Google и задать там вопрос: «Где расположен рай?» Один из ответов, со ссылкой на Книгу Бытия, звучит примерно так: рай – это атмосферная оболочка, окружающая Землю, ибо Господь сказал: «Да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной» (*Быт. 1:20*). Но, если верить библейскому свидетельству, есть еще райские небеса, где расположены звезды, и небеса за ними – тот рай, где «обитель Бога». С очевидностью можно сказать только одно: мы пребываем в царстве Бога как люди, которым необходим дом, где бы он ни находился.

«Энциклопедия католицизма» усложняет этот вопрос еще больше. Во-первых, говорится в ней, есть вездесущий рай, который «всюду, как Бог всюду». Согласно этой точке зрения, блаженные могут свободно перемещаться в любую часть Вселенной и при этом «оставаться с Богом и видеть Его всюду». Этот ответ обходит стороной образ человекоподобного Бога, который живет в одном месте. Но так ли уж необходимо это «место»? Энциклопедия признает, что есть еще более абстрактное состояние, «блаженное состояние праведности в следующей жизни». После всех теологических зигзагов и поворотов мы приходим к идее, что рай – это местопребывание души и состояние, ею обусловленное, в то время как некоторые теологи до сих пор держатся за образ, который навязывается детям в воскресных школах: у Бога, возражают они, «должна быть особая, величественная обитель, дом всех блаженных, где они обычно обитают, хотя вольны странствовать по всему свету».

Все бы хорошо, да не дает покоя мысль: а как же быть с обычными людьми, у которых нет опыта непосредственного постижения Бога? Одного психолога спросили, почему обычные люди, которые не одержимы страстью к азартным играм, продолжают ходить в казино, хотя знают, что все шансы против них. «А потому, – ответил он, – что всякий раз, когда “однорукий бандит” срабатывает и выдает им выигрыш, они получают доказательство того, что Бог их любит». Теология добывает свои уклончивые ответы, опираясь на Слово великих духовных учителей. Мы же, все прочие, остаемся не у дел. Смее предположить, что здесь неверна вся структура. Каждой своей жизнью вы даете Богу шанс добиться успеха, если только наладите связь с высшей реальностью, Высшим «Я» или высшим сознанием –

выберите любой термин, который вас больше устраивает. И чем сильнее и стабильнее эта связь, тем вероятнее явление Бога.

Тогда и только тогда рай тоже становится реальностью. И совсем не обязательно, что он всегда один и тот же. Многие из тех, кто пережил состояние клинической смерти и имел околосмертные переживания, говорят, что они видели рай. Большинство расхожих описаний этого рая очень напоминает детские рассказы. Рай – это зеленый холмистый луг под чистым синим небом, где растут удивительные цветы и гуляют детеныши животных. Скептику подобная картина очень напоминает картинки из детских религиозных книжек. Без сомнения, это так и есть. Но если мы поместим рай в сознании – как «состояние души», – то необходимость в каком-то фиксированном образе или в картинке «только для взрослых» сразу же отпадает. Отбросьте в сторону все образы – и вы получите чистую дощечку, на которой можете изображать что угодно: любое описание рая будет правдивым и жизнеспособным, ибо эта чистая дощечка есть само сознание.

Формулируя условия

Вы не сможете в полной мере возродить веру, пока Бог не начнет действовать, причем действовать стабильно, надежно и постоянно. И это не должно быть игрой случая или игрой в исполнение желаний; это не должен быть некий воображаемый акт, якобы доказывающий, что Он вас любит. Вера должна возвышать вас и поднимать над всеми несбывшимися ожиданиями и чаяниями; она должна вновь дать вам возможность почувствовать, что вы можете положиться на Бога и довериться Ему. Это выдвигает определенные требования к Богу, поэтому естественно, что многие люди не хотят этого делать. Если слово «требования» вам кажется слишком уж резким и неприемлемым в данном контексте, давайте его перефразируем. Когда вы просите Бога начать действовать и сотворить что-либо, вы обычно говорите: «Я верю, что Тебе это под силу». То же самое мы можем сказать и о вере, в результате чего она становится функциональной, действующей связью между нами и Богом.

На протяжении многих столетий всякого, кто упрекал Бога, пусть даже обиняками, в бездействии или потворстве нежелательным событиям, клеймили как еретика. Тысячи невинных страдальцев претерпели муки и смерть только за то, что задавали вопросы – это и было их единственным преступлением. Мысль, рождаемая чувством вины: «Что со мною не так?» – пережиток той страшной эпохи – тотчас приходит на ум, как только вы начинаете сомневаться в религии своих отцов. Когда Дэниел Деннет говорит, что большинство религиозных людей – конформисты, он не так уж неправ. Люди больше выставляют напоказ «веру в веру» – то есть демонстрируют лояльность и преданность своей вере, дабы ей соответствовать, – чем свои истинные убеждения.

Вера, чтобы быть действенной, должна иметь опору в реальности. А единственной опорой, которая мне кажется достаточно логичной и разумной, является вера в такого Бога, который выполняет Свои обещания. Возьмите элементы из перечня нулевой точки веры и измените их. Получится следующее:

Вера может считаться оправданной, когда...

- Ваши молитвы услышаны, и Бог на них отвечает.
- Добро торжествует над злом.
- Невинность добродетельна, и никто над ней не глумится.
- Вы чувствуете любовь Бога.
- Бог вас защищает.
- Провидение о вас заботится.

Я придерживаюсь той позиции, что все эти элементы являются истинными аспектами

Бога, поэтому у нас, как у верующих, есть право к ним приобщиться. Давайте не будем уподобляться раздражительным детям, которые топают ногами и кричат, пока не добьются своего; нет, мы будем просить Бога, чтобы Он действовал сообразно Своему природному потенциалу. Связь между Богом и человечеством по-прежнему жива и сохраняется. И если эта правда, то высшая реальность не так уж и далека от нас, хотя расстояние до нее не исчисляется в милях, которые нужно пройти, ни количеством времени, которое следует провести в дороге, чтобы туда добраться. Высшая реальность вмиг окажется здесь и сейчас, как только мы установим с ней связь. Именно она формирует ту повседневную жизнь, которой мы живем, со всеми ее постоянными требованиями и запросами. Одной веры недостаточно, чтобы ввести нас в эту жизнь. Но без веры вы не сможете представить или нарисовать в своем воображении высшую реальность. Вы не сможете опробовать ее или обнаружить ее там, где она соприкасается с вашим существованием.

Я восхищаюсь теми поэтами, кто преобразил свой внутренний мир до такой степени, что тот стал их местом встречи с Божественным. Хафиз (1325–1389), средневековый персидский поэт, придерживавшийся суфийской традиции, изучал Коран и занимал пост видного судейского чиновника. Сюжетами его стихотворений зачастую становились чисто мирские темы, отражавшие будничную жизнь с ее охотой, пьяными кутежами и прочими забавами. При этом он и другие персидские поэты сочиняли чудесные эпиграммы, вроде этой:

*Давно ты отдал душу волнам речным кипучим,
Но до сих пор внушаешь всем, что страшной жаждой мучим.*

Или вот этой – о цели в жизни:

*Время – рудник, где мы рабским трудом,
словно в крепі,
Добываем себе на любовь,
чтоб порвать ненавистные цепи.*

Хафиз – и это еще более удивительно – поэтически преобразует повседневную жизнь, передавая таящуюся в ней сияющую суть. Это подчас рождает совершенно потрясающие образы.

*Себя потерять – как держать пистолет у виска
И нажать на курок – кровь без меры.
Правду признать – что в мешок с головою залезть
И задохнуться – цена нашей веры.
Смело следуй за Господом в тот неизведанный мир,
Где тебя устрашат и пленят грандиозные сферы.*

Это странствие во имя веры, сведенное до грубой психологии. Хафиз облакает в слова те страсть и неуверенность, коими полнится человеческое бытие, и мы пылко внимаем ему, ибо он чувствует их глубоко и настоятельно. Он описывает состояние, где сердце и ум объединяют свои силы, чтобы найти правду в жизни, добравшись до самых корней. Это уже не вольная и ни к чему не обязывающая проекция нас самих на любящего Отца, а нечто выстраданное.

*Поверь и вонзи драгоценный кинжал в свое сердце.
Так ты потеряешь себя.
Но иного пути к Богу нет.*

Я чувствую инстинктивную правду в такой поэзии; но здесь поневоле сам собой напрашивается вопрос: как обратить вдохновение в практичность? «Драгоценный кинжал» Хафиза, воткнутый в сердце, рождает трепет смелости и отваги. Но смысл всего этого в том, чтобы претворить свой внутренний мир в место встречи с Богом. Поэты наделены даром делать это свободно и непринужденно. Но это можем сделать и мы, как только нулевая точка веры будет преодолена.

Давайте вернемся к этой нулевой точке и приведенному там перечню пунктов (с. <OV>). Каждый пункт предполагает несколько возможностей, как сдвинуть с мертвой точки устоявшуюся идею. Возьмем первый пункт: «Бог проигнорировал мои молитвы». Позиция скептика в данном вопросе очевидна: раз так, значит, молитвы не услышаны. Вера не несет в себе обещание, что в следующий раз эти молитвы будут услышаны. Нет, вместо этого она предлагает новые возможности, как открыть окно к Богу. Вот лишь некоторые из них:

- По крайней мере, одна из моих молитв была услышана. Я вскоре увижу, действительно ли это так.

- Возможно, ответ на мою молитву прямо сейчас не в моих интересах, и мне нужно обратить внимание на другие благодатные дары, ниспосланные мне в жизни.

- Отсутствие ответа дало мне возможность осознать, что моя молитва была слишком эгоистичной и то, чего я хотел, не укладывалось ни в какие рамки.

- Возможно, Бог не услышал мои молитвы, но услышал молитвы другого человека. Мне нужно над этим поразмыслить.

- Даже если молитвы не услышаны, в принципе это не так уж и плохо. Возможно, Бог дал мне что-то лучшее в сравнении с тем, о чем я молился и чего просил.

Вера – это кладезь новых возможностей. Как только вы поймете это, вы освободитесь от крайностей и абсолютной веры, и абсолютного сомнения. Загадка молитвы настолько неоднозначна, что вот уже многие столетия по этому вопросу ведутся жаркие дебаты. Атеисты заявляют, что все эти века прошли впустую и были потрачены на голую выдумку; агностики пожимают плечами и говорят, что окончательного ответа пока еще никто дать не может. Но ничто не может быть истинным, пока оно не проверено на практике. Возможности, даваемые верой, несут освобождение просто потому, что они возможны. В любом случае, между внутренним и внешним мирами налаживается связь. Бог может быть повсюду, как говорят теологи, но Он при этом должен подниматься за раз только на одну ступеньку или делать за раз только один шаг.

Как обзавестись верой

Выход из нулевой точки

Молитва.

Допустите возможность того, что ваши мысли оказывают воздействие на мир «где-то там». Молитва – это просто особая разновидность мысли. Если она связывает вас с внешним миром, значит, она верна и может сбыться.

Несчастные случаи.

Допустите возможность того, что все события заключают в себе некий смысл. Несчастные случаи – это события, смысл и внутреннюю причину которых мы не можем отыскать. Если мы расширим сферу нашего видения, сделаем его панорамным и при этом постигнем причину события, то несчастные случаи как таковые перестанут быть случаями, тем более несчастными, и станут закономерными явлениями.

Неудачи.

Допустите возможность того, что хорошее и плохое – это две половинки одного

разворачивающегося процесса. Если вы отыщете высший смысл в своей жизни, то эти две половинки предстанут как вполне логичные и осмысленные. Тогда удача или неудача перестанут что-то значить для вас.

Страдание.

Допустите возможность того, что все события формируются таким образом, чтобы доставить вам наименьшее страдание. Если Божье милосердие все же существует, то оно, видимо, допускает страдание только для того, чтобы мы могли развиваться и эволюционировать. В этом случае мы не должны бороться с тем, что причиняет нам страдания. Мы просто должны принять их, сознавая при этом, что выход всегда найдется.

Одиночество.

Допустите возможность того, что вы не одиноки, никогда одинокими не были и не будете. Если существует вездесущий Утешитель, пребывающий повсюду, то он, наверное, живет и внутри вас – именно внутри, а не снаружи. Одиночество – естественный и закономерный результат ощущения внутренней пустоты; единственная панацея от него – внутренняя полнота.

Не следует однако на этом останавливаться; я предложил лишь несколько новых возможностей, и список далеко не полный. Тем более что наверняка найдутся люди, которые сочтут эти возможности неприемлемыми для себя. Например, слова о том, что страдание – это метод развития и эволюции, покажутся бессмысленными тем, кто не верит в жизнь после смерти. Если исходить из того, что нам дана только одна жизнь, то слишком многие ужасы остаются необъяснимыми. Но я не навязываю вам загробную жизнь. Просто когда вы будете размышлять о страдании – а страдание для миллионов людей это нарушение библейского договора с Богом, – найдите для себя новую возможность, пусть даже сдобренную скепсисом. Такую, например: «Страдание бессмысленно, но ведь можно жить, не допуская, чтобы оно разрушило мою жизнь». Или: «Я не переношу страданий и боюсь их, но ведь есть возможность перебороть свой страх».

Просто помните о том, что ваша цель – освободиться от навязчивого неверия. Вас не просят совершить прыжок и от неверия мгновенно перейти к вере. Но и ждать, когда явится Бог, тоже не нужно. Зацикленность реальна, и чтобы избавиться от нее, необходим поток осознания. Возьмите любой пункт из перечня в нулевой точке веры, который вам представляется уместным, и напишите новую возможность, вытекающую из него. Будьте предельно внимательны. Взять, например, такой пункт, как: «Я не чувствую Божьей любви». На христианском Западе, где любой ребенок знает мелодию песни «Иисус меня любит, уж это я знаю», отсутствие любви Бога или неспособность ее почувствовать весьма серьезная причина, чтобы порвать с Богом. Подумайте однако и о других возможностях:

- Вы могли бы быть более открытыми к любви других людей, что, в свою очередь, поможет вам открыться Божьей любви.
- Вы могли бы найти – или в книге, или в реальной жизни – человека, чувствующего Божью любовь. Возможно, вам нужно просто извлечь из этого опыта определенный урок и выучить его.
- Вы могли бы начать с красот природы, которые связали бы вас с любящим Господом.
- Вы могли бы расширить свое определение любви. Возможно, любовь – это не только теплое чувство нежности, но и доброе здоровье, благодать и свобода от опеки и «головной боли», и все это – свидетельство Божьей любви.

Приведенные выше формулировки не являются доказательствами Божьей любви и не должны приниматься за таковые. Гораздо лучше открыть свое сознание и раскрывать его все больше и больше по мере прохождения пути, ибо тогда у вас будет реальный шанс преобразоваться. Хафиз не сбрасывает со счетов такую возможность, о чем свидетельствует вот это визионерское стихотворение:

*Когда подобен ум прекрасной пери,
Он, как любимая, дает все, что захочешь.
Постигнуть можете ли глубину сравненья?
Вместо того чтобы в любовь играть телесно
С другими чадами и отпрысками Бога,
Не лучше ли на поиски пуститься
Возлюбленного, Кто всегда пред вами,
Готовый вас в объятья заключить?
Тогда вы наконец избавитесь от мира,
Как это сделал я.*

Если эти строки вас взволновали и тронули, значит, вы нашли начальную точку веры. Веру часто сравнивают со свечой на окне, бросающей свет, который когда-нибудь узрит Бог. Но образ, взятый из индийской духовной традиции, вероятно, еще пленительней и лучше: вера – как светильник, стоящий в растворенной двери. Он озаряет часть мира снаружи и одновременно внутреннее убранство дома внутри. Когда мир «снаружи», как и мир «внутри», наполнится присутствием Бога – значит, вера выполнила свое предназначение.

Неправедная вера

Неправедная вера уводит нас от Бога. Многие дороги делают это, но не все называются религией. Наука тоже может выступать в роли неправедной веры, которая подрывает наши убеждения, не давая ничего взамен. Правда, это не то же самое, что объявлять науку врагом религии, ибо если ваша цель – добыть истинное знание о Боге, то наука может оказать в этом деле немалую помощь. Неправедная вера, каким бы именем она ни облекалась, познается по плодам ее. И тот Бог, которого она возносит на пьедестал, не делает жизнь лучше.

Вера, как и Бог, не поддается научной проверке. Как пишет один модный евангелист, «вера активизирует Бога». Действительно ли это так? Я живо могу себе представить, как две футбольные команды перед матчем молятся Богу, прося Его даровать им победу (эту сцену можно часто видеть по телевизору), и очевидно, что одна из них не «активирует» Бога, поскольку проигрывает матч.

В страшных ситуациях, когда люди теряют жизни, мы не можем сказать, что выжившие – это те, чья вера «активировала» Бога. Возможно, как раз наоборот. Возможно, именно Бог должен активировать веру. Если Он этого не сделает, то вера сама по себе не проявится.

Поскольку вера – дело сугубо личное, то весьма неуместно и даже нечестно говорить, что кто-то другой виноват в неправедной вере. Ведь нас в первую очередь интересует путь к истинному знанию о Боге. И вера может очень даже помочь в нахождении этого пути. Если же она, напротив, блокирует этот путь, мы вправе назвать ее неправедной верой – пагубной для наших целей. Этот критерий кажется мне хоть и ограниченным, но честным. Нечестно было бы забираться туда, куда нас забираться никто не просит, ради того только, чтобы ткнуть пальцем в тех, кто исповедует, на наш взгляд, какой-то странный или чуждый нам культ. Все религии начинают свое шествие по миру с небольшой горстки страстно верующих; поэтому, в принципе, все религии можно было бы заклеить как культы, каковыми они и являются до тех пор, пока не разрастутся настолько, что иммунизируют сами себя. Но, согласно нашему ограниченному определению, неправедная вера противостоит духовному развитию. Главных подозреваемых здесь трое. Это:

- слепая вера;
- явное предубеждение;
- псевдонаука.

Каждый из этих «подозреваемых» включает в себе некие рамки или границы, отделяющие веру как проводника к духовному развитию от веры как препятствия к такому

развитию. У меня однажды был замечательный пациент по имени Экнат Исваран, рассказавший мне о вере столько мудрых вещей, сколько не знает, пожалуй, никто другой. Человек возвышенного ума и сердечности, Исваран – это его первое имя – был родом из штата Керала в Южной Индии, откуда он затем эмигрировал в Калифорнию, где основал центр по медитации. (На посвященной ему страничке в «Википедии» помещен снимок, где он в судьбоносном 1968 году в зале, набитом до отказа студентами университета Беркли, читает лекцию по медитации. В сноске говорится, что он был первым, кто стал преподавать аккредитованный курс по медитации в крупном университете.) Он умер в 1999 году в возрасте 87 лет, посвятив свою жизнь изучению классической духовной литературы Индии.

Я воспитывался в неординарной семье: моя мать была глубоко религиозной женщиной, а отец – врачом, который все силы своей души и, соответственно, веры вложил в науку. И хотя мое сердце было целиком отдано матери и ее видению мира, со временем однако я выбрал стезю отца и пошел по его стопам. Это породило во мне своеобразный водораздел, и в течение всех тех лет, что я формировался как личность, я просто жил с раздвоенным «я» – как это, в общем-то, свойственно большинству людей, – уделяя все свое внимание чисто практическим вещам. Чтобы стать врачом, нужно было получить научное образование, и с самых первых шагов моя склонность к науке быстро дала о себе знать. Я стал живым примером того, что Экнат Исваран выразил в предельно простых словах, столь простых, что большинство из нас даже не придает им особого значения: «Вы то, во что вы верите».

Он никогда не изъяснялся религиозными терминами. Под верой он имел в виду стержневые идеи и убеждения, в согласии с которыми вы живете. Если вы убеждены, что люди добры, а жизнь справедлива, то эти идеи не лежат пассивно внутри вас, подобно монеткам в свинье-копилке. Нет, они динамичны и открыто заявляют о том, кто вы такой или кто вы такая. Вам нет нужды обращаться с ними так, как вы обращаетесь с идеями, заимствованными из книг; в самом подлинном смысле этого слова, вы есть сумма всех ваших внутренних концепций и представлений.

Смысл сказанного – смысл, который мне хотелось постичь задолго до настоящего момента, – в том, что у каждого человека есть вера. Вера живет в каждом человеке. Люди ходят, разговаривают, едят и дышат своей персональной верой. Эта вера может быть негативной, даже разрушительной, как в тех случаях, например, когда человек живет во имя мести. Защищать свою религию, убивая неверных, – это тоже пример несправедливой веры, веры разрушительной, но скрывающейся под личиной позитивной, праведной веры. Исваран любил цитировать стих из Бхагавадгиты (немного упростив его), тот, где Господь Кришна передает Арджуне суть или квинтэссенцию веры:

*Любая вера истекает
из умственного восприятия.
О Арджуна, эго-личность —
это живая персонификация веры.
Твоя вера – твоя индивидуальность.*

Неожиданно вера становится чем-то гораздо большим и более далеко идущим, чем если бы мы просто спросили себя: веришь ли ты в Бога? Если вы персонифицируете собственную веру, то почти ничего из того, что с вами происходит, не должно быть просто так выброшено или упущено. И в этом случае жизненно важно научиться отличать праведную веру от веры несправедливой. Неправедная вера воплощает ряд стержневых убеждений, противоположных праведной вере. Если вы начнете честно разбирать и анализировать себя, то не сможете не заметить, что ваши убеждения представляют собой некий запутанный клубок, где часть убеждений коренится в праведной вере, а часть – в несправедливой. Распутывание этого клубка – важный аспект вашей работы над верой, какой она призвана быть изначально.

Слепая вера

У каждой религии есть свои догмы, являющиеся стержнем веры: они связывают между собой верующих и объединяют их в неделимое религиозное сообщество. Мусульманин верует, что пророк Мухаммед изложил Коран по велению архангела Гавриила, явившегося ему однажды вечером, когда он молился в пещере над Меккой. Христиане верят в воскресение из мертвых, а мормоны – в Книгу Мормона. Верующие не должны подвергать сомнению эти религиозные истины – они из тех, что требуют слепой веры.

Враги религии стремятся объединить слепую веру с собственно верой, что, на мой взгляд, абсолютно нечестно. В этом случае совершенно безобидные примеры из истории веры перемешиваются с крайностями или экстремальными деяниями, которые оправдываются слепой верой. Кристофер Хитченс рассказывает об одном поучительном случае, произошедшем в пору его детства. Одна учительница, набожная вдова, преподавала природоведение и уроки слова Божьего, то есть Библию, и подчас умудрялась объединять то и другое. Хитченс вспоминает, как однажды она сказала: «Итак, дети, вы видите, как всемогущ и добросердечен Господь. Он сотворил все деревья и траву зелеными, а это именно тот цвет, который наиболее приятен для глаз. Вообразите, например, что растительность была бы не зеленого цвета, а, скажем, фиолетового или оранжевого. Как это было бы ужасно!»

Большинство из нас легко припомнят подобные глупые либо забавные байки, которые нам рассказывали в детстве. Взрослые часто виноваты в том, что говорят с детьми свысока, и нетрудно представить, что эта женщина, вполне безобидная и любящая, цепляется в жизни за какие-то поистине сказочные религиозные идеи (вроде того, что рай – это место, где хорошие христиане однажды будут сидеть на облаках, играя на арфах) и свято верит в них. Но, говорит Хитченс, сказанное ею повергло его в такой ужас, что он с этого момента обратился в атеиста.

”Даже мои сандалии со шнурками, завязывавшимися вокруг ступней, загнулись в смущении от подобного вздора, – даже сандалии смутились, но только не она сама! В девять лет (именно столько мне тогда было) у меня не было ни малейшего понятия ни о разумном дизайне, ни о дарвиновской эволюции, поэтому я не смог привести в качестве возражения ни единого аргумента... Я просто знал, как будто обладал привилегированной возможностью доступа к высшему авторитету, что моя учительница в двух предложениях умудрилась испортить все творение. Ее глаза были словно прикованы к природе, а не к тому, что вокруг.

Последнее предложение довольно спорно, а что касается того прозрения, которое осенило маленького мальчика, то в этом нет ничего удивительного, ибо нечто подобное случается в детстве с каждым человеком. Настает момент, когда вы вдруг понимаете, что взрослые тоже ошибаются. Это момент разочарования, ибо жизнь всегда проще, когда родители и учителя непогрешимы; в то же время он открывает путь для развития собственного «я». Короче говоря, Хитченс начал сомневаться в прочих «причудах», как он сам их называет.

Если Бог создал все сущее, например, то зачем нужно Его хвалить и славословить за вполне естественные деяния? «Это пахло раболепством, не говоря уже обо всем прочем». Если Иисус по Своему выбору мог исцелять незрячих, то почему Он не избавил мир от самой слепоты? Что же касается бесов, которые вселились в стадо свиней, откуда их затем изгнал Иисус, то «сам этот акт выглядит зловеще – скорее как черная магия». Эти вопросы, может быть, и преждевременны, но у Хитченса были и более банальные сомнения. «Все эти бесконечные молитвы – почему они не дают никакого результата? Почему я должен продолжать говорить при всех, что я жалкий грешник? Почему вопросы пола считаются греховными?» Под действием этих и им подобных мучительных вопросов многие люди утратили веру, хотя это не значит, что на эти вопросы нет ответа. Если Хитченс и сделал

прыжок в бездну полного отказа от религиозных дел, то произошло это благодаря другому случаю, и тоже в школе.

”Директор школы, который... имел склонность к садизму и был скрытым гомосексуалистом... однажды вечером провел с нами не такой уж пустячный разговор. «Возможно, сейчас вы не видите смысла во всей этой вере, – сказал он, – но однажды, когда вы начнете терять любимых людей, вы его увидите».

Это наставление могло бы оказаться еще одним примером безобидного благочестия и верного понимания человеческой природы. Его мог бы сделать какой-нибудь добрый учитель, не садист и не скрытый гомосексуалист (вполне может быть, что эти ярлыки были специально навешаны на этого человека, чтобы умышленно его опорочить). Миллионы людей искали и ищут в вере утешение. А вот Хитченс, если верить его воспоминаниям, испытал приступ негодования и предался неверию. Хотя директор школы, в общем-то, говорил вполне обычные вещи: что «сама религия, может быть, и неверна, но суть не в этом, ибо на нее всегда можно положиться и найти в ней утешение». «Подобное отношение вызывает лишь презрение!» – делает вывод Хитченс.

В свете сказанного, пожалуй, было бы неплохо обратиться вспять и еще раз пересмотреть те идеи, которые нам привили в детстве, особенно если они были ниспосланы свыше и воспринимались, как в случае с Хитченсом, как некий «высший авторитет». Но дети слишком впечатлительны, и в силу этого любое переживание, под влиянием которого впоследствии формируются их убеждения, пристаёт к ним на всю жизнь. В этом случае, несмотря на то что он профессиональный писатель и мыслитель, Хитченс никогда не забудет свой первый «приступ негодования». Он даже не берет в расчет ту возможность, что религия одновременно может быть и утешительной, и истинной – эти два аспекта, на взгляд автора, взаимно исключают друг друга. В этом смысле слепое неверие тождественно слепой вере, ибо как неверие (пусть «черного» мышления), так и вера (пусть «белого» мышления) ведет к фанатизму. (Следует заметить, что презрение и негодование стали ключевыми нотами писательской карьеры Хитченса.)

У слепой веры и слепого неверия есть и другие общие моменты. Как вера, так и неверие не признает проверки, предает анафеме противную сторону и сильно зависит от эмоциональной привязанности. Основная разница между ними в том, что неверие скрывает свою слепоту под вуалью рассудочности. Именно поэтому Хитченс и говорит, что молитвы не приносят «никаких результатов». Но это унижает бесчисленное количество людей, утверждающих, что их молитвы были услышаны. Любой разумный человек примет это к сведению как доказательство. И все же факт остается фактом: большинство статей о слепой вере не подлежат проверке на истинность или ложность. Святая Троица, непорочное зачатие, въезд Мухаммеда в Иерусалим на летящем коне и последующее вознесение на небо – призыв атеистов отказаться от всех религий на том основании, что их догмы бездоказательны и недоказуемы, теряет всякий смысл. Догма – это как пропуск или членская карточка клуба. Большинство людей рождаются в доминионе той или иной религии и потому автоматически получают этот пропуск.

И только много позже у них появляется возможность изучить догматическую сторону своей веры. Здесь поневоле возникают три знаменательных вопроса: «Что я должен делать? Насколько это меня касается? Повлияет ли это на меня?» Возьмите главную христианскую догму, гласящую, что Иисус умер на кресте и затем восстал из гроба. Это убеждение невозможно проверить; но если вы хотите быть активным христианином в большинстве конфессий (правда, не во всех), вы должны слепо принять его. Человеку же со стороны принятие на веру догмы о воскресении из мертвых может показаться неразумным актом. Но если вы рассмотрите эту догму применительно к трем вышеозначенным вопросам, то окажется, что эта статья о слепой вере имеет гораздо больше причин на существование и гораздо важнее, нежели ее недостоверность в глазах разумного человека.

«Что я должен делать?» Для подавляющего большинства христиан ответ на этот вопрос очевиден: ничего. Вера в воскресение из мертвых сама по себе пассивна, за исключением тех случаев, когда творится месса, а это уже дело добровольное.

«Насколько это меня касается?» Это достаточно двусмысленный вопрос, поскольку воскресение из мертвых связано с отпущением грехов, а этот предмет близко касается всех христиан. Кроме того, как вопрос совести, вера в воскресение из мертвых – достаточно основательное и солидное испытание: трудно считать себя христианином, если вы искренне и всем сердцем не поверите в то, что Иисус восстал из мертвых. Тем более что к нему неприменимо характерное для воинствующих атеистов мышление «или-или». Современная теология оставляет пространство для веры, которая сосуществует бок о бок с сомнением, и, наверное, именно поэтому многие вероисповедания уже давно отказались от мистических событий вроде воскресения Христа в пользу всякого рода благодетелей и нравственной жизни.

«Повлияет ли это на меня?» Поскольку воскресение Христа – событие мистического плана, оно действительно влияет на христиан, ибо после того, как они умирают (в первую очередь) и попадают на небо (во вторую) – лишь после этого они узнают, избавил ли их Спаситель от грехов. Но и в этом случае догма не однородна. В некоторых вероисповеданиях отсутствует учение о грехах и избавлении от них, да и тема Судного дня затрагивается весьма поверхностно. Короче говоря, вы можете быть активным христианином, не будучи зависимым от догмы о воскресении Христа.

Популярная евангелическая поговорка гласит: «Бога активизирует вера». Если именно это требуется для того, чтобы сделать присутствие Бога реальным, то ставки в таком случае гораздо выше, чем та минимальная вера, которой довольствуются большинство христиан. Тогда получается, что без веры Бог останется инертным, и если вы в глубине своего сердца не поверите в то, верить во что просит вас Сам Всемогущий, то Он вас проигнорирует. Я не приемлю эту схему *quid pro quo* («услуга за услугу»). Бог, который приемлет одного человека и отторгает другого, не может быть божественным, ибо, как мы видим, Он просто подражает человеческой природе. В этой книге критерий веры отличается от слепого приятия. Вера – это некая стадия на пути к истинному знанию о Боге. С точки зрения этого стандарта, слепая вера сомнительна, но не фатальна – более чем. Как мистический акт слепая вера может раскрыть тончайшие аспекты ума. Она может привести к расширенному видению реальности и дать человеку возможность увидеть себя в качестве существа многомерного, существующего и на других планах, помимо физического.

Слепая вера прекрасно служила этим целям на протяжении столетий. А развитие науки, без сомнения, ослабило силу догм. В целом это пошло всем на пользу. Вера, подлежащая проверке, будет куда более ценной, чем вера, не поддающаяся никакой проверке. Исторически мы не можем оспаривать тот вред, который нанесли и продолжают наносить религии человеческие суеверие и невежество. В целом, слепая вера заслуживает того, чтобы ее рассматривали как несправедливую веру. Но уравнивать религию с духовностью необоснованно. Вы можете подвергать сомнению слепую веру и отвергать ее, не нанося вреда своему духовному странствию. Скорей всего, этим вы лишь поможете себе на этом пути.

Явное предубеждение

Когда религия создает барьеры нетерпимости и ненависти, ясно, что именно она виновна в несправедливой вере. Церкви в южных штатах Америки, которые до гражданской войны елейно оправдывали рабство, а затем целое столетие после нее делали вид, что не замечают расового неравенства, пользовались Богом как маской, прикрывая Им свое явное предубеждение.

Некоторые религиозные учения и в самом деле считают необходимым, чтобы вера была пристрастна или строилась на предубеждении. Помнится, несколько лет тому назад я

занимался кое-какой изыскательской работой, готовя материал для книги об Иисусе; в частности, я искал сочинения последнего Папы Римского (упоминать его имя в данном случае не имеет смысла). И вот чисто случайно я начал просматривать перечень фраз, имен и наименований под словом «Будда» и прочитал следующее то ли мнение, то ли высказывание: хотя некоторые люди и усматривают параллели между жизнями Будды и Иисуса, это ложное верование. Буддизм – это вид язычества, в который верят те, кто не приемлет той «истины», что Иисус Христос – спаситель мира.

Другой Папа Римский, еще в бытность свою кардиналом, написал энциклику, осуждающую восточную медитацию, проникшую в некоторые церкви, на том основании, что медитация отвлекает католиков от молебнов Деве Марии как заступнице перед Богом. Это реакционное состояние духа опечалило меня. Слишком уж явно оно превалирует в догматических верах. Все, что предает анафеме Библия или Коран, будь то неверные, гомосексуалисты, запретная пища или равенство между женщинами и мужчинами, не может быть ни оспорено, ни подвергнуто сомнению. Ортодоксальность, когда она превращается в явное предубеждение, гордится тем, что не принимает в расчет меняющиеся времена. И со времен древних писаний это отношение несколько не изменилось.

Каждому обществу приходится иметь дело с религиозной нетерпимостью и уберегать от нее других людей. Большинство верующих даже не чувствуют, что эта проблема близко их касается. Они не знают, что частенько приходится обращаться в суд только затем, чтобы судебное решение сломило религиозное сопротивление родителей и дало добро на переливание крови их больным детям или же заступилось за права женщин. Религия, во всем ее разнообразии, должна выйти на базарную площадь идей и подать свой веский голос, один из множества, в защиту новых веяний нашего времени, таких, например, как однополые браки. И все же, несмотря ни на что, эти проблемы непосредственно нас не затрагивают и не тревожат уколами совести. Увы, но я тоже должен признаться в собственных предубеждениях. Любое мышление, строящееся по принципу «они против нас», мне неприятно и воспринимается мной как несправедливая вера. Религии – по расовым, племенным, политическим и теологическим причинам – замыкаются каждая в своем тесном мирке, где их Бог – Бог единственно истинный и достоверный. Я же не нахожу оправдания ни одной из них.

Всем наверняка известны истинно верующие, которые отвергают или даже порочат другие веры. Радикальный ислам нанес огромный ущерб всеобщему терпимому отношению ко всем вероисповеданиям, как в свое время это делал на протяжении многих веков антисемитизм. Я не ставлю себе цель навязывать кому-либо свои предубеждения. Люди и так часто предубеждены, причем совершенно по неразумным причинам; пожалуй, самое лучшее, что можно здесь сказать: религия – только один ингредиент этой смеси. Семейное воспитание, как я его представляю, возвращает больше нетерпимости, чем воскресная школа. Явное предубеждение в гораздо большей степени относится к неприглядной стороне религиозной культуры, чем к ее официальным учениям. Самый разумный курс – позволить предубеждению оставаться тем, чем оно всегда было, – проверкой совести. Каждый сам должен выявить свои собственные ограничения; каждый сам для себя должен выбрать позицию сообразно обстоятельствам. Если брать в общем и целом, то явное предубеждение – это несправедливая вера в ее наиболее вопиющей форме. Этот факт известен всем и особого обсуждения не требует.

А вот о псевдонауке – этой разновидности несправедливой веры, которой равно увлечены как верующие, так и неверующие, – можно сказать много всякой всячины. Докинз и его компания, например, навешивают ярлык шарлатана на всякого серьезного исследователя, если только его мышление идет вразрез с их близоруким видением науки. В свою очередь, воинствующий атеизм тоже злоупотребляет научным методом ради собственной выгоды. Таким образом, термин «псевдонаука» меняется в зависимости от того, под каким углом на него смотреть.

Наука тоже требует веры

Вы можете выдвинуть аргумент, что наука по сути своей должна быть атеистической, причем в буквальном смысле этого слова, ибо она изгоняет Бога отовсюду, полностью и безраздельно. Действительно, научная модель не приемлет Бога, ибо Его невозможно сделать объектом экспериментального тестирования. Но заявление Докинза о том, что Бог не вписывается в прокрустово ложе науки, в принципе неоправданно. Ведь вполне спокойно можно измерять и исследовать Вселенную, не привлекая к этому процессу проблемы веры.

Разумеется, урегулирование вражды между наукой и верой – процесс глубокий и сложный, и его не решить демаршами воинствующих атеистов и их общепризнанных противников – креационистов. Их интермедия почти не вызывает резонанса в лаборатории. А списки бестселлеров необязательно отражают реальность. Если подходить с любой реалистичной меркой, то количество людей, которые сражаются за «правое дело» каждой из сторон, крайне мало. Ученых в гораздо большей степени удручает тот факт, что столько американцев – больше половины, согласно одному статистическому отчету, – верят, что творение не могло состояться без участия (пусть даже опосредованного) Господа Бога. (Если это поможет, я готов признать, что эта вера скорее пассивна, вроде веры в НЛО или снежного человека.)

Более глубокая причина отказа науки от очной ставки с религией состоит в том, что в наши дни даже с помощью самых изощренных механических моделей слишком сложно объяснить реальность. Прочная, стабильная линия, некогда разделявшая науку и мистицизм, с каждым днем становится все более размытой. Может ли Вселенная быть живой, как и мы сами? Способна ли она мыслить? Пожалуй, подсказкой может послужить вот это изречение британского физика Дэвида Бома: «В некотором смысле человек – микрокосм Вселенной; поэтому человек – ключ ко Вселенной». Люди всегда воспринимали природу как зеркало, смотрясь в которое они видят себя. Если мы действительно микрокосм, тогда макрокосм – Вселенная больших масштабов – должен рассматриваться с позиции того, что делает нас людьми.

Неожиданно появляется целый поток книг, написанных заслуживающими доверия физиками, которые начинают приводить доводы в пользу сознательной Вселенной, живой Вселенной и даже Вселенной, формирующейся под воздействием человеческого восприятия. Все это бросает радикальный вызов научному материализму. Возможно, Эйнштейн находился в поэтическом настроении, когда заявил, что хотел бы постичь ум Бога. Не менее серьезное размышление приводит и Фримен Дайсон, когда пишет: «Вероятно, жизнь вопреки всем расчетам значительно преуспела, оформившись в виде Вселенной в соответствии со своими целями». Другими словами, поскольку единственная Вселенная, о которой мы кое-что знаем, оказывается доступной лишь посредством нашего сознания, то вполне может быть, что именно наш ум и наше сознание формируют реальность. Красный фильтр все окрашивает в красный цвет, и даже если существуют другие цвета, нам их никогда не познать, пока мы смотрим через красный фильтр.

Взирать на что-либо через фильтр человеческого ума еще более сложное дело, чем через осколок цветного стекла, хотя ограничения и в том и в другом случае те же. Мы видим, как бейсболист, отбив битой мяч, стремительно бежит в «дом», и своим линейным сознанием оцениваем, что он добежит туда еще до того, как мяч будет перехвачен или опустится за изгородь. Таков незамысловатый рассказ нашего сознания, где и причина и следствие просты. Но из квантовой физики мы знаем, что на более глубоком уровне время течет вспять и что причина может быть определена только после того, как проявится следствие. Поэтому вполне вероятно, что причина и следствие существуют лишь потому, что наше сознание настроено на подобное восприятие этих вещей. И если вы придерживаетесь устарелых материалистических взглядов, то подобное утверждение покажется вам полным абсурдом. Привычка смотреться в зеркало природы теряет смысл, когда все, находящееся «снаружи», состоит из частей или фрагментарных данных – ибо налицо только хлебные крошки, а не сам

хлеб.

Мы должны ясно понимать основной постулат: видимая Вселенная – не то же самое, что реальность. Когда твердые предметы разлагаются на атомы, а затем на субатомные частицы, они перестают быть твердыми и становятся сгустками потенциальности. Потенциальность, как ее определяет физика, – это ни материя, ни энергия, а нечто совершенно неосязаемое и неуловимое, сколь бы твердой и несокрушимой не казалась гора или сколь бы мощной не выглядела шаровая молния. Частицы в таком состоянии уже более не частицы. У них нет специфического местоположения в пространстве, ибо каждая частица возникает из квантовых волн, бесконечно расходящихся, подобно кругам, во всех направлениях. Даже если бы Докинз мог отстоять идею, что все видимое – это исходная точка реального, это мало бы помогло делу, ибо большинство последних космических теорий предполагает, что Вселенная только на 4 % состоит из материи и энергии, доступных измерению, тогда как остальные 96 % – это так называемая темная материя и энергия, о которых нам известно очень мало. Их невозможно увидеть; их существование можно только подразумевать.

Физик Джоэл Примак, специализирующийся на устройстве Вселенной, преподносит нам ее в виде торта из мороженого, как некий «космический десерт», чья начинка удивит каждого. Большая часть торта (70 %) – это темная энергия, пропитанная темной материей (25 %), то есть смесь шоколада и мороженого. Примак специально выбрал для аналогии шоколад, потому что он темный, тогда как в действительности темная материя и энергия не доступны наблюдению. В результате видимой остается только очень малая часть космоса (5 %). Причем большая часть (4,5 % от общего объема) – это летучие атомы водорода и гелия, смешанные с различными атомами в глубоком космосе, – назовем их сахарной глазурью. Вся же прочая видимая материя, включающая миллиарды и миллиарды звезд и галактик, подобна рассыпанной по поверхности торта корице. Другими словами, та Вселенная, на которой материалисты возводят свою реальность, составляет не более 0,01 % от всего «космического десерта».

Все доказательства ведут в одном направлении: чтобы объяснить устройство космоса, нам нужна новая парадигма. Но прежде всего мы должны признать, что последняя твердыня, на которую мы можем полностью положиться, – это наши пять чувств. Все же прочее, даже нежно любимые нами теории, вроде теории относительности, делается все более шатким и неустойчивым. Темная энергия расширяется и заполняет пространство между галактиками со скоростью большей, чем скорость света. Таким образом, вне или за пределами пространства и времени есть нечто, что выступает главной силой творения и разрушения космоса, и что бы это ни было, оно останется невидимым, как ум, Бог, душа и высшее сознание.

Выдающийся британский биолог Руперт Шелдрейк, который десятилетиями пестовал смелую мечту – дать человечеству новую парадигму, в ходе этого процесса сам стал молниеотводом для материалистов, которые никак не могли усвоить ту идею, что невидимое может быть реальным. Шелдрейк написал весьма поучительную статью о том, почему скверная наука подобна несправедливой вере: «Несправедливая вера самонадеянна, самодовольна, догматична и нетерпима. Такова же и скверная наука. Но в отличие от религиозных фундаменталистов научные фундаменталисты не понимают, что их мнения основываются на вере. Они считают, что им известна истина. Они убеждены, что наука уже решила фундаментальные вопросы бытия. Над деталями еще необходимо поработать, но в принципе все ответы уже известны». Именно этой позиции и придерживается Докинз; он и его когорта неотступно провозглашают веру, основанную на науке, то есть убеждение, что с помощью научного метода однажды удастся решить все проблемы.

Как фирменная марка веры, сайентизм представляется более привлекательным, чем, скажем, тот же креационизм, который отрицает эволюцию Вселенной и жизни на Земле. Но, как указывает Шелдрейк, последствия сайентизма более пагубны, ибо он подавляет независимое мышление и ведет исследование в направлениях, которые не согласуются с

общепринятыми установками. «Наука в ее наилучшем качестве – это непредвзятый метод исследования, а не система верований и убеждений. Но “научное мировоззрение”, основанное на материалистической философии, невероятно престижно, ибо наука за последнее время добилась больших успехов и пользуется повсеместно большим спросом».

Если наука – это система убеждений, которая точно так же основана на вере, как и религия, то она в этом случае предает собственные принципы и становится псевдонаукой. Но у обычного человека – включая и обычного ученого – в действительности нет ни малейшего представления о том, насколько действенна наука веры. Шелдрейк пишет: «Эти материалистические убеждения часто воспринимаются учеными как нечто само собой разумеющееся, но не потому, что они критически их осмыслили, а потому, что они этого не сделали. Отступить от них – это ересь, а ересь пагубна для карьеры». Шелдрейк блестяще охарактеризовал убеждения, которые все мы склонны принимать на веру благодаря престижу науки. Давайте теперь рассмотрим эти убеждения, для краткости сведя их к нескольким предложениям.

Наука как система убеждений

Что нужно и должно принимать на веру

- Убеждение, что Вселенная – это механизм, функционирующие части которого можно объяснить и описать с помощью схем и графиков. Как только это удастся, мы получим Теорию Всеобщности.

- Человеческое тело – тоже механизм, и наука однажды постигнет все его аспекты вплоть до молекулярного уровня. Как только она этого добьется, болезни будут искоренены. Кроме того, все ментальные заболевания и расстройства будут лечиться с помощью лекарств.

- Природа бездумна, она продукт случайной деятельности на физическом уровне. Наука однажды убедит нас отказаться от веры в то, что у жизни есть какая-то другая внутренняя цель помимо выживания.

- Ведущаяся в процессе эволюции борьба за источники пищи и брачного партнера объясняет, как сформировалось человеческое поведение. Современное поведение – прямой результат дарвиновской эволюции. Нашу судьбу определяют наши гены.

- Сознание можно свести к физическим процессам мозга. Поскольку эти процессы подчиняются неизменным законам химии и физики, наша жизнь предопределена. Свободная воля практически не играет роли, а если играет, то весьма незначительную.

В этой системе убеждений осязаемое имеет приоритет над неосязаемым. Докинз принадлежит к лагерю сторонников дарвиновской эволюции, которые все аспекты человеческой психологии возводят к естественному отбору. Такова же и чистая вера. К счастью для Докинза, у поведения нет ископаемых образчиков, ибо ни одна из его теорий не может быть проверена. Если он заявляет, что Бог возник как механизм выживания, то это утверждение невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Тем самым открывается путь для самых невероятных и сказочных предположений. Давайте забавы ради предположим, что женщины эпохи палеолита стали носить ожерелья для того, чтобы привлечь к себе внимание сильных мужчин, которые приносили им больше мяса мастодонтов, – в отличие от женщин, носивших только серьги. Такова же и эволюционная психология, которой придерживается Докинз: он обосновывает поведение людей примерно такими же вымышленными историями, как та, что приведена выше.

Если только вы не верите в то, что теория Дарвина применима ко всему, что мы мыслим и делаем, тогда вы поймете, что все это чушь. Естественный отбор подразумевает, что некое специфическое свойство делает вас более приспособленными и успешными в борьбе за пищу и брачного партнера. Но как тогда расценивать наскальную живопись, или

любовь матери к своему ребенку, или удовольствие от прослушивания музыки? Каким образом все это можно привязать к той или иной цели? У широких масс нет представления о том, сколь прочно огни срослись с верой в эволюционную психологию. Набожных людей часто обвиняют, и совершенно справедливо, в том, что они лишь разубеждают в существовании Бога, заранее принимая как данность, что Он существует. А поскольку Бог существует и не может не существовать, то христиане-фундаменталисты видят руку Божью абсолютно во всем: и в крушениях самолетов, и в ураганах, и даже в разводах голливудских звезд. Короче, в схему греха и анафемы можно уложить все.

По идее, наука должна быть полной противоположностью веры и тому, в чем она нас убеждает, но для Докинза самые невероятные аспекты человеческого поведения оказываются всего лишь механизмами выживания. Я всегда улыбаюсь, когда припоминаю остроумное изречение Оскара Уайльда: «Всегда прощайте своих врагов, ничто не раздражает их больше». Никто не в состоянии доказать, что юмор у наших предков развился благодаря случайной генетической мутации. Сразу возникает вопрос: как подобная мутация помогла им выжить? Возможно, в каменном веке они стали более искусны в деле флирта и запросто могли закадрить подруг в баре для незамужних девиц. Когда Докинз ставит вере в упрек, что она не зиждется на фактах, он с таким же успехом мог бы направить это обвинение и самому себе.

В своей книге «Освобожденная наука» Шелдрейк обстоятельно и безжалостно анатомирует бездоказательные критерии материализма, проделав долгий путь и тяжелую работу по устранению мировоззрения, которое, как старая ткань, основательно пообтрепалось по краям. Он вполне реалистично подходит к недостаткам человеческой природы: «И в религии, и в науке встречаются люди нечестные, взрывные, некомпетентные, выставляющие напоказ ошибки других». И делает вывод, что науку тормозят «устаревшие вековые критерии, давно обратившиеся в догму».

Действительно ли это влияет на то, как мы мыслим о Боге? Да, причем напрямую. Вселенная, если в ней отсутствует смысл, не может быть божественной. Случайная активность сводит на нет всякое чувство целесообразности. Сознанию, возникшему как результат электрохимической деятельности, не ведомы ни озарение, ни богоявление. Выбор, раз и навсегда, сводится все к тому же «или-или». Для меня вполне очевидно, что духовный опыт существует, что мы действуем, руководствуясь свободной волей, и что наша жизнь имеет смысл. Мы вправе со всей убежденностью заявить, что «естественная религия» сформировалась и выросла, столетие за столетием, из человеческого опыта.

А это значит, что у науки тоже есть веское право быть системой убеждений. Единственное требование, которое можно здесь выдвинуть, – чтобы ученые сознались в своем догмате веры. Наука не описывает реальность, поскольку ни одна философская школа еще не доказала, что физическая Вселенная реальна. (Даже Стивен Хокинг, не верящий в Бога, подписался под этим.) Мы предполагаем, что физические явления реальны, основываясь лишь на информативных данных, поступающих от наших пяти органов чувств. Но это то же самое, что сказать: мы признаем реальность чисто субъективно. Если нет зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния, то нет и реальности, ибо в этом случае нечего постигать.

Из всего этого вытекает тот поразительный итог, что Бог на некоем уровне играет в любовь со звездами, галактиками, горами, деревьями и небом. Ничто из них не может быть объективно подтверждено или доказано. Утверждение «Этот камень твердый» не менее истинно, чем «Я чувствую Божью любовь». Последнее же утверждение истинно потому, что ощущение Божьей любви – это единственный верный путь в странствии по миру. Если чувство, что огонь горячий и до него лучше не дотрагиваться, стабильно и надежно, то и чувство Божьей любви имеет не меньше претензий на стабильность и надежность. Если что и заставляет его казаться ненадежным, так это сдвиг в мировоззрении. Мы все, так или иначе, повязаны материалистическим мировоззрением, поэтому предположение, что духовный опыт может быть нереальным, стало нашим догматом веры.

Глобальный вопрос «Что такое реальность?» станет главным предметом обсуждения на нижеследующих страницах, когда мы перейдем к рассмотрению истинного знания о Боге. Все мы, и ученые и верующие, руководствуемся реальностью. Мы следуем за ней, куда бы она нас ни повела. Открытие ископаемых навсегда изменило веру, подтолкнув сознание к созданию новой модели реальности. В данный момент происходит то же самое благодаря новейшим открытиям во всех областях науки, включая биологию, физику, нейронауку и генетику. Мало-помалу формируется новая модель реальности, а она, в свою очередь, формирует нас.

Но происходящие перемены еще не отменили мудрое библейское откровение: «Каковы мысли в душе его, таков и он» (*Притчи, 23:7*). Другими словами, мы таковы, какими нас сделали наши мысли. Мой друг Экнат Исваран следовал этому откровению в своих взглядах на веру и опирался на него как на незримый стержень, присутствующий внутри каждого из нас. Индийская концепция *шраддхи* (что переводится как вера и включает в себя все, что мы ценим, к чему стремимся и что себе воображаем) намного старше, чем иудейская Библия. Святой Иоанн Креститель писал: «На закате жизни нас будут судить только по любви». В его мире католического вероисповедания Вселенная была сотворена как дар Божьей любви, и наш отклик на этот дар свидетельствует о том, достойны ли мы его получить. Впрочем, нет необходимости облекать эту истину в религиозные понятия. *Шраддха* учит, что все мы живы тем, что любим. Любовь к Богу по большому счету ничем не отличается от любви к науке, если это то, что формирует вашу жизнь до самых ее основ.

Неправедная вера настаивает на том, что именно наши убеждения определяют реальность и что ими должен руководствоваться каждый; другими словами, мы навязываем всем свои убеждения. Если же мы руководствуемся благой верой, то прежде всего делаем то, что больше всего любим и чего больше всего желаем, никому ничего не навязывая. В Бхагавадгите Господь Кришна демонстрирует величественную убежденность в силе реальности, которая ведет нас туда, куда нам нужно: «Как люди обращаются ко Мне, так я их награждаю [и принимаю с любовью]. Каждый во всем следует Моим путем» (*Гита, 4:11*). Я называю это силой реальности, а не силой Бога, поскольку Вездесущий должен населять каждый гран реальности, выражая Себя в каждом опыте, в каждом переживании. Полнейший мистицизм? Да, но только в том случае, если вы предпочтете не подвергать это проверке. Наилучший способ применения свободной воли – понять, действительно ли она ведет к Богу. Кришна ограничивает свои силы, говоря, что если человек не выбирает свой путь, то Бог не в состоянии ничего сделать. К счастью, тайна человеческой природы в том, что все мы следуем тем путем, который больше всего нам по душе.

На данный момент вера – это еще одна станция на пути следования. Экнат Исваран достаточно глубоко прозревал жизнь и потому свято верил в еще одну вещь: когда человек полностью предает себя вере, он достигает объекта своего поклонения. И не важно, что эту идею он почерпнул в Бхагавад-гите. Важно то, что его жизнь была настолько долгой – и настолько полной, – что он успел доказать на деле истинность этого утверждения.

Мудрое расписание

«Вера делает жизнь лучше». Вот перед нами конкретное утверждение. Внешне оно кажется шатким и сомнительным. Вера частенько не приносит того вознаграждения, которое нам обещают снова и снова. А вера без воздаяния может привести к разочарованию или разбить сердце. На память приходит трогательный пример подобного рода. Мир был потрясен, когда в 2007 году появились на свет письма матери Терезы, долго утаиваемые церковью, хотя на тот момент прошло уже десять лет, как эта миниатюрная албанская монахиня отошла в мир иной. Ее самоотверженная работа в трущобах Калькутты, среди больных и нищих, сделала ее образцом христианского милосердия и долготерпения, а слава о ней разнеслась по всему миру, далеко за рамки католицизма.

Группа психологов из Гарвардского университета проделала такой опыт: группе испытуемых показали фильм о матери Терезе, где она держит на руках больных детей-сирот. Один лишь просмотр этих кадров вызвал благотворные физиологические изменения у зрителей: артериальное давление понизилось, а различные параметры, предшествовавшие стрессу, пришли в равновесие.

Так вот, опубликованные письма неожиданно приоткрыли завесу тайны над этой святой женщиной: оказалось, что ее одолевали сомнения насчет веры, сомнения, которые терзали ее и в начале, и в середине, и в конце жизни. Мать Тереза, чье мирское имя Агнесса Бояджиу, в 1979 году получила Нобелевскую премию мира и в том же году она написала настоятельно письмо вот с таким безутешным содержанием:

”Иисус любит вас особой любовью. Что касается меня, молчание и пустота настолько велики, что я смотрю и не вижу, слушаю и не слышу.

Выступавшие за канонизацию матери Терезы утверждают, что эти сомнения делают ее еще более героической фигурой и еще более идеальным олицетворением веры. (Столь сильна и напряженна была ее духовная борьба, что в повседневной жизни она носила власяницу, то есть грубую рубашку из волосяной ткани, которая в представлении верующих олицетворяет страдания Христа.) Но если понимать эти письма буквально и принимать написанное за чистую монету, то оказывается, что мать Тереза пребывала в затруднительном положении. Она старалась жить в соответствии с христианскими идеалами и сетовала лишь потому, что считала, что Господь ее не слышит или ей не отвечает. В самом деле, Господь ничем не обнаруживал Своего присутствия в жизни этой великой подвижницы, и это повергало ее в сильнейшее разочарование, вызывая, как с радостью пеняют некоторые атеисты, неразрешимые сомнения в истинности религии.

Когда вера сильна, сильны и сомнения, которые немедленно дают о себе знать. Ибо слишком многое на кону. Хотя мать Тереза была незаурядной личностью и олицетворяла собой безмерное сострадание, эта «святая из трущоб» ничем не отличалась от обычных верующих, которые, как и она, тоже чувствуют, что Бог их покинул. История матери Терезы лишь подтверждает мою глубокую убежденность в том, что вера, чтобы стать действенной, должна делать нашу жизнь лучше. Религиозное наследие можно рассматривать на расстоянии, в перспективе великих исторических эпох, но по большому счету оно сводится к одному: как живет и чем дышит отдельно взятый верующий человек. Если святая, благочестивая жизнь, отдаваемая служению другим, вас самих оставляет без Бога, от этого благочестие не становится ни возвышенней, ни лучше. Если приверженность религии служит фундаментом для нетерпимости – агрессии, пыток и войн, тогда в этом мире всем заправляет зло и предположение о том, что вера делает жизнь лучше, никуда не годится.

Спасает веру от этого беспощадного анализа противоположная ей сила – мудрость. Мудрость поддерживает веру, ибо и та и другая – незримые реалии. И обе должны быть опробованы и проверены человеком на предмет их действенности. Когда вы решаете, что будете жить по вере, то что происходит? Происходит жизнь, как она есть, между завтраком и обедом. Но при этом все, что вы думаете, говорите и делаете, должно оформиться в нечто более ценное. Весь вопрос в том, куда приложить эту мудрость. Каждая развилка на дороге, сколь бы мала она ни была, требует выбора. Мир мудрых традиций, основанных на тысячелетнем опыте человечества, и является тем путеводителем, который подсказывает, какой выбор в наибольшей степени повышает качество жизни. Позвольте в самых общих чертах обрисовать тот генеральный курс, коего придерживается мудрость.

Мудрый выбор

Решения, оформляющие сознательную жизнь

- Когда вы испуганы и встревожены, не доверяйте голосу страха.
- Когда вы оказываетесь в запутанной ситуации, найдите способ привести все дела в порядок и успокойтесь.
- Когда назревает конфликт, вызванный гневом или раздражением, не принимайте решения, пока гнев не уляжется.
- Когда ваши благородные идеи наталкиваются на сопротивление со стороны других людей, попробуйте встать на точку зрения этих людей.
- Когда вы чувствуете искушение проклясть или предать кого-то анафеме, посмотрите, не скрывается ли то, что вы ненавидите в них, внутри вас самих.
- Когда вы оказываетесь в трудной ситуации, вам решать, как поступить: примириться ли с ней, попробовать исправить или попытаться увильнуть. И уж как решили – так и поступайте.
- Когда вам известна истина, ратуйте за нее и говорите от лица этой истины.

Вот лишь несколько примеров мудрости в действии, которые скорее применимы к повседневным жизненным ситуациям, чем к великим духовным проблемам.

В ведической традиции есть притча о юноше, который бродил по свету в поисках секрета изобилия. Многие месяцы он странствовал из одной местности в другую, пока однажды в глухом лесу не встретил духовного учителя и спросил его, как осуществить свои мечты.

– Чего ты в самом деле хочешь? – спросил его учитель.

– Хочу обладать несказанным богатством, но не в корыстных целях, – серьезно ответил молодой человек. – Мне оно нужно для того, чтобы помогать всему миру. Прошу, подскажи мне секрет овладения подобным изобилием.

Учитель понимающе кивнул:

– В сердце каждого человека живут две богини. Лакшми, богиня изобилия, щедра и прекрасна. Если ты почитаешь ее, она может одарить тебя сокровищами и богатствами, хотя зачастую она очень капризна и может без всякого предупреждения лишиться тебя своей благосклонности. Другая богиня – Сарасвати, богиня мудрости. Если ты будешь почитать Сарасвати и поклоняться ее мудрости, тогда Лакшми восплает ревностью и еще больше одарит тебя своим вниманием. Чем сильнее ты взыскуешь мудрости, тем усердней Лакшми будет преследовать тебя, осыпая богатством и изобилием.

Этот совет намного умнее тех расхожих премудростей, какие часто приходится слышать в наши дни, премудростей вроде этих: «Делай то, что любишь, и деньги сами к тебе придут» или «Не изменяй своему счастью». Уроки подобной мудрости не всегда благодатны, ибо то, что вы любите сегодня, завтра можете возненавидеть. На глубинном уровне преданность Сарасвати, или мудрости, означает умение быть связанным со своей сутью, с тем, кто вы есть на самом деле, открывая и применяя свою неповторимую уникальность. Быть собой – вот та внутренняя тропа, которая ведет к завершенности и совершенству. Ну, а если вы вместо этого изберете внешнюю тропу, то все воздаяние в виде денег, положения и имущества в конце концов окажется ничемным, бесполезным и ничего не стоящим бараклом, ибо вы не сумели связаться с тем, что делает вас полноценным и совершенным. Но при этом бессмысленно твердить другим людям о том, что счастье нельзя купить за деньги, ибо с их точки зрения то, что покупается за деньги, воспринимается как нечто значимое, стоящее и ценное. Настоящая проблема – психологическое программирование. Если вам с детства ничего другого не вбивали в голову, кроме материализма, то для вас других, менее хоженных путей, попросту не существует. А те, что имеются, вы стремительно расширяете, превращая их в накатанное шоссе, ведущее прямехонько к ближайшему торговому центру.

Что касается Бога, то мудрость действенна только тогда, когда она практикуется изо дня в день. Но и у мудрости есть свои долговременные цели, и они тоже являются результатом решений. В каждой духовной традиции достижение мира всегда выше

конфликта, любовь всегда выше страха, понимание выше критики, а добро выше зла. И отсутствие должного видения вовсе не является причиной того, что мы так и не достигаем этих целей. Полки библиотек прямо-таки ломятся от тысяч томов с мудрыми поучениями. И если мы не достигаем целей, то причину этого следует искать в кратковременных решениях, которые мы принимаем в часы между завтраком и обедом. Именно они определяют наше поведение, наши позиции, убеждения и даже состояние наших мозгов.

Мозг чудеснейшим образом – причем с раннего возраста – предрасположен к тому, чтобы принимать решения в пользу добра. На этот счет собраны убедительные свидетельства, особенно в созданном при Йельском университете Центре подросткового знания, где младенцев изучают на предмет того, есть ли у них врожденное чувство морали. В одном эксперименте ребенку показали сценку с участием трех кукол. Одна из кукол пытается открыть коробку, но крышка такая тяжелая, что в одиночку ей было не справиться. Кукла справа приходит ей на помощь, и вдвоем они прилагают усилия, чтобы открыть коробку, тогда как кукла слева отказывается помогать и налегает на крышку, чтобы не дать ей открыться.

После того как ребенок посмотрит эту маленькую драму, ему предлагается на выбор «хорошая» кукла и «плохая»: с какой из них он предпочтет играть? Более 80 % времени дети уделяют игре с «хорошей» куклой. Но это относится к трехмесячным младенцам. Точно так же, если ребенок, который только-только встал на ноги, видит, что мать уронила что-то на пол, он тут же подберет это и отдаст ей. Мы можем долго размышлять над тем, откуда исходит эта предрасположенность к хорошим поступкам, но факт остается фактом: она составляет зерно мудрости. Ситуация на самом деле не настолько проста и не укладывается в формулу, что все маленькие дети неизменно хорошие. В «детской лаборатории» Йельского университета ставятся и другие опыты, например такой, где «плохую» куклу наказывают, и дети склоняются к тому, чтобы предпочесть наказание, вместо того чтобы простить «плохую» куклу. С младенчества у нас существует предрасположенность не прощать. Это, кстати сказать, вполне может оказаться зерном свойственного нам мышления «они против нас», некоторые исследователи считают это врожденным свойством.

Чтобы взрастить зерно добра (если только оно взрастет), требуются годы обучения и опыта. Возращение добра всегда происходит незримо, в скрытом для глаз месте, и у вас должна быть вера, чтобы продолжать двигаться вперед. Если рассматривать нашу эпоху со стороны – например, со стороны пресловутых марсиан, которые прибыли на Землю в космическом корабле с целью изучения человеческого вида, – то мы увидим, что все грубо зримые явления, такие как войны, преступления и насилие, попирают мудрость. Технология – новый великий спаситель нашего времени, и если 80 % выпускников высших учебных заведений в Китае – инженеры, это говорит о том, сколь далеко впередсмотрящим обществом должен быть Китай. Спросите любого, каково, на его взгляд, должно быть решение таких проблем, как глобальное потепление, перенаселенность или мировая пандемия СПИДа (можете сами выбрать волнующую вас дилемму), и почти наверняка он скажет, что все надежды на решение этих проблем он связывает с будущим научным прорывом. Число людей, возлагающих надежды на то, что нас спасет мудрость, будет крайне невелико.

Это однако недальновидный взгляд. Несмотря на вероломство истории, мудрость цветет и побеждает в борьбе против человеческой глупости. Природа мудрости такова, что она скапливается изнутри, порождая сдвиг в направлении более высшего сознания. Мы – существа-визионеры. Наш инстинкт постоянно ведет нас вперед, к свету. Что имеет в виду поэт Уильям Блейк, когда говорит: «И во веки веков я прощаю вас, а вы меня»? Если вы фокусируетесь на войнах и вражде, уснащающих кровавую историю человечества, то эта фраза бессмысленна. Но если вы убеждены, что превалирует добро, то это мудрость. Когда семья Франк скрывалась от нацистов, оккупировавших Амстердам и выслеживавших евреев, Анна Франк написала в своем дневнике: «Несмотря ни на что, я все еще верю, что на самом деле все люди в глубине души добры». Заслуживают ли доверия эти слова, особенно когда

мы знаем, что гестапо в конце концов выследило семью Франк и отправило ее на смерть в Освенцим – на самом последнем поезде, ушедшем из Голландии? В концентрационных лагерях узники умирали от страшных медицинских опытов, которые ставили на людях садисты вроде Йозефа Менгеле, этого «ангела смерти» Освенцима, и все же случалось и так, что отдельные индивидуумы, испуская последнее дыхание, благословляли своих мучителей. Подобное незаурядное поведение знаменует собой торжество человечности над болью и страданием даже перед лицом неминуемой смерти.

Мудрость, вместо того чтобы вычислять, перевешивает ли чаша добра чашу зла и насколько, рассматривает более глубокие смысл и ценность жизни. Мы прибегаем к мудрости, например, когда растим детей. У ребенка абсолютно непоколебимый статус: если это хорошая семья, он объект безусловной любви. По мере того как ребенок растет, родители учат его отличать хорошее от плохого, правильное от неправильного. Но они никогда не скажут своим детям: «Сам факт того, что ты существуешь, – это плохо» или «Ты принес в этот мир больше плохого, чем хорошего». Это не слепая любовь; это просто любовь, какой она должна быть. Так говорит нам мудрость.

Мудрость – это способность видеть то, что лежит под поверхностью вещей и явлений. И нет способности более ценной, чем эта. На поверхности вроде бы все просто: когда двухлетний малыш в супермаркете раздражается вспышкой гнева и громко вопит, это раздражает. Пока он, как безумный, кричит на мать, она выглядит растерянной и смущенной. Люди реагируют на это практически однозначно: одни хмурят брови, на лицах других читается выражение неодобрения. Но мать видит по их глазам, что они о ней думают: мол, никудышная мать, раз не умеет контролировать своего ребенка. Это и есть момент истины, точнее – момент мудрости, ибо мудрость нашептывает ей, что к детям нужно относиться терпимо, направлять и любить их такими, какие они есть, а не судить о них по их поведению. За внешней видимостью ситуации мать понимает, что «эти ужасные двое», как они предстают в глазах людей, – всего лишь фаза.

Но далеко не все матери в подобных ситуациях поступают мудро. Чаще всего они раздражаются на ребенка, обвиняют его в том, что он устраивает сцены где ни попадя, и даже прибегают к взбучке или физическому наказанию. Их первая мысль – о том, в какое неудобное положение поставил их ребенок и как нелестно они выглядят в глазах других людей. Другими словами, такие матери попадают в западню поверхностной видимости ситуации и не способны увидеть то, что под ней.

Мы прибегаем к помощи мудрости во всех ситуациях, где собранных доказательств недостаточно или они почему-либо неприемлемы. Ибо мудрость видит то, чего не видит невооруженный глаз. Бог – очень возвышенный пример, но есть множество ситуаций, которые может разрешить только мудрость. Для большинства людей первый эталон мудрости в Ветхом завете, который приходит на ум, – это царь Соломон. В самой известной притче, посвященной его мудрости, говорится о том, что к нему привели двух падших женщин, которые отчаянно ссорились между собой. Одна из них рассказала, что родила сына в доме, где жили обе женщины. Три дня спустя другая тоже родила сына, но ночью во сне она «заспала его», то есть перевернулась на бок и задавила ребенка. И, встав из постели, она подменила мертвого ребенка живым. В доме в этот момент не было никого, кроме их двоих. Вторая заявила, что все это ложь. Так кто же из этих женщин настоящая мать живого ребенка?

Поскольку царь в те времена воспринимался как посланец Бога на земле, ни у кого не возникло и тени сомнения в том, что божественный Соломон сразу же поймет, кто из них лжет, а кто говорит правду. Но он вместо этого подверг их испытанию.

«И сказал царь: подайте мне меч. И принесли меч к царю.

И сказал царь: рассеките живое дитя надвое, и отдайте половину одной, и половину другой.

И отвечала та женщина, которой сын был живой, царю, ибо взволновалась вся внутренность ее от жалости к сыну своему: о, господин мой! Отдайте ей этого ребенка

живого, и не умерщвляйте его. А другая говорила: пусть же не будет ни мне, ни тебе, рубите.

И отвечал царь и сказал: отдайте этой живое дитя, и не умерщвляйте его; она его мать» (3 Царств. 3:24–27).

В Библии не объясняется, что навело Соломона на мысль принять столь мудрое решение; сказано лишь, что оно было встречено с трепетом и страхом: «И услышал весь Израиль о суде, как рассудил царь; и стали бояться царя; ибо увидели, что мудрость Божия в нем, чтобы производить суд». Сегодня мы сказали бы, что Соломон просто понимал человеческую природу и выносил вердикт исходя из этого понимания. Он знал, что настоящая мать скорее уступит своего ребенка другой, чем предпочтет увидеть, как его убивают. Но здесь есть и еще кое-что. Мудрость всегда неожиданна: она поступает совсем не так, как ожидают другие, и ведет туда, куда не ждут.

Путь мудрости

Отважусь предположить, что вера в Бога – это несомненный признак мудрости. Мудрость здесь в том, что вера делает нашу жизнь лучше. Все хотят быть счастливыми. В индийской традиции к счастью ведут две стези, и вы вправе выбирать одну из них. Первая стезя – путь удовольствия; вторая – путь мудрости. Путь мудрости – путь наращивания всех тех ощущений, которые воспринимаются как приятные или хорошие, и уменьшения всех тех, которые воспринимаются как неприятные или плохие. Дети инстинктивно выбирают этот путь и следуют им просто потому, что предпочитают удовольствие боли. И те же инстинкты продолжают действовать, когда мы становимся старше. Наш мозг устроен таким образом, что реагирует на болевые стимулы, сохраняя их в памяти, дабы в будущем уметь их избегать. В наиболее примитивном отделе мозга, в так называемом «ящерном» мозге, сильные чувства боли и удовольствия порождают мощную физическую реакцию, что и служит причиной того, почему нас так неодолимо влекут секс, вкусная пища и прочие земные блага.

Выбирая путь мудрости, мы отвергаем все эти и им подобные жизненные «блага», причем отвергаем постоянно. Так, например, бегун на марафонские дистанции переносит боль и усталость ради того только, чтобы прийти к финишу. А разумный человек, которому дорого его здоровье, отказывается от богатых жирами десертов и вкусностей. В данном случае люди действуют, исходя из других принципов, нежели принцип удовольствия; мы ведь слишком сложны, чтобы руководствоваться столь простым механизмом мозга. Но разумная жизнь не то же самое, что жизнь мудрая. И такие пословицы, как «Все плохое сгладится» или «Время – лучший лекарь», не содержат в себе особой мудрости. Подобные мудрые афоризмы рождаются из коллективного опыта, который нельзя не признать полезным. Да, в общем и целом справедливо, что время – лучший лекарь и что неприятные ситуации, если их предоставить самим себе, рассасываются сами собой. Но недаром Сократ, этот ученейший муж из Афин, противостоял другой философской школе, школе софистов, ибо те паковали мудрость в изящные афористические обертки и выдавали ее желающим тщательно отмеренными порциями. Сократ же был того мнения, что мудрости научить нельзя; в сущности, это и есть ее основная характеристика.

Мудрость обретается и постигается внутри самой ситуации; она неуловима и вечно изменчива. Ее невозможно свести к нескольким правилам или всю уложить в пословицы и поговорки. Мудрость почти всегда нас удивляет, ибо она противоречит разуму и здравому смыслу. Это хорошо отражает следующая буддийская притча.

В Древней Индии один ученик прослышал о великом учителе, обитавшем в пещере в отдаленнейшем уголке Тибета. Он продал свои пожитки и предпринял опасное путешествие через Гималаи, чтобы найти ту пещеру. Преодолев множество испытаний, ученик наконец прибыл в пещеру и простерся ниц перед учителем.

– Мне сказали, что ты мудрейший из людей, – обратился к нему ученик. – Передай мне свою мудрость. Научи, как стать просветленным.

Учитель оказался раздражительным и сварливым стариком, который терпеть не мог, когда его беспокоили непрошенные посетители. Покачав головой, он сказал:

– Так ты думаешь, что мудрость можно купить за деньги? Принеси мне мешочек, полный золотого песка, и если ты принесешь достаточно, я сделаю тебя просветленным.

Когда ученик услышал это, его сердце едва не разбилось, но он собрался с силами, вернулся в Индию и начал трудиться в поте лица своего, чтобы наполнить мешочек золотым песком. Прошло много времени. И вот ученик снова проделал опасное путешествие через Гималаи и вновь простерся ниц перед учителем.

– Я сделал так, как ты просил, о учитель. Я наполнил мешочек золотым песком и принес его тебе, чтобы ты указал мне путь к просветлению.

Учитель вытянул вперед руку.

– Покажи.

Трепеща, ученик извлек из-под одежды мешочек – плату за многие годы рабского труда. Учитель схватил его и одним движением руки развеял весь песок по ветру. И ветер в доли секунды унес его прочь.

– Как? Зачем? – в ужасе закричал ученик.

– Мне не нужно золото, – сказал учитель. – Я стар и живу в пещере. Разве ты не знаешь, что мудрость нельзя купить за деньги?

У ученика отвисла челюсть, а голова пошла кругом. Неожиданно учитель снял с ноги башмак и сильно ударил им ученика по уху. В тот же миг ученик прозрел. В нем высветилась истина, и он пробудился.

Все притчи о мудрости похожи на эту – они ведут к неожиданным умозаклучениям, ибо ум, закосневший в привычном мышлении, должен испытать потрясение и пробудиться, узрев свет. Христианская версия поисков мудрости, не столь драматичная, как древнеиндийская, заключена в таких словах Иисуса: «И еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие» (*Матфей, 19:24*). Обе притчи говорят о том, что ум должен подняться над мирскими заботами. (Я рассказал буддийскую притчу в том виде, как сам ее услышал, и только позже обнаружил, что это одна из серии притч, рассказанных двумя прославленными тибетскими учителями – Наропой и Миларепой.)

Путь мудрости часто называют «непроторенной тропой», поскольку у него нет никаких определенных вех или установок. Здесь нет ни схем, ни таблиц, ни расписаний, и что самое поразительное: учитель по большому счету тоже бесполезен. Самое большее, что может сказать учитель, – это: «Я уже был там, где сейчас ты. Продолжай свой путь». Все прочее принимается на веру. Если бы был иной путь, честно говорю вам: большинство людей уже давно бы его избрали. Но прежде чем путь мудрости получит шанс замаячить перед вами, вам необходимо завершить путь удовольствия. В буддизме духовно ищущий никогда не сделает первого шага к мудрости, пока не расстанется со всеми удовольствиями. Этот очевидный факт выражен в сжатой форме в доктрине, известной как «Четыре благородные истины», которые начинаются с утверждения: «Жизнь – это страдание». Если вы досконально разберете это суровое утверждение, то доберетесь до истины: любое удовольствие ненадежно и преходяще.

Страдание не заглушишь никаким удовольствием. Да и нет в этом мире столько удовольствий, чтобы заглушить страдания. Есть такая боль (как, например, смерть ребенка или гибель человека в результате несчастного случая), которую невозможно утишить дополнительными дозами удовольствия. Чувство вины и стыда оставляет глубокие, часто постоянные, на всю жизнь, отпечатки. Прошлое оставляет рубцы и шрамы. И как будто всего этого мало, приходят неизбежные старость и смерть.

Но есть глубоко внутри нас что-то такое, что неустанно действует. То, что поддерживает в нас жизнь и не дает сломаться в процессе страдания, – оно же и выводит нас из пучины страдания; и это что-то есть самосознание. Мы единственные существа, наделенные осознанием, что боль неизбежна. Мы можем предвидеть будущую боль, и этого

вполне достаточно, чтобы лишить настоящее удовольствие его вкуса и аромата. Не имея самоосознания, вы не могли бы испытывать чувство вины за то плохое, что сотворили, или за те пошлые травмы, которые напоминают вам о промахах и ошибках. (На память сразу приходит одна саркастическая шутка, некогда весьма популярная: «После того как умру, я не хочу снова возвращаться на Землю, если мне опять придется ходить в среднюю школу».)

Самоосознание наделяет нас печальным знанием того, что мы родились, чтобы страдать. Но в то же время оно предлагает и решение – путь мудрости. Почему ученик неожиданно обрел просветление после того, как учитель ударил его по голове башмаком? Сам акт физического удара не был причиной просветления. Скорее это был удар со стороны самоосознания, под действием которого ученик постиг, что бытие в этом мире – работа, забота о семье, обучение тому, как поступать правильно, – происходит на ином, нежели истина, уровне. Разумеется, эта притча слишком упрощена. В реальной жизни на то, чтобы понять заповедь Христа о необходимости «пребывать в мире, но быть вне его» и следовать ей, требуются годы. Мудрость – это процесс внутреннего роста; она не приходит мгновенно.

Как только вы признаете, что жизнь – это страдание, за этой следуют три другие «благородные истины»:

- *Причина страдания – привязанность.*
- *Существует путь избавления от страданий.*
- *Путь избавления от страданий есть восьмеричный путь.*

Восьмеричный путь – это путь, состоящий из восьми обязательных элементов, связанных между собой словом «правильный»: правильный взгляд, правильное намерение, правильная речь, правильное действие, правильные средства к существованию, правильное усилие, правильное внимание и правильная концентрация. Оставляя в стороне некоторые специальные и чисто буддийские термины, такие, например, как правильное внимание, основная проблема сводится к простейшему вопросу: что означает «правильный»? К сожалению, столь же простого ответа на этот простой вопрос нет. Будда не написал и не оставил после себя книгу с правилами игры жизни. Его версию мудрости, как, впрочем, и все другие, невозможно свести к формуле с раз и навсегда установленными правилами.

Я понимаю, что с точки зрения многих буддистов, так же как и с точки зрения многих христиан, учение о мудрости содержит ряд непримиримых противоречий. (Например, если усердно трудиться, стремясь быть добрым к другим, как это предписывает буддизм, то порой забываешь быть добрым к самому себе.) Это главная проблема. Если внимательно рассмотреть наказ Иисуса о том, что нужно подставлять левую щеку, когда тебя ударили по правой, то вряд ли стоит удивляться тому, что лишь очень немногие христиане умудряются ему следовать.

”А Я говорю вам: не противьтесь злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую. И кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два (Матфей, 5:39–41).

Этот отрывок из Ветхого завета подпадает под категорию того, что в буддизме называется правильным деланием и мышлением, но что в этом проку, раз мы по-прежнему продолжаем игнорировать заповедь «Не противься злу» – точно так же, как это делают некоторые буддисты и индуисты, которые иногда поворачиваются спиной к *ахимсе*, учению, запрещающему причинять вред любому живому существу. Путь мудрости очень часто игнорирует и здравый смысл, и человеческую природу, и общественный практицизм. Ясное дело, что мы всюду противимся злу, наказываем преступников и отказываемся пройти лишнее поприще. Следовать мудрости – дело настолько противоречащее интуиции, что у нас есть только два выбора: или уверять великих духовных учителей в нашей преданности, живя при этом своей жизнью, или свести их поучения до простых правил морали и поведения.

Ни одна из этих альтернатив и близко не сопоставима с намерением Христа или Будды.

Они не были моралистами. Они были радикалами, указавшими путь к внутреннему преобразованию. Я не порицаю практичных христиан как вероотступников, когда они противятся злу, вместо того чтобы подставлять другую щеку. И не проклинаю за отступничество буддистов, которые сводят «восьмеричный путь» к очаровательному, но крайне банальному набору этических норм. Люди всегда могут обратиться к ним, дабы освежить свою память и напомнить себе о том, что нужно жить в мире, достойно обращаться с другими людьми и руководствоваться в своих действиях любовью, а не гневом. Кстати, для сравнения: учение, которое полностью ниспровергает нормы повседневного поведения, выглядит более устрашающим, чем исцеление. Поэтому позвольте мне воспользоваться этой возможностью и защитить путь мудрости во всем его радикализме. А поскольку христианское послание слишком хорошо известно (и временно дискредитировано правым крылом фундаменталистов), то я вместо него обращусь к Будде и его средству избавления от страданий.

Врач по имени Будда

Оглядываясь на сегодняшний мир, мы видим, что он пребывает в состоянии хаоса, колеблясь между безумием и глобальной катастрофой. Когда более двух тысячелетий назад люди шли за советом к Будде, их одолевали те же заботы и проблемы, что нас сегодня. Они чувствовали себя беспомощными перед лицом природных катаклизмов, войн и нищеты. Они не могли постичь мир, стоящий на грани безумия.

Когда я был молодым, я руководствовался в своей жизни двумя плодотворными идеями. Одну из них (ныне хорошо известную и на Западе) выразил Махатма Ганди: «Если хочешь изменить мир, изменись сам». Поскольку мир такой огромный, я воспринял как откровение – и как тайну, – что, изменив себя, я повлияю и на весь мир. Эта идея не нова и не принадлежит Ганди. Это ответвление еще более древней мысли, берущей начало в ведической Индии и гласящей: «Каков ты, таков и мир». Это то же самое, что сказать: мир начинается в сознании. Будда прежде всего известен как практик. Он говорил людям, чтобы те перестали анализировать мир со всеми его проблемами и перестали полагаться на религиозные ритуалы и жертвоприношения.

Отказавшись от религиозной культуры, жесткой, догматичной и совершенно не соответствующей требованиям индивидуальной жизни, Будда стал аватаром в той самой ситуации, в которой сегодня находимся мы, – в ситуации, когда человек отделен от Бога. Будда не оправдывал сеть социальной безопасности правящей касты первосвященников, автоматически связанной с невидимым миром духа. Более того, он принимал тот неизбежный факт, что каждый человек предельно одинок в этом мире. Вот от этой болезни одиночества и вознамерился Будда излечить мир и человечество.

Средством излечения от этой болезни и стал процесс пробуждения, в ходе которого страдание рассматривалось как укорененное в лжесознании или, если быть конкретным, в притупленном осознании, побуждающем нас принимать иллюзию за реальность. Вот этапы пробуждения, которые, подобно влаге, тонкой струйкой просачиваются в повседневную жизнь практикующих буддистов и наполняют ее:

- Медитируйте на молчание, коим наполнен ум.
- Тщательно наблюдайте за меняющимся содержанием ума, удаляя из него все, что поддерживает страдание и иллюзию.
- Не блуждайте в лабиринте реальности, навязываемой эго, и не поддавайтесь его увещаниям, что оно точно знает, как надо жить.
- Приемлите ту истину, что все в природе непостоянно.
- Освободитесь от материализма во всех его формах: и в грубой, и в тонкой.
- Не привязывайтесь к своему «я» и осознайте, что индивидуальное «я» есть иллюзия.
- Сосредоточьтесь на едином бытии; преодолите рассеяние мыслей и чувств.
- Живите в согласии с высокими этическими нормами, в основе которых сострадание к

другим людям и уважение к жизни.

Именно такими наказаниями вымощен буддийский путь мудрости; их посредством устраняется болезнь страдания. Но как происходит лечение? Скажем образно: тот, кто снаружи, входит внутрь. Он или она хочет освободиться от боли, хочет почувствовать, что жизнь в своей сути осмысленна. Стоящему снаружи может показаться, что панацея, предлагаемая буддизмом, трудна, сложна и запутанна, и это вполне резонно, ибо у каждого аспекта есть свои препятствия:

- Погружение в медитацию в попытке отыскать в своем уме оазис молчания по времени намного превосходит тот кратковременный период молчания, который присущ обычному человеку, и не вписывается в лихорадочный темп современной жизни.
- Наблюдение за меняющимся содержанием ума – процесс весьма утомительный и требующий много времени.
- Победа над эго представляется почти невозможной, ибо у эго-гидры вместо одной отрубленной головы вырастают сто новых.
- Возможность оказаться перед лицом той истины, что все непостоянно, пугает людей.
- Поиск путей непривязанности к миру заставляет людей думать, что им придется отказаться от мирского успеха и комфорта.
- Жизнь в согласии с высокими этическими нормами вызывает у людей нервозность и заставляет их тревожиться по поводу того, что они станут добычей тех, кто сильнее, кто не обременен высокой нравственностью и способен прибегать к насилию, не испытывая ни чувства вины, ни раскаяния.

Даже если вы считаете, что эти препятствия надуманны и не свойственны буддизму, в любом случае привести мудрость в мир, построенный на иллюзиях и страдании, необычайно трудно. Решить проблему насилия с помощью пацифизма тоже невозможно. Непривязанность к материализму мало кого привлекает, ибо люди вокруг – неумеренные потребители материальных благ. И все же дух буддийского учения живуч, ибо он заключен в его универсальности; но, тем не менее, несмотря на свою универсальность, буддийское учение достаточно просто и понятно каждому.

Прямо сейчас панацея Будды простой не кажется, ибо мы боимся остаться в одиночестве. Приглашая людей войти внутрь, буддизм, казалось бы, предлагает им стать еще более одинокими. А кроме того, он призывает нас сорвать с себя ярлыки. Ярлыки незаменимы для явлений и вещей, которые вы видите перед собой, которые вам уже известны. Они легко применимы к желатиновым пудингам и автомобилям «Крайслер», но не к невидимым реалиям. Поэтому душа и Бог – ложные ярлыки. Это же касается и «я», которое увешано множеством сбивающих с толку ярлыков самого разного толка. Я могу навесить на себя ярлык индийца, мужа и отца, кормильца семьи, гражданина и т. д. Все эти вещи я вижу, все эти вещи мне уже известны.

Но могу ли я точно так же навесить ярлык на свое внутреннее «я»? Нет. Для Будды *Бог* и *душа* всегда были большими знаками вопроса, ибо ищущий Бога даже не знает, что представляет собой это «я». Нет ничто более близкого нам, чем ощущение сродства с этим «я», но если оно по-прежнему остается для нас загадкой, что толку постигать мистерии более высокого порядка? Те, кто ищет утешения в Боге и единения с душой, превратили их в своего рода попоны духовной безопасности. Бог – это неизвестное, учит Будда, а неизвестное всегда таит в себе тревогу и неуверенность. Поэтому-то мы и представляем себе Бога в качестве кого угодно, но только не неизвестного.

Будда был непревзойденным мастером по части диагноза духовных недугов; он понимал, что, когда люди молятся индийским богам, они молятся творениям собственного ума, но ни одно из творений ума не может быть вечной истиной. Возможно, некто поступает достаточно мудро, скрывая свое эго и проецируя его в виде всемогущего, всеведущего и вездесущего божества. Но как только известное проецируется на неизвестное, происходит

ложная подмена, и истина отодвигается еще дальше. Мудрость – большой почитатель неизвестного. Она не отвлекается на непрестанные попытки ума создавать приятные иллюзии.

Будда был неумолимым хирургом, отсекавшим все ярлыки с именами, которыми было увешано неизвестное. Естественно, что люди, приходившие к нему в поисках душевного спокойствия и утешения, испытывали потрясение, когда он предлагал им столь решительное хирургическое вмешательство. Они считали себя смиренными искателями истины, которую они хотели услышать из его уст. Но Будда не удовлетворял их надежды и чаяния; вместо этого он переворачивал все их представления о том, что такое истина и где она обретается.

Слова не содержат истины; истина отыскивается лишь с помощью прозрения и самораскрытия.

Истине нельзя научить или обучить. Она таится в пеленах самого сознания.

Ваше сознание должно углубляться до тех пор, пока все ложное не останется позади. Только тогда истина будет существовать сама по себе, сильная и самодовлеющая.

Таковы универсальные формулировки, применимые к жизни каждого человека. Тем не менее буддийская доктрина быстро стала добычей эго-личности. Предположим, что вы истинно преданны своему Высшему «Я» (или Богу, или душе) и доказываете эту преданность, практикуя *ахимсу* – учение о ненасилии и уважительном отношении к жизни, которое можно найти в любой восточной традиции. И не только там. Одна из строк клятвы Гиппократов, которую дают начинающие врачи, звучит так: «Я направлю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости». По сути дела, это та же *ахимса*. Но *ахимсу* можно легко истолковать по-своему, в результате чего она превращается в аспект человеческой болезни, а не исцеления. Следуя принципам ненасилия, я легко могу стать пацифистом, и все мирное население моей страны будет ненавидеть меня за то, что я отказываюсь защищать ее от врагов. Эта ненависть запросто может привести к гонениям, и в результате я оказываюсь мучеником за правду. Меня бросают в тюрьму – или, в крайнем случае, я становлюсь монахом, который сжигает себя на костре во Вьетнаме, чтобы разбудить совесть мира, – так что, в конце концов, я пострадаю больше, чем если вообще не знал истины, именуемой *ахимса*.

Эго закончило плести свою паутину, и негативные возможности, о которых я упомянул, исказили или свели на нет все мои добрые намерения, которых я добивался, претворяя *ахимсу* на практике. Я мог бы взять для примера и другую духовную ценность – скажем, любовь. Люди убивали во имя любви и во имя ее претерпевали неисчислимые ужасные страдания. Положительное всегда неразрывно переплетено с отрицательным. Истина может стать причиной страдания, может усилить иллюзию разделенного «я». Перевешивает ли все хорошее, связанное с ненасилием, все плохое, порождаемое им? В конце концов непослушание и мирное противление насилию освободили Индию во времена Ганди и привели к реформе гражданских прав на расистском Юге во времена Мартина Лютера Кинга, последовательного приверженца принципов Ганди. Будда не мерил истину подобными мерками. Если бы было достаточно сказать людям, чтобы они не причиняли вреда и они бы слушались, то человечество не нуждалось бы в столь радикальном методе лечения болезни.

Внутренняя революция

Будда хотел искоренить само зерно иллюзии, а не подкармливать ум новыми идеалами, которые становились добычей ментальной коррупции. Он не стремился ни к чему иному, как ко внутренней революции. Я считаю, что внутренняя революция – это чистейшая форма и высшая цель мудрости, как о том говорит *Теравада*, изначальная буддийская доктрина, ставившая себе целью сделать людей не буддистами, а Буддами.

Входя извне внутрь, современные люди стремятся к своего рода внутренней

трансформации, ибо внутри у них дыра там, где обычно находится Бог. Радикальное лечение Будды полезно и необходимо, когда ничто другое не действует. Заполнить дыру новым образом Бога – значит просто заменить одну иллюзию другой. Некоторые люди не согласятся с этим. В *Махаяне*, «великом пути» буддизма, личное просветление воспринималось как эгоистическое. Для меня стремление стать просветленным в страждущем мире тоже не является морально оправданным. Поэтому в качестве замещающего идеала возникла другая цель – сострадание ко всем живым существам. *Махаяна* ратует за исцеление от страдания, которое мы видим вокруг. Из жизни в жизнь каждому бодхисатве (пробужденному человеку) предлагается выбор между личным просветлением (то есть спасением себя) и служением человечеству (то есть отсрочкой личного спасения). И он всегда выбирает последнее. Это альтруизм чистейшей воды, причем не имеющий конца: если до конца быть реалистом, то горстка просветленных существ не может спасти мир, несмотря на все свое влияние, которое временами может быть очень сильным.

Мой ум снова требует возврата к делам практическим. Поэтому не могу не упомянуть о ведущихся веками диспутах между религиозными мыслителями. Ценность внутреннего преобразования не зависит от буддизма и верной доктрины. То же самое обещание давали и ведические мудрецы, жившие задолго до Будды, и Сократ, родившийся вскоре после смерти Будды, а через пять столетий после него Иисус. Каждый из них разными словами и на разных языках открывал нехоженую тропу. Когда вы тем или иным образом достигаете высшего сознания, вы больше не отделяете ваше собственное благо от всеобщего. Человечество наделено природой Будды (которая есть источник сострадания); мир наделен природой Будды; и даже космос есть не что иное, как природа Будды.

Обычный человек не может жить в согласии с чистыми учениями Иисуса и Будды, и причина этого в том, что эти учения обращены к высшему сознанию и зиждутся на нем. В противном случае, если вы обратите к ударившему вас другую щеку, вы рискуете быть ударенным дважды. Сжигание себя на костре в знак протеста против войны во Вьетнаме обернется актом бессмысленного страдания. И даже преданная, бескорыстная работа среди больных и осиротевших детей в Калькутте может обернуться мучительной утратой иллюзий. В сущности, большую часть времени учение мудрости не может быть эффективно применено на поверхности жизни.

Внутренняя революция должна совершиться где-то по пути. Путем нахождения и обретения нового уровня осознания устраняются все минусы буддийского радикального метода исцеления, такие как изоляция, страх разъединения, тревога по поводу своей слабости и пассивности, опасение, что нирвана обернется космическим одиночеством.

На мой взгляд, «восьмеричный путь» – это способ нахождения себя, того, кто вы есть на деле, путем осознания истинной реальности. Многие практикующие буддисты стремятся к правильному действию, правильной речи или правильному мышлению, поскольку это добродетели, выражаемые просветленным человеком. Но это добродетели врожденные. Они – часть натуры каждого из нас; и они тут же заявляют о себе, как только мы сбрасываем свою притворную личину. Выше я уже говорил об *ахимсе*, чтобы показать, что даже она таит в себе скрытые ловушки. Эти ловушки неизбежны, когда вы боретесь за отказ от применения насильственных методов, когда вы подавляете свой гнев и возмущение, со скрежетом зубовным обуздывая и дисциплинируя себя с тем, чтобы на зло отвечать добром. Но в глубине души вы по-прежнему клянете и осуждаете себя за то, что носите в себе зерно насилия, а самоосуждение – это корень чувства вины и стыда. Каким образом напоминание себе о том, что нужно быть добрым, может претвориться в спонтанную доброту? Тайна панацеи Будды проста: то, что вы ищете, у вас уже есть.

Если бы люди могли видеть, что болезнь человечества – состояние временное, так сказать, некая промежуточная станция на пути к просветлению, то мудрость, как мне кажется, могла бы глаголить о проблемах мира вполне реальными путями. Мудрость могла бы, например, указывать новые прогрессивные тенденции, такие, скажем, как миролюбие. С

годами мы становимся все более и более миролюбивыми. На протяжении последних сорока лет пали более восьмидесяти диктаторских режимов. Количество смертей, порождаемых масштабными конфликтами, включая и гражданские войны, существенно сократилось. Даже более широкие тенденции – и те движутся в нужном направлении. За прошлое десятилетие в Америке значительно снизилось количество аборт, беременностей среди подростков, употребление наркотиков среди молодежи и численность преступлений, связанных с применением насилия. Мудрость повелевает нам поддерживать эти тенденции и руководствоваться ими, поелику это возможно.

Если вам нужно где-то или куда-то приложить свою веру, взгляните на это «расписание», указывающее те пути, коими движется мудрость. В его основе – тенденция расширения сознания. Общий набросок будущего еще невидим, еще не проявлен, но что-то важное уже вершится в этом направлении во всепланетном сознании.

Если у мудрости есть свой путь

Будущее, основанное на расширении сознания

- Медитация станет основным направлением в жизни.
- Естественные способы исцеления, и физические и психологические, станут общераспространенными.
- Молитва будет восприниматься как вполне реальный и действенный акт.
- О проявлении желаемого и об исполнении желаний будут говорить, как о реальном явлении.
- Люди восстановят связь с духом. Внутри себя индивидуумы будут находить ответы на сокровенные духовные вопросы. Они будут прислушиваться к ним и жить соответственно.
- Возникнут общества веры. Духовные авторитеты утратят свое влияние на массы. Мудрая традиция будет совершенствоваться и развиваться и объединит все великие духовные учения, составляющие суть любой религии.
- Вера больше не будет восприниматься как иррациональный отход от разума и науки.
- Войны будут идти на убыль, и мир станет реальностью общества.
- Природа вновь обретет в глазах людей свою сакральную ценность.

Возможно, все эти тенденции покажутся мелкими шажками в сравнении с глубокой буддийской доктриной о просветлении или Христовым учением о всеобщей любви. Но каждый шаг вперед содержит в себе штрих или нюанс природы Будды. Если вы станете подмечать эти нюансы и делать их значимыми для себя, они будут расширяться и в должное время заполнят дыру одиночества и изоляции и угрозу бессмысленности. Стезя мудрости – это путь естественный и открытый для всех. Эйнштейн, размышляя о связи Бога с повседневной жизнью, высказался так: «Где бы ни находился Бог во Вселенной, эта божественная Вселенная должна действовать и выражать себя через нас». В этой фразе Эйнштейн определил суть мудрости. Мудрость – это Бог, который действует и выражает себя через нас.

Мудрость сообщает нам свои секреты еще до того, как мы получаем право на их познание. И в этом-то вся прелесть. Вам не нужно молиться о ниспослании мудрости или работать над собой, чтобы стать достойными этого дара. Высшая истина проста и во всем подобна Божьей милости, которая, как говорится в Новом завете, изливается равно на всех – и на праведных, и на неправедных. Когда мы схватываем проблеск этой мудрости, то становимся внутри себя чуточку более настоящими и более истинными. Бесспорно, что жизнь – во всяком случае, чисто внешне – полна бед и страданий. Мудрость же оповещает нас о том, что страдание приходит и уходит, а более глубокая реальность остается неизменной. Та реальность, которая основана на правде и любви.

Вера делает нашу жизнь лучше, поскольку, находясь среди боли и страданий, для того чтобы их перетерпеть, нам просто необходимо верить в то, что есть что-то более высшее, сильное и могущественное. Ваше нынешнее «я» в его непробужденном состоянии – это не враг, и не калека, и не изгой. Это Будда, ждущий того часа, когда он сможет реализовать себя. Это зерно мудрости, нуждающееся в том, чтобы его взлелеяли и взрастили.

Возможны ли чудеса?

Чудеса – это радостное освобождение от всего, что нам представляется возможным. Но для обеих сторон, участвующих в дебатах о Боге, чудеса таят ловушку. С точки зрения верующих, если чудеса не реальны, то и Бог не реален тоже. С точки зрения неверующих, ловушка кроется как раз в обратном: если удастся доказать, что хотя бы одно чудо реально, то в этом случае будет открыта дверь и для Бога. Казалось бы, довольно несложно подтвердить подлинность чуда и согласиться с тем, что оно реально; во всяком случае, такие попытки предпринимались веками. Но трудность в том, что когда обе стороны глухи к обоюдным аргументам, то здесь нет и быть не может какой-то общей основы для примирения. Каково бы ни было количество свидетельств очевидцев, наблюдавших чудо, атеистов это не убеждает. Они считают фальсификациями все явления Девы Марии, которых насчитываются сотни. Все случаи исцеления верой они считают не более чем случайностью: мол, пациент все равно выздоровел бы в любом случае. Они считают, что психические силы не имеют под собой никакой фактической основы, несмотря на многочисленные контролируемые опыты, проводимые с целью доказать их существование.

Преимущество индийского происхождения в том, что Индия – одна из немногих стран, где сохраняется основанное на вере общество, незатронутое во многих областях вторжениями модернизма. Мальчик, растущий в такой среде, легко усваивает, что сверхъестественные феномены не являются отклонениями от реальности. Они часть того ландшафта, где Бог просачивается в каждую щель и расщелину и наполняет ее. Кто не слышал, например, о святых мужах и женах, которые никогда не едят и не пьют. Их поклонники утверждают, что наблюдают за ними годами и даже десятилетиями и ни разу не видели, чтобы их уста прикасались хоть к какой-нибудь пище. В 2010 году в течение двух недель один из отделов Индийского департамента обороны держал под врачебным наблюдением йога по имени Прахлад Джани. И хотя в палате круглосуточно находились ассистенты и все перемещения снимались на телевизионные камеры, Джани за это время ничего не ел и не пил, но при этом не выказывал ни малейших признаков упадка жизненных сил или метаболизма. В этом испытании принимала участие команда из тридцати пяти исследователей, так что возможность тайного сговора, обмана или фальсификации начисто исключалась.

Джани, чьи медицинские показатели соответствовали человеку вдвое младше его, на тот момент было 83 года, и жил он в храме; его приверженцы говорили, что он ничего не ест уже в течение 70 лет. Скептики по разным причинам сочли результаты бездоказательными. Одни пеняли на то, что Джани разрешалось полоскать горло и принимать ванну, что давало ему доступ к воде. Другие отмечали, что он покидал изолированную палату, чтобы принимать солнечные ванны, и что его приверженцам время от времени разрешали входить к нему. А поскольку результаты подобного испытания с точки зрения медицины сочли «невозможными», то здесь явно имел место обман в той или иной форме.

Когда подобный эпизод транспонируется из общества, основанного на вере, в общество, основанное на науке, возможна только одна реакция: неверие. Тем не менее подобные случаи имели место и были зафиксированы и на Западе. В XVIII веке шотландская девушка по имени Джанет МакЛеод прожила без еды четыре года. Детальный отчет об этом событии был направлен в Лондонское Королевское общество в 1767 году, и там подтверждалась достоверность этого случая. Если в одних случаях прослеживается

очевидная духовная связь – известно, например, что католическая церковь накопила огромное число отчетов о святых католиках, живших без еды и питья, – то в других случаях, таких как с Джанет МакЛеод, духовной связи не было вообще. В сущности, как удалось установить много позже, эта девушка была серьезно больна.

Даже если вы считаете, что доказательства вполне убедительны, все равно возникает вопрос: что вызывает подобные экстраординарные явления? Когда нескольких человек, полностью переставших есть и пить, попросили объяснить причину подобного воздержания, приведенные ими причины не совпали. Одни перестали принимать пищу, потому что так, мол, диктует вера; другие, по их словам, спонтанно перешли на питание солнечным светом или жизненной силой (праной). Некоторые перестали есть в результате болезни, а приверженцы одной современной секты, называющие себя бретарианцами, считают, что самый естественный способ питания – это питание воздухом, которым мы дышим.

Начните с «невозможного»

Упертые скептики расценивают подобные отчеты как обман, подлог или мошенничество. В книге «Магия реальности» (2011), написанной для юных читателей, Ричард Докинз посвящает одну из глав чудесам, к которым он подходит, как и следовало ожидать, со смесью требовательного рационализма и изобличающей страстности. Цель книги, как она отражена в названии, – научить читателей тому, «как узнать, что реально, а что нет». Докинз заостряет внимание на актуальности темы предостерегающим словечком «реально», тем самым как бы намекая, что есть способы познания истины, которые кажутся достоверными и убедительными, хотя на самом деле они не таковы.

Чудеса служат как назидательный урок безнравственности во всех случаях моральной ущербности веры – от массовой истерии до галлюцинаций. Докинз методично рассказывает нам, что, во-первых, все чудеса, сколько бы их ни было, – это трюки сценических магов, выступающих перед доверчивой публикой. А во-вторых, свидетели чудес – это люди настолько примитивные и по-детски наивные, что естественные явления вызывают у них страх, как в знаменитом карго-культе, который возник на островах Новой Гвинеи после Второй мировой войны. Островитяне видели, как на их острова садятся японские самолеты и самолеты союзников, выгружая огромные количества военного снаряжения и амуниции. Они никогда прежде не видели самолетов, и внезапный приток материальных благ им показался даром, ниспосланным богами. Когда после 1945 года пришельцы исчезли, островитяне начали молиться своим богам с просьбой вернуть «грузы», те материальные блага, которые текли в изобилии. Чтобы умиловить богов, островитяне построили грубые копии взлетных полос и самолетов. Короче говоря, событиям, которые кажутся нам совершенно естественными, был придан сверхъестественный смысл.

Скептицизм Докинза в отношении чудес несомненно оправдан и хорошо защищен. Вполне возможно, заявляет он, что чудеса, описанные в Новом завете, так же не заслуживают доверия, как и чудеса современные, и силу достоверности они получили лишь с течением времени. (Докинз ничего не может сделать со своей склонностью исподволь внушать кому бы то ни было нечестные мотивы, поэтому он радостно заявляет юным читателям, что чудеса в общем и целом ассоциируются у него с шарлатанами, и к таким шарлатанам он безоговорочно причисляет Иисуса и Его учеников.) Скорей всего его неискушенная читающая публика, как я предвижу, не увидит слабостей «доказательства» того, что чудеса не существуют. Здесь Докинз еще раз полагается на вероятность, как он делает, когда рассуждает о Боге. Если любое другое объяснение, предполагает он, представляется более вероятным, чем само «истинное» чудо, то в этом случае следует принять альтернативное объяснение.

Он охотно ссылается на «Солнечное чудо», свидетелями которого стали толпы людей, собравшихся на открытом поле недалеко от городка Фатима, Португалия, 13 октября 1917 года. Тысячи людей (число их, по данным газет, существенно варьируется от 3 до 400 тысяч)

собрались на этом поле только потому, что три юных подростка-пастушка предсказали, что в этот день, в полдень, здесь появится Дева Мария. Что касается детей, которые и до этого были свидетелями явления Девы Марии, то для них это предсказание сбылось. Они рассказали, что видели Марию, Иисуса и других святых угодников. Другие же многочисленные свидетели видели нечто совсем иное, но столь же необъяснимое.

День был серый, дождливый; дождь мочил землю и терпеливо стоявших в ожидании зрителей. И вдруг неожиданно облака разошлись и показалось солнце, но не яркое, как обычно, а в виде темного непрозрачного шара. Оно озаряло небо и весь ландшафт разноцветными лучами. Затем солнце зигзагообразно приблизилось к Земле, напугав до смерти некоторых зрителей, которые решили, что наступил Судный день. Это явление длилось десять минут, и после того как солнце исчезло, многие свидетели, как сообщают местные журналисты, заявили, что их мокрая одежда и грязная земля стали совершенно сухими. Проведя долгое и всестороннее расследование, католическая церковь в 1930 году признала подлинность этого чуда.

Докинз не в силах доказать, что такие события не имели места. Его задача гораздо проще – заявить со всей определенностью, что они невозможны, и затем постараться убедить читателя в своей правоте. Проблема лишь в том, что «невозможны» – тот самый критерий, который чудеса убедительно опровергают (и опровергли бы, если бы удалось доказать, что они реальны). Чтобы скрыть этот недостаток, Докинз вновь прибегает к методу вероятности, предлагая юным читателям рассмотреть две возможности: а) Солнце ведет себя именно так, как ему и надлежит себя вести, согласно законам астрономии; б) Солнце прыгает по небу и выделяет невероятные вещи, как о том заявляют свидетели в Фатиме. Что более вероятно? Трезвый, здравомыслящий человек выберет вариант а, то есть научный взгляд. Докинз пускается в долгие словеса, сводя в конце концов астрономию до детского лепета, но при этом так и не заполняя зияющую дыру. Чудеса не повинуются науке; они противоречат ей. Астрономия может быть права в 99,9999 % случаев, но это никоим образом не опровергает чудес; точно так же, как «Солнечное чудо» никоим образом не опровергает астрономию.

Все случившееся представляет собой неразрешимую загадку. Когда что-то непостижимое вторгается в повседневную жизнь, то оно должно быть объяснено. Когда-то история была на стороне чудес, которые воспринимались как должное, не вызывая никаких вопросов. Теперь же как должное воспринимается скептицизм, и он тоже не вызывает никаких вопросов. Чудеса, таким образом, предстают как досадная проблема, особенно когда мы пытаемся распутать ту невообразимую неразбериху, которой окружен Бог.

Чтобы быть реальными, должны ли чудеса быть реальными и для Бога? Нет. Когда Томас Джефферсон редактировал свою собственную версию Нового завета, он удалил оттуда все чудеса, не утратив при этом веры. Из четырех евангелий только Евангелие от Иоанна рассказывает историю Иисуса, не упоминая ни о чудесах, ни о непорочном зачатии, ни о рождестве. Одно очевидно: в каждой вере есть вероисповедания, признающие Бога, но не признающие чудес. Но для скептиков сверхъестественное служит в качестве «заумного» словца, с помощью которого они стремятся придать своему невежеству видимость достоверности. В главе, посвященной «мишуре чудесного», Кристофер Хитченс язвит по поводу того, что «эпоха чудес, похоже, осталась где-то в прошлом. Если бы религиозные люди были умны или хотя бы немного доверяли своим убеждениям, они должны были бы приветствовать закат этой эпохи обмана и фокусничанья».

У большинства чудес однако нет звездного исполнителя, проделывающего поразительные фокусы. Иисус был исключением. Более привычным было явление Девы Марии вроде того, которое произошло в богом забытой деревеньке Нок в Западной Ирландии в 1879 году. Две женщины, шедшие под дождем, вдруг увидели светящуюся живописную картину на задней стене местной церкви. Они позвали соседей, общим числом 13 человек, и вместе они стали свидетелями явления Девы Марии, в белых одеждах, золотой короне и с молитвенно сложенными руками, каковую картину они наблюдали свыше двух часов. Подле Марии стояли святой Иосиф и Иоанн Богослов; перед ними был алтарь,

окруженный ангелами. Возраст зрителей был самый разный: от 5 до 75 лет. Все они были с пристрастием допрошены отцами церкви на предмет достоверности виденного, первый раз в том же году, а последний в 1936-м. Другие селяне, не поспешившие по зову соседей на площадь и не видевшие эту сцену, рассказывали, что видели яркий свет, полыхавший в том месте, где стояла церковь, а в окрестностях в это время произошло несколько случаев чудесного исцеления. В любом случае, ничто не указывает на то, что это были проделки сценического иллюзиониста. Кто-то может пожалть плечами, сочтя это событие обманом, массовой галлюцинацией или феноменом, ждущим своего объяснения; несомненным однако остается одно: все видевшие это были убеждены и верили в то, что они видели.

Хитченс, безусловно, ошибается, называя чудеса «жалкими и мишурными». Но что бы он ни говорил, нельзя отрицать того факта, что религия, так сказать, спускает сверхъестественное с неба, то есть из другого, невидимого измерения, на землю. Блаженный Августин однажды заявил: «Я бы не стал христианином, если бы не чудеса». На тех, кто верит в чудеса, лежит бремя ответственности: они должны доказать, что чудеса могут существовать, спокойно обходясь без логики, рассудка и науки. Мы уже видели ограниченность и недостатки топорной логики, разума, проникнутого предубеждениями, и псевдонауки. Скептикам не под силу опровергнуть чудеса, поэтому они занимаются топорной работой, стремясь создать видимость доказательств. У веры сильная позиция, и не только потому, что накоплена масса отчетов и свидетельских показаний о случаях чудесных исцелений, которые, кстати, происходят и в наши дни. Имеющий веру зрит Бога во всех аспектах творения. Все мудрые традиции мира утверждают, что есть только одна реальность, которая охватывает все мыслимые и немыслимые феномены. Если чудесам дать шанс, они впишутся в реальность так же верно, как планеты, деревья, ДНК и закон гравитации.

Исцеление на глазах у ученого

Для признания того факта, что чудеса существуют, требуется два этапа. Во-первых, мы должны разрушить стену, отделяющую естественное от сверхъестественного. К счастью, сделать это довольно легко, поскольку стена эта искусственная. Основой всего сущего в физическом мире служит квантовая сфера. Если что и заслуживает названия «зоны чудес», то это природный уровень. Здесь законы, делающие чудеса «невозможными», ведут себя слишком капризно и изменчиво, а ограничения, накладываемые пространством и временем, как мы их знаем, не имеют силы.

Одним из наиболее почитаемых современных католических святых был итальянский священник Падре Пио (1887–1968), который повергал церковных иерархов в испуг и трепет, собирая огромные толпы верующих из числа обычных людей. Помимо исцеления больных, одним из чудес, которые демонстрировал Падре Пио, была биллокация, то есть одновременное появление в двух и более местах сразу. Если бы явление происходило на квантовом уровне, чудеса были бы простым делом. Каждая частица во Вселенной может переходить в иное состояние – состояние волны, характерное для квантового поля, но вместо того чтобы существовать в двух местах одновременно, такие волны существуют одновременно повсюду.

Но Падре Пио не был квантом; поэтому поведение, свойственное тончайшему природному уровню, не может автоматически передаваться грубому уровню, на котором существуем мы. Должен быть второй этап доказательств, показывающий, что слияние естественного и сверхъестественного осуществляется вокруг нас. Скептики считают этот этап невозможным, но это к делу не относится, ибо свидетелями сверхъестественных явлений были сами ученые. Были проведены сотни контролируемых экспериментов в таких областях науки, как, например, психические феномены. Когда ученый видит реальное чудо, то внутренний конфликт, который он при этом испытывает, оказывается необычайно острым.

В мае 1902 года молодой французский врач из Лиона Алексис Каррель сел на поезд,

направлявшийся в Лурд. Его друг, тоже врач, попросил его сопровождать группу больных, которые намеревались совершить паломничество в известный храм в надежде обрести там исцеление. Как правило, умирающим запрещается куда-либо ездить, но Мари Байи тайком пробралась на тот же поезд, на котором ехал Алексис. Она умирала от туберкулеза, который дал осложнения, – от той самой болезни, от которой скончались ее родители. У нее был твердый живот, раздувшийся от перитонита; лионские врачи отказались ее оперировать, ибо риск того, что она умрет во время операции, был крайне велик.

Во время путешествия Карреля вызвали к Байи, поскольку женщина находилась в полубессознательном состоянии. Он обследовал больную, подтвердил диагноз – туберкулезный перитонит – и предсказал, что больная до Лувра не доживет. Но по прибытии в Лувр Байи оставалась еще в сознании, и когда она, вопреки совету врача, настояла на том, чтобы ее отнесли к целебным водам, Каррель вызвался сопровождать ее. Читатель без труда установит, что я пересказываю здесь знаменитое Дело № 54, официальный медицинский отчет о чудесном исцелении Мари Байи, один из самых известных в истории Лурда. Однако в деле ничего не сказано о докторе Карреле, а его присутствие делает повествование куда более интригующим и загадочным.

Байи на носилках отнесли к целебному источнику, оборудованному в виде бассейна, но она была слишком слаба, чтобы окунуться в воду. Хотя ей было-то всего лет 25–26, но к этому моменту она в дополнение к туберкулезу успела перенести и приступ менингита, каковой она приписала действию целительных вод Лурда. Короче говоря, она настояла на том, чтобы в лейку зачерпнули воды из бассейна и полили этой водой ее раздувшийся живот. Каррель, который был помощником профессора анатомического отделения медицинского факультета Лионского университета, стоял за ее носилками и делал заметки. Когда облили водой живот, прикрытый шерстяным одеялом, Байи попросила полить ее еще раз (эта процедура оказалась менее мучительной), а затем третий раз (на сей раз она испытала очень приятное чувство).

Примерно через полчаса ее раздувшийся живот под одеялом обмяк, а затем стал совершенно плоским. При этом никаких выделений из тела (ни гнойных, ни каких-либо других) не наблюдалось. Каррель осмотрел пациентку. Твердая гноящаяся масса, которую он обнаружил в поезде, полностью исчезла. Через несколько дней Байи вернулась в Лион и рассказала родным об этом чуде. Она стала активным членом благотворительного католического ордена, который заботился о больных, и умерла в 1937 году в возрасте 88 лет. Медицинское обследование, проведенное после ее чудесного исцеления, установило, что у нее не осталось ни малейших следов туберкулеза; следует еще сказать, что она прошла все физические и психологические тесты.

Среди несметного количества больных, посещавших Лурд (а их насчитывается сотни тысяч), число подтвержденных случаев исцеления, зафиксированных местным Медицинским бюро, крайне мало. Хотя в случае с Байи два других врача, помимо Карреля, тоже удостоверили ее исцеление, католическая церковь в 1964 году отказалась рассматривать этот случай как чудо. В качестве разумного довода отцы церкви приводили тот факт, что присутствовавшие врачи не приняли в расчет возможность ложной беременности. Скептики уцепились за этот диагноз как за спасительный, хотя ложная беременность не связана с образованием твердых уплотнений в районе живота, которые прощупывал врач во время обследования больной; также представляется невероятным, чтобы Байи смогла убедить нескольких врачей в том, что она умирает, если она не умирала, или что ее живот в течение получаса стал плоским без видимых выделений. Но больше всего меня привлекает в данном случае Алексис Каррель, поскольку он выступает в качестве уполномоченного той внутренней борьбы между верой и разумом, которую мы наблюдаем. Будучи непосредственным очевидцем исцеления, Каррель тем не менее вернулся в Лион без малейшего намерения опубликовать отчет о случившемся. В Лионском университете того времени, особенно на медицинском факультете, были весьма сильны антиклерикальные настроения. К несчастью для него, местная газета разрезвонила историю об исцелении

Байи, и она вызвала сенсацию. Каррель упоминался как один из свидетелей и, под давлением обстоятельств, вынужден был написать отчет об этом событии. Он попытался было выгородить себя и уйти от прямого ответа, заявив, что хотя виденное им и было реальностью, но оно, должно быть, имеет какую-то неизвестную естественную причину. Но попытка отсидеться за стенами кончилась для него плачевно. Когда эта новость достигла медицинского факультета, старший профессор сказал ему: «Излишне говорить, сударь, что с такими взглядами, как ваши, вы никогда не станете членом нашего факультета. У нас нет места для таких, как вы».

Убедившись, что ему не светит даже должность врача в местной больнице, Каррель эмигрировал в Канаду, а оттуда в Соединенные Штаты, где в 1906 году поступил в только что основанный Рокфеллеровский институт медицинских исследований. Виденное им не отпускало его до конца дней, но он так и не стал верить в чудеса, да и вообще не стал верующим: хотя он и воспитывался в благочестивой религиозной семье и учился в иезуитской школе, но к тому времени, когда стал врачом, он отошел от католичества. Но его жизнь была отмечена еще одним необычным событием, которое скорее следует расценивать как удачное, а не чудесное стечение обстоятельств. В 1894 году, когда Каррель был еще молодым хирургом, на тогдашнего президента Франции Сади Карно было совершено покушение: наемный убийца ранил его ножом в живот, серьезно повредив большую брюшную вену. В то время не существовало надежной хирургической техники для зашивания больших кровеносных сосудов, поэтому Карно жестоко страдал и умер через два дня.

Это побудило Карреля начать изучать анатомию кровеносных сосудов, способы их соединения и методы их хирургического сращивания. За свои исследования он в 1912 году был удостоен Нобелевской премии в области медицины. По возвращении во Францию он снова обратился к столь поразившему его воображение делу Байи и периодически наезжал в Лурд в надежде стать очевидцем еще одного подобного чуда и найти ему естественное объяснение. В 1910 году он стал свидетелем того, как к одиннадцатимесячному младенцу, родившемуся слепым, неожиданно вернулось зрение. Но он так и не нашел удовлетворительного ответа на смущавшие его загадки. В 1948 году, после выхода в свет его мемуаров «Путешествие в Лурд», опубликованных спустя четыре года после его смерти, вокруг имени Карреля разгорелась нешуточная полемика. Журнал «Сайентифик Америкэн» в 1994 году опубликовал скептическую статью о нем (хотя и с похвалой отзывался о его исследовании кровеносных сосудов), но это никак не изменило отношения к нему со стороны верующих католиков, среди которых он пользовался горячей защитой и поддержкой.

Так к чему или куда отнести чудеса, чтобы поддержать веру? Они – ярчайший пример истины: «Во что веришь, то и видишь». Верующие склонны принимать чудеса как они есть; скептики склонны не признавать их вообще. В принципе, это очевидно, но мы можем пойти чуть дальше. Если факторы, сокрытые в уме, навязывают вам то или иное образное восприятие, тогда вся проблема поиска непоколебимых доказательств может попросту оказаться отвлекающим маневром.

Настоящая проблема однако в том, как объединить естественное и сверхъестественное, чего, собственно, и добивался доктор Каррель. Отделять одно от другого уже давно стало привычным. Наука стремится укладывать все явления в один ментальный ящик, а чудеса – это уже другой ментальный ящик. Прошло время, когда эти ящики должны были храниться запечатанными. Я хочу сказать, что вовсе не нужно отменять чудеса, чтобы оберечь науку; как раз напротив. Когда Эйнштейн заявил, что любое научное открытие невозможно без чувства трепета и чуда, он отнюдь не страдал разжижением мозгов. Во Вселенной, где видимая материя составляет только 0,01 % от общего объема творения, было бы глупо заниматься наукой без ощущения того, что реальность невероятно загадочна. Темная материя в чем-то сродни святому: если первая существует на границе неизведанного, то второй существует там же – без пищи. Упрощенная логика и устаревшая наука, взятые на

вооружение Докинзом и компанией, даже отдаленно не приближаются к разгадке того, как действует реальность.

В 1905 году Папа Пий X издал указ: прежде чем признать любое исцеление в Лурде как чудесное, оно должно пройти тщательные медицинские контроль и обследование. К нынешнему времени, после досконального критического разбора и расследования, официально признаны в качестве чудес 67 случаев исцеления. Самый последний, от 2002 года, случился с французом, который излечился от паралича, – событие, которое двадцать врачей Медицинского бюро в Лурде называли «поистине замечательным». Конечно, этот случай весьма далек от чудесного; здесь, как говорится, дистанция огромного размера. Но разве дело в числах? Все, что требуется, – не суммировать все предполагаемые чудеса, случившиеся в истории человечества (а их тысячи), но объяснить хотя бы одно. Сверхъестественное не будет признано действительным или достоверным, пока не будет связано с естественным; отдельный мир удовлетворяет только верующих, которые такие же скептики, но наоборот: они принимают чудеса столь же легко, сколь легко их противники эти чудеса отвергают.

Есть только одна реальность, и она бесконечна. Если просто разрубать или разрезать реальность на куски, подобно буханке хлеба, то от этого она не становится более понятной. Тем более если куски, которые отдают чем-то сверхъестественным, просто выбрасывают. Да, наука делает все более и более тонкие разрезы, подбираясь все ближе к самым истокам материи и энергии. Но если претенциозно заявлять, что хлеб возможен только в нарезке, отрицая наличие целой буханки, то это грубая ошибка. Возможно, это сравнение слишком убого, зато оно наглядно показывает, какую именно ошибку делает современная наука: она изящно разрезает природу на куски и пакует ее в крошечные пакетики знаний, упуская при этом чудесность целого.

Естественное/Сверхъестественное

Исцеление Мари Байи может показаться сверхъестественным, но оно было окружено будничными явлениями. Ее болезнь протекала нормально. Если бы течение болезни шло в естественном русле, она бы завершилась смертью. И вдруг, без всякой очевидной причины, швы повседневного существования взяли да и разошлись. Какое вероятное объяснение было бы здесь наиболее разумным и логичным? Кое-какие наметки на этот счет существуют, и они были даны десятилетия назад одним из самых блестящих пионеров в области квантовой физики Вольфгангом Паули, который сказал: «Мое личное мнение таково, что в науке будущего реальность не будет ни “психической”, ни “физической”, а в какой-то степени и той и другой, а в какой-то степени никакой». Используя термин, которого наука всячески избегает – «психический», – Паули как бы намекает на некую высшую тайну.

Колоссальный физический организм, который мы называем Вселенной, ведет себя скорее как ум, нежели как машина. Как вообще ум нашел способ проявить себя в качестве физического мира? Этот вопрос подводит нас к слиянию естественного и сверхъестественного, поскольку сверхъестественен сам факт того, что существует нечто сверхъестественное – существует в буквальном смысле вне всяких правил и законов естественного мира.

Сверхъестественные события, здесь и сейчас

Вне правил и объяснений

- Никто не в состоянии продемонстрировать, в какой момент простые молекулы, вроде молекул глюкозы в головном мозге, становятся сознательными. «Мыслит» ли сахар в крови, когда он попадает в мозг? В пробирке он не мыслит. Так в чем же разница?

- Ткани автоматически исцеляются, когда они поражаются или оккупируются

болезнетворными организмами. Целительная система организма спонтанно оценивает уровень повреждения и вносит необходимые исправления. Объяснение, что машина смогла научиться ремонтировать или чинить саму себя, здесь совершенно неприемлемо. Законы природы непреклонны и диктуют, что физическая поломка – вещь постоянная: машины сами не заклеивают и не надувают проколотую шину. Поврежденные организмы, если они подчиняются тем же физическим законам, тоже должны оставаться поврежденными, но некий фактор X все это меняет.

- С момента Большого взрыва энергия во Вселенной рассеивается – подобно раскаленной печке, которая постепенно остывает. Процесс рассеивания тепла, называемый энтропией, непреклонен и неумолим. И тем не менее, островки «негативной энтропии» каким-то образом эволюционируют. Один из них – жизнь на Земле. Вместо того чтобы рассеиваться в пустоте внешнего пространства, солнечный свет, падающий на зеленые растения, начинает цепочку жизни, цепляясь за энергию и преобразуя ее в невероятно сложные формы, которые разносят и передают эту энергию, повторно используют ее и творчески применяют. Случайными событиями невозможно объяснить, каким образом наступление энтропии сдерживается миллиарды лет.

- ДНК родилась во враждебной среде, где царствуют нестерпимая жара и невыносимый холод, где наблюдаются скопления ядовитых газов и бушуют огненные бури случайных химических реакций. Вопреки всем химическим веществам, известным во Вселенной, ДНК воспротивилась процессу деградации до размеров маленьких молекул; вместо этого она эволюционировала до высшей степени сложности и научилась воспроизводить себя. До сих пор не предложено ни одного мало-мальски разумного объяснения этого уникального процесса.

- Все триллионы клеток тела содержат ту же ДНК, несмотря на то что все они наделены спонтанным «знанием», как стать клетками печени, клетками сердца и прочими специализированными клетками. В мозге эмбриона стволовые клетки движутся строго заданными путями, останавливаются, когда достигают пункта назначения, и становятся специфическими нейронами, осуществляющими функции зрения, слуха, контроля гормонов и мышления. Спонтанная способность «знать», как подавить одну часть генетического кода, одновременно оживляя другие, до сих пор не объяснена.

- ДНК может отсчитывать время. С момента оплодотворения яйцеклетки каждая отдельно взятая клетка содержит в себе чувствительные датчики времени, которые определяют, когда у ребенка должны расти зубы, когда он вступает в пубертатный период, когда наступают менопаузы и в конце концов смерть. Как все эти последовательности, охватывающие семь десятков лет и более, могут уместиться в химическом веществе, превосходит всякое разумение.

Все эти загадки – а я выбрал лишь несколько из великого множества – требуют объяснения. И мы не должны упускать из виду качества, свойственного им всем: им не присуще разделение на естественное и сверхъестественное. Если только вы не опутаны сетями материализма, тогда вы согласитесь, что существует некое общее звено между островками негативной энтропии, клетками мозга эмбриона, совершающих путешествие «домой», к конечному пункту назначения, сахаром в крови, который учится по пути мыслить, и всем прочим. Так сказать, интеллект в действии. Каким-то сверхъестественным образом молекулы «знают», что они делают, где бы они ни находились: в наследственном химическом бульоне, из которого возникает ДНК, или в химическом составе клеток вашего мозга, когда вы читаете это предложение.

Это подразумевает совершенно новый радикальный взгляд на то, откуда начинается ум и где он обитает. Родоначальник квантовой физики Макс Планк не сомневался, что ум в конце концов станет подобен слону в посудной лавке, то есть станет проблемой столь большой и очевидной, что ее трудно будет не заметить. Впрочем, Планк достоин того, чтобы процитировать его полностью:

”Я рассматриваю материю как производное от сознания. Сознание невозможно обойти стороной. О чем бы мы ни говорили, что бы ни считали существующим, всё постулирует первичность сознания.

Если ум всюду, то мы сделали огромный шаг к слиянию естественного и сверхъестественного. Когда человек вроде Мари Байи выбирается объектом исцеления, то это прежде всего выбор и работа разума, сколь бы ни были скрытны его мотивы, и как только выбор сделан, молекулы в ее теле начинают действовать, как предписано, являя миру естественное чудо. Целительная система, от которой все мы зависим, когда порежем палец или подхватим насморк, оборачивается сверхъестественным чудом. Но ни то, ни другое не поддается объяснению. Поэтому в теории не существует никакой разумной причины, почему разум, который заставляет иммунные клетки спешить в тот участок тела, куда вторглись чужеродные бактерии, не может еще более поспешить, чтобы излечить вроде бы неизлечимую болезнь.

Другими словами, существует некая скользящая шкала реакции тела на болезни, на которой присутствуют две крайние отметки. Позвольте мне обрисовать эти крайности, не забывая при этом, что ни одна фаза не может быть объяснена с медицинской точки зрения, хотя одна крайность воспринимается как естественная, а другая – как чудесная, то есть сверхъестественная.

Спектр выздоровления

Один пациент заболевает и выздоравливает в ожидаемый срок, без осложнений.

Другой пациент подхватывает ту же болезнь и выздоравливает гораздо быстрее или гораздо медленней, чем обычно.

Один пациент заболевает опасной для жизни болезнью и умирает.

Другой пациент заболевает опасной для жизни болезнью и выздоравливает, пройдя обычный медицинский курс лечения.

Третий пациент заболевает опасной для жизни болезнью и выздоравливает без всякого лечения.

Очень редко, но случается, что пациент заболевает опасной для жизни болезнью и выздоравливает непонятно каким образом, ибо выздоровление происходит так быстро, что не вписывается в медицинскую модель.

Этот широкий спектр выздоровлений не укладывается ни в какую систему предсказаний. Он столь же причудлив, как мысли, настроения и другие психические состояния. Такое впечатление, что разные тела сами «решают», как именно отреагировать на одно и то же физическое состояние.

Одна из повседневных загадок, которую до сих пор не может объяснить медицина, – контроль над паразитами. Каждую минуту мы с вами вдыхаем миллионы микробов, вирусов, аллергенов и токсичных субстанций. Подавляющее их большинство живет внутри нас совершенно безвредно. Наше тело контролирует их, не позволяя причинять нам вред. Но когда СПИД разрушает иммунную систему, этот контроль ослабевает или совсем утрачивается, болезнь вторгается в наш организм и вносит беспорядок в аутоиммунную систему, проявляясь, скажем, в виде ревматического артрита. Система защиты организма, вместо того чтобы защищать, меняет свою позицию на обратную. Даже такое безобидное состояние как сенная лихорадка, указывает на то, что контроль безопасности утерян. Во всех этих случаях «поломка» организма – это прежде всего «поломка» разума. Таким образом получается, что ум объемлет весь организм, наполняет каждую клетку и незримо плывет в потоке крови.

Ключ ко всему – сознание

Для нас не секрет, почему ум, вмешивающийся в дела материи, сбивает с толку и даже выводит из себя обычных врачей, воспитанных в академической среде и мнящих себя учеными докторами. Ум правит субъективным миром, которому ученые не доверяют, тогда как материя для них – это всегда основа «реального» знания. Пациенты-сердечники, например, чисто субъективно испытывают боль, или давление, или стеснение в области груди, тогда как материальная ангиограмма прямо сообщает врачу, что происходит с сердцем больного.

Субъективным ощущениям не доверяют из-за того, что они, дескать, ненадежны, переменчивы, индивидуальны, непостоянны и часто обусловлены предвзятым отношением. Но это недоверие странным образом напоминает предубеждение, ибо все эти качества демонстрирует и тело. Тело тоже ненадежно, переменчиво и крайне индивидуально. Это оно принимает решение заболеть недугом, появление которого не поддается объяснению. У медиков нет ни малейшего представления о том, почему у человека, который никогда не был аллергиком, вдруг появляется аллергия на что-то. Когда тело сталкивается с одиночным вирусом, например вирусом гриппа, вступает в силу непредсказуемость. (Медики знают, что при прямом контакте с носителем нового типа вируса гриппа человек заражается только раз в восьми случаях. Почему это происходит, объяснить никто не может.)

Я уверен, что Планк и Паули были тысячу раз правы, когда подозревали, что сознание – это нечто большее, чем принято считать, и что ум и материя нерасторжимо связаны между собой. Среди физиков они были не единственными, кто так считал. Ум – это некий ключ к познанию высшей природы реальности. Как только вы признаете это или даже допустите возможность подобного, сразу же увеличится и возможность проявления в вашей жизни чудесных событий, ибо все не-чудесное изрядно утрясется. Естественное и сверхъестественное обуславливаются одними и теми же свойствами сознания. Просто в обычной жизни ярлык «сверхъестественное» мы навешиваем на те вещи или явления, с которыми мы еще не освоились и к которым не привыкли. В действительности природа, чтобы создать галактику, обращается к тому же источнику, к которому обращаемся мы, чтобы вообразить розу. Поле сознания объемлет и то, и другое.

Сознательное творение

Что необходимо для того, чтобы что-то произошло

- Разум.
- Намерение.
- Внимание.
- Мост, связующий ум и материю.
- Наблюдатель.
- Связь между событиями «внутри» и событиями «снаружи».

Все, что поименовано в этом списке, уже встроено в наше сознание. Как сознательные существа, мы пользуемся этими реалиями каждый день, почти или совершенно не подозревая о том, что мы делаем. Если вам нужно решить математическую задачу, вы выбираете из списка только один аспект – разум – и фокусируетесь на задаче. Если ваш ум рыскает и уходит от выполнения задачи, вы привлекаете еще один аспект – намерение, – чтобы с его помощью побороть свою рассеянность. Так что вам не нужно куда-то идти или к кому-то обращаться, кроме самих себя. Вы обладаете всем необходимым, чтобы сотворить жизнь, полную чудес, и прожить ее мирно, разумно и целесообразно. Самое существенное то, что реальность – соучастник строительства нашей жизни, а мы – соучастники творения этой реальности. Ничто не реально вне нашего сопереживания этой реальности, а сопереживание – это сознательный творческий акт.

Поначалу это кажется странным. Как я могу участвовать в творении реальности, когда я просто смотрю ночью на звезды? Да, этот акт выглядит пассивным и не имеющим ничего общего с творением реальности. Но, по сути, рассматривание звезд – да и вообще чего угодно – требует наличия каждого из ингредиентов, обозначенных в списке.

Разум.

Я знаю, на что я смотрю, и могу думать об этом. Микробы и растения существуют под одними и теми же звездами, но (предположительно) не способны думать о них.

Намерение.

Я намеренно фокусируюсь на звездах. Я рассматриваю их, в частности, как нечто, отличное от фотографии, которая схватывает все объекты без разбора, не выделяя какой-то один.

Внимание.

Я сознательно фокусируюсь на уме. Если я направляю внимание на что-либо другое – на то, как иду домой в темноте, слушаю музыку на моем iPod'е, думаю, кто это идет за мной, и т. д. – звезды больше не привлекают моего внимания.

Мост, связующий ум и материю .

Восприятие невозможно без процессов обработки, происходящих в мозге. Как фотоны света, который излучают звезды, в уме превращаются в зрительный образ, до сих пор не объяснено. Однако нельзя отрицать того факта, что я воспринимаю звезды, поэтому есть что-то, некий мост, связующий чисто ментальное и физическое.

Наблюдатель.

Без меня, наблюдателя, не может быть доказательства того, что звезды существуют. Вот почему Гейзенберг заявил, что сознание – то, чего наука не может обойти стороной. Мы знаем только то, что находимся в этом мире и обозреваем его. Что случится, когда никто не будет его обозревать, – это тайна.

Связь между событиями «внутри» и событиями «снаружи».

Квантовая теория как часть так называемого «эффекта наблюдателя» настаивает на том, что наблюдение – не пассивный акт. Оно вызывает коллапс волн, после чего они превращаются в частицы. Нечто невидимое, всеобъемлющее и подчиняющееся законам вероятности превращается в нечто частное, физическое и определенное. Согласно одной интерпретации, «эффект наблюдателя» – это небольшая ошибка в математических вычислениях, на которых покоится квантовая механика. А согласно другой интерпретации, «эффект наблюдателя» срабатывает в реальном мире. И в том, и в другом случае события «внутри» связаны с событиями «снаружи».

Похоже, я делаю то же самое, в чем только что обвинял науку: разрезаю реальность на куски. А ведь в будничном мире все эти ингредиенты сливаются и действуют вместе. Чтобы принимать в чем-то участие, например разглядывать звезды или образ Девы Марии на стене церкви, – вы апеллируете к одним и тем же аспектам сознания. Все они должны быть на месте. Ни одним из них нельзя пренебречь. Но что еще более важно, так это то, что наука до сих пор не понимает эти аспекты сознания. Значит ли это, что все чудеса существуют только в уме? Именно так. И будничный мир тоже существует в уме? Именно так. Если бы наука, повернувшись к сознанию спиной, пробыла бы в таком положении еще пару сотен лет, она вряд ли была бы в состоянии сказать, что сознание может, а чего не может. А те грубые манипуляции наукой, коим предаются Докинз и компания, заслуживают доверия в еще меньшей степени.

Ни Планк, ни Паули так и не разрешили ту мистерию, на которую сами же натолкнулись. У них не было на это ни времени, ни острой необходимости. Зато в истории

науки квантовая физика отлилась в самую точную и математически изощренную модель. Она добилась таких точных результатов, что ее пророческие силы и возможности сегодня поистине ошеломляют. Видный британский физик Роджер Пенроуз замечает по этому поводу, что теория гравитации Ньютона описывает движения планет и лун в Солнечной системе с точностью порядка один к десяти миллионам, а общая теория относительности Эйнштейна, которая усовершенствовала ньютоновскую теорию, оказывается на порядок точнее и доводит это соотношение до двух к тем же десяти миллионам.

Такая призрачно-зыбкая – даже для опытных физиков – область, как кварки и бозоны, подчиняется математическим законам и может быть вполне предсказуема благодаря тем же законам. Реальность – и это невозможно отрицать – ведет науку по очень продуктивному пути. Но удалить из этого уравнения сознание было бы равнозначно тому, чтобы удалить метафизику из поваренных книг. Вряд ли кому нужна метафизика, чтобы отмерить нужное количество муки и масла для изготовления торта, однако готовность следовать за реальностью, куда бы она ни вела, может вызвать у науки изрядный дискомфорт, особенно когда наступит срок ниспровергнуть некоторые заботливо взращиваемые критерии. Это время уже не за горами, оно неизбежно, и только по одной причине: реальность всегда сложнее, чем модель, с помощью которой мы пытаемся ее объяснить.

Каждое событие, каждое переживание, данное нам, ментальное или физическое, – это чудо, ибо у нас нет возможности объяснить их с научной точки зрения. Мы предполагаем, что именно фотоны ответственны за восприятие нами формы и цвета, хотя сами фотоны ни формы, ни цвета не имеют. Мы предполагаем, что именно вибрации воздуха порождают звук, хотя сами вибрации вне нашего мозга совершенно беззвучны. Мы изучаем расположение рецепторов на языке и в носу, которые, предположительно, наделяют нас вкусом и обонянием, хотя при соприкосновении вещества с рецепторами имеют место только химические реакции, но никак не ощущения. (Каковы на вкус кислород и водород, когда они связываются в молекулу воды? Без участия того, кто это ощущает, вопрос оказывается лишенным смысла.)

Материализм, пытаясь одержать победу над духовным мировоззрением, обременяет нас объяснениями, которые, чтобы их принять, требуют столько же веры, сколько и сами чудеса. Только вера питает ту идею, что ионы натрия и калия, минуя внешние мембраны нейронов и вызывая электрохимические реакции, которые распространяются по миллионам нервных сетей, порождают ощущения, образы, чувства и мысли. Это всего лишь предположения, не имеющие каких бы то ни было доказательств. Химические вещества – это только названия, которые мы навешиваем на загадку. Сканы мозга – это снимки деятельности, ничего не говорящие нам о реальных чувствах и переживаниях, как снимки клавиш фортепиано ничего не говорят нам об ощущениях и наслаждении, вызываемых музыкой. Только сознание делает возможным любое переживание; поэтому Бог как первоисточник сознания существует вне области данных.

Та же дорога, которая ведет к чудесам, ведет и к Богу. Но мы эту дорогу еще не прошли. Мы только наметили цель. А роль веры заключается в том, чтобы расширить диапазон возможностей. Я не прошу вас начать верить в чудеса; еще меньше я склонен свидетельствовать в пользу чудес, признанных церковью. Сверхъестественное могло бы избежать насмешек скептиков; все, что для этого требовалось, – ровное игровое поле. Природа вмещает любое мыслимое событие. Следующий шаг состоит в том, чтобы претворить высшие возможности, столь долго лелеемые в человеческом сердце, в реальность.

Путь к Богу. Стадия III: Знание

Бог без границ

Всякий раз происходит одно и то же: если сегодня Бог терпит крах, завтра Он снова возвращается. А когда возвращается, то выглядит совсем иначе. Верующие наряжают Его в новые одежды; Он подвергается персональной переделке. Оглядываясь через плечо, мы без особого труда отличим Иегову, повелевающего «Покарай!», от христианского Бога, повелевающего «Возлюби!» (но при этом оставляющего за Собой и право покарать, если нужно). Однако очень трудно понять, как будет выглядеть Бог в будущем. Почти все божественные атрибуты будут извлечены, подобно шелковым нитям, вытягиваемым из космического гобелена до тех пор, пока не останется одна ткань. А что останется после того, как вы между делом перепробуете месть, любовь и все прочее?

На Западе почему-то постоянно игнорируется один аспект Бога – та уникальная черта, которой не обладает больше никто сущий. Это не тот аспект Бога, где Он всевидящий и всезнающий. Не тот, где Он вселюбящий и всемогущий. Религия не раз подвергала проверке все эти качества и всякий раз приходила к разочарованию. Кого не вдохновят такие строки гимна: «Господь мой, пастырь мой, хочу ли я кого, кроме Тебя?» Но приходит день, когда у вас очень много хотений, а Бог ничего не может сделать. Упускается что-то важное, что делает Богу уникальным и неповторимым, а именно: Его невозможно втиснуть в ящик. Как бы весело и забавно это ни звучало, но это самый важный аспект Бога. Это тот ключ, который приведет нас к истинному знанию. Говоря буквально, чтобы отыскать Бога, вам нужно выйти из ящика.

Есть два ящика, куда мы складываем вещи. Один – физический. Если вы хотите изучить рогатую жабу, кварк или звезду, то первым делом изолируете данный объект как физическую особь или физический образчик. Но ящик далеко не всегда следует воспринимать буквально. Никому не под силу поместить в ящик звезду, хотя звезда воспринимается как предмет, как отдельно стоящий или, лучше сказать, висящий объект, готовый для изучения. Бог в такой ящик не укладывается вообще, хотя воскресная школа с ее устарелым образом убеленного сединами патриарха, сидящего на троне над облаками, настырно пытается это сделать.

Другой ящик – ментальный. В него мы складываем идеи и понятия. Свобода – это понятие, просветление – тоже. Хотя это и не физические объекты, мы тем не менее откладываем их в сторонку, чтобы поразмыслить над ними. Даже такое очень широкое понятие, как человеческая природа, применимое ко всем живущим на Земле людям, тоже укладывается в ящик, готовое для изучения, как звезда или кварк. И не важно, что человеческая природа незрима и ускользает от определения. Важно, что у нее тоже есть границы, которые отделяют ее, скажем, от природы Будды или волчьей природы, и эти-то границы, как стенки, как раз и формируют ее ящик.

У Бога же границ нет, и не потому, что Он вездесущий, то есть присутствующий сразу везде и всюду. (Правда, Его по ошибке все же всовывают в ящик, наклеивая ярлык «особь мужского пола», поэтому не лишне будет повторить, что мы используем пол только исключительно ради удобства.) Пытаться думать о Нем – значит, пытаться думать обо всем сразу, а это совершенно невозможно. Поэтому люди, стремясь обойти это невозможное, расчленяют Его на более мелкие части – так же, как автомеханик расчленяет двигатель машины или биолог – клетку сердца. Но то, что применимо к двигателю и к клеткам мозга, к Богу неприменимо совершенно. Предположим, вы решили высказаться насчет Божьей любви, а это, к слову сказать, излюбленная тема очень многих людей. «Божья любовь вечна и бесконечна. Когда я попаду на небеса, я буду купаться в лучах Его вечной любви» – таков религиозный сантимент, провозглашаемый миллионами людей, которых греет надежда, что это действительно так. Но, в сущности говоря, эти слова не имеют никакого смысла.

Бесконечное понимается нами в смысле «очень, очень большое», ибо саму бесконечность постичь нельзя. Наш ум привык мыслить определенными понятиями. Мы оглядываемся и видим, что все в природе имеет начало и конец. У бесконечности их нет. Она не поддается исчислению и несовместима со способностями нашего ума работать только в

рамках линейного времени. Единственная практическая польза бесконечности в том, что этот термин используется для обозначения абстрактной математической величины. Мы не можем многозначительно сказать, что Бог очень, очень большой, ибо размер к Нему абсолютно не применим.

Вечное используется нами для обозначения «очень длительного времени». Но вечность не линейна, как часы, дни и годы. Вечность – это бесконечность, спроецированная на время. Поэтому то же рассуждение о бесконечности и ее непостижимости применимо и к вечности. Ум не может постичь время без начала и конца. Мы не можем многозначительно сказать, что Бог существует долгое, долгое время, ибо время к Нему абсолютно неприменимо.

Любовь используется нами в смысле обозначения глубокой привязанности и заботы о другом человеке, то есть это человеческая любовь. Но Божья любовь не выбирает и не различает объект любви, а изливается на всех, в том числе и на серийных убийц, и на Адольфа Гитлера, и на председателя Мао, и на всех прочих нелюдей. Она объемлет и преступные действия, и священнодействия. Поэтому Божественная любовь – это скорее природное силовое или энергетическое поле – гравитация, например, – чем человеческая эмоция. Выразить такую любовь в человеческих понятиях, обозначающих эмоции, абсолютно невозможно.

Я не занимался специально подбором каких-то хитроумных фраз и терминов, а выбирал самые типичные. С другой стороны, нельзя сказать, что фразы у меня написаны кое-как, небрежно и требуют красного редакторского карандаша, чтобы он основательно прошелся по ним. Нет, просто такие слова, как «бесконечный», «вечный» и «любовь», – слова неправильные. Они укладывают Бога в ментальный ящик, который Ему не соответствует. И с этим ничего не поделаешь. Путь к познанию Бога начинается не с них, а там, где слова нас подводят. Мы можем спокойно зарыть в землю все писания, проповеди и вдохновляющие сочинения, ибо все они нас обманывают. На ровное игровое поле, где Бог предстает как реальная возможность, выводит нас только вера. За пределами веры таится знание, которое невозможно выразить словами. Тем не менее, этот путь реален, и способность проделать путешествие и преодолеть этот путь запечатлена в самом человеческом уме.

То, о чем нельзя и помыслить

Путь начинается с признания того, что мыслить о Боге так, как мы мыслим обо всем прочем, совершенно невозможно. Но если мы не можем помыслить о Нем, то мы не можем о Нем и говорить. Как провозгласили ведические мудрецы Индии: «Те, кто говорит об этом, этого не знают. А те, кто знает, об этом не говорят». Бог, как космический Гудини, выберется из всех ящиков, включая и те, от которых мы зависим больше всего: время, пространство, чувства, идеи и понятия. Отсюда все загадки и мистерии.

Все наши мысли и разговоры о Боге чисто символичны; слава Богу, символы могут указывать путь. Новый завет на удивление полон таких слов-символов, которые отражают истинную природу Бога: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний» (*Откровения, 22:13*). Если более конкретно, то Бог сравним с безмятежным, спокойным океаном, из которого, подобно волнам, возникают все сотворенные вещи. Другой символ: Бог – это свет, в котором становятся видимыми все вещи, хотя они невидимы. Было бы гораздо удобней, если бы мы могли описать Бога, не прибегая к символам. К сожалению, религия не может существовать без символов, ярлыков и категорий. Когда Докинз и компания выступают против Бога, они в действительности выступают против символов и понятий – с тем результатом, что налицо лишь масса раскаленного воздуха и никакой твердой основы в реальности. Индийские йоги, например, вообще обходятся без слов, стремясь соединиться с Богом посредством глубокого внутреннего переживания, и как только они достигают единения с Божественным, они оказываются вне религии, ибо единство с Богом освобождает от всех ограничений, включая даже религию.

В одной индийской притче говорится о святом, который вел уединенную жизнь отшельника. Он выбрал далекую гору, нашел там пещеру и жил в ней многие годы, проводя дни в постоянной медитации. Наконец наступил день, когда он достиг просветления. Вне себя от радости, святой устремился с горы в долину, чтобы рассказать местным жителям о достигнутом им освобождении. Он прибежал на базарную площадь, битком набитую людьми, и начал проталкиваться сквозь толпу. Стиснутый со всех сторон, он вдруг почувствовал, как кто-то ткнул его локтем под ребра.

– Уйди с моего пути, идиот, – гневно крикнул святой. Потом замер, минуту помешкал и медленно направился назад, в горы.

Когда незнакомый человек толкает вас в многолюдной толпе и вы раздражаетесь – значит, вы не просветленный. Более того, эта притча не только о гневе, но и о необходимости соотносить себя со всеми аспектами жизни: эмоциями, желаниями, пристрастиями, деньгами, положением, безопасностью и одобрением со стороны других. До тех пор пока у вас в этом мире есть своя персональная заимка, вы не едины с Богом.

На Востоке процесс достижения просветления осуществляется намного легче, чем на Западе, поскольку все воспитывается в осознании Бога и знают, что Он – Единый, олицетворяющий всю полноту бытия. Поэтому помещать Его в ящик бессмысленно. Тот факт, что Единый Бог отразился в виде почитания сотен индивидуальных божков, никак не противоречит идее Бога как Единого Целого. Детей в Индии учат тому, что образ Кришны, или Дэви, или Шивы вместе с храмами, возведенными в их честь, – это всего лишь фасад, за которым скрывается Брахма (настоящее имя Бога), поскольку Брахма обозначает все сущее в мироздании плюс все возможности, которые могли бы возникнуть из сферы безграничных возможностей.

С некоторой долей справедливости можно все же сказать, что общество, признающее, что Бог Един, но при этом возводящее множество идолопоклоннических храмов, в какой-то степени обманывает само себя. Но все не так просто. Дело, на мой взгляд, несколько сложнее. Брахма – тоже ярлык, не отличающийся от Иисуса или пророка Мухаммеда, причем ярлык довольно рудиментарный, поскольку корень в этом слове просто означает «раздуваться» или «расширяться».

Но Брахма на Востоке предъявляет своим поклонникам то же невыполнимое требование, что и Бог на Западе: чтобы они мыслили обо всем сущем. История религии складывается из того, что Бога перемещают из одного ящика в другой по мере того, как вера то крепнет, то ослабевает. Возможно, для самой веры это удобно, но для познания Бога это убийственно. Когда индийские мудрецы, сочинившие «Упанишады», заявили, что «познавший Брахму есть Брахма», они понимали, что Бог стоит отдельно от всего, что мы знаем. Проблема не в том, как мыслить о Боге, а в том, как непосредственно познать Его.

Это что-то вроде того, как если бы истинно верующие, не желающие вступать в противоречие с разумом, прибегли бы к мистицизму с целью избежать этого столкновения. «Я не могу говорить об этом» – не то утверждение, которое можно опровергнуть, и еще меньше поддается опровержению фраза: «Никто вообще не может говорить об этом». Слишком часто приходится слышать подобное применительно к загадке Бога. Но все прочее в жизни – от аромата розы до вкуса шоколада, от нежного прикосновения к коже бархата до сладостной музыки – можно понять, лишь ощутив или познав это. Эти ощущения нереальны для тех, кто их не познал. Музыка еще более усугубляет дело, ибо музыка меняет людей. Исследования показали, что у пациентов, страдающих болезнью Альцгеймера, под влиянием музыки симптомы болезни сильно ослабевают, причем так, как их не в состоянии ослабить ни одно лекарство, и хотя с помощью лекарств можно вывести человека из депрессии, музыкальная терапия представляется здесь более перспективной, как, впрочем, и в отдельных случаях аутизма.

Музыка как бы обтекает тот отдел коры головного мозга, который отвечает за рациональное мышление, но даже если мы и назовем тот участок мозга, где происходит процесс обработки и усвоения музыки, это ничего не скажет нам о том, почему музыка

обладает терапевтическим эффектом. По-видимому, отдельные тона при некоторых психологических и физических состояниях могут оказывать всестороннее уравнивающее воздействие на наш организм. С помощью нежной, мягкой музыки можно даже ослабить реакции на стресс. Некоторые из этих открытий не противоречат здравому смыслу и повсеместному опыту: известно, например, что под влиянием мягкой фоновой музыки, звучащей в салоне самолета, у некоторых пассажиров утихает нервная дрожь и даже страх перед полетом, не говоря уже о том, что в универсальных магазинах она звучит везде и всюду (вероятно, для того, чтобы создать у покупателей настроение, благоприятное для покупок), так что мы ее просто перестаем замечать. Я говорю это с тем, что если даже множество переживаний и ощущений могут изменить нас просто своим существованием, то постижение Бога и подавно.

Что касается религиозного мышления, то оно мало того, что бесполезно, но и может к тому же причинить вред. С кажущейся неизбежностью различные вероисповедания, вечно несогласные между собой, исподволь навязывают нам мышление по принципу «они против нас», а отсюда уже недалеко до гонений и преследований. «Мы» (те, кто сидит в собственном ментальном ящике) всегда добры, преданны Богу, любимы Им, и нам уготованы отпущение грехов и Божье вознаграждение после смерти; а «они» – неверные, заблудшие, отлученные от Бога, невежественные, злые, представляющие смертельную опасность, и им после смерти уготована Божья кара.

Чего стоит, например, такой жестокий факт из истории религии на Западе: первыми еретиками, сожженными на костре в Орлеане (Франция) 28 декабря 1022 года, были тринадцать католических священников. Предполагают, что сожжение на костре было выбрано из-за действовавшего в то время рескрипта, запрещавшего проливать кровь духовенства. Обвинение же в ереси было, несомненно, сфабриковано, ибо несчастные жертвы были просто пешками в политической борьбе за престол Франции. В данном случае была приведена в действие именно установка «они против нас», послужившая началом мощной волны насилия, которая все больше нарастала по мере того, как обозначалось глубокое разделение между христианством и исламом (что породило крестовые походы для освобождения Святой земли от иноверцев), между Папой и светскими рыцарями, между Восточной Церковью в Константинополе и Западной Церковью в Риме и даже между священниками и простым людом, благодаря чему инквизиция получила право осуждать личную веру обычных граждан и карать за нее.

Мышление «они против нас» в его высшей сублимации отделяет «меня» от «Бога».

Как только возникает разделение, оно тут же влечет за собой проблемы дуализма. Поразительно, что людей убеждали любить Бога, Того, Кто был всегда далек и даже отстранен от них, хотя обычно мы боимся «другого» и не доверяем ему. Но религия строилась на изрядной дозе страха вперемешку с любовью, как это знает всякий, кто когда-либо слышал о смертных грехах, аде и вечном проклятии. Я упоминаю все эти истертые факты только потому, что они ведут нас к поразительному выводу. Если отделение от Бога ведет к страху, преследованию и злу, осуществляемым во имя Бога, то устранить это отделение способно только бегство. Реальным может быть только неделимый Бог.

Что, если Бог и есть реальность? Если это так, то мы в таком случае избавимся от владеющей нами иллюзии. Если же вы будете сводить Бога к ментальному постулату, то вы лишь погрузитесь в иллюзию с ее многочисленными аспектами.

Бог как иллюзия

Когда Бог нереален?

- Когда Он то приходит, то уходит.
- Когда Он судит и порицает.
- Когда Он предъявляет требования.

- Когда Он непостоянен и переменчив.
- Когда Он, как вам кажется, покинул вас.
- Когда Он на одни молитвы отвечает, а на другие нет.
- Когда в войне двух сторон сталкиваются два соперничающих Бога.

К Богу я предъявляю те же стандарты, которые мы обычно предъявляем к реальности. Реальность не приходит и не уходит. Она не покидает нас. Изменяется не сама реальность, а наше отношение к ней. Настроения подвержены переменам; пессимизм сменяется оптимизмом. Когда вы говорите: «День сегодня не удался», вы, как правило, говорите о взаимоотношениях с близкими. Я знаю, реальность – слово абстрактное, мало что говорящее уму, поэтому представьте воздух, которым вы дышите. Дыхание – акт постоянный, а земная атмосфера – данность. Если бы не проблемы, вроде загрязнения воздуха и глобального потепления, мы бы передоверили акт дыхания подсознательному уму. В принципе, вы можете сделать это в любой момент, когда захотите. Однажды прекрасным днем вы делаете глубокий вдох, ощущая, как вдыхаемый воздух наполняет ваши легкие и питает вас. Когда вы чувствуете возбуждение, ваше дыхание становится коротким – рваным и отрывистым. А когда вы бежите марафон, вы регулируете свое дыхание, добываясь того, чтобы кислород постоянно поступал к вашим мышцам.

Но утверждать, что воздух питает к вам разноречивые, переменные чувства или что он сегодня вас наказывает, а завтра вознаграждает, было бы иллюзией. Воздух всегда постоянен; меняемся только мы сами. То же самое справедливо и в отношении Бога, которому ошибочно приписали повадки переменчивого, непостоянного, таинственно-непредсказуемого существа. Подобное убеждение – симптом разделения; нам нужно преодолеть эту брешь и приблизиться к тому Богу, каков Он в действительности.

Все хотят быть реальными – жить в реальности и быть ее частью. Исходя из этого, мы вполне можем обойти стороной дебаты между верующими и неверующими. Когда Господь Кришна говорит Арджуне, что все дороги ведут к Богу, он делает это не без умысла. В самом деле, реальность ведет всех нас только вперед. В том интервале между рождением и смертью, который мы называем жизнью, все мы мертвой хваткой цепляемся за реальность, а стало быть, сознательно или нет, прилепляемся к Богу.

Но я должен остановиться на трагической ноте. Иногда страдание настолько непостижимо, что иллюзия служит единственным утешением. Я говорю это под влиянием ужасного убийства в школе, случившегося в Ньютоне, штат Коннектикут, накануне Рождества 2012 года. Душевно взвинченный человек вошел в два класса с автоматическими винтовками и убил 6 взрослых и 20 школьников шести- или семилетнего возраста. Помнится, в шумихе, которая поднялась вокруг этого массового убийства, вдруг возникли какие-то священники, и один из них сказал: «Это не входило в план Бога». Интересно, скольким людям подобная фраза принесла утешение? Если уж наступает момент, когда любящий Бог мучительно нас разочаровывает, то этот момент почему-то непременно должен сопровождаться бессмысленной смертью невинных.

Иногда вы отворачиваетесь и отдаете все на откуп иллюзии. И тогда Бог срывается с крючка и не приходит на помощь детям. Безумие делает убийцу недочеловеком. Зло правит бал. Мало-помалу верующие возвращаются к своей вере, но в то же время от религии откалываются еще несколько сомневающихся, а атеисты качают головами, удивляясь тому, что люди все еще обращаются к Богу за ответами, когда Он и есть главная проблема. Я не хочу, чтобы всем заправляла иллюзия, поэтому я написал себе такую памятку: «Не что иное, а именно наш глубочайший внутренний разум отражает мудрость Вселенной. В конечном счете, все страдания – это результат фрагментарного ума, персонального или коллективного. Насилие уходит своими корнями в коллективный психоз. Панацея только одна – возвыситься до сознания Бога. Моя задача – осуществить и воплотить это в реальности. Тем временем пусть каждый из нас ищет утешение там, где может».

Если Бог повсюду, как воздух, которым мы дышим, почему же так трудно Его найти? А

потому, что все, что вы о Нем говорите, противоречиво. Как только вы выделяете какое-то одно качество как верное, то противоположное ему качество оказывается не менее верным. Действительно ли Бог нас любит и вносит в нашу жизнь все доброе? Все религии говорят, что это так. Ну, а как быть со злом? Если Бог порождает и его – значит, Он не утверждает добро. Если Он не препятствует злу – значит, Его доброта имеет серьезные изъяны. Но ведь и наша доброта такова же. Тогда почему бы не поклоняться самим себе? (Одна студентка колледжа, выступавшая по телевидению, на вопрос, почему она больше не ходит в церковь, сказала: «Я не могу верить в Бога, который пошлет меня в ад, если я сделаю что-то плохое. Ведь если я доведу моих родителей до безумия, они же не бросят меня в огненную печь!»)

Как ни верти, а каждый аспект Бога все равно выворачивается, как змея, и кусает себя за хвост.

- *Защитник* . Если Бог призван обеспечивать нашу безопасность, почему же тогда случаются природные катаклизмы?

- *Законодатель* . Если Бог диктует нам правила нравственного поведения, почему же мы вольны быть такими безнравственными, как это нам заблагорассудится?

- *Миротворец* . Если Бог приносит внутренний мир, почему же Он допускает войны и насилие?

Бог, если Он действительно вездесущий, не может быть только добрым, любящим, миролюбивым и справедливым. Хотим мы этого или нет (хотя по большей части мы это ненавидим), но мы должны оставить Богу пространство и для участия в плохих, мучительных и хаотических аспектах жизни. Не значит ли это, спросите вы, будто я утверждаю, что Бог хорош и плох, любящ и не любящ одновременно? Вовсе нет. Каждое качество, которые вы приписываете Богу, иллюзорно. Когда вас одолевают сомнения, самое лучшее – заменить реальность на Бога. Какая из себя реальность – любящая или не любящая? Вопрос лишен смысла. Реальность включает все. Она просто есть. Поэтому, как только ваш ум начнет размышлять о Боге как о включающем в Себя все, как о Том, Кто просто есть, вы наверняка вырветесь из плена иллюзии.

Все строится на взаимоотношениях. Двое сходятся вместе, они могут поладить, а могут и нет. Возможно, между ними вспыхивает безрассудная страсть. Любовь начинает цвести, но в какой-то момент возникают проблемы. У каждого из партнеров есть свое эго. Я люблю тебя, таков/такова уж я, поэтому не обессудь. Если отношения наладятся и не прервутся, «я» и «мы» должны уравновеситься. И все проблемы должны быть преодолены.

Красота отношений с Богом в том, что ни один из этих критериев к Нему не применим.

У Бога нет эго. Ему всегда нравится то, что нравится вам. Он всегда хочет того же, чего хотите вы.

У Бога нет Своей точки зрения. Он с готовностью приемлет ваш взгляд на вещи.

Бог не эгоистичен и не корыстолюбив. Он ничего не хочет от вас.

Бог ничего не отвергает. Каковы бы вы ни были, Его это вполне устраивает.

Если вы расцениваете это как идеальные отношения, что ж, пусть так! Люди проецируют на Бога свои глубочайшие чаяния и чувства только затем, чтобы испытать разочарование, когда эта проекция не дает результатов. Сколько бы Бога ни обожали и ни почитали, от этого Он не станет любить вас больше. И если бы Бог был человеком, это обстоятельство отразилось бы на Нем не в лучшую сторону: Его бы заклеили как не любящего. В большинстве случаев, если вы состоите в отношениях с другим человеком и обожаете его, то получаете в ответ любовь. Ирония в том, что Бог, наделенный безграничной любовью, подается как индифферентный и не выражающий никакой любви субъект. Для Него отношения не стоят и никогда не стояли на первом месте – проблема именно в этом, а не в том, что у Бога есть какой-либо изъян.

Карта путешествия

Чтобы добраться до Бога, необходим сдвиг в осознании. И не какой-нибудь мелкий или

случайный, а глобальный. Или, лучше сказать, тотальный. И пока мы не преобразуем свой ум, Бог останется для нас недостижимым. К счастью, у нас есть карта, которой мы можем руководствоваться. Она была начертана коллективно – миром мудрых традиций, и хотя включает в себя религию и религиозные послания, но в большей мере полагается на то, что открыли люди, проникшие в глубины своего сознания.

Откройте эту карту – и перед вами четко проступят основные черты и контуры пути к Богу. Они указывают нам на существование трех миров.

Три мира

- *Материальный мир.* Это мир дуализма, мир двойственности: здесь соперничают добро и зло, свет и тьма. События разворачиваются по прямой линии. Каждый человек – это частичка в лоне необъятной природы. Мы путешествуем по этому миру, движимые желанием. Бог остается недостижимым для нас, поскольку Он – то, что нельзя увидеть, пощупать, постичь и о ком нельзя посудачить. Пока мы пребываем в этой двойственности, в ней доминирует эго-личность. Все вертится вокруг «я», «мне» и «мое».

- *Тонкий мир.* Это переходный мир. Добро и зло разделены не так жестко; свет и тьма сливаются, порождая серые тени. За личиной материализма мы ощущаем чье-то присутствие. Мы движемся вперед, руководствуясь интуицией и предвидением. Случайные события начинают приоткрывать невидимые схемы. Мы путешествуем по этому миру, движимые желанием обрести смысл. Природа становится сценой, предназначенной для выступления души. Все вертится вокруг самоосознания и возможностей его расширения.

- *Трансцендентный мир.* Это источник самой реальности. У ее истоков – неразрывное единство, состояние нераздельности. Ничто ни от чего не отделено и не находится в конфликте с чем-либо. Покров материализма здесь спадает полностью. Добро и зло, свет и тьма сливаются. Мы движемся через этот мир, направляемые своим высшим бытием, не отделимым от Бога, который суть состояние высшего бытия. Индивидуальное эго расширяется настолько, что перерастает в космическое эго. Все вертится вокруг чистого сознания.

Что касается Бога, то в отношении Него царят все те же беспорядок и путаница, поскольку эти три мира, не разделенные прочными стенами, частично перекрывают и перехлестывают друг друга. В любой момент вы можете жить в одном из них или через разделяющую их границу заглядывать из одного в другой. Осознание ведет вас туда, куда вам нужно. Реальность, пока вы путешествуете из одного состояния осознания в другое, остается постоянной. Но, если придерживаться нынешнего положения дел, сегодня, когда большинство из нас привязано к материальному миру, осознание – тот аспект, о котором мы практически ничего не знаем. Мы пребываем в постоянном замешательстве по поводу того, существуют другие миры или нет, и когда кто-то выходит вперед и уверенно заявляет, что существуют, то его встречают с изрядной долей скептицизма и враждебности.

Если что и подает нам надежду на то, что существуют другие миры помимо того, что мы выявляем с помощью пяти органов чувств, то это вера. Как только вера откроет перед нами такую возможность, мы должны претворить в жизнь ее живую реальность. Первое, что нам нужно, – ясное понимание того, куда мы идем. Чтобы навести хоть какой-то порядок в этом хаосе, на духовной карте обозначены начальная точка (материальный мир), средний отрезок (тонкий мир), и пункт назначения (трансцендентный мир). Но это только на карте. В реальности это не совсем так. Ибо, будучи подвижным и текучим, осознание может двигаться, куда ему хочется и когда ему хочется.

Вы проникаете в тонкий мир постоянно. Вот несколько типичных ситуаций в этом состоянии осознания.

- Вами овладевает некое предчувствие.

- Вы вдруг осознаете истинные побуждения и чувства другого человека.
- Вы видите, что оказываете воздействие на окружающих вас людей.
- Вы чувствуете, что вас связывает с другим человеком любовь.
- Вы перестаете испытывать потребность в осуждении других.
- Вы поражены красотой.
- Вы ощущаете великодушие и щедрость своего сердца.
- Вы хотите давать и быть полезным другим.
- Вы чувствуете подъем и вдохновение.

В той или иной степени это состояния, лишенные эго. «Я», «мне» и «мое» теряют свою власть. Вы поднимаетесь над эгоистическими желаниями. Вы интуитивно постигаете, что реальность гораздо шире, нежели та, о которой вам сообщают ваши пять чувств.

В трансцендентный мир вы тоже путешествуете постоянно, хотя современное общество не склонно признавать или одобрять подобные экскурсии. Вот несколько типичных ситуаций, когда вы соприкасаетесь с высшим уровнем осознания.

- Вы чувствуете себя легким, свободным, ничем не скованным и не обремененным.
- В каждом лице вы видите черты человечности.
- Вы чувствуете себя в полной безопасности.
- Вы наслаждаетесь жизнью ради самой жизни.
- Внутри вас царит полное спокойствие.
- Вам кажется, что перед вами открываются безграничные возможности.
- Когда вы созерцаете красоты природы, вас переполняет чувство удивления и священного трепета.
- Вы смиряетесь, принимаете и прощаете.
- Вы уверены, что все имеет свой смысл и происходит не без причины.
- Вы чувствуете, что совершенная свобода – наиболее естественный способ жизни.

Вы смещаете реальность, когда обретаете новое состояние сознания. Единственные границы – те, которые мы устанавливаем сами; хотя мы устанавливаем их постоянно. Из-за этого мы продолжаем упорно держаться за свои стержневые убеждения, которые стопорят наше духовное путешествие еще до того, как оно начинается. Я живо представляю себе время, когда наука будет твердо придерживаться того убеждения, что мир мудрых традиций вообще не стоит того, чтобы уделять ему внимание, когда никто не будет верить в тонкий мир, а мир трансцендентный деградирует до полной иллюзии.

И все же, оказавшись на грани уничтожения, духовный мир выживет и будет возрожден, как это уже не раз бывало. Несмотря на все разочарования в Боге и вполне обоснованные сомнения, выдвигаемые скептиками, – даже те сомнения, которые с долей злорадства сеют в незрелые умы четыре «всадника», – определенные константы из века в век остаются неизменными. Они побуждают изменяться, так что, если хотите познать Бога, все их необходимо принимать в расчет. Эти константы таковы:

- Желание лучшей жизни.
- Любовь.
- Сила эволюции.
- Переживания экстаза и блаженства.
- Любопытство.
- Обретение мудрости.
- Неудовлетворенность.
- Мечты.
- Видения.
- Вдохновение.
- Персональное постижение Бога, высшей реальности и Высшего «Я».

Все это движители духовности – с религиозными ярлыками или без оных. Они предшествуют таким словам, как «Бог» или «душа»: они являются прежде, чем человек произносит эти слова. Декретом можно отменить эти слова, но нельзя отменить то побуждение, которое стоит за ними.

Эти движители духовности постоянно ведут борьбу против статус-кво. Именно они превращают нас в беспокойных тварей Божьих, жаждущих перемен. Как мы реагируем на них – это уже глубоко индивидуально. В истории Индии были развитые не по годам искатели истины, которые покидали дом в поисках Бога, еще будучи малыми детьми. Иисус тоже был мудр не по годам: Ему было всего 12 лет, когда он поставил в тупик книжников у храма в Иерусалиме. Но эти крайности, как и все прочие подобные вещи, чрезвычайно редки, поскольку они свидетельствуют о предельной целеустремленности. Одна крайность – это искатели истины, которые живут исключительно ради личностного преобразования, равнодушные ко всему прочему; святые, мудрецы и духовные наставники мира практически не нуждаются в мотивации. Другая крайность – постоянная косность, это люди, которые отвергают или ненавидят любые перемены; идеологи, фанатики и психологически робкие люди никогда не будут мотивированы настолько, чтобы открыть свой ум.

Мы же, все прочие, находим свой духовный путь скорее наудачу. Наша тропа вьется-извивается, уводя нас в сторону разными отвлекающими факторами. Мы путаемся, теряемся, сомневаемся. Внутренние конфликты ставят нас в тупик или порождают ступор. Но те же самые силы, которые формируют святых, присутствуют и в нашей жизни. Они лишь ждут того часа, когда мы обратим на них внимание. Если вы рассудительны и внимательны к тому, что происходит внутри вас, – значит, вы уже реагируете на поименованные выше силы. Вы создаете в своем воображении лучшую жизнь. Внутри вас зреет потребность развиваться как личность. Вы видите перед собой контуры лучшего будущего.

Этих повседневных мотиваций вполне достаточно. С их помощью мы можем достичь самых возвышенных духовных целей. В вашей голове не будет звучать таинственный голос, и с небес не протянется рука, чтобы схватить вас за шиворот. Вся история укладывается в одну идею. Бог постигается как высшее состояние осознания. А коль скоро все осознают Бога, то Он достижим и для каждого из нас.

Существует ли материальный мир?

Я описал три мира, у каждого из которых есть свои духовные цель и предназначение. Материальный мир вообще не дает никаких физических доказательств присутствия Бога, которые могли бы убедить скептика. Атеисты сумели многое извлечь из этого обстоятельства, и их аргументы вполне резонны, поскольку это возможно в данных обстоятельствах. В мире насилия защитить от нападков любящего Бога практически невозможно. Огромное количество нарушителей закона делает бессмысленными все попытки донести до людей ту библейскую истину, что Бог обладает силой и властью наказывать преступников. Когда видишь, как деспотические режимы и правительства попирают человеческие права, всемогущий Бог предстает жестокой шуткой: Сталин и Гитлер обладали абсолютной властью, в которую Всемогущий даже не вмешивался. Мы не можем не признать все эти вещи, поскольку они касаются материального мира. Бог становится реальным только тогда, когда мы постигаем, что материальным миром вся реальность не ограничивается.

Один индийский духовный учитель однажды поведал мне следующее откровение: «Физический мир очень навязчив и убедителен. Он кажется незыблемым и надежным. Каким образом можно вырваться из него? Только поняв, что этот мир – продукт твоего ума. Если ты не поймешь этого, физический мир опутает тебя, словно сеть. Но все сети с ячейками. Найди одну такую и выпрыгни через нее». У материалиста подобные советы вызывают раздражение; они кажутся ему слишком эксцентричными и даже надуманными, коль скоро

мир «снаружи» столь очевидно реален. Я не стану спорить с теми, кто принимает мир «снаружи» как нечто само собой разумеющееся. Наша задача в другом – выпрыгнуть через ячейку сети.

Такое возможно, если понимать простую, но фундаментальную истину: все миры творятся в сознании, включая и физический мир. Найдите способ освободить свое сознание – и ничто уже не будет прежним.

Бог в самом деле воплощение любви, добра и могущества, которые Ему приписываются, но не здесь, а на более тонких уровнях реальности. Наша задача – соединить эти тонкие уровни с материальным миром. Если нам это удастся, картина изменится. Шествуя по духовному пути, вы обнаружите, что человек – явление многомерное и что тонкие измерения содержат в себе великую силу. Великую настолько, что ее вполне хватит на то, чтобы изменить события «снаружи», в материальном мире.

Ум выше материи

Новый завет часто противоречит законам физической реальности. Взять, например, вот это знаменитое наставление Иисуса: «Иисус же сказал им: по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: перейди отсюда туда, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (*Матф. 17:20*). Эти слова Иисуса в равной мере задевают и верующих, и скептиков: первых они поддерживают, а у вторых вызывают презрение.

Суть его утверждения вот в чем: ум движет материей. С точки зрения человеческого тела это утверждение неоспоримо. Мысли и чувства рождают в мозге молекулы, которые сообщаются с прочим телом. Если вы сильно чего-то боитесь, ваши гормоны – в данном случае гормоны стресса, кортизол и адреналин – шлют послание, резко отличающееся от того, что они шлют, когда вы влюблены. Более того, прежде чем явится мысль, образ или чувство, мозг должен привести в действие систему электрических сигналов и химических реакций, которые соединяют между собой синапсы – зазоры между клетками мозга. Эти химические вещества пребывают в состоянии непрерывного движения, рождаясь и разрушаясь тысячи раз в секунду ради того, чтобы поддерживать ваше меняющееся ментальное состояние.

Если мы движемся вне тела, ситуация выглядит совершенно иначе, но ведь Иисус определенно заявляет, что сдвиг в материальном мире может произвести только ментальное состояние – вера. Как? Религия объясняет это так: поскольку Бог привечает праведных, то Он Своим вмешательством отделяет их от физической реальности. Не сосчитать, сколько мучеников умерли в агонии, принеся свои жизни на алтарь той веры, будто у праведников и впрямь преимущество перед остальными в этой епархии. Мы же хотим вместо веры получить естественное объяснение этого феномена, и ради этого постулат «ум выше веры» должен быть сведен к общему знаменателю. Выше я уже говорил, что сознание – общий знаменатель всех переживаний, внутренних и внешних, и привел перечень элементов, необходимых для того, чтобы что-то стало реальностью:

- Разум.
- Намерение.
- Внимание.
- Мост, связующий ум и материю.
- Наблюдатель.
- Связь между событиями «внутри» и событиями «снаружи».

Иисус говорит именно о последнем элементе в этом списке: для Него связь между «внутренним» и «внешним» и есть вера. Бог сотворил ум и материю вместе, и если у вас достаточно веры, Бог даст вам и власть над обоими. В приведенном выше отрывке из Евангелия нечто очень малое (горчичное зерно) сопоставляется с чем-то очень большим

(горой), но это преувеличение служит просто для создания большего эффекта. У веры нет величины, ни большой, ни малой. Это состояние ума; оно либо есть, либо его нет. И эту особенность легко проглядеть, что верующие, увы, и делают. Они интерпретируют это иначе: мол, Иисус приписывает вере невообразимые мощь и силу, так что даже крошечную ее часть – и ту обрести невозможно, ибо кто среди нас сдвигает горы?

Разумеется, авторы четырех Евангелий весьма настойчиво проводят мысль о том, что ум превыше материи. Иисус говорит Своим ученикам, что через веру они приобретут удивительные силы: «Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Иоан. 14:12). В Нагорной проповеди Иисус умаляет материальный мир, ставя превыше его мир сакральный. Но у сакрального мира иные законы и правила. Именно этот смысл Он вкладывает во многие Свои поучения и аналогии, вроде этих: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, ни прядут» (Матф. 6:26, 28).

Законы материального мира подводят нас к иному выводу. Каждый из нас трудится на собственной стезе, и в борьбе за более достойную жизнь мы полагаемся не только на веру. Вера не заплатит счет за газ и уж тем более не сдвинет горы. Если вы достаточно набожны, вы просто не сможете проигнорировать этот удручающий факт, а если вы убежденный скептик, вы не сможете просто посмеяться над ним. Но существует альтернативный подход, называемый исканием. Вы можете пуститься на поиски того, как создать живую связь между умом и материей, между тем, что происходит «внутри», и тем, как это отражается на событиях «снаружи». Эта связь не есть что-то данное. Если бы это было не так, молитвы достигали бы Господа автоматически, как телефонные звонки. Ищущий хочет дознаться, почему Бог в некоторых случаях нам отвечает, как об этом на протяжении столетий свидетельствуют бесчисленные верующие, но большую часть времени игнорирует нас, даже если мы пребываем в страшной нужде.

Духовная цель материального мира, как мне представляется, – это именно искание. Ум встречается с материей ежедневно. Что из них двоих сильнее? Декларация, с которой начинается Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоан. 1:1), – это решительное заявление, утверждающее, что ум первичен, а материальный мир вторичен. Для создателя Евангелия само творение было делом ума, актом мысленного зачатия или произнесения Слова. Как человек ищущий, вы стараетесь вернуться к творящему источнику внутри себя – к источнику не как Слову, а как состоянию ума, где таятся неизреченные способности. Если вы хотите решить проблему превосходства ума над материей, идти вам больше некуда.

Мудрые традиции мира согласны с тем, что источник творения находится внутри нас. В одном из великих духовных текстов Веданты мудрец Вашиштха заявляет: «Дорогие, мы создали друг друга в нашем воображении». Это заявление, на первый взгляд абсурдное, становится неоспоримым, если реальность – это Бог. В этом случае логика проста и нерушима, та логика, которая поддерживает все духовные традиции на Востоке и на Западе.

*Если Бог – творящий источник всего сущего
И если Бог внутри нас,
То и творящий источник всего сущего
тоже внутри нас.*

Человек ищущий ищет одновременно сразу и Бога, и реальность, и свое истинное «я». А для этого он должен выбраться из той сети, которой опутан физический мир, и признать, что мы – многомерные существа. Искание однако начинается в физическом мире, поскольку мы все повязаны им с момента рождения. Это мудреное дело – пребывать в мире, будучи не от мира сего. Все материальное невероятно убедительно. Есть ли в самом деле способ выбраться из этой сети?

Когда вы спите, вы находитесь в мире сновидений: бегаєте, летаете, видите животных,

людей и даже каких-то странных существ. Но как только вы просыпаетесь, то осознаете, что вы не от мира того – не из той реальности. Для просветленных все как раз наоборот: те события, которые мы переживаем, когда бодрствуем, ходим на работу, заботимся о семье и т. д., – не от мира сего, не из этой реальности. Мы пребываем в этом мире, но у нас есть возможность проснуться и понять, что мы не от мира сего. Для ведических мудрецов материальный мир – такой же сон, как тот, что мы видим, когда спим в постели. В знаменитом ведическом стихе Вашиштха, созерцая духовную версию того, что в современной физике называется мультиВселенной, – бесчисленное множество Вселенных, существующих каждая в своем измерении, – размышляет:

”В бесконечном сознании Вселенные приходят и уходят, как частички пыли в луче солнца, падающем через дыру в крыше.

Из следующего стиха ясно, какова именно эта духовная версия мультиВселенной: «О чем ум ни мыслит, только то он и видит». Все дороги ведут только к Богу, если все дороги ведут сначала к сознанию.

Докинз и компания не признают существование иного уровня реальности за чертой материального мира. Несложно симпатизировать их позиции, даже если они отстаивают ее с такой неприкрытой враждебностью. Искание как внутренняя проекция им неизвестно, как оно неизвестно и многим людям. История религии – это многовековое свидетельство ищущих людей, шедших в разных направлениях и встречавших на своем пути всевозможные ловушки. Поэтому если мы хотим быть умнее и лучше, чем они, мы должны очень хорошо понимать, куда ведет нас поиск.

Что такое искание?

Искание – это не фиксированное действие с единичной целью, ибо из века в век оно меняется. В эпоху Средневековья ищущие жаждали вознаграждения в небесах, и хотя они не могли заранее знать, найдут они его там или нет, тем не менее все аспекты общественной жизни, от странствующих монахов до величественных соборов, были сфокусированы именно на этом. Огромная масса людей, живших в Средние века на протяжении восьми столетий (с 400 до 1200 гг. н. э.), вообще не имела надежды на обретение власти или денег. Они могли лишь любить друг друга, но жили при этом в «долине слез», где каждый день вынуждены были вести борьбу за выживание. Лучшее, на что они могли надеяться, – убежище в монастырях или монашеских обителях. Очень многие выбирали именно этот путь. Однако ища там прибежища от жестокого мира, они неким образом отворачивались от самой веры. Известно, что каждый век судят по плодам его. Так вот, эпоха веры, как некий скол веков, отмеченных доминированием христианства, не заслуживает этого названия. Если Иисус глаголет истину, вера – это та сила, с помощью которой можно создать идеальный мир, где все желания исполняются: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (*Матф. 7:7*). Если вы ищете, то знамение вашего успеха служит исполнение желаний. Вы убедились, что ум – высшая сила. Что бы ни делали христиане по приказу церкви во исполнение этого обещания – веровали, были послушны воле Божьей или жили без греха, – для несчастных, страждущих толп средневековых верующих этого было недостаточно.

Если мир – страшное и неудобное место для жизни, искание ведет к отречению от него. Поскольку жить сегодня гораздо легче, чем в Средние века, у нас гораздо меньше причин отречься от мира, хотя давнишнее убеждение, что мир – «долина слез», вызывает у многих людей чувство, что религия противится исполнению желаний. Если и есть христианские учения, наставляющие, как этого добиться, то знают о них от силы несколько верующих. Собственно говоря, современные верующие не особо сильны в религиозных учениях: согласно опросу, проведенному в 2012 году Исследовательским центром Пью, где

американцам задавали 32 вопроса о религии, ответившими правильно на большинство из них (в среднем 20,9) были как раз атеисты. (В этом смысле интересен такой факт: Питер Гомес, выступавший с проповедью перед либеральной конгрегацией в Гарвардском колледже, попросил собравшихся назвать эпистолы, то есть апостольские послания, в Новом завете. В ответ робко поднялась чья-то рука и голос спросил: «Кто такие эпистолы, жены апостолов?»)

Сегодня искание практически полностью является частным делом, и единодушия в цели такого искания нет никакого. Требуется немалое мужество, чтобы отступить от религии, в которой мы были воспитаны. Немецко-американский протестантский теолог и философ-экзистенциалист Пауль Тиллих в 1952 году написал бестселлер «Мужество быть», отразивший страх людей его поколения перед атомным веком. Холокост и ужасы двух мировых войн соскоблили веру в Бога до самых последних слоев краски. Жизнь бессмысленна – таково было общераспространенное мнение, царившее в те годы. Тиллих, видя такую ситуацию, задает вопрос: «Для чего мы здесь?» Жизнь, говорит он, автоматически ставит этот вопрос. Если жизнь заставляет вас спрашивать, почему вы здесь, – значит, вы автоматически хотите получить ответ. Два вида деятельности – задавать самые насущные экзистенциальные вопросы и отвечать на них – формируют круг. Вопросы приводят к ответам исключительно в силу той причины, что вы живете.

Я не думаю, что ситуация, описанная Тиллихом, с тех пор значительно изменилась. Сегодня Бог низведен до уровня персонажа бытовых анекдотов, а терроризм стал повседневным жупелом, хотя угроза ядерного уничтожения стала понемногу идти на убыль. У ищущего нет того прочного помоста веры, на котором он мог бы стоять. Найти в себе мужество быть – значит возвысить свое сердце, дабы оно поднялось над бессмысленностью существования.

Эта смелость не кажущаяся и не внушенная. Во многих отношениях поиск трудней обретения самой веры. Вера – пассивное действие; она не требует постоянного самоанализа и исследования себя, как этого требует искание. Верующие, теряя веру, становятся нервными, их одолевают мучительные сомнения и неуверенность. Поэтому они должны отгонять эти сомнения. Искание же, с другой стороны, начинается с сомнений, которые служат основой для поисков истины. Оно приветствует неуверенность, которая в данном случае лучше, чем жесткая, догматичная уверенность. Ищущие – смелые люди: они не боятся быть отличными от большинства, не боятся отречься от привычного уюта религиозной общины внутри церковных стен. Они открыты различным духовным идеям из других традиций, помимо иудео-христианской. Именно по этим причинам современное светское общество, которое вовсе не враг духовности, и создает благодатную почву для нее.

Когда кто-то говорит мне, что он нашел Бога, меня тут же подмывает спросить его, как этот Бог выглядит. Если бы говорящий дал мне вполне определенный ответ, я бы попросил его продолжить поиски. Вот что имеют в виду буддисты, когда отвечают: «Если встретишь на пути Будду, убей его». В предвзятом мнении нет никакого проку: если оно и ведет к чему-то, то лишь к желанию вновь ухватиться за тот же вымысел. Бог же – или Будда – не поддается никакому вымыслу. Впрочем, я стараюсь не говорить это людям ищущим, ибо это пахнет капитулянтством. Я просто говорю, что вопросы, окружающие Бога, вторичны. Прежде чем вы сможете познать Бога, вам нужно познать реальность.

Если бы мне пришлось назвать одну движущую силу, превращающую обычного человека в человека ищущего, я бы предпочел эту: люди хотят быть реальными. Желание верить, которое в прошлые столетия фокусировалось на Боге, вылилось в стремление к реальной жизни – той жизни, которая консолидирует, которая обогащает смыслом и целью, которая приносит исполнение желаний. Холокост и все прочие массовые ужасы породили жуткое чувство нереальности. Чувство неприкаянности становится таким глубоким и всепроникающим, что мы буквально несемся по жизни, работая как безумные и с еще большим безумием предаваясь развлечениям, даже не сознавая и не отдавая себе отчет в том, что существует иная реальность.

Но в самом начале, когда современная жизнь только-только стала пугать своей

нереальностью, только у нескольких свидетелей хватило мужества взглянуть этой правде в лицо. Примо Леви, итальянский еврей, – один из немногих, кто был отправлен в Освенцим и выжил. В конце 1940-х годов, через несколько лет после того как советская армия захватила концлагерь и освободила узников, Леви написал трогательные воспоминания о том, каково это – вернуться в родной Турин, где все хотят одного – забыть о нацистах и возвратиться к обычным желаниям и радостям жизни. Поначалу Леви только и делал, что настойчиво говорил всем об Освенциме: не в состоянии молчать об этом ужасе, он останавливал прохожих на улице или обращался к незнакомым пассажирам в поездах. Это пошло ему на благо, ибо он в конце концов восстановил утраченную было связь с людьми. Но он больше не чувствовал, что он реален, как это чувствовали другие. Ему казалось, что он отделен, изолирован, что он блуждающий призрак. Его борьба с самим собой за то, чтобы вновь почувствовать себя реальным, иногда доходила до крайностей. Один из его друзей вспоминает такой необычный эпизод: когда Леви проходил мимо куста дикой хурмы, он внезапно с маниакальным остервенением набросился на него и начал рвать и жадно пожирать плоды.

Химик по образованию, Леви вдруг почувствовал неодолимую тягу изложить словами пережитое им в Освенциме. В результате на свет появились мемуары «Человек ли это?» – трогательный рассказ об опыте выживания в концлагере. «Вероятно, если бы я не написал эту книгу, – поведал Леви своему биографу, – я бы остался на этой земле одним из проклятых». Но он нашел в себе мужество продолжать жить, несмотря на невыносимые страдания. И я благодарен ему, что он – как и многие другие, кто до конца боролся за то, чтобы выйти из этой страшной депрессии, оправиться от этой душераздирающей травмы и даже безумия, – показал нам, что желание быть реальным – очень мощная движущая сила. Переведенное в русло нормальной жизни, искание обладает несколькими существенными ингредиентами, которые связывают нас воедино.

Что делает человека искателем?

- Желание быть реальным.
- Мужество идти навстречу неизвестному.
- Нежелание быть одураченным иллюзиями.
- Потребность чувствовать себя состоявшимся.
- Способность стать выше материальных удовольствий.
- Намек на другие уровни существования.

Если все эти ингредиенты присутствуют внутри вас – значит, вы человек ищущий. Вполне возможно, что они таятся в вас в виде еще не проросших зерен; тем не менее вы чувствуете некое внутреннее беспокойство, внутри вас шевелится некое желание. У людей религиозных слово «желание» вызывает беспокойство. Разве Господь не хочет, чтобы мы отказались от всех желаний? Если, как нам внушают, секс, деньги и власть – ловушки на пути в рай, то соблазн желаниями противен Богу. Однако Фрейд называл секс, власть и любовь к женщине первичными силами жизни. (Естественно, он обращался к мужскому миру.) Человеческая натура устроена так, что мы постоянно стремимся к этим «благам». Если это так – а миллионы людей целью своей жизни ставят именно эти «блага», тем самым вроде бы доказывая, что это именно так, – то каким образом искание может предложить что-то лучше?

В этом смысле люди ищущие как бы олицетворяют обманчивую личину общественности. С одной стороны, этот проект выглядит как чисто религиозный, как своего рода охота за единорогом, где в роли этого мифического животного выступает Сам Бог. А с другой стороны, духовность Нового Века ассоциируется у нас с кристаллами, ангелами, духами, ченнелингом и общением с мертвыми. Легко высмеивать подобные вещи, и атеисты,

ищущие любые доказательства, свидетельствующие об иррациональности религии, с радостью пополняют ими свой арсенал. (На мой взгляд, подобное высмеивание указывает лишь на то, что атеистам свойственна нетерпимость: они на дух не переносят духовность и разбивают вдребезги все ее аспекты, оставляя разве что самые безобидные и выхолащенные.) Но проблема гораздо глубже – наша острая тоска по реальности и что с ней делать.

Мужество быть – на практике

Итак, сейчас самое время решить эту проблему и обрести реальность. Материальный мир хаотичен, в нем столько событий и ситуаций, не подвластных чьему-либо контролю. Чтобы стать человеком ищущим, вам не нужно разгребать весь этот хаос, а нужно просто уметь видеть сквозь него. В ведической традиции с этой целью используется довольно мудрая метафора: человек ищущий – это тот, кто пробирается через стадо спящих слонов так, чтобы их не разбудить. Слоны – это ваши прежние убеждения и условия жизни, внушающие вам, что вы слабы, изолированы и покинуты. Вам нужно постараться их не разбудить, ибо, как только вы их разбудите, все ваши страхи, чувство неуверенности и убежденность в том, что, для того чтобы выжить, нужно бороться, тут же обретут над вами страшную власть. Как только слоны проснутся, они вас растопчут.

Поэтому мир мудрых традиций изобрел иной путь, а именно: ловко обойти эти препятствия, не пытаясь их преодолеть; молча внутри себя изменить свою зависимость; перестать идти на поводу хаоса и начать руководствоваться своим внутренним «я». А теперь позвольте обрисовать, что именно влечет за собой этот процесс. Говоря практически, он следует такой заповеди: «Сбрось с себя все иллюзии, и то, что останется, есть реальность». Материальный мир, как доказала квантовая физика, покоится на иллюзии. Тем не менее, мифология материализма упорно гнет свою линию. Как это влияет на вашу личность? Давайте рассмотрим законы, управляющие материальной жизнью, такие как борьба за выживание, самозащита, конкуренция, классовое разделение и попытка властвовать над природой. Критерии, лежащие в основе этих законов, трудно оспорить, а тем более изменить. Они очень жесткие и для большинства людей – само собой разумеющиеся. Озвучу лишь некоторые из них, имеющие отношение к различным уровням существования.

Научный уровень.

Жесткий критерий здесь таков: люди – маленькие частички в необозримом холодном космосе. Здесь все сводится к материи и энергии, включая и ум – побочный продукт поведения молекул в головном мозге. Законы природы стабильны и неизменны. То, что происходит «внутри», в уме, никак не влияет на реальность «снаружи», которая лишена сознания.

Социальный уровень.

Здесь главный критерий, который задает тон бесконечному потреблению, таков: приобретение и накопление материальных вещей ведет к счастью. Чем больше, тем лучше. Деньги – самая большая ценность в жизни. Все проблемы можно решить, если взобраться на самый верх лестницы успеха и богатства.

Духовный уровень .

Здесь главный критерий таков: духовность, как и все прочее, обретается нелегким, упорным трудом. Только приложив усилия, вы можете взобраться по лестнице к Богу. Если же вы не стараетесь или делаете все небрежно, вас спускают на несколько ступеней вниз. У каждого веры есть свои догматические правила, как достичь успеха. Те, кто неукоснительно следует этим правилам, допускаются в рай. Вся эта схема в точности подогнана под духовный материализм в том смысле, что душа обязана трудиться так же, как и тело в

материальном мире.

Влияние, оказываемое этими уровнями, далеко не пассивно. Они увлекают нас в ловушку той опасности, против которой предостерегал Вашиштха: ум видит только то, что он сотворил. Наша неспособность открыть внутреннюю силу восходит еще к «умом выкованным наручникам», как это выразил Уильям Блейк. Хотя я утверждаю, что материализм – это не реальность, я однако далек от того, чтобы выдвигать это как преднамеренную ложь. Отъявленные материалисты, включая Докинза и компанию, описывают только то, что видят, – и совершают роковую ошибку, суть которой в том, что они не видят: ум творит каждую версию реальности, используя для этого невидимую творящую силу.

Чтобы стать человеком ищущим, вам вовсе не нужно уходить из общества и жить где-то отшельником, не нужно поворачиваться спиной к тем, кто вас любит, или создавать себе новый свод убеждений. Все это привычные ловушки религиозного обращения. Поскольку религия монополизировала эту сферу, мне представляется более разумным взять совершенно другой курс. Я бы предложил упрощенную версию «мужества быть». Внимательно проанализируйте свою нынешнюю ситуацию. Сядьте за стол, положите перед собой лист бумаги и изложите, каким вы видите собственное существование.

Вот самый простой формат. В одном столбце перечислите все внешние атрибуты, требующие ваших усилий, например такие:

- Семья.
- Друзья.
- Карьера.
- Школа, высшее образование.
- Социальное положение.
- Богатство.
- Преуспевание и собственность.
- Политика.
- Увлечения.
- Спорт, посещение гимнастического зала.
- Поход в кино.
- Секс.
- Интернет и социальные сети.
- Видеоигры.
- Телевидение.
- Путешествия.
- Посещение церкви.
- Организация и оказание услуг.
- Благотворительность.

После каждого из атрибутов поставьте цифру от 1 до 10 – количество часов в неделю, которое вы тратите на этот вид деятельности; она будет служить мерой того, сколь высоко вы его цените.

В другом столбце перечислите внутренние виды деятельности, также требующие ваших усилий:

- Медитация.
- Размышление.
- Молитва.
- Саморефлексия.
- Обуздание стресса.
- Чтение духовной литературы, включая стихи и вдохновляющие послания.
- Психотерапия.
- Персональное развитие.

- Интимная близость.
- Связь с другими людьми из сострадания к ним или без оногo.
- Признание и благодарность по отношению к себе и другим людям.
- Изучение мудрых традиций мира.
- Периодический обет молчания.
- Посещение духовного центра с целью восстановления сил.

После каждого вида деятельности также проставьте цифру от 1 до 10: они будут обозначать, как высоко вы цените каждый из них или сколько времени ему уделяете.

Когда закончите, сравните оба списка. Это сравнение даст вам более или менее верное представление о том, чему больше вы отдаете предпочтение – внешнему или внутреннему. Я не предлагаю заниматься самообманом или играть в заведомо ложную игру мнимой духовности: и так ясно, что практически каждый человек преимущественно выбирает внешние виды деятельности. Материальный мир держит нас прочной хваткой. Но достаточно и того, чтобы в материальном мире находилось место и время для внутренней деятельности, которая может быть частью повседневной рутины. (Иисус тоже намекал на необходимость мирного сосуществования этих двух крайностей, когда говорил, что нужно отдавать кесарю кесарево, а Богу Богово.)

Пока вы не уделите время и внимание внутренним атрибутам жизни, вы не сможете считать себя человеком ищущим. Набожность и богоугодные дела не могут служить им заменой. Слишком часто они осуществляются на внешнем плане. Тому, кто испытает необходимость в духовность целях, я бы посоветовал начать с двух моментов, которые не имеют никакого отношения к религии, зато помогают приблизиться к реальности: 1) найдите свой центр и 2) от него стремите свою жизнь. Обе цели необходимы. Если вы пренебрежете одной, вторая окажется существенно ограниченной.

Чтобы найти свой центр, нужно выявить стабильное, логически обоснованное состояние осознания и утвердиться в нем. Здесь внешние силы над вами не властны. Вас не одолевают беспокойства, тревоги и заботы; вы сосредоточены и сфокусированы. Вы ищете свой центр, когда:

- действуете честно и искренне;
- говорите правду;
- вас не волнует необходимость кому-то нравиться;
- перестаете лебезить и угождать людям;
- не боитесь авторитетов;
- защищаете свое достоинство и уважаете достоинство других людей;
- не утаиваете секретов ни от себя, ни от тех, кто вам близок;
- чтите оказанное вам доверие;
- полагаетесь только на себя и не зависите от других;
- не ослепляете себя отрицанием и самообманами;
- отказываетесь выступать против других людей по идеологическим соображениям;
- терпимо относитесь к другим;
- не спешите гневаться, но торопитесь простить;
- стараетесь понять других так же, как понимаете себя.

Вторая цель – стремить свою жизнь от этого центра – означает неукоснительно следовать тонким внутренним подсказкам и руководству, таким как инстинкт, интуиция, любовь, самопознание, доверие и сострадание. Они же помогают понять, чего не следует делать. Вы выпадаете из своего центра, когда:

- фокусируетесь на внешнем вознаграждении (деньги, общественное положение, имущество);
- жаждете одобрения других людей;
- стремитесь вперед, чтобы преуспеть;

- одобряете следование социальным догмам;
- слишком восприимчивы к внешним влияниям;
- строго следуете жестким моральным установкам;
- неукоснительно соблюдаете предписания и правила;
- выставляете себя в качестве авторитета;
- соревнуетесь везде и во всем, как будто победа – самое важное;
- демонизируете своих соперников и конкурентов;
- распускаете слухи о других людях и умаляете их достоинство;
- держитесь за предрассудки и идеологию;
- стремитесь отомстить;
- скрываете правду;
- мыслите по принципу «они против нас»;
- скрываете свой внутренний мир.

Как только эти две цели будут достигнуты, ваш материальный мир придет в равновесие, так же как и вы сами. Внутреннее и внешнее больше не будут двумя отдельными сферами, ибо вы их свяжете между собой. Отныне вы будете действовать, исходя из центра своей индивидуальности, и выражать свое истинное «я». Именно так человек учится преодолевать хаос и раздробленность материального мира.

Намеченный мною проект искания по сути своей экзистенциален, если уж называть вещи своими именами. Мужество быть прокладывает путь – не к Богу веры, но к тому надежному чувству, которое придает смысл состоянию реальности.

Когда вы начинаете подозревать, что вы автор собственного существования, тогда и начинается искание.

Когда вы с помощью осознания начинаете активно формировать свою жизнь, искание доставляет вам ответ.

Когда вы оглядываетесь вокруг и понимаете, что реальность зиждется целиком на сознании, искание приводит вас к цели.

Следующая стадия – путешествие вглубь, то есть постоянное движение к первоисточку творения, который находится там, где пребывает реальная сила. Искание осуществляется в материальном мире, но обретение происходит в другом месте.

Тонкий мир

Если вы войдете в книжный магазин – а поблизости наверняка найдется несколько – и бросите камень в книги на полках, то шанс попасть в книгу, посвященную науке и религии, достаточно высок. Большая часть этих книг зовет к перемирию между этими двумя лагерями, которые традиционно враждуют между собой. В июле 2005 года науке ничего не оставалось, как пожать руку своему старому врагу: престижный журнал «Сайенс» по случаю своей 125-й годовщины со дня основания опубликовал 125 открытых вопросов, на которые наука еще не дала ответ. Первые два звучали так:

- Из чего сформирована Вселенная?
- Какова биологическая основа сознания?

После двух столетий триумфального шествия науки по земле и огромных достижений в этой области с трудом верится, что никто даже близко не подошел к ответу на эти вопросы; в сущности, последние исследования только усугубили эту загадку. Как мы знаем, атомы, формирующие все видимые звезды и галактики, составляют только 0,01 % от общего объема космического пространства. Примерно 4 % отведено видимым атомам – межзвездной пыли и несвязанным атомам водорода и гелия. Остальные 96 % «вещества» выступают как

неатомарные и не подчиняются основным законам Вселенной – законам гравитации и скорости света. Следовательно, это не вещество – по меркам видимого мира. Сказать, что физика дает исчерпывающее объяснение феномену пространства и времени, все равно что сказать, что человек, обладающий 4-процентным зрением, видит весь раскинувшийся перед ним ландшафт.

Что касается биологии сознания, то никто еще не доказал, что у сознания есть биологическая основа. Сканирование мозга, которое само по себе является большим шагом вперед, давая возможность заглянуть под черепную коробку, тем не менее раскрывает лишь картину того, куда и откуда поступает кровь, но при этом и близко не показывает, каким образом химический бульон, то есть смесь воды, сахара в крови, ДНК и ионов калия и натрия, учится мыслить. Создается как раз обратное впечатление: что мыслящая Вселенная решила создать мозг.

Если вы не сможете ответить на предыдущие вопросы – а они являются азбукой реальности, – то ваша теория насчет происхождения людей окажется, мягко говоря, сомнительной. Ибо если вы ученый, то у вас нет другого выбора, кроме как настаивать на том, чтобы ответ на эти вопросы был найден, и по возможности скорей. (Такова позиция науки. Редакторы, прежде чем составить этот список, опросили сто ведущих ученых, прося их сфокусироваться на вопросах, на которые может быть дан ответ в течение ближайших 25 лет.) Наш век стремителен и требует быстрых ответов на насущные вопросы бытия. Откладывание их на более долгий срок кажется неразумным, тем более что речь идет не о какой-то там грандиозной цели (вроде долгожданной теории всего), а всего лишь о заслуживающей доверия начальной точке. Бог – это и есть начальная точка. Противостояние духовности и науки в данном случае неизбежно. Обе устремляют взор на иной уровень реальности через границу, отделяющую его от видимого мира. Обе имеют дело с чудом природы и самым странным из всех феноменов, как его выразил Эйнштейн: вначале следует понять саму природу.

Тонким миром я называю невидимую сферу. Мы приходим сюда стезей веры. Наука тоже ведет сюда же, но ее путь складывается из целой цепочки этапов, и на каждом она снимает с реальности слой за слоем – как с лука; или раскладывает ее, как русскую матрешку, где все более мелкие куколки помещаются одна в другой. Но тонкий мир не является бесспорной территорией какой-либо из этих сторон. Если он реален – значит, это реальность. Наука может презирать путь веры, но тем самым она высказывает презрение не к вере, а к самому сознанию, которое связывает все виды ментальной деятельности, будь то молитва или бомбардировка протонами, в результате которой высвобождаются частицы Хиггса.

Слои лука, снимаемые наукой, – это простые утверждения, с которыми соглашаются все ученые:

- Сводится ли жизнь к биологии? – Да.
- Сводится ли биология к химии? – Да.
- Сводится ли химия к физике? – Да.
- Сводится ли физика к математике? – Да.
- Является ли математика деятельностью сознания? – Да.

На публичных форумах и в частных беседах я предлагал эту незамысловатую формулу многим именитым ученым, и все они без задержки и промедления утвердительно отвечали на поставленные вопросы (разве что с легким подозрением: а нет ли здесь какой-то тонко расставленной ловушки). Неловкость и смущение начинались чуть позже, с того момента, когда я произносил: «Похоже на то, что жизнь все-таки сводится к сознанию, не так ли? Мы приходим к этому каждый своим методом». В ответ на это умозаключение они, как правило, пожимали плечами. Один невролог даже признался, что никогда прежде ему не приходилось отвечать на столь трудную цепочку вопросов. А космолог обвинил меня в редукционизме. Но я не расставлял никаких ловушек. Сознание как основа творения проступает и обнажается само собой, с чего бы вы ни начали – с Бога или с пробирки. В одном случае

материя растворяется, претворяясь в ум; в другом случае ум вначале проявляется как материя. Тонкий мир – их общий знаменатель.

Вера тоже опирается на логику, но в этом очень трудно убедить кого бы то ни было, особенно если его логика не соответствует вашей. Докинз оттолкнул от себя даже тех, кто некогда разделял с ним его атеистические взгляды, ибо он тщеславно полагает, что владеет монопольным патентом на рациональность. Никакая другая логика здесь неуместна – только его. Даже если это и так, до недавнего времени вынужденный брак между наукой и религией не удовлетворял никого. Докинз и компания своей деятельностью только оттеняют давно наметившуюся социальную расселину, суть которой в том, что если ты «занимаешься наукой», то не имеешь права состоять в профессиональной компании с теми, кто «занимается религией». Ибо эти два курса обучения не пересекаются в одном университете, и эти два вида деятельности не сосуществуют в одном здании.

Однако те же инструменты, с помощью которых Бог обретает реальность, komponуют и реальный мир. Хотя их и можно выразить в нескольких принципах, но никто не в состоянии заявить на них патент. Уж если они имеют отношение к самой реальности, то должны равно приниматься и верующими, и скептиками. Вот эти принципы:

Принцип 1. Вы не тот, кто пассивно приемлет раз и навсегда установленную, неизменную реальность. Каждую секунду вы участвуете в процессе ее восприятия и переживания.

Принцип 2. Воспринимаемая вами реальность творится в процессе ее переживания.

Принцип 3. Чем больше ваше самоосознание, тем большей силой вы наделяетесь как творец реальности.

Ни один из этих принципов не должен оказаться для вас неожиданным. «Сознание» и «творец» – важные понятия в моем дискуссионном арсенале, но вы однако не должны принимать их на веру, а должны сами опробовать каждый из принципов; у вас нет иного пути, если уж вы претендуете на роль творца. Если же вы их не опробуете – значит, вы просто пассивно принимаете позицию скептика, суть которой сводится к тому, что на сознание совершенно нельзя полагаться, ибо оно всегда чисто субъективно. Утверждение «Я люблю сладости» нельзя приравнять к утверждению «Небо синее». Первое – переменчивое личное ощущение; второе – научный факт. Но, как мы видим, подобное различие необоснованно. Именно сознание окрашивает небо в синий цвет. И именно сознание позволяет нам думать и мыслить. Скептики предупреждают: не доверяйте событиям, которые происходят «только в вашем уме», хотя истина в том, что только в вашем уме происходит все, что происходит с целым миром.

Невидимые сигналы

Здесь встает неизбежный вопрос: насколько можно ему доверять? Можете ли вы доверять своему уму, когда он ведет вас через границу из видимого в невидимый мир? В этом-то все и дело! Этот вопрос, пожалуй, следует начать с рассмотрения другого: что значит довериться Богу? Этот акт всегда изображался как акт веры, а это значит – если мы будем до конца честны перед собой, – что большинство разумных людей отметут его как нечто несуразное. Доверие означает доверительное отношение к невидимым силам, тающимся за границей диапазона пяти чувств. Разумеется, вы не позволите Богу вести вашу машину. Никакая невидимая сила не сможет приготовить вам вечером ужин. Материальный мир действует согласно собственным законам. Если вы здесь остановитесь, то зачем вам доверяться Богу, если можно доверять материальному миру, причем ежедневно? А для того чтобы довериться Богу, необходимо отказать в доверии материальному миру и следовать наметкам, ведущим в ином направлении. Эти наметки – как взгляд украдкой за пелену дыма и магические зеркала фокусника: он позволяет увидеть, что творится за кулисами и как делаются трюки.

Поскольку тонкий мир затрагивает всех нас, наметки, ведущие к нему, попадают на нас

на пути чуть ли не ежедневно. Прикиньте, сколь многое из того, что перечислено ниже, уже случилось с вами. Список длинный, но здесь важно понять одно: если вы испытали нечто подобное, значит, вы уже соединились с более глубоким уровнем сознания, пусть даже фрагментарно и в виде мимолетных вспышек озарения.

Наметки или подсказки из тонкого мира

Связь с более глубоким уровнем сознания

- У вас бывают моменты озарений или открытий («ага!», «эврика!»).
- Вас одолевает священный трепет в преддверии или при виде чуда.
- Вы чувствуете дыхание возвышенной реальности, как будто она вот-вот на мгновение откроется перед вами.
- Вас посещает неожиданное чувство безмятежного мира и покоя.
- К вам приходит вдохновение, и вы переживаете взлет творческой активности.
- События складываются в некую схему, и неожиданно вы эту схему прозреваете.
- Вы внезапно чувствуете, что любимы; просто любимы, в общем и целом, безотносительно к какому-либо человеку.
- Вы думаете о каком-то человеке, и в следующую минуту этот человек вам звонит.
- Вам на ум приходит какое-то очень редкое слово, и сразу вслед за этим во время чтения или в разговоре вы натываетесь на это слово.
- Вы предвидите какое-то событие, и оно действительно происходит.
- У вас есть какое-то особенное желание, и вдруг оно исполняется как бы само собой.
- Вы прозреваете смысл в случайных совпадениях, когда два события происходят одновременно и переплетаются между собой.
- Весь день дела систематизируются и улаживаются сами собой; всякая вещь становится на свое место без всяких усилий.
- Вы видите ауру другого человека – или как зримый свет, или как тонкое ощущение света.
- Вы чувствуете рядом присутствие человека, отошедшего в мир иной.
- Вы ясно чувствуете харизму – силу личности, – излучаемую другим человеком.
- Вы чувствуете, как другой человек излучает чистую любовь или святость.
- Вы чувствуете, что вы ведомы и направляемы.
- Вы уверены, что у вашей жизни есть некая предопределенная цель, которая намного превосходит желания вашего эго.

Чтобы заметить эти наметки иного мира, требуется чуточку самоосознания. Это своего рода всполохи мистерии. *Что-то* стучится к вам и просит, чтобы вы обратили на него внимание. А теперь задайте себе ключевой вопрос: скольким из них вы доверились? Они как-нибудь изменили ваши взгляды или вашу повседневную реакцию на жизнь? Как люди разнятся между собой, так разнятся и степень их доверия к этим предметам. Момент открытия («эврика!») может в корне изменить всю жизнь, но такое случается редко. Гораздо чаще случается другое: вы получаете послание из тонкого мира, но оставляете его без внимания и возвращаетесь к привычной для себя будничной жизни.

Арена субтильного восприятия – очень хрупкая сфера. В этом коренится основная причина сомнений в силе сознания. Мы принимаем осознание как нечто само собой разумеющееся, а когда события выбиваются из обычной колеи, мы не знаем, как на это реагировать. Одна моя подруга как-то рассказала мне о своем посещении индийской святой, которая родилась в очень бедной семье, но росла в окружении многочисленных почитателей ее святости. Она очень не хотела к ней идти.

– Меня попросила об этом одна из последовательниц этой святой, – объясняла она свое нежелание, – и я никак не могла побороть свое смущение и сказать ей, что ее убеждения

сильно умаляют ее в моих глазах. Идея тотальной покорности другому человеку вызывала во мне ужас. Чего ради человек должен пренебрегать своей свободой во имя другого?

Но она все же уступила просьбам и пошла. Святая обосновалась в просторном шатре, до отказа набитом людьми и благоухающем благовониями из сандалового дерева. Она сидела на небольшом помосте, маленькая фигурка, облаченная в сари, внешне ничем не отличавшаяся от всех других людей.

Моя подруга была поражена увиденным.

– Я застыла на месте, – вспоминает она, – видя, как сотни людей глубоко чтят эту неизвестную женщину, уделяя ей все свое внимание; многие кланялись, приближаясь к ней. Каждому она дарила улыбку и нежные объятия. Это было странное зрелище, та самая картина, которая всегда была мне так неприятна во всей этой науке почитания гуру, хотя по каким-то неведомым причинам я ощущала себя совершенно комфортно и даже расслабленно.

Стесняясь подойти к святой, она уселась в глубине шатра. Но она слышала о *даршане*, традиционной индийской практике получения благословения в присутствии святого, поэтому некий внутренний импульс толкнул ее встать и медленно направиться к святой, чтобы принять от нее *даршан*.

– Не могу объяснить, что случилось, – рассказала она мне потом. – Меня со всех сторон теснили и толкали люди, но я медленно и упорно продвигалась вперед. И по мере продвижения в моем уме внезапно воцарился полный покой. Находясь среди толпы снующих, возбужденных, беспокойных людей, я не возбудилась и не стала беспокойной. Еще чуть ближе – и внутренний покой обратился в полное умиротворение. Еще немножко ближе – и я ощутила внутри некую сладость, какую обычно ощущаешь в присутствии радующегося ребенка, только эта была гораздо глубже.

– Наконец подошла и моя очередь, – завершила она рассказ. – Святая улыбнулась мне и нежно обняла меня. Она прошептала мне на ухо несколько слов, которых я не поняла; позже мне сказали, что это было благословение. Я вот все думаю: что, если бы меня сфотографировали в этот момент? На фотографии была бы видна высокая белая западная женщина, которую обнимает маленькая смуглая восточная женщина. Только и всего. И все же это переживание не передать словами. Я чувствовала в этой женщине такую глубину и такую силу, которые можно выразить только словом «святая». В то же время мной владело чувство, будто я встретилась сама с собой. Той маленькой смуглой женщины там вроде бы даже и не было. Я хочу сказать, что она была... Чем? Лишь символом, носительницей, посланницей Божественного присутствия.

Что и говорить, мощная примета тонкого мира! Соприкоснувшись с ней, моя подруга оказалась одновременно растерянной и глубоко взволнованной. Она по-прежнему старается разобраться в том, что случилось. Я использую слово «примета», чтобы указать на несколько опосредованный опыт общения с тонким миром, ибо когда мы прямо окунаемся в этот мир, то бываем настолько ошеломлены, что наш ум просто закрывается и отторгает эту возможность. Поэтому мы обычно пробавляемся приметами и проблесками. Этот мир был бы странным местом, если бы каждый второй человек был осиян светом, как Савл по дороге в Дамаск. Мы сами себя ограничиваем и сами себе задаем условия, смотря через темное стекло. Когда Савл пережил это небывалое обращение светом, сделавшее его Павлом, он прибег именно к этой метафоре с темным стеклом, поскольку отныне его восприятие мира изменилось навсегда. Тонкий мир стал его домом, в сравнении с которым обычный мир – это обитель тусклых теней.

Приметы тонкого мира будут возникать постоянно, пока вы намеренно не перекроете им доступ, как это делают некоторые люди. Тонкий мир только ждет момента, когда эти разрозненные сигналы начнут восприниматься. И тогда происходит сдвиг. Ваше сознание начинает высвобождаться. Драматическим примером подобного рода может служить долголетняя реакция людей, испытавших околосмертные переживания. Большинство говорят, что, побывав по ту сторону жизни, они больше не боятся ни смерти, ни умирания, а

некоторые идут еще дальше и говорят, что они с того памятного момента не знают больше ни забот, ни волнений. Мы – вы и я – постоянно испытываем страх перед смертью, ибо он внедрен в душу на тонком уровне. Но это также уровень, на котором начинается освобождение. Верит ли человек в околосмертные переживания или нет, он в любом случае освобождается от страха перед смертью, и это указывает на то, что он соприкоснулся с тонким миром и этот контакт привел к практическому результату.

Как только тонкий мир начнет что-то значить для вас, вы сможете совладать не только со скрытым волнением, но и с другими, еще более пагубными состояниями. Это царство света, где *свет* означает «чистое восприятие, состояние прозрачности». Сознание призвано быть свободным. Вы должны лишь дать ему такую возможность, приветствуя и поощряя каждый этап, ведущий к расширенному сознанию. Как это сделать?

- Оставайтесь непредубежденным и восприимчивым.
- Не слушайте голоса страха.
- Не позволяйте себе скатываться до отрицания.
- Придерживайтесь холистической точки зрения.
- Ставьте под сомнение узкие границы эго.
- Идентифицируйте себя с высшими импульсами.
- Оптимистично смотрите в будущее.
- Ищите скрытый смысл в повседневных событиях.

Вот что я называю *тонкими действиями*. Не нужно переносить их на материальный уровень. Приметы, оставляемые тонким миром, требуют и тонкой реакции на них.

Тонкие действия

Мы все привычны к тонким действиям, хотя никогда их так не называем. Все такие действия – это всегда выбор. Представьте, что вы отправились в отпуск и по пути в аэропорт вам в голову пришла пугающая мысль: «А закрыл ли я дверь в квартиру?» или: «А не оставил ли я включенной духовку?» В этот момент вы как бы устраиваете очную ставку с самим собой и перед вами встает выбор: повернуть домой и убедиться, что все заперто и выключено, или понадеяться на то, что все будет в порядке? Первый выбор – действие в материальном мире; второй – тонкое действие. Возможно, вы не видите особой разницы между ними, но, тем не менее, подумайте над этим. В материальном мире мы волнуемся, дважды себя проверяем, беспокоимся, мучимся и делаем многое другое ради чувства безопасности. Но интуиция – а интуиция вещь тонкая – не волнуется и не беспокоится. Если вы решаете довериться своим чувствам, вы делаете выбор на тонком (субтильном) уровне. (Простая констатация этой разницы не означает, что вы теперь сможете пренебречь всеми волнениями и беспокойствами. Прежде чем доверие наберет силу и станет реальностью, вам нужно будет отследить и опробовать весь этот процесс.)

Тонкими действиями наполнена вся жизнь. Если вы доверяете своему партнеру или партнерше и его/ее любви к вам, это тонкое действие. Человек менее уверенный нуждается в заверениях – например, заканчивает каждый телефонный разговор словами «Люблю тебя», чтобы услышать в ответ «Я тебя тоже». Только слова и действия могут вернуть человеку уверенность, но проблема в том, что он не доверяет своему внутреннему миру. Внутреннее доверие и недоверие могут влиять на течение всей его жизни. Ребенок, которого родители всегда любили и любят, почти всегда идет по жизни, исполненный чувства уверенности в своей привлекательности. На тонком уровне привлекательность – устоявшаяся материя. Но если ребенок растет, сомневаясь в том, что он любим, он будет испытывать это терзающее сомнение и на тонком уровне. Что случится потом? Он потратит годы на то, чтобы успокоить и привести в равновесие чувство беспокойства, неудовлетворенности, неуверенности и страха, что он всегда будет недостаточно хорош.

Насущные потребности, с которыми верующие люди обращаются к Богу, тоже

субтильны. «Господи, сделай меня достойным человеком. Господи, дай мне почувствовать, что я любим. Господи, яви мне свое благословение». Если вы обращаетесь с подобными призывами вовне, вы не можете полагаться на то, что Бог вам ответит. Вы, как телеграфист, сидящий на далекой и Богом забытой станции и отбивающий телеграмму, не будучи при этом уверенным, что линия не повреждена. Только после того как вы достигнете и познаете состояние, называемое «Бог внутри», – только после этого вы можете доверять связи. В материальном мире связь с Богом прервана, и только в тонком мире ощущается Его присутствие. Это не конец пути, но через субтильные действия, сопровождающиеся реальным отзывом, Божественное начинает заявлять о себе. Если вас покинул страх или вы чувствуете себя благословенным – это еще не мистический отзыв. Вы просто мыслите и поступаете иначе, чем тот, кто не испытал этих тонких преобразований.

Мне на ум пришла одна индийская притча, которая служит прекрасной иллюстрацией сказанного. Один монах странствовал в одиночестве из селения в селение, уча дхарме, то есть как правильно жить духовной жизнью. Однажды, идя через лес, он вышел на большую поляну и сел отдохнуть.

Он открыл свой дорожный мешок, собираясь перекусить, но тут случайно мимо проходил вор, который увидел, что в мешке монаха лежит огромный алмаз. Дождавшись, когда монах соберется в путь, вор побежал вперед и спрятался в кустах. Вскоре появился монах, и, как только он подошел к кустам, вор внезапно выпрыгнул перед ним на дорогу.

– Чего ты хочешь? – спокойно спросил монах.

– Алмаз, лежащий в твоем мешке, – ответил вор.

– Так ты шел за мною только ради этого? – удивленно спросил монах. Он достал алмаз из сумки и вручил его вору со словами: – Хорошо, возьми его.

Вор жадно схватил камень и побежал прочь, но, немного отбежав, оглянулся, чтобы убедиться, что монах не гонится за ним. То, что он увидел, поразило его. Монах, скрестив ноги, сидел под звездным небом и спокойно медитировал с выражением полного блаженства на лице.

Вор развернулся и побежал к монаху.

– Прошу тебя, – умоляюще сказал он, – возьми назад этот алмаз. Я только хотел посмотреть, как человек, потерявший такую дорогую вещицу, может при этом оставаться таким безмятежным.

Эта притча о разнице между преобразованной и непреобразованной человеческой природой. Субтильные действия оказывают глубокое влияние на нас и дают направление всему нашему существованию. В течение дня мы постоянно подходим к невидимому распутью или пересечению дорог и делаем выбор, который ведет нас в том или другом направлении. Вот лишь несколько примеров такого выбора:

- Доверять или не доверять.
- Сдаться или удерживать власть.
- Остаться в стороне или вмешаться.
- Обратить внимание или отвернуться.
- Любить или бояться.
- Ввязаться или сбежать.

Мы можем различать субтильные действия по их качеству: те, которые приводят к положительным результатам, и те, которые не приводят. Но их нельзя брать в качестве директив вроде тех, что мы находим в учебном пособии. Не существует утвержденного кем-либо свода правил для выбора, который был бы всегда правильным, тогда как другие были бы неправильными. Любовь – величайшее благо в жизни, но иногда возникают причины и для страха. Не вмешиваться – часто такой совет оказывается мудрым, но иногда вмешаться просто необходимо. Секрет, как сделать правильный выбор, откроется вам тогда, когда вы сроднитесь с тонким миром и будете чувствовать себя там комфортно. Когда вы у себя дома, вы ясно видите, какой выбор правильный и как его сделать. Ситуация сама его вам

предлагает. Брешь между вопросом и ответом делается все меньше и меньше. Когда все эти вещи станут для вас привычными и знакомыми, можно считать, что вы научились доверять своим инстинктам и действовать, опираясь на интуицию.

Инстинкт и интуиция – это настоящие умения. Очень многие из нас так и не успели как следует развить эти умения, поэтому мы часто действуем напропалую и бродим во тьме. Наш внутренний мир хаотичен и противоречив. Великие художники – яркий пример развитой интуиции. Представьте, что вы стоите рядом с Рембрандтом, когда он пишет картину. Перед ним палитра с той же беспорядочной смесью красок, что и у любого современного художника. Предмет его изображения – какая-нибудь богатая амстердамская дама в платье с жестким белым кружевным воротничком и золотыми украшениями. (Женщины Рембрандта часто носили все свое богатство на себе.) Художник то макает кисть в краски, то водит ею по холсту. Обычные действия, которые совершает любой профессиональный портретист.

И вот после нескольких сеансов происходит настоящее преображение. Перед вами на холсте не просто портрет, а живое человеческое существо. Интуицией великого художника Рембрандт схватил суть и характер дамы и с помощью тонкого искусства воплотил их на холсте. Мы видим целый спектр различных качеств (тщеславие, меланхолия, томность, наивность), которые проступают на ее лице сквозь румяна. Эти внутренние качества не могут быть переведены в механическую технику. Они требуют наличия прямой связи между тонким миром и рукой художника; вот почему мы стоим, объятые трепетным восхищением, и восклицаем: «Он запечатлел самое ее душу».

Не только гении, но и каждый человек может развить субтильные умения. Новоиспеченные мамы делают это постоянно, когда учатся читать сигналы, подаваемые младенцами. (В африканских племенах женщины-матери, которые, как известно, носят голых младенцев на спине, мгновенно определяют, когда нужно взять ребенка на руки, чтобы он помочился или опорожнил кишечник. Здесь действует не какая-то там случайность, а устойчивая инстинктивная связь.) Вопрос не в том, есть ли у вас субтильные умения – уверен, у вас их много, – или нет. Вопрос в том, что познание Бога – это не какое-то единичное умение. Бог в тонком мире пребывает всюду. Он не является во вспышках озарения, в пиковые моменты, сопровождаемые внезапным слепящим светом. Бог там постоянно; и только мы то приходим, то уходим.

Пока тонкий мир не станет вашим домом, вы будете постоянно приходить и уходить. Повторение и практика – это часть кривой обучения. Сложность в том, чтобы узнать – хотя бы для начала, – что вы находитесь именно в тонком мире. В данном случае уровень решения гораздо глубже уровня самой проблемы. Поэтому пребывание на уровне проблемы неизбежно ведет к разочарованию.

Вы наверняка встречали людей, которые постоянно стремятся к самосовершенствованию и говорят вещи типа: «Я учусь меньше гневаться», «Я учусь больше доверять себе и другим» или «Я учусь быть менее властным и более сдержанным». Но это учение никогда не кончается. Несмотря на все усилия, эти люди увязли в проблемах гнева, недоверия и властолюбия и никак не могут их решить. (Люди, прошедшие курс по управлению гневом, например, после него зачастую реагируют с еще большим гневом. Точно так же преимущества, даваемые курсами и советами по обузданию горя, часто весьма сомнительны и слишком непредсказуемы.) Почему это происходит? На этот вопрос нет определенного ответа; здесь вступает в игру целый ряд возможностей. Например:

- Эти люди боролись на уровне эго, неверия в собственные силы и самообвинения, поэтому так и не достигли тонкого уровня.

- Натолкнувшись на внутреннее сопротивление, они утратили сердечность.
- Столкнувшись с большим количеством препятствий, они потеряли мотивацию.
- Используемый ими подход оказался слишком путаным и противоречивым.
- Они так и не подошли ответственно к своему поведению.
- Им не хватило самоосознания.

Проще говоря, большинство людей посещают тонкий мир чисто случайно, как «блудные прихожане», то есть как христиане, посещающие церковь от случая к случаю, например только на Рождество и Пасху. Наше неумение найти Бога восходит к привычке приходить в тонкий мир и уходить из него, вместо того чтобы сделать его постоянным домом. Точно так же наше неумение хорошо играть на пианино восходит к тому моменту, когда мы бросили уроки фортепьяно, а ваше неумение наносить идеальный удар по мячу в гольфе или заниматься той или иной творческой деятельностью объясняется отсутствием или недостатком практики. Как бы банально это ни звучало, но поиск и умение найти Бога зависят от систематической практики.

Я не собираюсь каталогизировать ошибки и промахи ищущих людей, которые никак не найдут то, что они ищут. В данном случае гораздо важнее попасть на верную и надежную тропу, ведущую к цели. Тонкий мир может оставаться неизвестным и непознанным, но он всегда открыт.

Учитесь управлять своим мозгом

Самая верная тропа – холистический подход к уму и телу в их взаимосвязи. При любом состоянии осознания ум обрабатывает текущее событие, а любое мирское событие, такое, например, как выгул собаки, происходит на том же плане, что и любое возвышенное явление вроде звучания ангельских голосов. Мозг должен адаптироваться и к тому, и к другому процессу. В детстве, например, ваш мозг специально адаптировался к тому, чтобы научиться читать. А ваши глаза должны были фокусироваться на маленьких черных черточках на листе бумаги и научиться перемещаться вдоль строки слева направо, а затем вниз, на следующую строчку, чтобы повторить тот же шаблон. Ваш мозг должен был расшифровать черные черточки, переведя их в буквы. Ваша память работала над тем, чтобы создать обширную библиотеку из слов и понятий. Учиться грамоте – все равно что войти в новый мир.

Ваш отход от материализма будет гораздо более радикальным, ибо вам придется отказаться от фиксированного эталона тождества с миром – от всех ваших привязок к физической Вселенной. Импульс любви будет нести в себе больше силы и энергии, чем любая гроза. Изображение розы на сетчатке вашего ментального ока будет обладать той же силой воздействия, что и роза в вашей руке, ибо обе они – плоды сознания. Как ваш мозг адаптировался, когда учился читать, точно так же он может адаптироваться и к восприятию Бога. Когда вы берете на вооружение некую стратегию, в соответствии с которой ваш мозг должен приспособливаться к обработке чувственных восприятий, и следуете ей, то ваше духовное видение претворяется в практический подход. В сущности, это служит своего рода лакмусовой бумажкой: если вы не будете тренировать свой мозг снова и снова, то не откроете ничего реального в своем духовном искании. Вы так и останетесь в сети, надеясь, что сможете найти ячейку, через которую сумеете выскользнуть.

Мозг сам по себе не меняется и не приобретает новый вид; он функционирует как механизм, обслуживающий ум, то есть преобразующий то, чего ум хочет, чего боится, во что верит и о чем мечтает. Становясь более сознательными, вы автоматически начинаете управлять своим умом, ведя его туда, куда вам нужно. В эпоху веры условия были таковы, что всем людям приходилось принимать и строить свою жизнь на условиях, определяемых Богом. Россыпь или расположение камней складывались в проповедь и поучение; упавшее дерево было посланием от Всевышнего. Сегодня верно обратное. Камни – немые; упавшее дерево – случайность. Человеческий мозг научился адаптироваться к *любой* реальности. Это великий дар, ибо это означает, что вы можете устремлять свой мозг в тонкий мир, который будет становиться все более реальным по мере того, как ваш мозг будет приспособливаться к новому ландшафту.

Мозгу, несмотря на все его дивные чудеса и способности, требуются основательные подготовка и обучение, особенно когда вы осваиваете новое искусство; а поиск и умение

находить Бога – именно такое искусство. Для этого должны быть сформированы новые, нейтральные пути, и это случится автоматически, как только вы привлечете к этому делу фокусировку, внимание и намерение.

Ниже даются семь стратегий – одна на каждый день недели, – позволяющие приспособиться к тонкому миру. Фокусируйтесь каждый день на новом упражнении – это даст вам возможность сжиться с внутренним миром и чувствовать себя там вполне комфортно. Усердно выполняйте все упражнения, повторяя их через определенный промежуток времени, и вы станете свидетелем подлинных, благотворных и долговременных перемен в вашем сознании.

День первый

Будьте духовно щедры.

Старый путь: изо всех сил цепляться за свое.

Новый путь: делиться своим.

Упражнение. Сегодня осознайте свои старые привычки, под влиянием которых вы неизменно реагируете по принципу: «Я – первый». Понаблюдайте за тем, как вы держитесь за свое, вместо того чтобы им делиться. Если вы подметите симптомы эгоизма, жадности, страха нехватки, страха потери и другие препятствия, мешающие вам делиться с другими своим добром, в чем бы оно ни состояло, остановитесь и сделайте глубокие вдох и выдох. Отключитесь от всех реакций и вернитесь к своему «я». Посмотрите, не проявится ли новый способ реагирования. Если не проявится, ничего страшного в этом нет. Прекращение старых реакций – тоже шаг вперед.

Чтобы проложить новый путь, поищите сегодня возможность выказать доброту, нежность и благодарность другим людям. Постарайтесь предвидеть их потребности и нужды до того, как они их выразят. Посмотрите, что можно сделать, чтобы, свернув со своего пути, прийти им на помощь. Спросите себя, что значит быть щедрым, и представьте себя в этой роли. Действуйте в согласии с этим импульсом щедрости, а не бегите от него и не съезживайтесь от одного его прикосновения.

День второй

Будьте любящими и любимыми.

Старый путь: подавлять любовь.

Новый путь: выражать любовь.

Упражнение. Сегодня ваша цель – подавление любви обратить в ее выражение. Внутри всех нас есть чувства и импульсы, которым мы противимся. Мы не выражаем их, даже если они абсолютно позитивные. Живя в социуме, вполне здраво и разумно не выражать того, например, насколько враждебно вы настроены в данный момент к тому или иному человеку, но и подавление такого позитивного первичного чувства, как любовь, может оказаться для вас деструктивным. Счастье в том, чтобы знать, что вам нужно, и получать нужное вам от человека, который хочет удовлетворить ваши нужды.

Поскольку для большинства людей проще давать, чем брать, проявите сегодня один из аспектов любви, который вы обычно подавляете. Это не значит, что вы должны внезапно выбраться из своей скорлупы и сказать: «Я люблю вас», хотя говорить и слушать подобное зачастую крайне желательно. Вместо этого подумайте о матери или о том, кто любил вас естественно и непринужденно. Как она выражала свою любовь? Она заботилась о том, чтобы вы ни в чем не нуждались, она ставила вас выше себя, она умалила себя перед вами, она не судила и не критиковала, она помогала лечить ваши раны и всячески поддерживала вас, когда вы нервничали, боялись или чувствовали себя беспокойно. Найдите же сегодня

возможность сыграть ту же роль по отношению к другому человеку.

«Я недостаточно любим/а» за один день невозможно обратить в «Я безоговорочно любим/а». Для подобного обращения нужен целый процесс. Чувствовать себя нелюбимым или нелюбимой вас заставлял целый ряд энергетических посланий со стороны других людей; эти негативные послания стали неотъемлемой частью вас и отлились в ваш собственный воображаемый образ. Давайте же повернем этот процесс вспять. Если вы будете получать от других людей послания о том, что вы любимы, ваш собственный воображаемый образ изменится в том же направлении, и вы мало-помалу создадите новое представление о себе.

Постарайтесь сегодня осознать себя и мыслить о себе с позиции любви. Понаблюдайте, не отталкиваете ли вы от себя позитивные послания других людей. Посмотрите, не двигаетесь ли вы в старой колее, реагируя бесстрастно, индифферентно или беззаботно по отношению к другим. Если это так, остановитесь. Но чтобы остановиться, вам потребуется переучиться. И это стоит того, ибо даже просто остановиться – уже шаг вперед. И не забывайте торить новый путь. Старайтесь стать человеком, достойным любви. Улыбка, доброе слово, поступок, говорящий о нежной привязанности, – все эти маленькие повседневные вещи дают понять другим людям, что вы о них заботитесь. Любовь по большей части не романтична. Она просто служит выражением сердечного тепла, и первое, в чем каждый сердечный человек выражает свою любовь, – это забота. Вместо того чтобы беспокоиться, сможете ли вы найти нужного человека, который бы вас любил, сами будьте таким человеком. Чем больше вы будете изливать любовь, тем активней – и автоматически – ваш высший мозг будет реагировать на путях любви.

День третий

Освободитесь.

Старый путь: продолжать сопротивляться.

Новый путь: довериться тому, что есть.

Упражнение. Сегодня вам предстоит кое от чего освободиться. Сосредоточьтесь на этом и, когда момент назреет и ваш внутренний голос скажет: «Я, черт возьми, прав» или «Я не сдамся», просто остановитесь. Не нужно ничего делать обратного тому, что сказал ваш голос. Просто выдержите паузу, полностью осознавая то, что вы делаете. Обратите внимание на то, что вы держитесь за ситуацию, цепляетесь за нее, требуя, чтобы она изменилась. Какие чувства это у вас вызывает? Почти всегда цепляние за ситуацию вызывает чувство стесненности, ограничения, раздражения и стресса. Если вы испытываете что-либо подобное, прогуляйтесь и расслабьтесь. Сделайте несколько глубоких вдохов и выдохов или предайтесь медитации. Сцентрируйтесь, прежде чем реагировать.

Освобождение – акт одновременно и эмоциональный, и физический. Вы открываете путь приятия. Что бы ни говорил ваш внутренний голос, реальность всегда проста: та, что есть. Вам нужно увидеть это «то, что есть», а это значит, вам нужно отбросить «то, что должно быть». Не думайте об этом как о капитуляции в смысле утраты. Думайте об этом как о возможности открыться еще больше, как о возможности снабдить свой мозг еще большей информацией. Это значит, что на высшем уровне вы призываете свой мозг отреагировать на ситуацию более адекватным, лучшим образом.

Самоосознание предупредит вас о негативных реакциях. В прошлом, когда вы были настроены негативно, старые пути предоставляли вам всего два выбора: закрыться (уйти в себя) или действовать. Большинство людей закрывается, ибо на собственном мучительном опыте они усвоили, что если действовать, то есть выражать свои суждения, гнев, обиду и эго, то от этого реакции окружающих не станут лучше, а только хуже. И все же подобные ситуации никогда не строились по принципу «или-или». Вместо того чтобы закрыться или действовать, вы можете просто пребывать в самоосознании. Поступая так, вы допускаете в себя свет сознания. Ваше Высшее «Я» есть на деле не что иное, как расширенное сознание.

Цепляясь за что-либо, вы как бы сжимаете это сознание, втискивая его в узкое местечко внутри своего ума, – ментальный эквивалент того, как если бы вы собственными руками сильно сдавливали свою грудь. Вы можете долго жить с тесно переплетенными руками, стиснутыми зубами и выпученными глазами – или можете обратить внимание на то, что делаете, и остановиться.

Ментальный эквивалент действует тем же образом. Вы можете долго клеймить других людей как грешников и даже отрекаться от них – или можете обратить внимание на свои собственные действия и остановиться. С этого и начинается процесс освобождения. В этом случае, как только вы прекратите сжимать и стискивать себя, ваш мозг автоматически освободится. Со временем открытость станет привычкой. Новые пути придут на смену старым и принесут свежие впечатления. Как только вы станете искать доказательства того, что цепляние неэффективно, вы легко их найдете. На что нужно терпение, так это на то, чтобы научиться расценивать освобождение как награду. Жизнь ужасно сложна; если запереться в маленькой комнатке, реальность покажется более безопасной. Но как только вы впустите в себя поток жизни, перестав сопротивляться, освобождение будет даваться легче, и тогда вы увидите, что жизнь дана вам, как индивидууму, для познания. Блаженство универсально; а вот поиск собственной частицы блаженства – это привилегия, которая дана только вам.

День четвертый

Выберитесь из пут рутины.

Старый путь: рутина.

Новый путь: удовлетворение.

Упражнение. Сегодня вам предстоит разбить в пух и прах предсказуемую рутину. Сделать это легко – так легко, как если бы речь шла о замене яичницы-болтуни на яйцо-пашот или о переключении канала «Воскресный футбольный вечер» на какой-то другой. Рутина укоренена в мозге. Это форма выживания, хотя, говоря по правде, она никогда не подвергалась риску истребления. Жизнь большинства людей складывается из необходимости удовлетворять насущные нужды, такие как пища, кров и одежда. Тот факт, что мы считаем выживание чем-то само собой разумеющимся, не убеждает низший ум. Он постоянно пытается заручиться поддержкой против голода, агрессии, разгула стихий и опасной среды. Отсюда чувство риска, перерастающее в страх, когда люди оказываются отрезаны от привычной рутины.

Сегодня ваша цель – сломить привычку мозга ставить знак равенства между некоторыми понятиями, такими, например: *новый* = *чуждый*, *свежий* = *угрожающий*, *неожиданный* = *тревожный*. Осознайте, каким образом вы структурируете целый день, с тем чтобы чувствовать себя в безопасности. Самозащита – это инстинкт низшего мозга. Помните: низший мозг не эволюционирует, он продолжает делать то же самое, что делал миллионы лет назад. Способен эволюционировать только высший мозг, но он не будет этого делать, если вы ограждаете свою жизнь ментальными барьерами. Отключите – хотя бы на короткое время – системы безопасности, которые вы возвели вокруг себя. Что случится, когда вы сделаете это? Случится то, что вы будете ходить, более не чувствуя себя уверенными, а это и есть действительная реальность. Речь в данном случае идет не о глупом риске. Речь о том, где коренится неуверенность, а она коренится в убеждении, что Вселенная не в состоянии поддерживать наше существование.

Чтобы рассеять это чувство неуверенности, ваш мозг должен пройти процесс переобучения. Дайте ему простор для развития. Низший мозг сам не отомрет; его защитные инстинкты все еще нужны вам и будут использоваться вами какое-то время, хотя и редко. Большинство людей защищает себя от воображаемой опасности. Но если будет доминировать высший мозг, голос защиты будет звучать все реже и все менее тревожно.

Представьте, что вы против воли оказались на острове Гаити сразу после опустошительного землетрясения или в Малайзии сразу после цунами. Вас наверняка охватит тревога или вы ударитесь в панику. А теперь представьте, что вы прибыли сюда в качестве добровольца, чтобы оказать помощь жертвам этих бедствий. Вас привела сюда высокая цель, которая много для вас значит, а потому голос опасности не так настырен и отступает куда-то на периферию сознания.

Перед смыслом беспокойство всегда отступает. В этом ключ. Поэтому сделайте сегодня что-нибудь, что стало бы выражением вашей цели. И пусть эту цель поддержит сама жизнь. Будьте решительны; пребывайте в осознании того, ради чего вы стараетесь. Если вы не можете придумать ничего, что отвечало бы этим требованиям, тогда прочтите книгу о реальном человеке, который вдохновляет вас в жизни и который может служить для вас потенциальной ролевой моделью. Исследуйте тот путь, который прошел этот человек. А теперь сядьте и хорошенько подумайте, не открылся ли вам ключ к осмыслению этого пути. Ключи есть всегда. Это часть дхармы, космической силы, которая поддерживает все, что вы затеываете на глубинном уровне внутри себя.

День пятый

Позаботьтесь о своем здоровье.

Старый путь: пассивная небрежность.

Новый путь: активное процветание.

Упражнение. Сегодня ваша цель – помочь целительной системе тела. *Целительная система* – это относительно новый медицинский термин, объединяющий сразу несколько систем тела. Центральная система – иммунная, она отвечает за исцеление ран или инфекций; в эмоциональном исцелении участвует мозг; в физических упражнениях участвуют мышцы и кардиоваскулярная система; диета затрагивает пищеварительную систему, и т. д. Люди глотают витамины, думая, что это поможет им защититься от болезней, но эффект от витаминов минимальный, и от болезней по большей части можно защититься, как это ни странно, здоровой сбалансированной диетой. Когда те же люди, то и дело подвергаясь опасным стрессам или долгое время подавляя гнев и обиду, отказываются признавать наличие этих пагубных факторов в своей жизни, результат нельзя назвать пассивным, но целительная система наталкивается на серьезное препятствие.

Сегодня вы должны покончить с пассивной небрежностью. Когда вы чистите зубы, подумайте о проблеме здоровых зубов. Когда завтракаете, подумайте о проблеме питания. Когда садитесь в лифт, вместо того чтобы спускаться по лестнице, подумайте о том, как было бы хорошо вести более подвижный образ жизни. Занимаясь всеми этими будничными делами, проверяйте свои чувства: что вы чувствуете или что вы испытываете по этому поводу. Причина того, почему вы относитесь с такой небрежностью к себе, всегда кроется в основном чувстве, которое с ней связано.

Вы настраиваетесь на восприятие мира, включая и тонкий мир, с помощью телесного, так же как и ментального осознания. А если бы вам пришлось включить физическое осознание и настроиться на себя, были бы вы рады этому? Очень многие женщины, которым внушили, что их телесный образ, мягко говоря, оставляет желать лучшего, вообще не хотят на что-либо настраиваться. Вместо этого они ввергают себя в пучину беспокойств и пристрастного к себе отношения. Они обвиняют свое тело в том, что оно несовершенно, – некая форма отторжения, за которую им приходится платить известную цену, ибо одновременно с этим они отторгают и целительную систему тела. Таким образом, когда тело сигнализирует о дискомфорте, он перерастает в раздражение или досаду, а если дискомфорт действительно болезнен, то естественная реакция в этом случае – возбуждение и паника.

Вы можете предотвратить все это, настроившись – не на то, как выйти из состояния возбуждения, а на то, как стать союзником своего тела. В ответ тело тоже станет вашим

союзником. Самый позитивный сигнал, который вы можете слать ежедневно вовне, звучит так: «Я нахожусь в равновесии со всем сущим». Ваше тело постоянно пребывает в состоянии динамического равновесия, называемого гомеостазис. Оно сродни машине, которая стоит на перекрестке в ожидании, когда красный свет светофора сменится на зеленый, или термостату, который вы установили на нужный уровень и ушли. Гомеостазис означает быть настороже, быть выбитым из установленной точки. Его причина в том, что тело, даже находясь в состоянии покоя, стремится тотчас по первому зову прийти в движение. Если вы решаете пуститься бегом вслед за кебом, или стремглав броситься к телефону, или бежать марафон, гомеостазис дает вам необходимую гибкость для этого.

Пассивная небрежность утяжеляет тело в состоянии покоя, ибо в этом случае оно вместо динамизма выбирает инерцию. Что именно помогает гомеостазису сохранять динамику, гибкость и готовность к движению под действием намерения? Да все что угодно, если только это не тождественно инерции. Зарядка предотвращает физическую инерцию. Интерес к жизни предотвращает ментальную инерцию. А лучше всего самоосознание: оно поддерживает в динамике всю систему «ум – тело», ибо самоосознание освобождает пространство для спонтанности. Самая лучшая свобода – свобода неожиданная, ибо она заставляет вас открываться навстречу неожиданностям, страсти и неизвестному. Поэтому подумайте, как можно осуществить все эти мероприятия в повседневной жизни. Удивляйте себя; проявляйте интерес к жизни; найдите себе увлечение.

Все это формы глубокого оздоровления организма, и когда вы их практикуете, то приобретаете здоровье.

День шестой

Расширяйте диапазон своих устремлений.

Старый путь: ограниченные устремления.

Новый путь: неограниченный потенциал.

Упражнение. Сегодня вам предстоит наиболее полно выразить себя; и для этого совсем необязательно дожидаться наступления волшебного дня где-то в будущем, а нужно просто изменить пути, приводящие к осуществлению задуманного. Умение наиболее полно выразить себя – многомерное искусство. Оно дает вам физическое, эмоциональное и духовное удовлетворение. Основные ингредиенты – это, во-первых, чувство полной релаксации и удовлетворенности на уровне тела, а также отсутствие напряжения и дискомфорта. Во-вторых, на эмоциональном уровне вами владеет чувство личного удовлетворения, свидетельствующее о том, что вы живете так, как надо. Как следствие – уходит ощущение угрозы, изоляции, одиночества и эмоционального бремени. И, наконец, на духовном уровне вы чувствуете себя спокойным и сцентрированным, связанным со своим Высшим «Я». Уходят чувства сомнения, страха перед смертью и перед тем, что вас покинул Бог.

Пусть в самых общих чертах, но эта картина вашей многомерности показывает, где именно вам нужно искать полноту самовыражения. В принципе, ее можно найти в любом из этих измерений, и если вы действительно стремитесь к физическому, ментальному и духовному удовлетворению, вы его получите. Все эти пути выведут вас на широкие улицы, дающие неисчерпаемые возможности для самовыражения и удовлетворения. Здесь отсутствуют какие-либо готовые рецепты. Действительно, одни люди получают удовольствие, не беря, а отдавая, то есть делясь с окружающими тем, что есть, а другие получают удовлетворение, только когда служат ближним своим. Это лишь самые общие выводы. Поскольку вы существо многомерное, любая карта, какую вы ни начертите, приведет вас туда, куда нужно.

Главное препятствие – ограниченные устремления. Согласны вы с этим или не согласны, но большинство людей не получают должного удовлетворения из-за того, что

метят слишком низко, хотя добиваются того, что, по их представлению, могло бы сделать их счастливыми. Десятилетиями психологи выявляли, что именно делает людей несчастными и психологически надломленными. Исследователи, работающие в новой области знания, именуемой позитивной психологией, наоборот, выявляют, что именно делает людей счастливыми, хотя их заключения полны противоречий.

Каждый стремится быть счастливым; каждый стремится получить то, что, по его мнению, сделает его счастливым. Но люди, как оказывается, неважные предсказатели. Когда мы получаем то, что должно сделать нас счастливыми, мы счастливыми не становимся. Новоиспеченные мамы, например, которым день и ночь приходится нянчиться с детьми, часто чувствуют себя измученными, подавленными; некоторые из них заботу о маленьких детях наравне с домашней работой и хлопотами по хозяйству считают источником несчастья. Деньги делают людей счастливыми только до определенного момента. Они достигают вполне приличного уровня комфорта, но переизбыток денег делает их скорее несчастными, чем счастливыми, ибо это уже сопряжено с большой ответственностью и беспокойством. Как только у вас появляется достаточно денег, вы начинаете приобретать, но чем больше вы приобретаете, тем меньше испытываемое вами удовлетворение: второй «порше» уже не приносит ту трепетную радость, какую вы испытывали, приобретя первый, а десятый раз останавливаясь в отеле «Ритц», вы видите, что блеск роскоши изрядно потускнел в ваших глазах.

Но даже не принимая в расчет богатство, истинная реальность в том, что достижение полного удовлетворения требует более высоких устремлений. Занимаясь в течение дня будничными делами, переживая и то, и это, остановитесь на минуту и спросите себя: «Скажи честно, что все это значит для меня?» Ответ вряд ли будет исчерпывающим. Одни вещи приносят вам даже больше удовлетворения, чем вы полагали, а другие не производят ожидаемого впечатления. Затем спросите себя: «А что бы меня больше удовлетворило, чем это?» Другими словами, пускайтесь в путь, где вас ждут находки и открытия. Вы быстро поймете, что открытие – не кусок пирога; на этом пути вас ждет множество препятствий и ограничений.

Что касается ограничений, то они следующие: мысль, что вы не заслуживаете чего-то лучшего; страх, что вас не признают своим; страх перед промахом; страх слишком явно выделяться из толпы; тревога, вызванная тем, что придется бросить старые пути. Для многих людей счастье равно стабильности. Они предпочитают быть в меру добрыми, потому что так безопасней. Но быть в меру добрыми означает, что ваши мечты столь ограничены, что их осуществление принесет вам очень мало удовлетворения. Взгляните еще раз на людей, с которыми вы связаны или общаетесь. Их устремления сродни вашим, ибо, по всей вероятности, вы не хотите выделяться из толпы и стремитесь во всем ей соответствовать. Это не значит, что вы должны неодобрительно относиться к своим друзьям и к самим себе; как раз наоборот.

Выберите человека из своего круга, которым вы восхищаетесь или чьи тайные мечты соответствуют вашим. Перед вами живой пример того, как расширять диапазон своих устремлений. Вы можете подойти к этому человеку, спросить у него совета и поделиться с ним своими сердечными желаниями. Да, это связано с риском. Не всегда безопасно открывать другому, кем или каким вы хотели бы быть. Но открыть это для самого себя крайне важно, ибо тогда вы не упустите из виду свое счастье. Вас будут ждать постоянное развитие, нескончаемое путешествие, расширяющиеся горизонты. Достижение задуманного – это не строительство стены, которую вы возводите кирпич за кирпичом, пока не отходите назад, с восхищением взирая на конечный результат. Нет, это скорее как вхождение в реку, в которую, как известно, нельзя войти дважды.

Один образ статичный, другой – динамичный. Один прочно держится на месте, другой ведет неизвестно куда. Но между этими крайностями есть и нейтральные пути, с которыми вам тоже придется иметь дело. Стабильность важна, но не менее важен и динамизм. Большинство людей настолько владеет мыслью о собственной безопасности, что они не

придают особого значения динамической стороне. В их ландшафте больше стен, чем рек. Поэтому, занимаясь будничными делами, постарайтесь осознать, как выглядит ваш личный ландшафт. Первый шаг – преодоление стен. Одни будут их сносить, другие – взбираться на них или пролезать в щели, не помышляя о разрушении. Лучший вариант – чтобы стен было как можно меньше, особенно если они стоят преградой на пути новых возможностей и перекрывают их. Посмотрите, не удастся ли вам сегодня сделать вдох и выдох полного удовлетворения. Это и есть путь к нескончаемому самовыражению и удовлетворению.

День седьмой

Пусть будет, как будет.

Старый путь: неустанная борьба за достижение.

Новый путь: приложение наименьшего усилия.

Упражнение. Сегодня вам нужно научиться следовать принципу «пусть будет, как будет». Азы этого знания просты: создайте намерение и нацельтесь на некий результат, отпустите свое намерение и ждите результата. В этих стадиях нет ничего эзотерического. Вы проходите через них каждый раз, когда посылаете приказ своему мозгу; например, когда хотите поднять руку. Намерение создается автоматически. Вам не нужно стоять на страже, чтобы понять, среагирует ли мозг так, как вы его просите, или нет. Петля обратной связи между намерением и результатом действует плавно и автоматически.

Искусство *быть* состоит в умении привносить те же доверие и естественность в другие аспекты жизни. Разница лишь в том, что на Западе люди отделяют события «внутри» от событий «снаружи». Зато заявление о том, что чье-то намерение может повлиять на внешнюю ситуацию, вполне соответствует духу восточных духовных традиций, утверждающих, что сознание находится повсюду: и «внутри», и «снаружи». Первое мировоззрение двойственно; второе – едино. Терминология в данном случае не играет никакой роли; здесь важно понять суть каждого, а для этого нужно отведать и то, и другое. Есть ли у вас намерение и позволите ли вы ему проявиться, не сражаясь за достижение цели?

Мудрые традиции мира утверждают, что такое возможно. «Будь как будет» означает, что вы связаны с тем же источником чистого Бытия, как и все в космосе. Когда эта связь прочна, желание «внутри» автоматически приводит к результату «снаружи», ибо подлинному нерушимому единству неведомы ни границы, ни искусственное разделение. Прибытие в точку, где вы неразрывно связаны со всем сущим, – это процесс, осуществляемый через мозг. Как и во всех предыдущих упражнениях, здесь вам необходимо лишь чуть больше самоосознания.

То, что я прошу вас сделать, на практике выглядит так: создайте намерение, отпустите его и посмотрите, что случится. Если вы получите желаемый результат, то это произойдет только благодаря тому обстоятельству, что вы соединились с указанным истоком, включились в механизм наименьшего усилия. Прилагать «наименьшее усилие» – то же самое, что позволять Бытию вершить свою работу. Если вы не получите желаемого, проигнорируйте этот результат и решитесь еще на одну попытку, создав новое намерение. Во многих случаях однако результат будет не совсем тот, что вы ждали. Зато вы соприкоснетесь с неведомым и почувствуете, что все действует примерно так, как вы хотели.

Это часть процесса, поэтому отметьте свой успех по части приближения к неведомому и примите полученный результат. (Большую часть времени, чтобы достичь желаемого, вам придется работать гораздо больше, чем обычно, но это нормально: так и должно быть.) Это упражнение по сути безошибочно. Устанавливать прочную связь со своим Бытием – это то же самое, что торить новый путь. Поэтому примите к сведению: вы действительно прогрессируете, если подмечаете у себя один из следующих факторов:

- На достижение результата требуется меньше усилий.
- Достижение качественного результата связано с меньшим стрессом.

- Люди более охотно идут на сотрудничество с вами.
- Вы чувствуете, что все будет в полном порядке.
- Вам все чаще улыбается удача.
- События происходят в синхронном порядке.
- Вы быстрее добиваетесь нужных результатов.
- Творческие решения возникают словно из ниоткуда.

Мистицизмом здесь даже не пахнет. Жизнь любого человека уже несет в себе все необходимые ингредиенты: и синхронизированные события, и удачу, и счастливые совпадения. Вместо того чтобы воспринимать их как случайные или чисто произвольные события, вы можете теперь взглянуть на них иначе – как на приметы того, что связь реальна, возможна и уже налаживается. Овладение искусством бытия требует времени и самоосознания. Но ваш мозг для того и предназначен, чтобы изобретать те конечные пути к осуществлению задуманного, которые не требуют усилий.

Предположим, вы начали процесс прокладывания новых путей. Поначалу это требует усилий и терпения. Вам приходится постоянно, снова и снова, обращаться к старым проторенным путям, которые олицетворяют устоявшиеся воспоминания, привычки и условия. Вы меняете неэффективный режим настройки своего мозга на другой, а это требует сознательного внимания. Но этот проект себя окупает, причем сторицей, и если вы не сдадитесь, то вскоре начнете подмечать следующие знаки или приметы, свидетельствующие о вашем прогрессе.

- Внутренние диалоги, которые вы ведете с самим собой, будут утихать.
- Негативные реакции станут происходить все реже и реже.
- Вы сможете легче контролировать свои импульсы или противодействовать им.
- Возрастет ощущение значимости происходящего.
- Вы начнете чувствовать, что о вас заботятся.
- Вы все реже будете сожалеть о прошлом и тревожиться за будущее.
- Ваши решения станут более точными и ясными.

На определенной стадии вы достигнете точки равновесия. Сделав нужную работу и внушив своему мозгу необходимость новых реакций, вы можете теперь всецело им довериться. Это открывает двери Бытия. Когда ваш мозг начнет заботиться о вас, это значит, что вы уже умеете следовать принципу «пусть будет, как будет». Вы уже доверяете своему мозгу заботу о вас, что он и делает тысячами способов. Он автоматически контролирует уровень гормонов, дыхание, цикл сна, работу сердца, аппетит, сексуальные реакции, иммунную систему и многое другое. Так что искусство быть вам более уже не чуждо и стало вашей второй натурой.

Запредельность: явление Бога

Мы достигли точки, где возможна полная трансформация. Бог, который раньше мало что значил, теперь может обратиться в Бога, который значит больше, чем все прочее. Подобная трансформация ведет к свободе. Кто откажется от такого вот соблазнительного приглашения Руми, который пишет:

*За всеми представлениями о греховности
и праведности есть некая область.
Там я и встречу тебя.
Когда душа возлежит в тамошней траве,
мир слишком обилен, чтобы о нем говорить.*

Это и есть награда. Но в то же время трансформация несет угрозу. Нас формируют наши же убеждения. Мы сопротивляемся, когда у нас пытаются их отобрать, ибо боимся их

лишиться, как боимся радикальной хирургии.

Чтобы увидеть Бога без покровов иллюзий, мы должны были отринуть общепринятую религию. Выбора у нас не было. Религия поворачивается к нам худшей своей стороной благодаря реакциям, обусловленным низшим мозгом (страх наказания, «они против нас», потребность в защите и безопасности) и смешанным с приверженностью общинно-родовому строю, культурной мифологии, детским фантазиям и проекциям. Вся эта смесь крайне пагубна. Более того, она не имела никакого отношения к Богу. Докинз и компания были совершенно правы, когда клеймили эти иллюзии. Но они так и не наложили руку на Бога, ибо не отделались и от своих собственных иллюзий.

Во что это обходится? В суровые дни гражданской войны Авраам Линкольн осознал, что хотя аболиционисты и победят конфедератов, но старым Соединенным Штатам уже не бывать, ибо они уже не смогут снова соединиться без драматических преобразований. Конституция не отменила рабство. Линкольн впитал ту же психологию расизма, на которой выросло практически все население Америки того времени. Идея подчинения черных белым была прочно укоренившимся убеждением, из чьей крепкой эмоциональной хватки – которая вообще свойственна всем стержневым убеждениям – было очень трудно вырваться.

В трогательном фильме « Линкольн » , снятом Стивеном Спилбергом, есть прекрасно поставленная сцена, показывающая, как ум Линкольна пытается спастись бегством от собственных расовых предрассудков. Президент сидит в помещении военного штаба, где нет никого, кроме двух молодых секретарей. Настроение, естественно, мрачное; минуты тишины еще больше оттеняют истинный ужас кровавого конфликта, бушующего за стенами. И чем в такой момент занимается Линкольн? Он повторяет теорему Евклида, великого греческого математика. Вынужденный бросить начальную школу, Линкольн занимался самообразованием, с жадностью поглощая книги по самым разным отраслям знания, и среди теорем Евклида он нашел вот это логическое умозаключение: *если два отрезка равны третьему, они равны между собой* . Он повторяет это элементарное логическое уравнение полным страсти голосом, хотя скрытый смысл этого повторения так и остается нераскрытым. Нам предлагается самим до него докопаться по образцу вроде нижеследующего:

Если белого человека создал Бог
И если черного человека создал Бог,
То белый и черный равны перед Богом.

Можно сказать, что высший мозг доказал свое превосходство. Обученный ценить разум, он не мог скатиться до низких реакций на проблему рабства (самозащита, подозрение, ненависть, страх), хотя даже такой великий человек, как Линкольн, не был им чужд. Его конечный взгляд на проблему рабства был по природе духовным. А его личный путь был путем борьбы, и хотя среди друзей Линкольна никогда не было людей с черной кожей, но логика вела его именно туда.

В простой логике всегда есть нечто взрывоопасное. Она заключает в себе мощную силу и заставляет ум подвергать сомнению все, что до сих пор воспринималось как нечто само собой разумеющееся. А подобные вещи более могущественны, чем все прочие. Они питают наше мировоззрение, не давая ему распасться, подпитывают чувство уверенности и безопасности. Что касается этой книги, то знание о Боге было недостижимым, пока мы воспринимали как разумеющиеся три вещи: реальность, сознание и Самого Бога. Бог просто пребывал где-то там, на заднем фоне, ничего не делая. Состояние осознания противопоставлялось состоянию сна, но не имело никакой скрытой силы. Реальность представляла как материальная Вселенная и субстанция, ее заполнявшая.

Теперь мы сломали все эти критерии и подошли к простому логическому умозаключению, которое может полностью и окончательно, раз и навсегда, освободить наш ум:

Если Бог есть реальность

И если реальность есть сознание,
Тогда Бог есть сознание.

Фокус в том, чтобы сделать этот логический посыл живым и действенным. Пока что он остается таким же мертвым, как и любой набор умозрительных идей. Когда мы начинаем думать о Боге – за, против или что-то среднее, – то совершаем ошибку, которая состоит в том, что Бог – не идея. Я проверял актуальность этой книги в социальных сетях и в средствах массовой информации (она оказалась созвучной и адекватной требованиям нашего времени), и однажды я написал в своем Twitter'е: «Воинствующие атеисты и религиозные фундаменталисты – те и другие одержимы Богом. Точнее говоря, одержимы идеей о Боге. Но Бог – не идея. Бог – сознание». Вокруг этого утверждения завязалась жаркая дискуссия, и один из читателей написал в ответ: «Ты в одной лодке с Докинзом. Сознание – это всего лишь идея о Боге». Но это не так. Бог – это сама реальность. Он не субстанция и не вещество, наполняющие материальный мир. Он не образ, не чувство, не ощущение и не мысль, населяющие тонкий мир. Бог населяет третий мир, который невозможно изобразить или описать никакими идеями и словами. Это трансцендентный мир, место, где обретается знание о Боге.

Тайна Единого

Вы попадете в трансцендентный мир только после того, как вначале забредете в тупик, где перед вами стена. Эту стену призвано разбить мышление. Это неизбежно должно случиться, и на это есть причина. Дело в том, что наш ум создан оперировать противоположностями: свет – тьма, добро – зло, внутри – снаружи, субъективное – объективное. Название этой игры – двойственность. Бога однако невозможно описать, находясь в состоянии двойственности. Он не здесь и не там, но – повсюду. Он не знает ни того, ни сего, но – знает все. Если заимствовать метафору из ведической традиции, то поиски Бога сродни жаждущей рыбе, которая ищет воду, чтобы напиться. То, что вы ищете, – вокруг вас, но вы этого не понимаете. Рыба должна выпрыгнуть из воды и найти место, не являющееся океаном. Мы не можем выпрыгнуть из будничного мира, чтобы найти место, не являющееся двойственным. Бог – и это следует признать – одновременно всюду и нигде.

Похоже на то, что поиски Бога заранее обречены на провал, поскольку наш ум устроен так, чтобы познавать только двойственность. Здесь годится только один метод – тот, который освобождает ум от всех противоположностей. Поскольку у Бога нет противоположности, то вы остаетесь лицом к лицу только с Единым. Это можно обрисовать примерно так. Налицо кризис, и люди мечутся в панике. В роли кризиса может выступать все что угодно: ураган, крах банковской системы, политический переворот. Вас так и тянет присоединиться к общему смятению, но вы говорите себе: «Бога там нет. Он не кризис и не решение кризиса – Он вне их. Он не действие и не бездействие – Он вне их. Он не паника и спокойствие – Он вне их». Анализируя подобным образом каждый ингредиент двойственности, вы обрываете все свои привязки к ментальным постулатам и тем эмоциям, которые они вызывают.

И все же нелегко представить менее подходящее для повседневной жизни, чем этот метод. Постоянное неприятие непрактично, во всяком случае не тогда, когда вам приходится выбирать между А и Б. Чего я хочу на завтрак: овсяную кашу или тосты с кофе? Ни то, ни другое не есть Бог, но завтракать-то надо. Выбор в данном случае неизбежен. Пока мы пребываем в мире двойственности, выбор – сущностная часть жизни. Так что же хорошего в этом Едином, когда оно входит в вашу жизнь и начинает ею управлять? Что, собственно, оно может *сделать* ?

Люди размышляют над этими вопросами, пока окончательно себя не изматывают. С правильного ответа начинается религия. Возвращаясь к корням религии в Индии, мы видим, что она основывалась на уверенности, что Бог творит Вселенную, управляет ею и

контролирует ее. Поэтому Бог – источник всего: и любви, и красоты, и истины. Его совершенство нерушимо. Божественный свет струится из каждой былинки и частички этого мира. И тем не менее эта уверенность, вместо того чтобы наполнять людей чувством оптимизма и убежденности, что о них заботятся, воздействовала на них противоположным образом. Они чувствовали себя недостойными рабами Божьими, которых наказывают. Пропасть между совершенством и несовершенством оставалась непреодолимой, и люди в отчаянии глядели на Бога с того берега этой зияющей пропасти.

В конце концов это несоответствие между совершенством Бога и несовершенством мира привело к тому, что космическое яйцо треснуло, и оттуда появился птенец, называемый наукой. Единство было расчленено на разрозненные, но измеримые факты. Психология поменялась. Обычные люди стали возмущаться, что совершенный Бог помыкает ими. В своем блоге Ричард Докинз, обращаясь к своим последователям, приводит причины того, почему он стал атеистом. Вот несколько примеров:

”«Я атеист, поскольку предпочитаю знание, а не мифологию».

”«Я атеист, поскольку не хочу, чтобы меня ассоциировали с отвратительными поучениями и деяниями так называемой миролюбивой религии».

”«Я атеист, ибо, после того как я отверг организованную религию, у “духовности” не осталось опоры, на которой она могла бы утвердиться».

Это напоминает враждебные эмоции заключенного, сбежавшего от тюремщика. Они не становятся слабее даже теперь, спустя четыре столетия после того, как Галилей и Коперник лишили церковь монополии на истину. Беспокойство средневековых христиан по поводу того, что они грешники, перерастает сегодня в произвол и надругательство. Но беспокоятся ли они или гnevаются, проблема двойственности остается. Фома Аквинский был прав, говоря, что у всех причин должен быть исток, не имеющий причины, или что миру, наполненному творением, необходим исток, не имеющий творца, или что творец не должен быть сотворен. Наука в принципе имеет в виду то же самое, когда говорит, что у времени и пространства должен быть исток, находящийся вне времени и пространства. Разговоры о Боге превратились в разговоры о физике, а дилемма остается той же.

Преодоление пропасти, отделяющей двойственность от Единого, выглядит как классический случай, когда «вы не можете добраться отсюда туда». И все же существует путь вперед, почерпнутый из мудрых традиций, которые рассматривают Единое не как недостижимого Бога, а как наш первоисток, существующий здесь и сейчас. Прислушайтесь к словам духовного учителя из Южной Индии Нисаргадатты Махараджа, отвечающего на вопросы одолеваемого сомнениями собеседника:

”Я не уверен, что есть реальность.

Ответ. Если ты вступишь в себя изобилие мгновений мира и спокойствия, ты найдешь эту реальность.

Я пробовал.

Ответ. Значит, не был настойчив. Иначе ты бы не задавал такие вопросы. Ты спрашиваешь потому, что не уверен в себе. А в себе ты не уверен потому, что никогда не обращал внимания на себя, а только на свои переживания.

Тон бодрящий – Махарадж мастерски держит спрашивающего на крючке, – но путь вперед становится все более очевиден по мере того, как Махарадж дает более пространственные ответы.

”Интересуйся собой, а не своими переживаниями, будь с собой, люби себя; высшее

спокойствие обретается лишь в самопознании.

Тот же ответ дает и Веданта, старейшая и самая высокочтимая духовная традиция в Индии: реальность содержится в «я». Чтобы понять, почему этот ответ верен, мы должны самоопределиваться в обход этого «я», которое мыслит, чувствует и движется в мире. Оно постоянно порождает сомнения и вопросы. Но если оно уверено относительно реальности, оно обладает гораздо более широким видением. Оно обращается к собственному осознанию, чтобы, отставив в сторону будничные переживания, открыть источник реальности.

Махарадж продолжает наставлять собеседника, говоря о том, сколь жизненно важно устремить свое внимание на осознание своего «я»:

”Будь честен с собой, и ты не будешь чувствовать, что тебя предали. Добродетели и силы – это всего лишь знаки, которыми играют дети. Они полезны в этом мире, но не в состоянии вывести тебя из него. Чтобы выйти за его пределы, тебе нужна бдительная неподвижность, спокойное внимание.

Бог достигается «выходом за пределы», а это и есть определение запредельности. Не существует другого выхода из тупика, где мышление оказывается бесполезным. Его должно заменить спокойное осознание, которое, если захочет, способно выходить за пределы материального и даже тонкого миров.

Докинз и компания напрочь отвергают сам проект «выхода за пределы» как чистую иллюзию. «Я» в этом ряду последнее, чему они доверяют. Мне довелось несколько раз обмениваться репликами с небезызвестным Майклом Шермером, редактором журнала «Скептик», который придерживается непоколебимых материалистических взглядов, но при этом не ведет себя враждебно или надменно по отношению к инакомыслящим.

Помнится, я задал ему вопрос:

– Кто же вы? Что вы собой представляете?

– Я сумма процессов в моем мозге, – ответил он.

– В моем? – акцентировал я внимание на слове «мой». – А кто этот «я», о котором вы говорите? Не хотите ли узнать?

– Не хочу, – ответил Шермер. – «Я» – это иллюзия. Никакого «я» нет, есть только процессы в мозге.

– Если это так, – парировал я, – тогда вы просто зомби и рассказываете мне, как это здорово – быть зомби.

Шермер пожал плечами и улыбнулся:

– Вы пользуетесь языком, чтобы сбивать людей с толку. В ваше отсутствие я никогда не задаю себе подобных вопросов.

Шермер, как и многие атеисты, вовлеченные в движение, прямо-таки очарован метафорой Деннета, применившего определение «зомби» к детерминистическому уму. Не говоря уже о том, что никто из них по-настоящему не верит, что его собственное «я» – это иллюзия. Мы интуитивно верим тому, о чем думаем, и соглашаемся со своей точкой зрения. Если бы не верили и не соглашались, то это было бы все равно как в анекдоте, в котором водитель спрашивает прохожего, где находится бензозаправочная станция, а тот отвечает: «За два квартала отсюда. Но учтите, что я прирожденный лгун».

99 % ученых не испытывают необходимости спрашивать себя: «Почему я – это я?» Им не до этого. Им нужно проводить эксперименты и собирать данные. И все же, несмотря на это, наука тоже оказалась в том самом тупике, где мышление бесполезно. Большой взрыв непостижим так же, как и Бог. Мы не в состоянии представить его себе, поскольку он невидим, безмолвен, ни холоден, ни горяч. (Все эти качества требуют наличия пяти чувств, которых не существуют.) Из Большого взрыва возникли время и пространство, поэтому мы не можем спросить, «где» или «когда» это случилось; оба понятия привязаны к уже сущим или сотворенным времени и пространству. Короче говоря, наука стоит перед проблемой

состояния мира до сотворения с пустыми руками, ибо у нее нет заслуживающего доверия способа, как перебраться через эту пропасть.

К счастью, что для одних тупик, для других – открытая дверь. Вам не придется взирать на Бога, увязнув по горло, как в болоте, в этом несовершенном мире. Как раз наоборот: Единое может избавить повседневную жизнь от всех бед и несчастий. В Бхагавадгите Господь Кришна возглашает, что все страдания рождаются из двойственности. Если это так, тогда выход из состояния двойственности – это шаг на пути к выздоровлению. Бог станет полезен и пригоден, как только трансцендентный мир окажется достижим.

Как перебросить мост через пропасть

Вы постоянно перебрасываете мост через пропасть, но просто не знаете об этом. Из безмолвия вы извлекаете звуки, а из тьмы свет. Все, что вы в данный момент воспринимаете – эту страницу, эту комнату, этот дом, – обретают свою реальность только через вас. Как вам это удастся? Только за счет того, что вы перебрасываете мост через пропасть. Трансцендентный мир – не какое-то далекое место, в которое вы однажды придете. Это творческая мастерская, куда вы обращаетесь, чтобы найти сырой материал реальности, – как художник, который приходит в мастерскую, где у него хранятся холсты и краски, чтобы посредством их создать картину. Ваш сырой материал – не что иное, как возможность. Возможность осуществляется в уме; через творческий акт проступает реальность. А теперь давайте рассмотрим, зачем нужны три мира:

- Трансцендентный мир – это область беспредельных возможностей. Это начальная точка, колыбель творения.
- Тонкий мир сводит некую возможность до уровня ума в виде образа. То есть на этом уровне нечто реальное отливается в форму.
- Материальный мир представляет результат. Здесь проявляется новая вещь или новое событие.

В сущности говоря, реальны все три мира; это не какие-то конечные точки, где проявляется результат. В зависимости от состояния сознания, в зависимости от того, в каком мире вы обитаете, реальность разительно меняется. Ведическая традиция снабжает людей, населяющих каждый из миров, ясной и понятной картой.

Если вы свободны, безмолвны, в мире с собой и в полном самоосознании, вы пребываете в трансцендентном мире. Подобными свойствами обычно наделены такие люди, как Будда, Христос, махатма, свами, йог, просветленный, пробужденный.

Если у вас творческая натура, если вы одарены богатым воображением, интуицией, проницательностью и вдохновением, вы пребываете в тонком мире. Подобными свойствами обычно наделены такие люди, как визионер, мечтатель, гений, мудрец, провидец, шаман, художник и экстрасенс.

Если вас всецело занимают физические объекты и ощущения, вы обитаете в материальном мире. Общепринятый критерий для такого состояния – нормальный человек.

Как видите, люди живут в многочисленных измерениях. При переходе из одного измерения в другое правила меняются. Если во сне, который является отделом тонкого мира, вас собьет автобус, ваше тело не пострадает. Но оно очень даже пострадает, если это случится в материальном мире. Однако тот факт, что в результате наезда автобуса ваше тело страдает, не доказывает, что материальный мир – единственная реальность. Каждая реальность формирует свой прочный каркас. Если у пианино оборвана какая-то струна, вы не сможете сыграть соответствующую ноту, какое бы вдохновение вами ни владело. Но эта нота по-прежнему существует в вашем уме, ибо тонкий мир предшествует миру материальному. Не будь музыки, никто бы пианино не создал.

Мы не станем забираться в топкое болото метафизики. Вопрос чисто практический и решаться должен практически: что происходит, когда вы перебираетесь через пропасть туда,

а потом обратно? Возможность реализуется. Взгляните на эти три возможности, каждая из которых ведет к различному результату.

- Вы хотите придумать имя для австралийского животного, которое носит детеныша в специальной сумке на животе и передвигается по местности большими прыжками. В мире всевозможных слов вы отыскиваете слово «кенгуру».

- Вы хотите увидеть животное, которое соответствует этому слову. В мире всевозможных образов вы отыскиваете картину самки кенгуру, стоящей, опираясь на свой хвост, в то время как из ее сумки выглядывает детеныш.

- Вы хотите потрогать настоящего кенгуру. В мире всевозможных объектов вы отыскиваете живого кенгуру.

Первые два примера проблем ни у кого не вызывают; проблемы начинаются с третьим. Одно дело – отыскивать слово или образ, и другое – отыскивать живого кенгуру; мол, это не одно и то же. Но я могу убедить вас, что это то же самое. Из чего создается кенгуру? Из чувственного восприятия. То, как мы его видим, как осязаем, как обоняем, его вес и плотность, его форма и повадки – все эти качества, совмещенные должным образом, создают в нашем сознании образ кенгуру; и то, каким его создало наше сознание, таково и само животное.

Я понимаю, что тот образ, который я описываю, возможно, вызовет у вас чувство брезгливости, поскольку мы признаем, что «само собой разумеющийся» кенгуру существует и без нас. Однако доказательств этому нет и никогда не было. Это просто некий аспект психологии определенности – постулировать, что фиксированный мир населен прыгающими кенгуру. И психологию определенности мы должны сменить на психологию творчества. Творец постоянно реализует возможности. Все, что для этого нужно, – чувствовать себя как дома в каждом из трех миров творческого процесса.

Трансцендентный мир. Вы здесь как дома, когда способны познавать все возможности. Ваше осознание открыто. Вы связаны с истоком. Ваше сознание слито с сознанием Бога.

Тонкий мир. Вы здесь как дома, когда остаетесь преданными своей мечте. Вы доверяете себе и смело идете туда, куда ведет вас ум. Вы не повязаны сопротивлением, возражениями, скептицизмом и жесткими убеждениями. Вдохновение является обычным аспектом вашего существования.

Материальный мир. Вам комфортно в вашем личном мирке, в вашей персональной реальности. Вы несете ответственность за нее. Вы считываете этот мир как отражение вас самих и того, что происходит «внутри». По мере того как меняется и смещается это отражение, вы следуете за изменениями, происходящими внутри вас.

Qualia и творец

Сложите все это вместе, и вы получите представление о тех особых отношениях, которые существуют между людьми и Богом. Это творческие отношения. Именно они являют собой мост, переброшенный через пропасть между несотворенным и сотворенным. Надеюсь, что теперь эти особые отношения более не кажутся вам странными.

Чтобы облегчить вам доступ в миры, которые большинство людей считает мистическими, а потому неизмеримо далекими, я старался пользоваться обычными словами. Единственный технический термин, который я хочу (впервые) здесь ввести и который сделает вас творцами, куда более уверенными в себе, – это *qualia*. *Qualia* – латинское слово, по существу означающее «качество», но не качество товара, а качество чувственного восприятия, то есть вид, звук, осязаемость, вкус и запах предметов. В более широком смысле *qualia* вполне может быть применимо и к ментальным явлениям. Красный цвет розы в цветочном магазине – это *qualia*, но этим же термином можно назвать и красный цвет розы, воспринимаемой ментальным оком. Центр в мозге, визуально воспринимающий розу там, «снаружи», или здесь, «внутри», и называемый зрительным отделом коры головного мозга,

равным образом обрабатывает оба явления.

Да, возможно, ментальный образ розы не так ярок и более бледен в сравнении с реальной розой, но эта бледность пленяет порою более, чем красочность настоящей розы, ибо шипы ментальной розы не могут уколоть до крови. Яркость или бледность – не это главное. Главное – что тот же самый процесс творит розу «внутри» и «снаружи». Кто не знает, что сны подчас бывают такими живыми и насыщенными, что вы просыпаетесь разочарованными, ибо реальный мир по сравнению с виденным во сне представляется блеклым и плоским! Художникам и мастерам слова это несходство иногда кажется несусветно далеким, что и побудило Джона Китса написать такие строки: «Услышанная музыка сладка, но слаще – недоступная для слуха»².

Персональной, то есть лично вашей, реальность делает тот неповторимый способ, сообразно которому вы смешиваете и совмещаете между собой различные *qualia*. Не найдется и двух человек, которые бы делали это одинаково. Возьмите, к примеру, такое будничное явление: вы идете по улице и вдруг видите, что прямо на вас мчится большая черная собака. Два человека (обозначим их как А и Б) воспримут это событие совершенно по-разному. Здесь налицо две возможности. Допустим, что собака укусила А, и он в таком случае, помня боль от укуса, будет впредь избегать собак, воспринимать лай черной собаки как угрозу, а ее открытую пасть – как признак агрессии. Б, если он хозяин собаки, будет по-прежнему любить ее, радоваться, что его убежавшая собака вернулась, воспринимать ее лай как приветствие, а открытую пасть – как улыбку. Перед нами две реальности, и каждая складывается из тех *qualia*, которые подгоняются друг под друга, как части пазлов.

Сами вы не замечаете, как накапливаете опыт, ибо творение совершается мгновенно. Чтобы увидеть две складывающиеся части головоломки, нам необходимо сделать снимок, остановив поток времени, и разрезать целую картинку на множество малых ингредиентов. В принципе, если расширять *qualia* до известного предела, то все обратится в некий ингредиент, включая чувства, ощущения, воспоминания и ассоциации. Каждое переживаемое событие собирается из множества *qualia*. Картина сама собой не собирается. Это только так кажется.

Чтобы стать творцом и сыграть ту роль, ради которой вы и родились, вы должны взять под контроль весь свой жизненный опыт и все свои переживания. Именно вы выбираете, какую *qualia* куда приладить. Если вы боитесь собак, накопленный вами прошлый опыт подпитывает этот страх; чтобы избавиться от этих впечатлений, их нужно заменить новыми. Точно так же, чтобы избавиться от фобии, вам нужно постепенно перенастроить устоявшуюся реакцию мозга. Если вы видите, как прямо на вас мчится большая черная собака, у вас нет времени сформировать новую реакцию. Страх можно рассеять только постепенно, делая один маленький шагок за другим: разглядывая снимки собак, которые вам нравятся, посещая магазины или базары домашних животных, глядя дружелюбно настроенную к вам собаку, удерживаемую на поводке, и т. д. Еще более решительный шаг вперед – взять под контроль свои ментальные реакции. Страх – состояние фиксированное, «замороженное». В вашей власти «разморозить» его и сделать более пластичным. Представьте пугливую собаку, затем мысленно сделайте ее большой или, наоборот, маленькой и медленно погоняйте этот кадр туда-сюда: эта разновидность ментального «фотошопа» научит вас искусству управления и поможет сделать необходимый шаг, когда не страх будет повелевать вами, а вы будете повелевать страхом.

Страх – внутреннее явление. Ну, а как тогда быть с внешней собакой? Разумеется, вы не создали добермана-пинчера из ниоткуда, хотя именно из ниоткуда он и явился. Собака формируется из молекул и атомов, которые, в свою очередь, формируются из субатомных частиц, мерцающих в пределах и вне квантового поля. «Вне» означает, что они входят в состояние, предшествующее творению. Они возвращаются к тому истоку, который вне

² Перевод И. Стависского. См. Английская романтическая поэзия, М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014, с. 214.

времени, пространства, материи и энергии. Здесь не существует ничего, кроме возможностей. (Если прибегнуть к технической терминологии, субатомные частицы, которые исчезают из материального мира, пребывают в «виртуальном» состоянии.)

Этот цикл перевода всего сущего из несотворенного в сотворенное состояние вершится постоянно; это основной ритм природы. Мозг тоже обрабатывает реальность циклически, включаясь и выключаясь тысячи раз в секунду. Здесь ключевым фактором является синапс – зазор между двумя нейтральными соединениями. Химическая реакция этот зазор перекрывает (состояние включения), а затем синапс вновь восстанавливается для следующего сигнала (состояние выключения). Существуют и другие базовые переключатели, завязанные на позитивные и негативные заряды ионов, проходящие через клеточные мембраны нейронов, однако шаблон при этом остается тем же. С точки зрения нейроученого, присущая мозгу способность обрабатывать реальность представляется невероятно сложной. Как миллионы отдельных сигналов, звучащие, подобно инструментам оркестра, из всех участков мозга, затем слагаются в единую картину мира? Никто этого не знает, даже отдаленно, ибо когда вы изучаете мозг, то видите, образно говоря, пианино, на котором играет невидимый пианист: каким-то образом 88 клавиш приходят разом в движение, рождая музыку. Правда, в этом случае то вспыхивает, то гаснет квадрильон синаптических соединений (именно такое количество соединений, согласно подсчетам, происходит в мозге взрослого человека).

Наблюдение за ними ничего не говорит нам о том, как возникают зрение, слух, вкус, осязание и обоняние. Что бы ни происходило в том зазоре, который отделяет творение от истока творения, все это вершится незримо. Мы этого не видим; видим лишь физический результат. И еще меньше мы понимаем, как двум клеткам мозга, каждая из которых содержит тот же набор ДНК и излучает те же химические и электрические сигналы, удастся производить слух в одной части мозга и зрение в другой.

Вполне очевидно – если только вы не ослеплены фанатичной преданностью материализму, – что клетки мозга сами по себе не видят и не слышат. Этот факт подтверждается простейшим тестом: если вы заглянете внутрь мозга, то увидите, что он темен и безмолвен. Но ведь что-то же рождает пылающие закаты и удары грома, не говоря уже обо всех прочих пленительных видах и звуках мира. Это что-то – нечто сугубо личное; оно творит мир прямо в эту секунду. Генезис – это то, что существует сейчас, а не то, что происходит в мозге.

Творец за кулисами – это сознание. Оно пользуется мозгом, как пианист – инструментом. Чего бы ни захотело сознание, это становится сущим. А то, что оно блокирует, так и не рождается на свет. Этот выбор совершается вне зрения, но не вне ума. Для чего вам глаза? А для того, чтобы ум мог видеть; раз он хочет видеть; раз он хочет видеть, то он и создал себе с этой целью глаза, как создал уши, нос, вкусовые рецепторы и всю механику перцепции.

«Быть такого не может! – возразит скептик. – Эволюция создавала человеческий глаз на протяжении миллиардов лет, начиная с импульса одноклеточных организмов, стремившихся к свету». Подобное возражение не выдерживает никакой критики. Это все равно что сказать, что клавиши пианино были изобретены до того, как родилась музыка. Пианино – инструмент, созданный удовлетворять желание ума, жаждущего музыки. Человеческий глаз – инструмент, созданный удовлетворять желание ума, жаждущего узреть сотворенный мир.

Все другие *qualia* укладываются в тот же шаблон. Сознание сотворило осязание, чтобы чувствовать сотворенный мир, слух – чтобы слышать сотворенный мир, и т. д.

Религия часто выступает как хранилище иррационального мифотворчества. При этом библейское сказание о сотворении мира верно отражает один очень важный момент: Бог замыслил творение и стал его частью, чтобы радоваться ему. Адам и Ева, читаем мы, «услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня» (*Быт. 3:8*). Если перевести это в современные понятия, мы бы сказали, что сознание наполняет мир. Зрение,

слух и все другие качества возникли с тем, чтобы вселенский ум мог познавать себя.

Религия тоже права, но она верно отражает другой важный момент: у творческого процесса нет ограничений. Реальность пластична, как и сон. Если вы забываете об этом, реальность начинает «замерзать», и отсюда до мира, столь неподвижного и так замкнутого на себе, что все другие измерения исключаются, только один шаг. Классический пример подобного рода можно найти в Средневековье, когда католическая церковь обвинила Галилея в ереси, ибо он поддерживал идею, что Земля вертится вокруг Солнца, – в противовес геоцентрической идее, поддерживаемой церковью, согласно которой Земля – неподвижный центр Вселенной. Галилей предстал перед судом инквизиции в 1633 году, и судьи «заставили его под страхом пытки встать на колени и громко прочесть длинное унижительное отречение от своих идей, говоря, что он “отказывается, прокликает и ненавидит” гелиоцентрическую теорию». (Не знаю, насколько это верно, но легенда утверждает, что, как только Галилей встал с колен, он промолвил: *Eppur si muove...* («А все-таки она вертится...»))

Физик Дэвид Дойч, а с ним и многие другие ученые, расценивает испытание, которому подвергся Галилей, как победу, добытую им в ходе непосредственного наблюдения за небесными светилами. Галилей оскорбил веру и верующих, дав понять, что труды Божьи можно предугадывать с помощью математических вычислений. В дальней перспективе это было предвестие наступления великой эры науки. Пока же Галилей был осужден и подвергнут домашнему аресту. Впрочем, этого было достаточно, говорит Дойч, чтобы возник устойчивый страх, что наука в средиземноморском бассейне будет задавлена на многие века. Но здесь он делает одну очень важную оговорку.

Исходя из того, что инквизиторы верили в божественное откровение, говорит Дойч, «их мировоззрение было ложным, но не алогичным». Одно верное наблюдение о движении планет, то, которое сделал Галилей, не могло как-то ограничить или ущемить Бога. «Как они сами выразились, Бог мог бы воспроизвести те же наблюдаемые результаты бесконечно различными способами». Теорию Галилея, касающуюся Солнца и планет, можно назвать высокомерной, коль скоро она претендовала на то, чтобы быть «методом познания, основанным на не лишенных ошибок наблюдениях и рассудочном выводе, какой именно путь Он (Бог) выбирает». Пути Божьи бесконечны и неизмеримы; пути человека конечны и измеримы.

Язык, которым пользуются церковные власти, неприятен ученому, но осуждение Галилея, если вынести наружу то, что спрятано глубоко внутри, – это один из важнейших моментов восточных мудрых традиций. Видимый мир – это мир внешней видимости. Если видишь перед собой одну внешнюю видимость, это ничего не говорит о том, что на деле представляет собой творение. [Даже Земля, вращающаяся вокруг Солнца, – это только видимость. Если встать на краю Млечного Пути, то окажется, что вся Солнечная система вращается вокруг центра галактики. А если встать в начальную точку Большого взрыва, то окажется, что Млечный Путь стремительно несется прочь от всех других галактик (ибо Вселенная расширяется), унося с собой и Землю. В самом деле, движение Земли, как утверждали инквизиторы, можно описывать в бесконечных перспективах.] Древние ведические провидцы выражают это в виде понятия «майя», что обычно переводят как иллюзия, но это больше чем иллюзия. Майя – это богиня, соблазнительное очарование которой искушает ум поверить, что нереальное реально. Все, что она показывает нам, не заслуживает доверия. Мы настолько заморожены зрелищем жизни, что забываем о том, кто все это создал, – нас самих. Поэтому мы должны вложить нашу веру в творческий процесс.

И тогда Бог обретет смысл и значение бóльшие, нежели все другое в мироздании, ибо Бог – это слово, которое мы применяем к источнику творения. Нет особой необходимости поклоняться этому источнику, хотя почтительного уважения, если только мы не откажем в нем, он определенно заслуживает. Необходимо другое – соединиться с ним. Там, по ту сторону пропасти, в трансцендентном мире, есть несколько необходимых аспектов, которые сотворить невозможно – ни руками, ни с помощью воображения, ни мыслью.

Чем на деле является Бог

Аспекты трансцендентного мира

- Чистое осознание.
- Чистый разум.
- Чистое творчество.
- Бесконечный потенциал.
- Ничем не связанные способности.
- Блаженство.
- Самоорганизация.
- Бесконечная корреляция.
- Виртуальное состояние материи и энергии.

Это наиболее подходящие понятия, которые ум в состоянии изобрести, взирая на Единое по ту сторону пропасти. В этом списке нет ни одного религиозного термина; он строго касается только сознания и того, как оно действует. Сознание всегда творчески-разумно. Оно взаимосвязано с квадрильоном мозговых соединений или с пятьюдесятью процессами, производимыми клеткой печени. В то же время оно следит за всеми синхронно совершающимися видами деятельности (давая возможность дышать, переваривать пищу, ходить, беременеть, думать о своем ребенке и чувствовать себя счастливой одновременно).

Когда бы ни начал любой из этих аспектов расцветать и распускаться, вы сразу отыщете Бога. Бог вступает в повседневную жизнь только так. Когда вами овладевает мощный творческий порыв, вы испытываете небывалое *вдохновение*, что можно транслитерировать как «вдох духа». И не важно, что ваше вдохновение находит выход в том, чтобы печь булочки, тогда как у Микеланджело оно нашло выход в том, чтобы расписывать потолок Сикстинской капеллы. И в том, и в другом случае в материальный мир был привлечен такой аспект Бога, как чистое творчество. Вдохновение, осеняющее святого, – из того же источника. Когда святой Франциск Ассизский говорит: «Если Бог действует через меня, значит, Он может действовать через любого», он высказывает истину о том, каким образом чистое сознание приходит в этот мир – через каждого из нас. Никто не обязан следовать тем же творческим путем. Святой Франциск предпочел выразить свой опыт в строках, полных смирения, отказа от утех плотской любви, милосердия и преданности. Микеланджело предпочел искусство, красоту, благородство и великолепие. Все это *qualia*, и такие же *qualia* – ингредиенты, из которых складывается все познание и весь опыт.

Но если вы еще раз посмотрите на предложенный список, то аспекты, перечисленные там, не *qualia*. Они более фундаментальны, чем любой опыт или любое познание. На них покоится само бытие. Без разума ничего не могло бы быть понято. Без творчества ничего не было бы новым. Без организующей силы все пребывало бы в состоянии хаоса. Из всех прочих только один аспект Бога кажется не на своем месте – блаженство. Разве блаженство не ощущение счастья, которое намного меньше божественного? Но с точки зрения буддистов и ведических мудрецов, предшественников христианских святых, блаженство (*ананда*) – это вибрация творения, тот лежащий в его основе динамизм, который пронизывает мир как жизненность, желание, экстаз и радость.

Итак, разве не вы сотворили большую черную собаку, мчащуюся прямо на вас? Да, вы. Не «вы» как индивидуум, а «вы» как агент самого сознания. Цепляние за индивидуальность вызывает замешательство. Волна ударяется о белые утесы Довера и спрашивает: «Разве не я сотворила все это великолепие?» И да, и нет. Океан подмывает берег; каждая волна играет свою роль. Вы всегда были существом вселенским, и расценивать себя как-то иначе было бы нереально. Это наиболее четко проясняет вот такой ведический образ. Когда океанская волна вздымается вверх, она говорит себе: «Я – отдельный индивидуум», а когда она опадает, она

говорит: «Я – океан». Как творец, вы вздымаетесь из океана сознания и создаете собственную реальность. Когда же вы заглядываете глубоко внутрь себя, вы видите, что сливаетесь с океаном сознания. Именно сознание через вас творит реальность, не покидая пределов трансцендентного мира.

В конце концов, чтобы познать Бога, вам нужно вспомнить и забыть. Забыть иллюзию, что вы отделены, изолированы, бессильны и брошены на произвол судьбы в бескрайнем космосе. И вспомнить, что вы сновидец, находящийся во власти сна. То, что вы воспринимаете пятью органами чувств, не адекватно реальности. Поднимитесь над игрой теней, в которую вовлечены видимые формы и облики, – и реальность радостно встретит вас, как выразился Руми, в «мире, слишком обильном, чтобы о нем говорить». Войдите в этот мир всех мыслимых возможностей. Умение воплотить их в жизнь – великий дар. Дар, исходящий от Бога.

Самый трудный вопрос

Когда вы в полной мере вспомните, кто вы такие, то станете едины с Богом. Все аспекты вашей жизни наполнятся незримой милостью. Надежда, выраженная в одном из библейских псалмов: «Воистину, благость и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей» (22:6), осуществится. Вы не сможете достичь этого состояния милости сегодня вечером. Вы и я, где бы мы ни обрели себя, должны поддерживать в равновесии надежду, веру и знание. Это весьма ненадежное равновесие. Здесь могут случаться моменты милости, подобные солнечным лучам, пробивающимся сквозь облака. Но они, увы, не являются каждый день – в отличие от личных испытаний, с которыми нам приходится сталкиваться что ни день. Фокус в том, чтобы начать искать милость там, где она спрятана, – за борьбой, и тогда ваши испытания начнут ослабевать и сходить на нет.

Я хочу показать, что духовность может быть образом жизни на каждом этапе этого пути. Вначале – и вплоть до середины – «мужество быть» означает мужество смущаться и приходить в замешательство. Соответственно этому проступает и Бог: то является, то исчезает. Возможность обрести мир и поверить в высшую силу то вспыхивает, то гаснет. Остальное время Бога нет нигде. Достаточно ли этих вспышек божественности? Очевидно нет. Когда вы смотрите вечерние новости, то самые последние бедствия и катастрофы – реактивный лайнер, разбившийся в Атлантическом океане, геноцид в Конго, вооруженный мужчина, пришедший в бешенство в кинотеатре и начавший палить по зрителям, а потом убивший себя, – возвращают вас в «реальный мир». Ваши прежние установки вновь дают о себе знать: вами вновь овладевает вера, что мир полон насилия и хаоса, и у вас нет другого выбора, кроме как жить по его законам, борясь за собственное выживание.

Здесь требуется некий скрытый элемент, который смог бы удержать нас от скатывания к старым укоренившимся реакциям. Этот элемент – целое. Целое, хотя мы о том не ведаем, заботится о нашей жизни. Оно не допускает хаоса. Оно дает поддержку, даже когда случаются большие неприятности. В мире мудрых традиций есть великая аксиома: «Как в большом, так и в малом». Другими словами, даже мельчайший фрагмент реальности тоже есть целое. Но вы и я – мы слишком сильно цепляемся за фрагментарную перспективу. Если принимать эту точку зрения, то окажется, что никто не видит целого. Воздух в воздушном шарике был бы очень удивлен, услышав, что нет никакой разницы между ним и земной атмосферой. Пока шарик не лопнет, тонкая резиновая мембрана будет мешать ему узнать, кто он такой.

У вас и меня эта тонкая мембрана тоже есть, но она ментальная. С точки зрения фрагментарной перспективы, вы подходите к жизни как «я» – отдельный, изолированный человек. Это «я» наделено индивидуальными инстинктами и мотивами. Оно много чего хочет, и хочет только для себя. Оно считает, что сознание – частная собственность. Стремление к главенству, к тому, чтобы быть первым номером (вместе с ближайшими

членами семьи), становится высшим приоритетом. Но каким бы сильным это «я» ни было, внешние силы всегда гораздо мощней, и это привносит в бытие неуверенность. Бог обладает перспективой целого. В конце духовного странствия ищущий, ставший просветленным, тоже обретет эту перспективу. Он сможет сказать: «Ахам брахмасми (“Я – Вселенная”))», а это подобно видению бесконечности во всех направлениях, без границ или ограничений.

Слово «просветление» неизменно окружено тайной: что оно означает и как к нему прийти? Если сбросить покров тайны, то все очень просто: вы оказываетесь просветленными, когда достигаете полного самоосознания. Каждый шаг на духовном пути расширяет тот уровень самоосознания, с которого вы начали. Ваше чувственное восприятие своего «я» меняется. Вы начинаете постигать, что целое возможно. (Прибегая к образу из ведической традиции, вы чувствуете запах моря задолго до того, как добираетесь до него.)

Если вы наблюдаете в себе следующие изменения, значит, в вас зарождается целостность.

На пути к целому

Как путь вас изменяет

- Вы чувствуете себя менее изолированным, более связанным со всем, что вас окружает.
- Беспокойство и неуверенность сменяются чувством безопасности.
- Вы осознаете себя «своим».
- Требования на уровне «я», «мне», «мой» ослабевают.
- Вы взираете на все в более широкой перспективе, чем та, что обусловлена личным интересом.
- Вы действуете под влиянием импульса помощи и служения.
- Жизнь и смерть сливаются в единый цикл. Акты творения и разрушения вас более не пугают.
- Мировоззрение по принципу «они против нас» мало-помалу отмирает. Разделение кажется менее значимым.
- Власть и положение становятся менее важными.
- Взлеты и падения повседневной жизни более не выводят вас из равновесия.
- Вы чувствуете, что вашими действиями руководят. Жизнь более не предстает как игра случая, полная надвигающихся кризисов.
- Вы чувствуете себя более сбалансированным и пребываете в мире с собой.

Целостность – состояние, вызревающее внутри вас; при этом реальность всегда целостна. Вся Вселенная нацелена на то, чтобы осуществляться каждый момент во времени. На санскрите этот факт выражается глаголом *dhar* – «поддерживать». Реальность поддерживает себя и все фрагменты, сущие в ней. Фрагментарность, столь очевидная в материальном мире, – это *майя*, часть иллюзии. Зрелище миллиардов галактик маскирует ту реальность, что все они происходят из одной точки – Большого взрыва, который не фрагментарен. Теперь легко понять, почему физика стремится проследить всю материю и энергию до их истока. Но в уме нет точки Большого взрыва, к которой можно было бы обращаться как к исходному пункту и с которой можно было бы начинать отсчет. Мышление всегда фрагментарно. За единицу времени рождается только одна мысль, поэтому так трудно увидеть, что все мысли исходят из одного ума. «Мой» ум – самый убедительный фрагмент из всех.

Если вы скажете кому-то, чтобы он перестал цепляться за идею «моего» ума, он встревожится и скажет: «Ты что же, хочешь, чтобы я спятил?» Нет, вы хотите как раз обратного – чтобы он вместо обычного обрел космический ум. Он сможет стать заменой того, что вы действительно видите, – вашего тела. Пока вы фокусируетесь на чем-то мелком

и специфическом – например, на чтении этих строк, – 50 триллионов клеток вовлечены в то, чтобы поддерживать этот незначительный акт. Клетки умны; их не одурачишь, как индивидуумов, ситуацией кажущегося разобщения. Они все время действуют исходя из целого. И каждая ведет духовную жизнь, которой позавидовал бы любой святой.

- Каждая клетка преследует некую высшую цель, при этом неустанно поддерживая деятельность всего тела.

- Каждая клетка точно знает свое место в теле. В силу этого ей присуща абсолютная уверенность.

- Тело защищает и объединяет жизни всех клеток.

- Ни одна клетка не отторгается, но каждая принимается без осуждения или предубеждения.

- Каждая клетка живет в настоящем моменте, постоянно обновляясь и не цепляясь за устарелое и обветшалое.

- Есть полная уверенность, что естественный поток жизни всегда действует с наивысшей эффективностью.

- Индивидуальные клетки рождаются и умирают, но все это осуществляется ради поддержания идеального баланса тела.

Ни один из этих аспектов не может быть причислен к разряду духовных устремлений; это просто факты повседневной жизни на клеточном уровне. Все, что кажется недостижимым на уровне духовных понятий – полный отказ от себя, смирение, невинность, ненасилие, уважительное отношение к жизни, – все это формируется внутри вас. Сколь бы незначительным ни был красный кровяной шарик, мудрая жизнь поддерживает и его.

Это ведет к неожиданному умозаключению: чтобы клетка оставалась живой, за ней должна стоять бесконечность. Отдельная клетка может сказать: «Ахам брахмасми», даже не уединяясь на долгие годы в одной из пещер Гималаев. Слова «Я – Вселенная» не значат, что эта клетка очень, очень большая. Дело не в размере, и не в местоположении, и не во времени, и не в пространстве. Дело в том, что все сущее, являющееся частью творения, по сути одно и то же, несмотря на внешнее различие. Подобное различие, если прибегнуть к ведическому образу, напоминает спор между золотыми часами и золотым кольцом о том, кто из них более ценен. Идя на поводу своих эго, они не видят, что сделаны из одной субстанции – золота. Клетки мозга выказывают разум. Насколько велик этот разум? Большой он или маленький? Уместится ли он в коробке для бутербродов? Или для него потребуется грузовой контейнер? Вопрос бессмыслен. Разум не физическая субстанция и не имеет размера. Ни один из невидимых атрибутов, поддерживающих жизнь, не имеет физического размера. Красота духовного пути в том, что каждый ваш шаг на этом пути поддерживает бесконечная сила.

Вопрос лишь в том, какую часть этой бесконечности сможет впитать или абсорбировать ваша жизнь. Если расширение бесконечно, весь проект выглядит пугающим. К чему выбираться за границы, если внутри вы чувствуете себя как дома? Вы можете попытаться вылететь за их пределы, как это делает мячик, привязанный резинкой к дощечке, но, притягиваемые резинкой, вы снова окажетесь на дощечке. Клетке печени или сердца в этом смысле повезло. Чтобы оставаться в живых, она должна быть связана с целым. Она не может сомневаться или самоустраняться; она не может повернуться спиной к своему творцу или объявить, что Бог – иллюзия. Но вам повезло даже больше, чем клетке. Вы наделены самосознанием, то есть способностью знать, кто вы такой. Поэтому ваш духовный путь ведет вас к выбору идентичности. Вы действуете как отдельный индивидуум или как целое. Вы отождествляете себя со Вселенной или не отождествляете, присоединяетесь к ней или не присоединяетесь.

Присоединение = приятие себя, поток, равновесие, порядок, пребывание в мире.

Неприсоединение = самоосуждение, страдание, борьба, противодействие, беспокойство, беспорядок.

Если вы сфокусируетесь на правой стороне каждого из уравнений, жизнь покажется вам невероятно сложной. Если бы всякий раз, как завести машину и тронуться с места, вы застывали ошарашенно перед путаницей выбора, то вы бы никогда ее не завели. В любой данный момент вам приходится решать, что делать: принять или отвергнуть, бороться или пустить на самотек. Вероятно, именно поэтому мы постоянно фантазируем об идеале и совершенстве. Если бы только у нас были идеальное тело, идеальный дом, идеальный партнер, мы бы избавились от самого трудного в жизни – амбивалентности. Но все тела, дома и партнеры несовершенны. Бывают хорошие дни и плохие. Любовь неожиданно может превратиться в скуку или даже ненависть.

Левая сторона каждого из уравнений состоит только из одного слова. То есть перед вами только один выбор: отождествлять себя с целым или не отождествлять. Простота – невероятная сила. Попросите Бога поддержать вас – и все прочее придет. Таково холистическое решение всех проблем.

Еще в самом начале книги я упоминал о том, как чудовищно тяжело и даже невозможно было жить в те времена, когда Иисус выступил со Своей Нагорной проповедью. «Полевые лилии не трудятся, ни прядут», а люди всю жизнь проводят в трудах. Иисус возвещал людям то же холистическое решение, к которому пришли и мы: если вы полностью соединились с Богом, Провидение поддержит вас подобно тому, как природа поддерживает простейшие формы жизни. «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту *хотя* на один локоть?» (*Матф. 6:26–27*). Язык поучения поэтичен, зато логика безупречно мудра: присоединение – естественный путь, неприсоединение – нет.

Пять «бедствий»

Трудно, когда ты предоставлен самому себе, но это та самая ситуация, в которой находимся мы все. Если бы мы сидели у ног Иисуса, Будды или одного из великих ведических мудрецов – риши, они бы изо дня в день сообщали нам, когда мы связаны с Богом, а когда нет. В Новом завете Учитель постоянно переходит от упреков к похвалам и от похвал к упрекам. То Иисус укоряет своих последователей за то, что они требуют чудес и исцелений, то Сам с улыбкой исцеляет и творит чудеса. Должно быть, это невероятно смущало Его учеников. Оказавшись меж двух огней – между упреками и благословениями, они нуждались в постоянной коррекции курса.

Вы и я тоже нуждаемся в коррекции курса не меньше учеников Иисуса, но эту коррекцию мы вынуждены выполнять сами. Препятствия, которые мы встречаем на своем пути, подвергают испытанию нашу веру и дразнят нас надеждой, которая вскоре умирает. Поэтому необходимо изучить то состояние надломленности, которое мы сами же создали. Неприсоединение было образом жизни многих поколений. (Есть ли более веское свидетельство этого образа жизни, чем доктрина холодной, враждебной, подверженной случайностям Вселенной, которую отстаивают Докинз и компания?) Ведические учителя указывают на пять препятствий, которые мешают нашему соединению с Богом. Санскритский термин, обозначающий эти препятствия, звучит весьма драматически – *клеша*, что буквально означает «бедствие». Всего «бедствий» пять:

- Неведение/невежество (неспособность отличить реальность от подделки).
- Эгоизм (идентификация с эго, индивидуальное «я»).
- Привязанность (приверженность к определенным вещам, объектам желания).
- Отвращение (неприятие всех других вещей, неприязнь к объектам желания).
- Страх смерти.

Первое «бедствие», если можно так сказать, запускает цепную реакцию, то есть ведет к последнему звену. Пятая *клеша* – страх смерти – это конечный продукт всей сборочной

линии, где правит невежество. Мало кому доставляет удовольствие слышать, что он построил свою жизнь, руководствуясь невежеством; для большинства людей это звучит как оскорбление. Но есть способ обойти эту неприятность – заговорить о фрагментарности.

Как вы пришли к тому, чтобы воспринимать себя как фрагмент? Первый шаг – забывчивость. Богатый человек, страдающий потерей памяти, забывает номер своего банковского счета. Деньги по-прежнему в банке, но забывчивость лишает его средств к существованию и доводит до нищеты. Точно так же и мы – вы и я – утратили память о целом. Мы все еще это целое, но мы не можем воспользоваться преимуществами своего положения. Запущена цепная реакция.

- Мы забыли, что мы целое.
- Вы видите себя как «я», то есть как отдельный уязвимый фрагмент.
- «Я» наделено желаниями, за которые оно цепляется, чтобы чувствовать себя в большей безопасности.
- Существуют предметы (или явления), которые его пугают и от которых оно старается избавиться.
- Несмотря на погоню за удовлетворением желаний, «я» знает, что однажды оно умрет, и это знание его очень страшит.

Эти пять *клеш* весьма непривлекательны, но есть одна вещь, которая вселяет надежду: как только вы устраняете первое «бедствие» – забывчивость о том, кто вы такие, – цепная реакция тут же останавливается. Это секрет, не имеющий цены. Люди тратят годы на то, чтобы как-то украсить или сделать лучше отдельные отрезки или частички своей жизни. Скажем так: однажды вы смотрите в зеркало и то, что вы там видите, – ваше тело – вам сильно не нравится. Вы хотите произвести впечатление на противоположный пол, поэтому решаете активно заняться физическими упражнениями. Поначалу мысль об этом разжигает у вас желание – мол, вы непременно приведете себя в более хорошую форму, – но вскоре скука, однообразие и усталость вызывают у вас отвращение. Вы платите большие деньги за дополнительные занятия с инструктором, что разжигает у вас желание успеха – мол, при таком раскладе вещей вас непременно ждет удача, – но понимание того, что вы тем самым стремитесь компенсировать собственные неуверенность и беспокойство, вызывает у вас отвращение. Таким образом, вы находитесь под воздействием привязанности и отвращения. В результате «я» путается в противоречиях, скатывается к бездействию и мечется, с каждым днем относясь к себе все хуже и хуже, поскольку ему не удалось получить желаемое – идеальное тело. Весь процесс совершается в сознании, где цепляние, отвращение, желание и это сталкиваются между собой, создавая кучу-малу и сплошную неразбериху. Но о реальной надежде здесь и речи не шло. Стремясь удовлетворить свое «я», вы пытались лишь умиротворить свою иллюзию.

Выход из этой дилеммы – вспомнить, кто вы такие, то есть соединиться и отождествить себя с реальностью. Вместо того чтобы вопрошать: «Что бы сделал Иисус?», ибо здесь больше превалирует игра воображения, нежели реальность, лучше спросите: «Что бы сделало мое реальное “я”?» Этот вопрос более уместен и аутентичен.

Ваше реальное «я» будет брать ответственность за те отражения и образы, которые шлет Вселенная. Реальность – зеркало, которое не лжет.

Ваше реальное «я» будет фокусироваться на внутреннем развитии, ибо оно не хочет ничего иного, кроме как достичь полного потенциала.

Ваше реальное «я» не будет осуждать других и проецировать на них вину и обвинения.

Ваше реальное «я» не будет действовать под влиянием импульса. Оно полагается на отражение себя в зеркале Вселенной и принимает решения в состоянии безмятежности и покоя, подальше от хаоса.

Вы можете ворчать, что по-прежнему видите в зеркале свое дряблое тело, но в действительности это не так, ибо, как только вы свяжетесь со своим реальным «я» и станете им, самоосуждение кончится, а с ним кончится и фокусировка на своих внешних данных; вы

больше не будете идти на поводу собственной неуверенности, которая завлекает людей в ловушку бесконечного самосовершенствования, толкая их на изнурительные упражнения. Такова самая общая схема, но ее вполне достаточно, чтобы показать, что у самости иной «режим дня», который сильно отличается от «режима» вашего реального «я».

Бог должен стать тем путем и образом жизни, на которые вы можете полагаться стопроцентно – так же, как вы полагаетесь на своего бакалейщика, на месячный платежный чек или на свой страховой полис. Что проку в Боге, если Он ненадежен? Французский религиозный писатель Симон Вейль выразил это таким образом: «Что касается божественного, то здесь играет роль не столько вера, сколько уверенность и определенность. Все, что ниже уверенности и определенности, недостойно Бога». Я полностью с ним согласен, но, чтобы прийти к уверенности, нам нужен некий процесс. Давайте отбросим в сторону абсолютные ответы – они не оставляют нам ни нейтральной территории, ни эволюции, ни шанса исправить свои ошибки. Несгибаемая уверенность – вот позиция, которую занимают атеисты по одну сторону и фундаменталисты – по другую. Для всех остальных уверенность возвращается изнутри, как внутренний опыт, но на его раскрытие требуется время. Тем временем перед нами целая жизнь, которую нужно прожить и в ходе которой мы должны считаться со своей неуверенностью. В этом нет ничего страшного: допускаются любые колебания и праздношатания, если только вы идете верной дорогой.

Самый трудный вопрос

На самом деле никто не предоставлен самому себе и не брошен на волю судьбы. В детстве я этого не знал. Я пленялся чудесами, которые творил Иисус, как они описаны в Новом завете, ибо мое начальное школьное образование проходило под эгидой религиозного общества «Христианские братья», состоявшего в основном из ирландских миссионеров, чьи школы в то время были лучшими в Индии. Но чудеса Иисуса были из тех, чего я никогда не видел в жизни. Хождение по воде внесло первую смуту в мою душу, приведя в действие процесс освобождения от чар и иллюзий, поэтому я относительно легко пришел к полному разочарованию в своих детских идеалах, а затем и к полному их забвению, не вспоминая, что эти идеалы когда-то существовали. Самое лучшее, что я мог сделать, – это приспособиться к миру, лишенному Бога. Раз уж Бог не препятствует творимому в мире злу, буду препятствовать я. Но тогда зачем мне нужен Бог?! Думаю, очень многие врачи следуют этой стезей на своем пути. Чего я тогда не видел, так это того, что мое скатывание к безбожию идеально соответствовало пяти *клеша*.

Когда вы вступаете в борьбу со злом, творимым в мире, вы неизбежно погружаетесь в него. Система зла заявляет на вас права. Это звучит шокирующе, но если вы верите в зло, то забываете, кто вы такой. Я считал, что, помогая больным людям, я тем самым сделаю лучше хотя бы один маленький уголок Земли. Но если смотреть в более широкой перспективе, я делал нечто совершенно другое – я поддерживал иллюзию. Всякий раз, когда вы боретесь со злом, вы усиливаете систему зла, которая, в противном случае, умерла бы, если бы люди перестали обращать на нее внимание.

В этом смысле Кришнамурти был одним из самых честных учителей в мире, даже несмотря на то, что часто ставил людей в тупик или задевал их чувства. В одном из своих дневников он описывает случай, когда в Индии к нему пришла приятная на вид, хорошо одетая женщина и попросила оказать денежную помощь возглавляемому ей обществу, которое ставило своей целью защиту животных от жестокого обращения.

– Для чего вы все это затеяли? – спросил Кришнамурти.

– С животными в этой стране обращаются просто ужасно, – ответила женщина. – Я знаю, что вы проповедуете *ахимсу* – уважительное отношение к жизни. А это означает и доброе отношение к животным.

– Я имел в виду ваши личные мотивы. Что побудило именно вас заняться всем этим? – уточнил Кришнамурти.

Женщина выглядела растерянной.

– Ну, я просто чувствую, как сильно страдают эти бедные создания, – наконец сказала она.

– В таком случае вы хотите облегчить не их участь, а свою, – ответил Кришнамурти. – И такой способ есть. Вглядитесь пристально в себя. Где зерно насилия? Если с животными плохо обращаются, то именно потому, что мы избегаем ответственности за свое собственное насилие. Зерно насилия не где-нибудь, а именно в вас.

Более широкая перспектива может оказаться очень мучительной для эго. Эго гордится своей праведностью и добротой, а эта перспектива показывает, сколь несостоятельна эта гордость. Кришнамурти так и не сообщает, оказал ли он помощь. (Вероятно, оказал, ибо всегда поддерживал благие начинания.) Но его цель была в другом – обнажить корень самого зла, ибо это единственный способ покончить с ним раз и навсегда. Это же применимо и к любому отдельному пороку, какой только придет вам на ум. Представьте, что экстрасенс мысленно считал ваше сознание и сказал: «Ваши представления о зле – это грубое обращение с детьми, домашняя тирания отца или матери, религиозная ненависть и беспомощный человек, умирающий в страшных мучениях от рака». Вы наверняка согласитесь с этим перечнем – что и делает большинство людей, – но не найдете в нем рецепта победы над злом. Вы можете затевать благие начинания, чтобы, например, помочь детям – жертвам грубого обращения или поддержать суровые законы, направленные против насилия в семье. Вы можете молиться о том, чтобы Бог не дал вам умереть в агонии от неизлечимой болезни вроде рака. Но все эти действия обходят стороной насущный вопрос; они не добираются до самого зла.

Вопрос о зле – самый трудный вопрос, какой только можно задать, и самый дерзкий вызов Богу. Почему существует зло? Почему Бог ему не препятствует? Если пороки, которые мы порицаем в современном обществе, симптомы космического зла, тогда прощай надежда! Вся эта духовная затея оказывается пустой и никчемной, как в том уже убедились бесчисленное множество людей после ГУЛАГа, Холокоста и атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Приведенные в действие самими людьми, эти ужасы кажутся сатанинскими. Они сводят на нет весь оптимизм по поводу того, что добро якобы торжествует над злом. Но главной причиной для отчаяния, по мнению многих, служит то, что преступники, совершившие большинство зловещих актов в современной истории, считали самих себя вполне моральными людьми и жертвами других, действительно дурных людей.

Если мы ответим на этот самый трудный из всех вопросов, общая тенденция изменится на обратную. Если только удастся донести до сознания людей, что именно зло, а не Бог, является иллюзией, у реальности появится шанс убедить нас в этом. Любовь обладает более мощной силой доказательства, чем страх. И тогда начнет осуществляться величайший духовный идеал человечества – мир, свободный от зла. С другой стороны, если зло не удастся одолеть, то именно оно будет предопределять духовный путь человечества.

«Хотите ли вы, чтобы все было хорошо?»

Даже если вы духовный человек, дает ли духовность защиту от ужасных преступлений, совершаемых против человечества? Я думаю, не стоит начинать столь острую тему с вопросов о космическом зле и такой темной сущности, как Сатана-искуситель. Есть и более щадящий способ подойти к вопросу о зле. Начните с того, что спросите себя: «Смог бы я принять мир, в котором нет ничего плохого? Хочу ли я, чтобы все было только хорошим?»

Не сомневаюсь, что вы без промедления ответили бы «да». Например, для тела зло – это боль, и мир без физической боли выглядит весьма и весьма желанным. Но несколько человек во всем мире имеют очень редкое отклонение в своем физическом генотипе (сводящееся до двух мутаций в гене SCN9A), благодаря чему они не чувствуют боли. Журналист Джастин Хеккерт, поведавший о 13-летней девочке с подобной аномалией,

пишет, что «она практически не испытывает боли и не относится к своему телу так, как другие девочки ее возраста или кто-либо другой в ее возрасте, да и, собственно говоря, вообще никто. Она играла со своей сестрой в аэрохоккей с таким исступлением, что, казалось мне, вот-вот причинит боль себе или своей сестре. Она практически лежала на столе всем телом, истово, изо всех сил стараясь забить диск-шайбу в узкие воротца. Ее родители стояли рядом словно парализованные».

Но Хеккерт быстро сменил гнев на милость и проникся сочувствием к ребенку, не чувствующему боли, когда врач, лечивший девочку, сказал ему: «Боль – это дар, которого она, к сожалению, лишена». В школе к ней приставлен воспитатель, который постоянно сопровождает ее, куда бы она ни шла, чтобы убедиться, что она не нанесет себе травму и не поранится; после каждой большой перемены врач тщательно обследует ее глаза на тот случай, если вдруг туда попала соринка. Дома ее родители «избавились от всей мебели с острыми углами и расстелили на полу самый пушистый и мягкий ковер, какой только удалось найти. Они запрещают [дочери] кататься на роликовых коньках и на велосипеде. Кисти ее рук они оборачивают несколькими слоями марли, чтобы не дать ей возможность тереть ладони друг о друга. А в ее спальне они поставили монитор, чтобы, едва она начнет скрипеть ночью зубами, услышать этот скрип и поспешить к ней на помощь».

Боль – это дар в том случае, если вы понимаете, каковы последствия жизни без боли. Огонь обжигает кожу, но на нем также готовят пищу. Ну, а как быть с насилием? Мир без преступлений и войн кажется несказанно желанным, но как тогда обойтись без хирургии, одной из форм контролируемого насилия? Тело (осторожно) разрезают, обнажая внутренние органы и подвергая его многим опасностям. Здоровая экосистема зиждется на том, что один вид живых существ пожирает другой, что влечет за собой насилие. Сделайте всех животных вегетарианцами, и в отсутствие хищников ничто не остановит насекомых, которые завоюют весь мир; даже сейчас их численность в сотни раз превышает численность млекопитающих.

А как быть с психическим страданием, которое смешано с чувством стыда, вины, страха и гнева? Две разгневанные группировки сталкиваются в ходе гражданской войны, убивая друг друга и великое множество ни в чем не повинных граждан. Чисто внешне гнев вызывает к жизни великое зло. Но сражающиеся стороны это не останавливает, ибо владеющая ими жажда мести заставляет их рассматривать гнев как вполне оправданный и даже справедливый. Движитель гражданских войн – желания, ибо стремление защитить свой дом, ненависть к «другим», расовая и религиозная нетерпимость так же завязаны на гнев, как и месть. Война прославляет гнев, маскируя причиняемые им страдания. Движимый идеей борьбы за правое дело, солдат может пренебречь собственными страданиями, но как только война кончается, возникают новые формы психического страдания, такие как чувство вины и комплекс симптомов посттравматических стрессовых расстройств.

Психические страдания невозможно суммировать в нескольких абзацах. Поэтому давайте лучше вернемся к изначальным вопросам: «Хотите ли вы, чтобы все было только хорошим? И насколько желанен мир без боли?» Если определять психическую боль как депрессию, тревогу, шизофрению и другие психические расстройства, то, естественно, никому не хочется, чтобы они были. Но ментальный мир тоже не может обойтись без боли. Страх боли не позволяет нам дважды совать руку в огонь. Чувство вины мешает детям стащить из банки печенье, даже когда мать не видит. Ментальная боль полезна во всех отношениях, если только она не в переизбытке.

Зло – это то, чего мы не хотим, но без чего часто не можем обойтись. Вся человеческая жизнь строится на контрастах. Нет боли – нет и наслаждения, только нейтральное состояние отсутствия стимуляции. (Отсюда естественное подозрение, которое возникает у детей, когда им рассказывают басни о рае: ведь это так скучно – вечно сидеть на облаках и играть на арфе!) Действительно ли мы созданы, чтобы быть добрыми и хорошими? Несомненно. Ученые, изучающие поведение детей, установили, что уже в четырехмесячном возрасте младенцы пытаются подобрать вещь, которую уронила мать, и вернуть ее ей.

Но импульс к добру смешивается с противоположными импульсами. Другие ученые

установили, что дети сызмальства стремятся поступать так, как их учат родители; они знают: «быть хорошими» – значит поступать так, чтобы твои поступки одобряли дома. Но оставшись без надзора взрослых, например в подготовительной школе, тот же ребенок может вдруг обратиться из Джекилла в Хайда, вырывая игрушки из рук других детей и не выказывая ни капли жалости, когда те плачут. И все же эти интригующие открытия не решают проблему самого зла. Для этого мы должны опуститься еще глубже.

В мире двойственности любое явление неизбежно связано со своей противоположностью. Добро неотделимо от зла, как свет неотделим от тьмы. Они нерасторжимы – такова одна из доктрин буддизма. Согласно мифологии, каждый золотой век (век взлета) неизбежно приводит к упадку. Рай тоже не без изъянов (не говоря уже о змее в райском саду), ибо этого требует наша раздвоенная натура. Должен ли Бог нести ответственность за наши, мягко говоря, затруднения? Или зло – неизбежный продукт человеческой природы?

Сатана и «тьма»

Богу трудно избежать ответственности за зло. Но вы запросто можете избавить Его от нее, декларативно заявив, что Бог всеблаг. Многие верующие именно так и поступают, приписывая зло – как часть творения – космическому демону, которого в древнееврейском языке нарекли именем Сатана, что означает «враг». Даже не принимая в расчет того, что этот древний демон является падшим ангелом, как только вы приписываете всю ответственность за зло Сатане – оставляя в стороне вопрос о существовании Ада, царства, где тот правит, – и Бог тут же теряет в силе и власти. У всемогущего Бога не может быть врага, который держит нас в своей власти столь же непреклонно, как и Сам Бог. Вселюбящий Бог не может позволить Дьяволу постоянно вредить нам. Всеведущий Бог должен знать, когда Дьявол собирается восстать, и обязан воспрепятствовать этому или, по меньшей мере, должен заранее предупредить нас об этом. Но как только Бог теряет монополию на любовь, власть и мудрость, трудностей не избежать.

Чтобы Бог представал Богом во всей Своей славе, религия сняла с Него ответственность за зло и сделала эту проблему проблемой чисто человеческой, связав ее с искушением и грехом. Адаму и Еве были доступны все фрукты и все яства, какие они только пожелают, но они из чистого упрямства или своенравия съели яблоко. С тех пор упрямство и своенравие у нас в крови. Бог потому и допустил зло, что мы его заслуживаем. Мы не в состоянии обуздать своих желаний и всю потакаем им; под влиянием агрессии мы нападаем и убиваем друг друга; мы выдвигаем моральные заповеди, чтобы по собственной воле – и когда нам заблагорассудится – пренебречь ими; мы поступаем как лицемеры и, чуть что, совершаем преступления и поднимаем восстания.

Снятие ответственности за зло вылилось для нас в непомерную ношу, которую большинство людей, как ни странно, охотно готовы нести. Некоторые виды «зла», такие как ураганы и прочие природные катаклизмы, неподвластны нашему контролю. Другие же виды «зла», такие как рак, являются продуктом далекой от оптимальной деятельности генов, но даже это не снимает вопроса об ответственности. Каждый случай раковой болезни связан с неудачным или пагубным выбором образа жизни, но даже если и не связан, пациенты вправе с тревогой спросить себя: «Действительно ли я виновник своей болезни?» Что касается природных катаклизмов, то все мы прекрасно сознаем, сколь большую лепту внесло человечество в такие современные напасти, как глобальное потепление и неустойчивая погода, к которой оно привело.

Две схемы – космического зла и человеческого зла – сливаются под эгидой тьмы, которая одновременно предстает и как универсальная, и как человеческая. Никто никогда не сомневался в том, что тьма закралась в человеческое сердце и пребывает там. Но современная психология жаждала систематического, рационального метода понимания тьмы; его дал швейцарский психоаналитик К.Г. Юнг, описавший некую силу, действующую

в подсознании, которую он назвал Тенью. По Юнгу, Тень персонифицирует собой вину, стыд, гнев и тревогу. Но Тень не просто хранилище негативных импульсов, а нечто большее. Будучи наделена сознанием, она смотрит на мир через искаженную линзу, и в этом случае гнев и страх кажутся оправданными. Именно Тень вызывает у нас желание убить врагов, не испытывая по этому поводу ни малейших угрызений совести, или, по меньшей мере, считая это вполне оправданным актом возмездия.

Именно Тень шлет послания нашей психике, послания, без сомнения, мощные, но противоречащие желанию добра, благодати и счастья. Она внушает нам, что гнев, который в этот момент воспринимается как праведный и благодатный, есть добро. А последствия – бог с ними! Говоря словами Юнга, Тень создает «туман иллюзии», который окружает всех людей. Поскольку убежать от него невозможно, то Тень универсальна. Мне однажды довелось общаться с одним рьяным приверженцем Юнга, который утверждал, что мир во всем мире недостижим, ибо Марс, архетип войны, навсегда поселился в нашей психике. (Но это же касается и секса, возразил я ему, однако люди вокруг не носятся в состоянии эротической мании. Примитивные инстинкты оставляют пространство для выбора, коим ведает область высшего мозга.) В глубинах бессознательного Сатана и Тень соединяют руки. Оба равно невидимы и в равной степени являются проекциями ума.

Если космическое зло обладает такой властью, что даже Бог допускает его существование, то какая у нас надежда на то, чтобы справиться с ним? Этот вопрос разбирается в Книге Иова (по мнению некоторых схоластов, последняя часть еврейской Библии), хотя те же темы можно найти и в других древних текстах, от шумерских до египетских. (Этим лишь подтверждается идея Юнга, что мифологию всех культур можно проследить до одних и тех же исходных архетипических корней.) В Книге Иова Бог и Сатана заключают пари на душу человека, жившего в стране Уц. Враг рода человеческого заявляет, что может довести любого человека, даже самого набожного и религиозного, до того, что тот отречется от Бога. Бог же ставит ему в пример Иова, который отличался великой праведностью и богобоязненностью, и утверждает, что тот не поддастся на козни Сатаны. И разрешает Сатане мучить Иова («он в руке твоей») с единственным условием, чтобы тот не убивал праведника.

Это пари интригует любого читателя, который впервые сталкивается с этой притчей. Какого рода мукам подвергнет Сатана Иова? Устоит ли Иов или сдастся? Здесь налицо все предпосылки увлекательной нравоучительной пьесы. Как следует из повествования, беды и несчастья, которым подвергается Иов, включают в себя почти все виды человеческого страдания. Он теряет все, что нажил своей праведной жизнью: деньги, урожай, жену и детей. Его тело поражено «лютою проказой». И трое беспутных друзей Иова, прослышав о его несчастьях, пришли, «чтоб вместе сетовать с ним и утешать его». Их основное «утешение» сводится к тому, что все несчастья, постигшие его, он сам и заслужил. И по мере того как они пеняют ему за его же страдания, вся сценография заставляет нас все больше и больше симпатизировать жертве. Не приводится ни одной убедительной причины, почему хороший человек должен так сильно страдать. Да этих причин и не может быть, поскольку ни Иов, ни его друзья не имеют ключа к разгадке: они не знают, что Бог и Сатана используют Иова как пешку в космическом пари.

Если вы из тех людей, кто все воспринимает буквально, то чтение Библии с этого пари лучше не начинать – оно слишком жестоко. Бог, пользующийся душами как покерными жетонами, не достоин почитания. Кроме того, если Бог велит Сатане не убивать Иова и Сатана не смеет ослушаться, значит, Господь мог бы и не допустить, чтобы Сатана вредил Иову всеми мыслимыми способами, кроме гибели. Истинная доброта никогда не скажет: «Твори зло, но только не заходи слишком далеко».

Историю несчастий Иова нужно понимать как аллегорию. Космическое пари затрагивает мистику зла, которое входит в нашу жизнь без всякой, казалось бы, причины, в результате чего испытываемые нами страдания кажутся нам незаслуженными. Несмотря на то что три друга Иова обвиняют его в лицемерии и тайном грехе, ясно, что он не заслуживает

этих несчастий. Но всякая аллегория подразумевает мораль, и в Книге Иова такая мораль есть, хотя, может быть, и не столь явная.

Помимо четырех действующих лиц – Иова и его трех друзей, там присутствует еще одно лицо, молодой слуга по имени Елиуй, который слушал их спор с нарастающим ужасом. Вскочив на ноги, он заговорил пророческим голосом, как посланник Божий, чем немало удивил спорящих. Обе стороны ошибаются, заявил Елиуй. Трое друзей ошибаются, утверждая, что у Иова есть скрытый грех, за который Бог его и наказывает. А Иов ошибается, считая, что праведная жизнь превосходит Божью власть. Бог делает, что хочет, когда хочет и с кем хочет. Не человеку судить о путях Его.

Три друга сбежали, видя, что их лицемерие и вероломство раскрыты. Как отнесся сам Иов к словам Елиуя, остается неясным, но все завершается счастливым концом (скорей всего, это поздняя приписка; вообще вся сценография космического пари выглядит как более позднее дополнение). К нему вернулось здоровье, а богатство его удвоилось. Новая жена родила ему двух сыновей взамен умерших. Праведность восторжествовала. Иов не отверг Господа, и Бог, выиграв пари, вознаградил любимое чадо. Но тот Иов, который вышел здоровым и невредимым из горнила страшных испытаний, уже не прежний Иов. Обращаясь к Богу, он говорит: «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя. Поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле» (*Иов. 42:5–6*).

Он стал смиренным и раскаявшимся – позиция признания своей несостоятельности, часто встречающаяся в еврейской Библии, – но именно это и кажется странным. Ведь Иов с самого начала не был ни самонадеян, ни хвастлив, а, наоборот, был образцом непорочности и богобоязненности. Эта аллегория пытается донести до нас нечто более глубокое. До того как на него свалились испытания, Иов думал, что понимает Бога «слухом уха», то есть слушая проповеди, читая Тору, исполняя храмовые ритуалы и назидания старших раввинов. Но все это ведет его в неверном направлении. Бог не то же самое, что разговоры о Боге. Когда Иов заявляет, что он отрекается (от себя, естественно), он имеет в виду свое тщеславное эго, которое умаляет величие и славу Бога, превращая Его в нечто выдуманное и податливое.

На мой взгляд, эта полная смысла история как раз о *клеша* – препятствиях, искажающих реальность. Иов, несмотря на всю его доброту, привязан к своей праведности. Он превратил свое существование в систему, управляемую писанием и законом. А такая жизнь, не имеющая связи с трансцендентным миром и выходом на него, нереальна. Законы Бога подобны правилам вождения машины. Они могут предотвратить несчастные случаи и обеспечить безопасность водителям и пешеходам, но сдача экзамена на водительские права не то же самое, что управление машиной на скоростном шоссе. Реальность нельзя уложить в законы и правила. Она динамична, безгранична, созидательна, всеобъемлюща и вечна.

История Иова в аллегорической форме представляет все то плохое, что происходит с вами в жизни. Боль и страдание ослабляют веру; любое ужасное происшествие, о котором сообщают в вечерних новостях, еще больше повергает Бога в прах. Но повергается не Сам Бог, а лишь Его образ. Самого Бога зло никак не затрагивает; несчастья – это лишь часть общей иллюзии. В один из непредсказуемых моментов, когда я сидел в Twitter’е, делясь своими мыслями по поводу того, реален рай или нет, я написал: «Материальное существование – это иллюзия. Рай – всего лишь улучшенная модификация этой иллюзии». Вот почему Сатане, виновнику бед Иова, вручаются бразды правления в этом мире видимостей, а Сам Бог, пребывающий в трансцендентной запредельности, ему не препятствует. Роль Бога не в том, чтобы модифицировать иллюзию или менять ее в лучшую сторону, а в том, чтобы вывести нас из нее.

Зло в вакууме

Хотя мы и можем расчленить зло на тысячи частей, в этом нет необходимости. Гораздо важнее избегать зла, а не объяснять его. Найдите свое истинное «я» – и вам больше не

захочется быть участниками этой иллюзии. В этом случае вы сотворите свою собственную, персональную реальность, которая не вовлечена в игру противоположностей. Именно на этом этапе урок, преподанный Иовом, становится предельно ясен и понятен. Не привязывайтесь – ни к своей доброте, ни к испорченности другого человека. Отыщите реальную связь с Богом и стройте на этом свою жизнь.

Реальная связь с Богом проступает в тот момент, когда вы устраняете все, что привело к ложной связи.

Вы и Бог

Когда портятся ваши отношения

Вы теряете связь с Богом, когда вы...

- боитесь Божьего наказания;
- чувствуете, что Божьи требования обременительны для вас;
- сводите Бога до уровня «это можно, а это нельзя»;
- встаете на защиту Бога с помощью гнева и насилия;
- уклоняетесь от ответственности, говоря, что на то воля Божья;
- отчаиваетесь, что Бог отвернулся от вас;
- надеетесь стать таким хорошим, что Богу останется лишь возлюбить вас;
- живете так, как будто Бог вторичен по отношению к «реальному» миру;
- скрываете постыдные секреты своей вины;
- обращаетесь с другими людьми так, словно Бог их любит меньше, чем вас, или не любит вовсе.

Эти ингредиенты не только портят ваши отношения с Богом, но и обрекают на погибель отношения между вами и другим человеком. Жить в страхе, утаивать секреты, прибегать к гневу и насилию – при таких условиях невозможны никакие длительные отношения, пусть даже вам и удастся поначалу их наладить. Применительно к отношениям с Богом эффект в этом случае еще более пагубный. Зло творится из неверно понятого желания сделать себя достойным Бога. Священные войны – самый наглядный тому пример; вина же, стыд и гнев – прямые результаты принципа-ловушки «или-или», которой не избежать: или вы недостаточно хороши для Бога, или, как бы хороши вы ни были, Богу все равно. Страдание коренится в ложной связи с Богом, и когда мы страдаем, то бичуем и себя, и других. Когда Эмерсон написал, что зло есть отсутствие добра, то сделал это не для того, чтобы потрафить тем, кто верит в Сатану, то есть активным проводникам зла. То, что имел в виду Эмерсон, привязано к слову «лишение» или «недостаток».

”Зло не абсолютно, оно лишь указывает на отсутствие чего-либо: это как холод, который есть отсутствие тепла. Всякое зло во многом есть смерть и небытие... Благожелательность абсолютна и реальна.

Эта ремарка перекликается с миром мудрых традиций, которые утверждают, что зло – как вакуум, пустота иллюзии. Наполните пустоту реальностью – и зло исчезнет. Я говорю не о каком-то там магическом трюке, под действием которого завтра же с поверхности земли исчезнут геноцид, военные преступления и угнетение. Человеческая природа вершит самые непотребные дела, когда не находит путей для преобразования. Что касается вас, то вы это внутреннее преобразование, эту трансформацию непременно претерпите, и в ходе этого процесса сами собой отпадут все ярлыки добра и зла, обильно уснащающие вашу жизнь. Отныне Бог неизменно будет заполнять вакуум, а вы спокойно и без показухи выберитесь на волю из плена иллюзии.

Теперь позвольте обрисовать те стадии, которые знаменуют эту трансформацию.

Растворяющая сила Света

По мере развития сознания зло умалется

Стадия 1. Страх

Когда в сознании доминируют страх и неуверенность, зло повсюду. Оно возникает как физическая угроза жизни и здоровью нашего тела, как борьба за пищу и кров и как природные катастрофы, которые никто не в состоянии предотвратить. Бог не предлагает защиты. Единственная возможность защититься – самозащита.

Стадия 2. Эго

Эго выстраивает сильное «я», которое ратует за перемены и преобразования. Жить добродетельной жизнью, соблюдать законы и верить в то, что Бог справедлив, – все это искореняет зло в зародыше. В мире риска, опасностей и вознаграждений, за которым надзирает Бог, «я» (мое или ваше) будет благословлено за свою доброту, если будет избегать ловушек греха.

Стадия 3. Общественный порядок

Индивидуальное сознание расширяется и вбирает в себя других людей. Группа связана воедино общим благим делом. Система законов, усиленная полицией, защищает людей от преступников и прочих правонарушителей. Самые прочные узы связывают тех, кто разделяет веру в Бога. Вера укрепляет убеждение, что никакое зло не одолеет любовь Бога к Его чадам.

Стадия 4. Сочувствие и понимание

Сознание расширяется и включает в себя мир «внутри». Человек видит, что у других людей, как и у него, тоже есть собственные мотивы и убеждения. Эти люди разделяют ваши чувства, как вы разделяете их. Появляется возможность понять, почему люди ведут себя и поступают именно так, а не иначе. Зерно зла не только в «плохих» людях, а в каждом из нас. Бог, понимающий всех и каждого, – Бог всепрощающий. Он равно приемлет и грешников, и праведников.

Стадия 5. Познание себя

Сознание расширяется настолько, что начинает спрашивать, почему и как. Почему мы поступаем так, как поступаем? Каковы корни добра и зла в жизни человека? Чистого или космического зла больше не существует. Ответственность лежит равно на всех нас. Доверяя разуму и интуиции, мы можем исследовать свою природу и совершенствовать ее. Бог – чистота, свет разума, более не осуждающий нас. Он хочет только одного – чтобы мы жили в Свете.

Стадия 6. Сострадание

Сознание расширяется до любви ко всему человечеству. Стена между правильным и неправильным рушится. Все люди, как бы они себя ни вели, равно ценны и добродетельны. Бог взирает на чад Своих с любовью. Зная, что любовь вечна, люди оказывают сострадание, относясь к другим так, как к ним самим относится Бог.

Стадия 7. Бытие

Сознание расширяется настолько, что перерастает границы мира двойственности. Игра в добро и зло остается просто игрой. Привязанность и преданность человека меняется повсеместно. Почувствовав прикосновение трансцендентного мира, человек вступает в него и живет там. Бог – един. Сливаясь с чистым бытием, человек живет в

состоянии милосердия, наделенный высшей силой побеждать зло.

По мере того как человек проходит через эти семь стадий, зло преобразуется от состояния всепоглощающей угрозы до состояния незначительной угрозы и исчезновения угрозы вообще. Когда вы задумываетесь над тем, почему существует зло, возможно, вы решите, что источник зла – космический демон, изъят в человеческой природе или теневая зона, у которой есть свое назначение. Как бы то ни было, но суть та же: зло сотворено. Вы можете бороться с ним, если хотите. В конце концов, на уровне сотворенных реалий решения этой проблемы не существует. Эмерсон, как мне кажется, интуитивно знал это, когда высказал мысль, что зло временно. Все, что связано с человеческим восприятием или находится в поле этого восприятия, не может быть вечным. Единственное вечное состояние – бытие – есть простейшее состояние существования. Здесь и утвердите свои стопы; это единственный рай, где зло теряет смысл.

Сила Бытия

Еще в детстве, живя в Индии, я перенял веру у матери, очень набожной женщины. Я ежедневно стоял рядом с ней, когда она воскуривала благовония и молилась у домашнего алтаря. А вечерами нередко раздавались звуки киртана – группы верующих, распевавших, чарующе и страстно, религиозный гимн:

*Коль во тьме под сводом туч
Вспыхнет чуть заметный луч,
Знаю сердцем, чую сердцем: это ты.
Коль огонь души природный
Манит к цели благородной,
Знаю сердцем, чую сердцем: это ты.*

Но я не сохранил веру. С каждым годом она все больше слабела во мне. Но в жизни мне сопутствовала удача; закончив Медицинский колледж, я осел в Бостоне, где обзавелся врачебной практикой; по окончании приема больных пропускал рюмку-другую с ассистентами, чтобы казаться своим парнем в новом обществе, курил, чтобы снять стресс, – короче, полным ходом шел к успеху. Тем не менее я ощущал какой-то вакуум, неизбежно возникающий там, где отсутствует полнота. Я видел, как больные, страдающие раком легких, едва выйдя из дверей моей приемной, тут же бежали через дорогу в ближайший магазин, чтобы купить пачку сигарет. Я видел малодушный страх в глазах умирающих больных, лишенных утешения. Вера, которую внушила мне мать, могла бы запросто обратиться в цинизм или отчаяние.

Воспоминания о детских годах никак не влияли на мою жизнь и не вносили в нее перемен. Я по-прежнему ощущал пустоту и хотел что-нибудь сделать в этом направлении. Здесь мне опять помогла удача. Религия, которой меня обучали с детства, не фокусируется на понятиях греха, вины, искушения или дьявола. Она не обещает райское вознаграждение или наказание в аду. Она как раз помогает избавиться от всего этого старого хлама. Секрет поиска и нахождения Бога, учит она, в том, чтобы наполнить себя Бытием (я специально пишу это слово с заглавной буквы, чтобы подчеркнуть, что это чистое, абсолютное бытие). Как только вы начнете это делать, то поймете, что вы не что иное, как Бытие, и вместе с этим знанием придет пробуждение. Вы оглядываетесь – и все! – свет во всех направлениях.

Откуда бы вы ни начали, пробуждение – конечный пункт. Зло – самая мощная из всех иллюзий, особенно если ее поддерживает страх – самая мощная из всех негативных эмоций. Когда вы во власти страха, голос внутри вас панически кричит: «Прочь! Беги! Или ты вот-вот умрешь!» Страх связывает ум и сознание. Он «вымораживает» вас и стирает все прочее. А на что же, по контрасту, способно Бытие? Его глас – глас безмолвия. Оно ничего не

требует. Оно не заставляет вас выбирать А вместо Б, ибо Бытие всегда за пределами двойственности. Люди в сердцах обвиняют Бога в том, что Он не вмешивается в мирские дела, а у Бытия нет иного выбора, да и вообще выбора нет. Оно в равной мере есть основа всего; и в этом смысле Гамлет неправ. Гамлетовское «быть или не быть» – это не выбор, ибо «быть» есть неотвратимость. Поэтому именно Бытию предоставлено решать все проблемы – не говоря, не действуя, не меняясь и не вмешиваясь. Успех не кажется таким уж вероятным, не так ли?

Рефрен, звучащий в знаменитой песне группы «Биттлз»: «Пусть будет», характеризуется как «слова мудрости». Я с этим полностью согласен: ничего мудрее этого нет, ибо когда чистое Бытие претворяется в бытие человеческое, оно перестает быть пассивным состоянием. Это тот образ жизни, который большинство людей еще не опробовали. Данная книга как раз и предназначена показать, к чему ведет этот образ жизни – от щедрот духа и выражения любви до обретения внутренней тишины и следования указаниям внутреннего поводыря.

В конце концов то, что изменило мою жизнь, не имеет никакого отношения к тому, каков я как человек. Ярлыки, которые я сам на себя наклеил: *индийский врач, успешный, всеми любимый, уверенный в себе* и т. д., – были позитивными, но они, как и рай, были всего лишь улучшенной модификацией иллюзии, в которой я по-прежнему жил. Ни один из них не отвечал действительности. Но важно не это; важно то, что я сменил прежний образ жизни на новый, начав с пустоты, которую ощущал внутри, и работая над тем, чтобы заполнить этот вакуум. Ни святые, ни ангелы не освещали мне путь. Каждый день я делал то же, что делал всегда: вставал до зари, совершал обход, выполнял обычный круг обязанностей в больнице и, как частный практикующий врач, принимал нескончаемый поток пациентов.

Разница была лишь в том, что я теперь полностью отождествил себя со своим Бытием. Санскритский глагол *dhar* («поддерживать») обозначает тот жизненный путь (он так и называется – *дхарма*), который поддерживает Вселенная. Иностранные слова ничем не лучше обычных, повседневных слов. Познай себя – и вы пребудете в *дхарме*. *Дхарма* учит одной важной вещи: нужно доверять Бытию, нужно верить в то, что оно, когда в том возникнет необходимость, правильно скорректирует ваш курс. Именно Бытие расставляет на вашем пути приметы высшей реальности. И вам становится немного не по себе, когда вы вновь скатываетесь к эго и эгоизму. Бытие говорит голосом безмолвия, но существование склоняется в его пользу, и в нашей жизни дают о себе знать некоторые скрытые преимущества:

- Вы отдаете предпочтение не инерции, а движению вперед.
- Как только оно начинается, эволюция ускоряет свой шаг.
- Сознание расширяется естественным образом.
- Чем больше вы себя узнаете, тем лучше становится ваша жизнь.
- Позитивные намерения получают бóльшую поддержку, чем негативные.
- Индивидуальное сознание соединяется с Божьим сознанием.

Эти преимущества едва ощутимы, но реальны и наделяют Бытие огромной силой. Когда вы с любовью думаете о своих детях, эта же дума присутствует и в уме Бога – они обе обладают силой благословения. Если вы идете из кино и останавливаетесь, чтобы помочь выбраться увязшему в снегу путнику, ваш импульс сродни импульсу Спасителя. Самый трудный вопрос никогда не перестанет терзать ваш ум. И Бог – та самая точка, где ум – вне мыслей – находит ответ. Когда вы поймете это, ни один человек в мире не будет больше вашим врагом, а только благожелательным попутчиком. Двери Бытия открыты для каждого, кто оставляет зло за порогом.

Эпилог: Бог мельком

Одобрение всегда приятно. Всякий, кто хочет заслужить его, должен избегать писать о Боге. Все равно полностью с вами никто не согласится. (В многоликом культурном мире и это хорошо.) А читать проповедь перед хорами вряд ли доставит вам удовольствие, тем более в большинстве церквей хоры пустуют. В этом году в течение всего одной недели газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала две обширные статьи, автор которых отрицает возможность духовного устремления. Одна называлась «Благословение атеизма», а вторая – «Миф об универсальной любви». Они появились сразу после Рождества. Возможно, это было сделано с расчетом – чтобы у хорошего настроения остался горький привкус: Бог – тот, кто разъединяет, а не соединяет.

Я постарался представить Бога, не требуя от вас выбора по принципу «или-или». Если справедливо то, что сказано в Бхагавадгите: «Все дороги ведут ко Мне», имея в виду Бога, то и дорога неверия тоже не может быть предана анафеме. Сам я не хожу ни в церковь, ни в храм. Автор «Благословения атеизма» порицает людей вроде меня, считающих себя людьми «духовными, но не религиозными». С нескрываемым презрением он пишет, что эта фраза, «как будто заимствованная из бессвязного лепета психопата, может означать только одно: что говорящий – атеист, который боится общественного неодобрения, или колеблющийся, который хочет извлечь из веры теоретическую пользу... не беря на себя обязательство придерживаться той или иной религии».

Или это может означать нечто искреннее и неподдельное. Атеизм совершает ошибку, уравнивая религиозную практику и духовность. Чем больше я работал над книгой, тем яснее осознавал: кто бы что ни сказал о Боге, все равно это будет ошибкой. Никто не обладает монополией на истину.

Это однако не значит, что истины не существует. Точно так же, насколько плохими сами по себе ни были бы религии, это не доказывает, что Бога не существует. Как только возникает тема Бога, эмоции тут же накаляются, поэтому я взял на себя смелость встретиться с атеистами на их же территории. Похоже, Докинз и компания владеют некоей машинкой для распечатывания ярлыков, которая по их адресу выдает такие одобрительные эпитеты, как рациональные, научные, трезвомыслящие, смелые и логичные. А как только речь заходит о тех, кто верит в Бога, машинка тут же выдает по их адресу такие уничижительные эпитеты, как суеверные, иррациональные конформисты, алогичные и безумные.

Вера заслуживает, чтобы ее почтили добрым словом, поэтому я призвал на помощь здравомыслие, разум и логику, чтобы поддержать реальность Бога. Вера сама себя спасти не может. Оказавшись в светском мире, она взывает к тем, кто глух на оба уха, рискуя остаться не услышанной, что и случится, если мы будем подходить к ней с позиции светских понятий. В идеальном мире обе стороны послушно следуют предписанию Ветхого Завета: «Молчите и знайте, что Аз есмь Господь». В этом молчании мы могли бы читать Руми, Кабира и Тагора. И чувствовать Бога. Ибо Бог – в трепете любого вдохновенного стиха, вроде этого двустишия:

*Слушай, о сердце, шептание мира —
В нем все признание в любви.*

Это Тагор, и ему вовсе не надо упоминать Бога, чтобы вы почувствовали, что автор – человек духовный.

*По дорогам, ведущим туда и сюда,
Ходить я не буду.
Мне любы и дороги те, что ведут
Везде и повсюду.*

Опять же, Тагор духовен постольку, поскольку свободен от всякой религиозности. Книга, идущая от всего сердца и говорящая от имени сердца, пишется языком безмолвия.

Если вы уверены, что написали фразу, которая убедит скептика, значит, вы на грани падения. Лично я плачу над стихами, которые у другого человека вызывают смех или скуку.

С этим я и покидаю эту арену идей, где должны применяться разум, здравомыслие и логика. Держа это в уме, я хочу в заключение предложить свод ключевых идей, равно адресованных обеим сторонам. За каждой из этих идей стоит более пространная дискуссия, затронутая на страницах этой книги. В каком-то смысле они подобны телеграммам: всего несколько фраз, вмещающих целое послание. Я разбил этот свод на три раздела, каждый из которых соответствует трем основным темам, затронутым в этом тексте: воинствующий атеизм, вера и Бог. Поскольку я большой энтузиаст и поклонник современных социальных сетей, я опробовал эти идеи в Twitter'е, а потому с полным правом заявляю, что они вызывают у пользователей повышенный интерес. В книге же их роль еще более значима, на мой взгляд. Во всяком случае, у вас есть возможность понять, где именно ваши убеждения дают сбой.

Даже самые лелеемые и заботливо пестуемые убеждения могут поменяться – или остаться неизменными. Зачастую мы оказываемся никудышными судьями, когда приходится судить то, что вершится в нашем внутреннем мире. Идеи в большинстве своем играют лишь на поверхности ума. Лучше полагаться на поэтический образ Бога. Он – как аромат тонких духов, который вы чувствуете, когда вдруг просыпаетесь среди ночи. Вы с трудом осознаете, что именно этот изысканный аромат и разбудил вас, но, тем не менее, какое-то время лежите с открытыми глазами, не в силах возобновить прерванный сон.

Воинствующий атеизм

Десять изъянов в иллюзиях Докинза

1. Его атеизм развенчивает образ Бога, как Он подается в воскресной школе, за неимением других, и сваливает в кучу все религиозные убеждения без разбора, причем делает это с истовостью экстремистов-фанатиков.

2. Его атеизм основывается на убеждении, что у Вселенной нет разумного истока, при том что теория случайностей – наименее приемлемое объяснение возникновения разумной жизни во Вселенной.

3. Его атеизм уравнивает между собой реальность и материальный мир, воспринимаемый пятью чувствами, не беря в расчет революцию в научном мире, произведенную квантовой физикой, которая открыла, что реальность простирается далеко за пределы видимого мира.

4. Его атеизм привязывает все явления жизни к жестким законам природы, не объясняя, почему эти законы существуют или откуда взялись.

5. В его атеизме эволюция служит веским аргументом против разумного источника жизни, хотя теория выживания сильнейшего не в состоянии объяснить происхождение жизни.

6. Его атеизм позиционирует себя как рациональный, но при этом не может объяснить истоки рациональности. Каким образом деятельность мозга, если она подвластна случайности, порождает порядок и логику?

7. Его атеизм провозглашает, что биология есть базис сознания, не предлагая теории, как молекулы научились мыслить.

8. Его атеизм рассматривает деятельность мозга с позиции незыблемого закона причины и следствия. Все мысли и поведение предопределены. Он никак не объясняет ни свободную волю, ни творчество, ни прозрение.

9. Его атеизм отрицает существование «я», считая его иллюзией, созданной мозгом, хотя нейронаука так и не нашла местоположение этого «я» в области мозга.

10. Его атеизм не может объяснить, каким образом иллюзорное «я» приходит к самопознанию.

Вера

Десять причин, почему вера имеет смысл

1. Вера – это не закостенелая догма, но знание, обретаемое посредством опыта.
2. Вера – это готовность шагнуть в неизведанное.
3. Вера знаменует собой удивление перед загадкой бытия.
4. Вера проистекает из безмолвия и даваемых им откровений.
5. Вера выражает доверие внутреннему миру прозрения, интуиции и воображения.
6. Вера приближает человека к истоку творения.
7. Вера знаменует истинное «я», которое трансцендентно по отношению к эго.
8. Вера соединяет мир «внутри» с миром «снаружи».
9. Вера устраняет разделение между естественным и сверхъестественным.
10. Вера в глубине вашей души – это вера в Бога.

Бог

Десять идей, дающих Богу надежду на будущее

1. Бог – это разум, который задумывает, конструирует Вселенную, а затем управляет и становится ею.
2. Бог – не мифическая персона; Он – само Бытие.
3. Бог не сотворен; поэтому Вселенная не может раскрыть Бога, поскольку все сущее тоже сотворено.
4. Бог существует как область всех возможностей.
5. Бог – чистое сознание, источник всех мыслей, чувств и ощущений.
6. Бог стоит над всеми противоположностями, включая добро и зло, которые возникают в мире двойственности.
7. Бог – Един, но распадается на множество, выступая как наблюдатель, наблюдаемое и процесс наблюдения.
8. Бог – чистое блаженство, источник всех человеческих радостей.
9. Бог – это «Я» Вселенной.
10. Существует только Бог. Вселенная – это проявленный Бог.

Благодарности

Всякая новая книга, по мере того как она формируется и растет, говорит сама за себя; иногда она в большей мере детище мозга, чем сердца, иногда наоборот. Прежде всего я глубоко признателен многим известным ученым, работающим в области физики и биологии, с которыми я беседовал на протяжении последних нескольких лет. Они существенно расширили, углубили и усилили мое понимание мира. Это книга о Боге выросла из потребности показать современным людям правомерность духовности, повернув их вспять от края бездны неверия. Я благодарен судьбе, давшей мне возможность утолить эту потребность, и людям, работавшим с полной самоотдачей и преданностью, дабы это стало возможным.

Команда издательства «Гармония и Корона» (Harmony and Crown) всячески меня поддерживала и, несмотря на многочисленные перемены в издательском мире, верила в мой труд. Тина Констебль (издатель), Диана Барони, Мередит МакГиннес, Аманда О'Коннор, Майкл Нейджин, Патрисия Шоу и Тэмми Блейк – те самые люди, без которых мы, писатели, ничего не смогли бы сделать, и я горячо надеюсь, что в грядущие десятилетия книжный мир это вполне осознает.

Существуют некоторые проекты, где вклад редактора особенно важен. Эта книга – один из них, и мой редактор Гэри Дженсен на каждом этапе этого пути в полной мере владел тоном и звуком своего голоса, умудряясь совмещать их с пронизательными суждениями. Спасибо ему! Наши отношения постепенно переросли в доверие, приязнь и взаимное уважение.

Что до моих рабочих будней, то ими искусно ведали и управляли мои личные помощники в лице Каролин и Фелисии Ренджел, а также Тори Брюса, которые мне столь же близки и дороги, как и члены моей семьи. Не могу не сказать слов благодарности таким лицам, как Пунача Мачайях, Сара Гарвей, Кати Банкерд, Аттила Амбрус, включая и персонал Чопра-центра. Все вы научили меня тому, что значит «дух в действии».

Моя жена Рита – тот источник света, вокруг которого вертится моя большая семья, в составе которой Малика, Сумант, Тара, Лиля, Готам, Кендис и Кришу. Они – несравненная радость всей моей жизни.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

